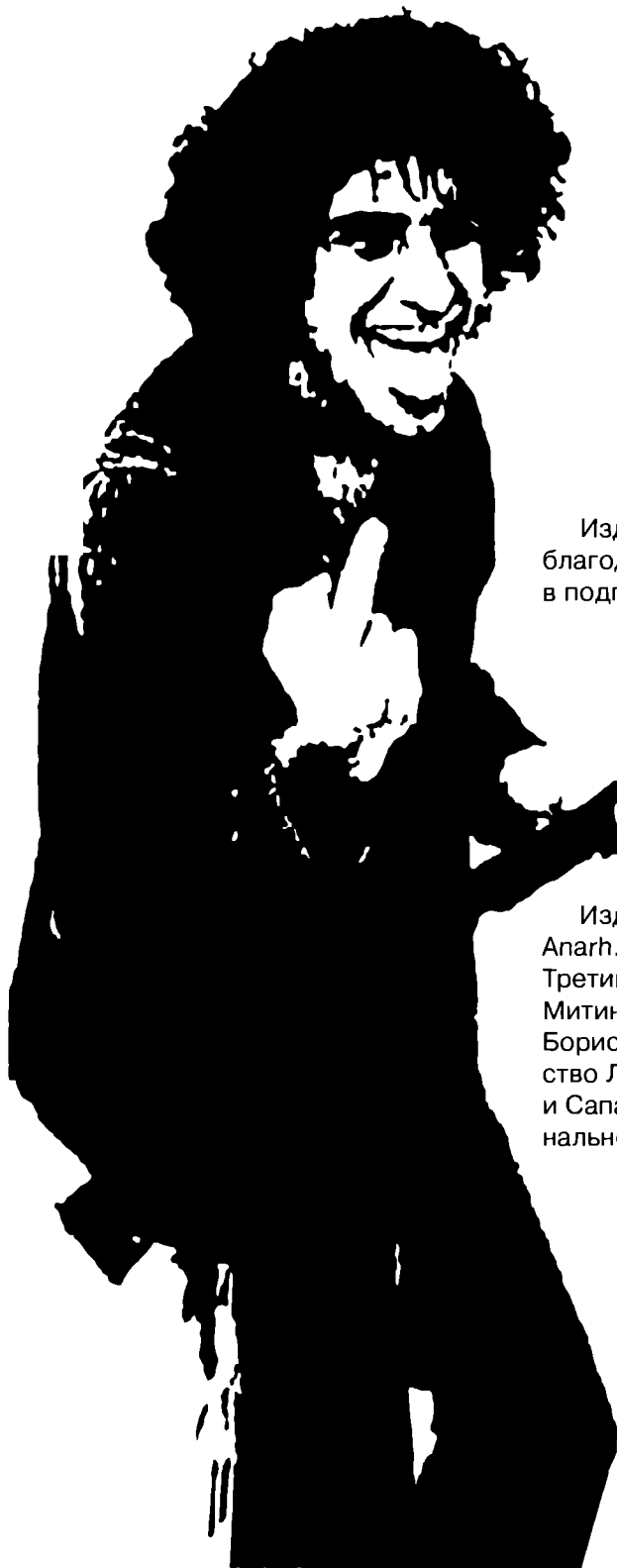

**АНТОЛОГИЯ
современного
анархизма
и левого
радикализма**

Издательство **Ультра.Культура**
благодарит за содействие
в подготовке этой книги:

Издательство Гилея, Left.ru,
Anarh.ru, издательскую группу
Третий Путь, Монд Дипломатик,
Митин Журнал, Алекса Керви,
Бориса Кагарлицкого, издатель-
ство Логос, издательство Праксис
и Сапатистскую Армию Нацио-
нального Освобождения.

АНТОЛОГИЯ современного анархизма и левого радикализма

2

Москва 2003

УДК 329.14(100)+316.723
ББК 66.62(0+7105)
А 64

Составитель А. Цветков

А 64 Анархия. Антология современного анархизма и левого радикализма. В 2-х т.т. Т. 2:
Флирт с анархизмом. Левые радикалы. – М.: Ультра.Культура, 2003. – 368 с., илл.

Антология современного анархизма и левого радикализма – уникальный для российского читателя шанс познакомиться со взглядами нынешних противников глобального капитализма и составить представление об актуальной антибуржуазной культуре.

В второй том входят авторы революционно левого, менее связанные с анархистской теорией и практикой, такие как Франц Фанон, Андре Горц, Тони Негри, Борис Кагарлицкий и многие другие.

ББК 66.62(0+7105)

ISBN 5-98042-006-1 (т. 2)
ISBN 5-98042-007-х

© «Ультра.Культура», 2003
© К. Прокофьев, А. Касьяненко,
художественное оформление, 2003

Алексей Цветков

ЛЕВЫЕ РАДИКАЛЫ: ФЛИРТ С АНАРХИЗМОМ

Во второй том антологии вошли работы деятелей радикального внепарламентского левого движения, либо активно контактировавших с анархистами, либо сильно влиявших на их теоретический инструментарий через свои жесты и тексты. Речь идет о людях — эмблемах антибуржуазного нонконформизма, фамилии и цитаты которых и сегодня можно услышать на любой черно-красной демонстрации, речь об источниках среды, порождающей повсеместный протест и питающей глубокий нигилизм и в отношении капитализма как основы общественного устройства и в отношении буржуазного гуманизма как основы господствующей культуры.

Франц Фанон — мартиникский негр, проживший в Алжире большую часть своей жизни, психиатр, изучавший особенности поведения общины в условиях явной (политической) и тайной (экономической) колонизации, и писатель, много занимавшийся манихейством. Задачей Фанона было непротиворечивое соединение угнетенной колониализмом расовой энергии и ультралевой критической теории в одном освободительном проекте. Харизматическая международная известность пришла к нему сразу после его смерти, в 60-х. Главным «промоутером» его книг и идей в Европе стал тогда Жан-Поль Сартр, и идеи эти подхватили бунтующие студенты. В США же на него чаще других ссылались «Черные пантеры». Анархисты и радикалы нередко противопоставляли фаноновский «мобилизующий смысл насилия» риторике более уважаемого и умеренного Мартина Лютера Кинга, верившего в «мирное неповиновение и законную гражданскую

активность угнетенных». Благодаря Фанону третий мир обрел собственный голос сопротивления, обвиняющий пафос, новую ориентирующую утопию «общеафриканской революции». В своей пропаганде идеи и афоризмы Фанона использовал египетский президент Гамаль Абдель Насер, их до сих пор активно применяют даже пропагандисты ливийского режима Муаммара Каддафи, ведь после революции в Ливии, если верить этим самым пропагандистам, «происходит замена классового государства общенародной джамахерией». Что касается стран «золотого миллиарда», то тут Фанон рассчитывал на активность «внутренних колоний»: люмпенов, дискредитированных по разным признакам меньшинств, радикальную богему и студентов, повторяя слова фрейдомарксистов о «малом моторе революции», призванном разбудить для качественных изменений всё остальное общество. Само собой, это находило отклик у западных «новых левых», которые старались рекрутировать активистов именно из этих слоев общества.

Про основателя и гуру «Черных пантер» Хьюи Перси Ньютона, погибшего в 83-м на улице при загадочных обстоятельствах, сегодня снимают кассовые фильмы. Его биография стоит того. Сын гетто, он дважды сидел в тюрьме за противодействие полиции (обвинение в убийстве полицейского в конце концов было снято), получил степень

Ален Гинзберг на демонстрации йиппи

доктора философии (тема научной работы: «История репрессий в США»), скрывался на Кубе от преследований ФБР, ездил в Китай по приглашению проводивших там «культурную революцию» хунвейбинов и т.д. Его деятельность финансировали и публично поддерживали многие культовые музыканты, от Питера Тоша до Джона Леннона. Французскому драматургу Жану Жене из-за открытой дружбы с Ньютоном был запрещен въезд в США. Офисы «Черных пантер» постоянно подвергались обыскам и погромам, нередко перераставшим в перестрелки с полицией. Начиналось же всё с вооруженного патрулирования улиц гетто и со ставшего знаменитым плаката, придуманного Ньютоном: на фоне фото белого полицейского с карабином надпись: «У вас есть оружие, но и у нас есть оружие!» Социализм и даже «преодоление государства», по Ньютону, начнется в США с восстания «черной общины», находящейся в том же положении, что и описанный когда-то Марксом «пролетариат, которому нечего терять, кроме своего угнетения». Цепная реакция социальной мутации изменит «главную империалистическую страну» до неузнаваемости. Еще больше, впрочем, Ньютон рассчитывал на толчок извне, то есть на цепь антиимпериалистических революций в третьем мире по озвученному Че Геварой принципу: «Один — два — много Вьетнамов!» В начале 80-х Ньютон уже утверждал, что революционная ситуация на

Свободу Абу-Джамалу!

Западе упущена, всеобщее восстание откладывается лет на тридцать и нужно временно перейти к более мирным и легальным формам самоорганизации. Начиная вместе с ним ветераны «Черных пантер», из тех, кто остался в живых, разошлись в разные стороны: одни выбрали радикальный ислам или баптизм, другие начали читать подпольный тогда рэп, самые последовательные основали полулегальный и контркультурный «маоистский интернационал», уже не делавший специфического акцента на исторической роли «черной общины».

Будучи подростком в «Черные пантеры» вступил в 68-м году Мумия Абу-Джамал. После разгрома офиса и запрета этой организации в Филадельфии он стал радиожурналистом, а потом и главой Ассоциации чернокожих журналистов Филадельфии. В 82-м ему было предъявлено обвинение в убийстве полицейского во время уличной драки. На суде ему отказали в праве выступить в свою защиту, а когда он начал протестовать, его удалили из зала и запретили присутствовать на большинстве судебных слушаний. Абу-Джамалу был вынесен смертный приговор. С тех пор исполнение приговора несколько раз откладывали благодаря ходатайствам, апелляциям и беспрецедентным международным кампаниям протеста, организованным анархистскими, левацкими, негритянскими, правозащитными и экологистскими группами. В 99-м году рок-группа *Rage Against the Machine* дала серию концертов в поддержку заключенного смертника и вовлекла в эту кампанию множество других антибуржуазно настроенных музыкантов. Все эти двадцать лет Мумия пишет в камере смертника ироничные репортажи о своем положении, публицистические книги, теоретические статьи.

Лондонский теоретик, трэш-писатель, ироничный критик всех буржуазных институций и арт-провокактор *Стюарт Хоум* в данном конкретном случае нам интересен как систематизатор и летописец радикального движения последних десятилетий. Оригинальное мировоззрение Хоума изложено им в книгах и слишком много потеряет во фрагментарном воспроизведении. Начав в конце 70-х как политический панк-музыкант и издатель малотиражных андерграундных ревью, в 80-х Хоум основывает «плагиатизм» — движение авторов, склеивающих свои книги из отрывков чужих, естественно, без указания источника. Потом он становится незаменимым человеком в среде «неоистов», отрицавших не только «реакционно-рыночную» идею «персонального авторства», но и специальную область «искусства» как таковую, видя в ней отражение повсеместного отчуждения, разделения людей и порочной специализации, необходимой глобальному рынку для дальнейшей эксплуатации человечества. В 90-х, про-

должая придерживаться «детоваризации искусства и эстетизации всех форм уклонения от торгового строя», Хоум подхватывает знамя арт-забастовки (манифест «Плагият, марксизм, товары и стратегия их отрицания»), провозглашенной, но так и не реализованной когда-то другим леваком — Густавом Метцгером. По окончании забастовки, сделавшей его знаменитым далеко за пределами Британии, Хоум берет за провокативные романы о современных радикалах и подробное исследование их исторической генеалогии, удачно избегая как обличительного, так и комплиментарного пафоса.

Харизматический герой американских леваков 60-х — 70-х гг. Эбби Хоффман основал в 68-м вместе с журналистом Джерри Рубиным «Международную молодежную партию» — йиппи, у истоков которой стоял так же писатель-битник Аллен Гинзберг. «Спектакулярность» их акций — скорее заслуга Рубина, знавшего всё о психологии и тайных пружинах тогдашних масс-медиа, а вот боевая экипировка, презирающий законность и доходящий до криминала активизм, героическое самовосприятие себя как «эмбриона будущего общества без армии, полиции и банкиров» исходят от Хоффмана, оставшегося на всю жизнь «врагом этого общества» и покончившего с собой в 89-м в состоянии глубокой депрессии. Большую часть своей жизни Хоффман пытался с переменным успехом увлечь идеями и стилем своего сопротивления самые разные молодежные группировки, от раста-музыкантов и клубов любителей автостопа до негритянских активистов и хакеров первого поколения.

Андре Горц (настоящее имя Герхард Хирш) — французский теоретик «непартийных марксистов» и «экосоциалистов», примыкающих к анархистам. Изначально он отталкивался от идеологических сюжетов Сартра, учеником которого был много лет. Активно занимался теорией отчуждения, распространившегося теперь не только на сферу производства, но и на все области жизни современного человека. Преодолеть отчуждение, по мнению Горца, люди смогут только «превратив себя в субъект отрицания и присвоения того, что сделали из них социальные условия». Входя в редакции «Тан модерн» и «Нувель Обсерватер», полемизируя со стратегами французской компартии, а потом и в отдельных своих книгах («Критика экономического разума», «Реформа и революция», «Мораль истории», «Прощание с пролетариатом», «Об освободительных технологиях»),

От психоделической революции к социальной

Горц анализирует товарный фетишизм и формальную рациональность, на которых держится современное капиталистическое сознание. Итоговые выводы: производственные силы, развитые капитализмом, настолько пронизаны его рациональностью, что не смогут функционировать согласно иной, социалистической рациональности. Только путем разрушения классов и отказа от формообразующего закона стоимости может возникнуть качественно иная общественная система, выражающая всеобщий интерес. Это «альтернативное» нынешнему обществу будет постепенно проступать на фоне современности как «цветное фото, проявляющееся на бледной бумаге». Многие оценивают многообразное антиглобалистское движение наших дней именно как реализацию этого пророчества Горца. Пока два этих сосуществующих социальных вида окончательно не выяснили между собой отношения, всем сторонникам альтернативности стоит требовать и добиваться сокращения рабочего времени, автоматизации, повсеместного антикопирайта, жестких экологических стандартов и предоставления каждому человеку гарантированного материального минимума вне зависимости от степени его труда. Именно эти «невозможные» требования и станут импульсом новой революции во имя общества, в котором все это станет стартовой нормой, а не утопией.

Агенты будущего

Показательной и драматичной является судьба Теодора Качинского, более известного по данному ему прессой прозвищу — Унабомбер. За три года освоив программу обычной школы и в двадцать лет закончив Гарвардский университет, Качинский преподавал математику в Университете Беркли и подавал в этой области большие надежды, хотя круг его интересов был много шире. В 70-х годах, неожиданно для окружающих, молодой ученый оставляет научное поприще, покупает себе полуразрушенный дом в Монтане, где живет без телевизора и канализации: охотится, рыбачит, разводит кроликов. В течение 18 лет, с 78-го по 96-й, неуловимый для ФБР Унабомбер ведет персональную войну с американской системой: рассылает оригинальные бомбы в сигарных коробках, воспламеняющиеся письма, взрывающиеся книги тем, кого считает персонально ответственным за «индустриально-потребительское безумие». У него есть узнаваемый почерк: деревянные, «экологически чистые», детали в бомбах с подписью «Фридем Клуб». В релизах, поясняющих для журналистов смысл своих взрывов, Унабомбер утверждает, что «Клуб» — это конспиративная анархистская группа, дает детективам множество неясных улик, вплоть до оттиска своих записок на бумаге, но все они оказываются ложными. Даже детали для своих «посылок» изобретательный взрывник-одиночка собирает на свалке и тщательно обрабатывает, чтобы нельзя было определить, в каком штате и в каком году они были изготовлены. Считая, что «насилие это прежде всего пиар бедных и зависимых», Унабомбер, как правило, не ставил себе целью физически устранить своих жертв. Бомб было около полусотни, но погибли от них только трое: вице-президент крупной рекламной компании при нефтяном концерне, главный американский торговец лесом, владелец сети магазинов, торгующих компьютерами. Ещё около тридцати человек были тяжело ранены. Среди них — известные генетики, специалисты по искусственному интеллекту, владельцы авиакомпаний. Когда Унабомбера упрекали в том, что от его взрывов нередко страдали всего лишь офисные служащие и среднего звена менеджеры ненавистных ему учреждений, он резонно отвечал, что они совершили свой добровольный выбор, когда получили эту работу, и несут на себе часть ответственности так же, как на войне её несут не только генералы, но и рядовые солдаты оккупационных армий. В начале 90-х во всех штатах был расклеен фоторобот Унабомбера, но это не дало никаких конкретных результа-

Труд против капитала

тов. За его поимку назначили награду в миллион долларов. В 95-м он присылает в редакции «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон Пост» свой объемный манифест с требованием опубликовать его в обмен на «прекращение войны». Газеты идут на это, но так как публикация не приводит ни к каким общественным изменениям, Унабомбер продолжает слать бомбы. Миллион за его поимку получили в итоге родствен-

FELLOW WORKERS:

Remember!

WE ARE IN THERE FOR YOU, YOU ARE OUT THERE FOR US

Не занимаетесь политикой?
Политика займется вами

ники Качинского, установившие слежку за этим отшельником. В момент задержания ему было 55. Жизнь была сохранена Унабомберу в обмен на признание за собой всех взрывов. В настоящий момент в тюрьме он занимается теоретической математикой и, так и не раскаявшись, продолжает отстаивать те же взгляды и использовать те же методы борьбы. В доме, где он жил, анархисты собираются открыть Музей Унабомбера, при этом местные власти настаивают на том, чтобы деньги от посещения этого музея-квартиры шли в Фонд пострадавших от его взрывов.

Субкоманданте Маркос стал известным в строго конкретный день — 1-го января 1994 года, когда на

юге Мексики, в штате Чьяпас, началось неожиданное для властей восстание индейцев-сапатистов. Маркос всегда отказывался от навязываемой ему роли «лидера» этого партизанского движения, называя себя всего лишь «голосом», «медиатором» и «стыковочным блоком» между восставшими и остальным обществом. Его статьи, рассказы, открытые письма и стихи, сочетающие в себе партизанскую романтику с редкой для радикала самоиронией, моментально стали классикой для возникавшего тогда по всему свету «антиглобализма». Несколько лет партизанской войны, сменяемой переговорами и снова уходом в лакандонские леса, привели к тому, что существенная часть штата Чьяпас в настоящий момент не контролируется никакой «официальной» властью и живет по собственным, индейским правилам «прямой демократии», граничащей с социальной анархией, а субкоманданте Маркос продолжает свою священную войну против транснациональной олигархии и местных марионеточных властей, мешающих «индейцам жить по-индейски», стремящихся отнять у них традиционную среду обитания и вестернизировать их самобытную и не уместящуюся в рынок культуру.

Глобализация как система общепланетарного рынка с едиными для всех людей правилами эксплуатации, ритуалами подчинения и господства, культурными стандартами и ростовщической моралью, ста-

ла предметом фундаментального исследования итальянского социолога *Тони Негри*, отбывающего срок в римской тюрьме Ребибья. В соавторстве с американским антиглобалистом Майклом Хардом при помощи Интернета и тюремной библиотеки он написал книгу «Империя», посвященную с одной стороны анализу нового глобального порядка, а с другой — анализу новых возможностей глобального сопротивления этому самому порядку. По версии обвинения, в конце 70-х профессор Негри был «конспиративным руководителем и стратегом» знаменитых «красных бригад». Товарищи по подполью освободили его тогда от непосредственного участия в террористических актах «как особо ценного теоретика». Официально же Негри возглавлял движение «Рабочая автономия», занимавшееся захватными забастовками, протестными голодовками, перекрытием транспортных магистралей и прочими формами народного сопротивления, не подпадавшими под определение «терроризм». «Полное жизни животное, свирепое со своими врагами и свободное в своих страстях» — так видел тогда Негри победивший революционный народ. От Радикальной партии его избирают в итальянский парламент. Одновременно заводится уголовное дело. Депутатским голосованием с него снимают парламентскую неприкосновенность, и профессор эмигрирует в 82-м во Францию, где занимается преподавательской деятельностью. В 97-м он добровольно возвращается и передает себя в руки властей. Теперь общественная активность политзаключенного Негри сводится к борьбе за права таких же итальянских политических эмигрантов. Дело в том, что во Франции получили убежище и до сих пор живут около двух сотен человек, подозреваемых в пособничестве «бригадам». Власти Италии настойчиво требуют их выдачи и суда. В самой Италии сейчас за решеткой находятся более сотни «краснобригадистов». В отношении степени и доказанности вины многих из них правозащитники и пресса постоянно высказывают справедливые сомнения. «Империя» Негри и Харда, помимо других важных заслуг, рассеивает созданный СМИ идиотский миф о том, что «антиглобалисты» — это сторонники изоляции, стремящиеся сохранить свои страны, народы, культуры в девственной неприкосновенности от более успешных стран-соседей. Дело обстоит с точностью до наоборот: антиглобализм во всех своих как радикальных, так и умеренных версиях есть движение за повсеместное объединение народов и людей против транснациональной капиталистической власти. Борьба паразитарной элиты и широких занятых полезным трудом масс переносится в эпоху глобализма с внутригосударственного на международный уровень.

Один из самых заметных голосов этой борьбы на Ближнем Востоке — израильский публицист, теоретик, литератор и переводчик *Израэль Шамир*. В 60-х, диссидентски настроенным интеллектуалом, он эмигрировал из СССР и был разочарован «реакционной» реальностью Израиля. В 80-х работал пресс-атташе Социалистической партии в Кнессете, но скоро разочаровался и в легальных левых с их «беззубым реформизмом». В 90-х Шамир стал другом палестинского национально-освободительного движения,

Люди разных уровней

товарищем арабских коммунистов, своим человеком в еврейской анархистской коммуне Лифта и, по мнению некоторых популярных израильских газет, «внутренним врагом государства номер один».

Том заканчивается текстами активистов антиглобалистского движения, оценивающих знаменитые события в Сизтле, участниками которых они были. Именно беспорядки в Сизтле во время саммита Всемирной Торговой Организации позволили одним газетам говорить о «модных международных погромщиках», а другим — о целом «поколении Сизтла». Сизтл передал эстафету аналогичных радикальных выступлений левым радикалам всего мира и альтернативным «Социальным Форумам»,

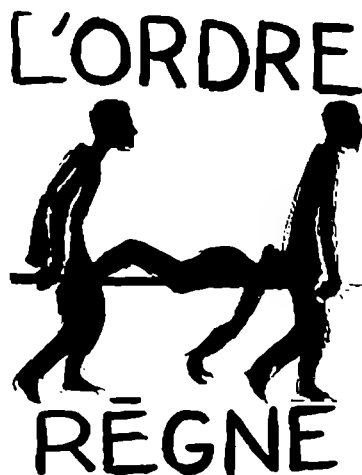
проходящим ежегодно в бразильском Порту-Алегри. В Сизтле после совершенно неадекватного освещения массовых выступлений большинством газет и телеканалов, было принято решение о создании «Индимедиа» — разветвленного международного антиглобалистского интернет-ресурса, действующего сегодня на добровольной основе в большинстве стран мира.

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ «ВСЬ МИР ГОЛОДНЫХ И РАБОВ»

I. О насилии

Национальное освобождение, национальное возрождение, восстановление статуса нации, образование новых государств — сегодня мы часто слышим эти слова. Но какими бы ни были газетные заголовки, какие бы новые формулировки ни вводились в информационный оборот, освобождение колоний всегда будет оставаться явлением, связанным с насилием. Этот феномен можно изучать на любом уровне, рассматривая взаимоотношения между отдельными людьми, анализируя пахнувшие свежей краской вывески над дверями спортивных клубов или состав присутствующих на вечеринках с коктейлем, в полицейском «обезьяннике», на заседаниях правления государственных либо частных банков. Результаты исследования убедительно покажут, что обретение независимости странами-колониями — это всего-навсего смена группы людей одного определенного «вида» группой людей другого «вида». Безо всякого переходного периода происходит всеобъемлющая, полнейшая, абсолютная смена социальных групп. Да, говоря о независимости бывших колоний, мы могли бы точно так же сделать упор на формирование новой нации и создание нового государства, налаживание этим государством дипломатических отношений с другими странами, на его экономические и политические перспективы. Но мы сознательно не собираемся подробно останавливаться на перечисленных вещах. Мы выбрали иной аспект и хотим поговорить о том, что характерно для начала процес-

са освобождения любой колонии, об этой своеобразной *tabula rasa*. Эта область исключительно важна, потому что с самого первого дня именно она определяет минимальный перечень требований, выдвигаемых бывшими колониями. По правде сказать, успешное завоевание независимости было обеспечено кардинальным изменением социальной структуры колоний. Эта перемена имеет важнейшее значение, ведь это ее так страстно хотят, к ее осуществлению призы-

Заклейменные проклятием

вают, именно ее требуют. Потребность к общественным изменениям постоянно присутствует в сознании и в самой жизни жителей колониально зависимых стран. И хотя она таится под спудом, это не мешает ей быть до боли насущной. Вместе с тем, возможность указанной глобальной перемены с не меньшей силой ощущается и в другой форме, обрисовываясь в виде устрашающего будущего в сознании людей из прямо противоположной категории — из стана колонизаторов.

Претендуя на качественное изменение мирового порядка, освобождение колоний — и с этим вряд ли кто поспорит — на деле является программой, приводящей к полнейшему беспорядку. Государственный суверенитет

не может быть завоеван ни с помощью магических обрядов, ни в результате природного толчка, ни благодаря дружескому пониманию и расположению. Как нам прекрасно известно, освобождение колоний есть процесс исторический. Другими словами, его невозможно адекватно понять, сделать доступным для рационального объяснения или придать ему более или менее ясные черты без учета определенных факторов. Мы постигнем сущность протекающего процесса ровно в той мере, в какой нам удастся разобраться с движениями, которые придают национальному освобождению его историческую форму и содержание. Освобождение колоний — это итог встречи двух сил. Сама природа каждой из этих сил обуславливает их разнонаправленность по отношению друг к другу. В свою очередь, сущностная неповторимость данных сил коренится и подпитывается той особой ситуацией, которая складывается в колониях. Первое столкновение противоположных сил было отмечено насилием, а их сосуществование, т.е. эксплуатация местного населения пришлыми, поддерживалось при помощи изрядного арсенала штыков и пушек. Колонизатора и местного жителя, их можно считать давними знакомыми. В

действительности, колонизатор прав, заявляя, что хорошо знает «их», ибо именно колонизатор становится творцом по отношению к местному населению и увековечивает бытие аборигенов. Фактом своего существования или, иначе говоря, своей движимой и недвижимой собственностью колонизатор обязан колониальной системе.

Процесс освобождения колоний никогда не происходит незаметно, поскольку он оказывает серьезное влияние на людей и значительным образом изменяет их. Подавляемые своей ничтожностью, зрители спектакля превращаются в привилегированных актеров и внезапно оказываются в ослепительном свете мощных прожекторов, которые наводит на них сама история. Национальное освобождение приносит в бытие естественный ритм. Это бытие рождается вместе с новым человеком, а вместе с обновленным бытием появляется новый язык и формируется новая человеческая общность. Освобождение колоний оборачивается настоящим сотворением нового человека. Однако причинность этого творения ничуть не связана с какой-либо сверхъестественной силой; «существо», которое подверглось колонизации, становится человеком, освобождая само себя.

Поэтому, касаясь процесса обретения независимости, необходимо полностью пересмотреть сложившуюся в странах-колониях ситуацию. Если мы хотим дать ей точное определение, нам стоит обратиться к известным словам: «Кто был ничем, тот станет всем». Завоевание независимости и есть практическое воплощение данного лозунга. Здесь кроются причины успеха освободительного процесса. Именно к такому выводу можно прийти, если задаться поиском объяснений.

Освобождение колоний в своем неприкрытом, истинном виде заставляет нас ощутить град жалающих пуль и увидеть обгаренные кровью ножи, что является неизбежной производной борьбы за независимость. Ведь если те, «кто был ничем», должны стать «всем», это может произойти лишь после кровопролитной и решающей схватки, в которую будут втянуты главные действующие лица. Мы слышали, как было объявлено намерение привести на вершину мира тех, кто прежде был «на дне», и заставить их карабкаться на эту вершину (слишком быстро, по мнению некоторых). Путь к вершине лежит через общепринятые мероприятия, которые традиционно предпринимает организованное общество, доказывая право называться таковым. Покорение вершины может состояться лишь в том случае, если для изменения социальной структуры мы не погнушаемся ничем, включая, разумеется, насилие.

Вы не сможете подвергнуть качественному преобразованию ни один общественный организм, какой бы примитивной организаци-

ей он ни отличался, если не решите с самого начала, т.е. с момента написания программы ваших действий, что будете считать любые препятствия, которые встретятся на пути претворения в жизнь вашей программы. Местный житель колоний, берущий на себя труд реализовать эту программу и превращающийся в движущуюся силу, постоянно готов к насилию. С момента появления на свет ему ясно, что против этого замкнутого мира, наполненного запрещающими надписями, можно выступить, лишь прибегнув к абсолютному насилию.

Колониальный мир разделен на изолированные отсеки. Возможно, ни к чему лишний раз вспоминать о существовании отдельных кварталов, где проживают местные, и кварталов, где находятся дома европейцев, о существовании школ, в одних из которых обучают местных детей, а в других — детей европейцев. Может, нет особой нужды напоминать об апартеиде, процветающем в Южной Африке. И все же если мы тщательно проанализируем эту систему изоляции, по крайней мере, у нас появится возможность раскрыть силовые линии, по которым она организована. Такой подход к постижению колониального мира, его внутренней системы и его географического расположения позволит нам в общих чертах очертить схему, по которой освобожденные колонии могут быть преобразованы.

Колониальный мир расколот на две части. Разделительная линия, непреодолимая граница между этими частями, обозначена бараками и полицейскими участками. В колониях главными должностными лицами являются полицейский и солдат, эдакие посредники, рупоры колонизаторов и привычное средство угнетения. В капиталистическом обществе система образования, светская или церковная, набор нравственных рефлексов, передающихся от отца к сыну, образцовая честность рабочих, которых награждают какой-нибудь медалькой после пятидесяти лет беспорочной службы, наконец, чувство глубокой привязанности, которое проистекает из гармоничных отношений и приличного поведения, — все эти эстетические проявления уважения к основанному порядку служат определенной цели. Они создают вокруг эксплуатируемого человека атмосферу подчинения и подавления, что на порядок облегчает задачу обеспечения полицейского контроля. В капиталистических странах целый сонм учителей морали, всяких консультантов и прочих «путаников» отделяют тех, кого эксплуатируют, от тех, кому принадлежит власть. В странах-колониях ситуация выглядит иначе. Постоянное и не закамуфлированное присутствие полицейского и солдата, их частое и осязаемое вмешательство поддерживают непосредственный контакт с коренным населением, с помощью винтовочных прикладов и напалма убед-

тельно советуя ему сидеть тише воды, ниже травы. Совершенно очевидно, что агенты правительства говорят на языке чистой силы. Посредник и не думает облегчать угнетение, не ищет способов прикрыть господство; он выставляет их напоказ и активно пользуется ими, ощущая себя чуть ли не поборником мира; но именно он приносит насилие в дома и в сознание местных жителей.

Территория проживания местного населения никак не соотносится с территорией, на которой расположились колонизаторы. Эти территории находятся напротив, что ни в коем случае не означает их тесного единства. Подчиняясь правилам безупречной аристотелевской логики, они взаимно исключают друг друга. Примирение невозможно по определению: имеются два противоположных элемента, и один из них лишний. Колонизаторы строят для себя крепкие города из камня и стали. Такой город имеет яркое освещение, улицы в нем покрыты асфальтом, а многочисленные ящики для мусора, невидимые и незаметные, — вряд ли кто о них задумывается — ненасытно поглощают все отходы. Колонизатор не ходит босиком, разве что на пляже, но здесь ты никогда не подойдешь к нему настолько близко, чтобы увидеть его без обуви. Ноги колонизатора всегда защищают добротные ботинки, хотя на улицах его города чисто и даже нет выбоин или острых камней. В городе колонизатора не бывает голода, а жизнь в нем беззаботна; городское чрево всегда наполнено приятными вещами. Город колонизатора — это город белого человека, город иностранцев.

Город, где живут поработанные, или город местных жителей, негритянская или арабская деревня, резервация — в любом случае это место, пользующееся дурной славой и населенное людьми с нечистой репутацией. Они рождаются здесь, где и как — мало кого волнует; они умирают здесь, и не имеет ни малейшего значения, где и каким образом. В этом мире катастрофически не хватает пространства; люди живут на головах друг у друга, а их хлипкие лачуги стоят вплоты, стена к стене. Здесь правит голод, и вечно не хватает хлеба, мяса, обуви, угля, электричества. Город, в котором ютятся местные жители, даже не город, а припадающая к земле деревня. Этот город заставили стать на колени, загнали в смрадное болото, откуда ему не выбраться. Это город «ниггеров» и «грязных арабов». Местный житель

Культуризация

смотрит на город белого человека прямо-таки с вождением, в его взгляде — бездна зависти, ведь «белый город» воплощает все его мечты о том, чем он хотел бы обладать: сидеть за столом колонизатора, спать в постели колонизатора, а если получится, то вместе с женой колонизатора. Порабощенный человек переполнен завистью. Колонизатор прекрасно осведомлен об этом; когда взгляды антагонистов встречаются, он в очередной раз со всей силой удостоверяется в едкой зависти и всегда занимает оборонительную позицию, потому что «они хотят занять наше место». И это действительно так, ибо вы не найдете ни одного угнетенного жителя, который бы не грезил о том, чтобы хотя бы на день оказаться на месте белого человека.

Поделенный на непроницаемые части, разбитый на два отдельных сектора колониальный мир населен двумя различными видами людей. Неповторимое своеобразие ситуации в колониях состоит в том, что экономическая реальность, неравенство и колоссальная разница в образе жизни никогда не доходят до того, чтобы замаскировать реальность человеческого бытия. Когда вы пристально смотрите на сложившуюся в колониях ситуацию, вы со всей очевидностью замечаете то, что становится причиной расколотости колониального мира. Все начинается с жестокого факта принадлежности или, соответственно, не принадлежности к избранной расе, к избранной категории людей. Экономическая субструктура в колониях становится также сверхструктурой. Причина одновременно является следствием; вы богаты, потому что ваша кожа белого цвета; но верно и обратное — вы белый, поскольку вы богатый. Именно поэтому рамки марксистского анализа нужно всегда слегка расширять, когда мы сталкиваемся с колониальной проблемой.

Маркс великолепно справился с анализом докапиталистического общества. Но теперь следует переосмыслить все, что связано с этим социально-экономическим явлением, включая саму его сущность. Зависимый крестьянин по природе отличается от средневекового рыцаря, но для законодательного определения этой нормативной разницы необходима ссылка на божественное право. Иноземец, прибывавший в колонию из другой страны, устанавливал свои правила, прибегая к помощи огнестрельного оружия и машин. Несмотря на успешное переселение и присвоение собственности, колонизатор по-прежнему остается иностранцем. И дело тут не во владении фабриками, не в разнообразном имуществе и не в банковском счете, что отличает представителей правящего класса. Господствующую расу составляют, в первую очередь, те, кто явился извне, те, кто отличается от автохтонного населения, т.е. от «других».

Насилие задавало тон всей внутренней организации колониального мира, без остановки отбивало барабанный ритм, разрушая аутентичные социальные формы, вдребезги разбивая систему экономических координат, сказываясь даже на привычной одежде и внутренней жизни человека. Вот это самое насилие будет востребовано и взято на вооружение местным жителем в тот момент, когда он, решив навсегда войти в анналы истории, ворвется в запретные для него кварталы. Мысль об уничтожении колониального мира, необычайно ясная и до прозрачности понятная, намертво отпечатывается в сознании, и принять ее может любой из тех, кто относится к категории поработенных. Основательное разрушение колониальной системы вовсе не предполагает налаживания связи между двумя противостоящими друг другу лагерями, после того как будет упразднена разделяющая их граница. Подорвать колониальный режим — значит ни больше, ни меньше как ликвидировать один из лагерей, закопать его в могилу или изгнать его из страны.

Вызов, который местное население бросает колониальной системе, не назовешь безобидным словесным столкновением сторонников, исповедующих разные точки зрения. Этот вызов далек от формы научного трактата об универсальном, но недобросовестном утверждении исходной идеи, которая преподносится в качестве абсолютной. Колониальное пространство — это мир в изображении манихейства, т.е. мир, пронизанный борьбой двух враждующих начал. Колонизатору недостаточно разграничить колониальный мир физическим образом, другими словами, обращаясь за помощью к армии и полиции, чтобы указать коренным обитателям жителям их место. Словно для того, чтобы продемонстрировать тоталитарный характер эксплуатации колоний, колонизатор представляет местного жителя как своего рода квинтэссенцию зла¹. Традиционное общество описывается не просто как общество, которому не достает каких-то ценностей. Колонизатор не удовлетворяется заявлением о том, что эти ценности исчезли из колониального мира или, что еще лучше, отродясь там не существовали. Местный уроженец провозглашается «нечувствительным» по отношению к этике и морали; с ним олицетворяется не просто отсутствие ценностей, но также их отрицание. Давайте осмелимся признать, что между местным жителем и врагом всяких ценностей ставится знак равенства. В этом смысле он становится абсолютным злом. Он — вызывающий коррозию элемент, ги-

¹ Механизм функционирования этого манихейского мира мы раскрыли в работе «Черная кожа, бвльв маски» («Peau noire, masques blancs»), вышедшей в издательстве «Seuil».

бельно воздействующий на все, что его окружает; он — деформирующий элемент и уродует все, что соотносится с красотой или нравственностью; он — средоточие вредоносной энергии, бессознательный и неуправляемый инструмент слепых сил. Из чего вытекает, что, выступая на заседании Национального собрания Франции, г-н Майер может ничтоже сумняшеся заявлять, что республика не должна уподобляться гулящей девке, позволяя алжирцам становиться ее частью. Получается, что любые ценности безвозвратно извращаются, стоит им соприкоснуться с теми людьми, что населяют колонии. Обычаи местных жителей, их традиции, их мифы — и, прежде всего мифы — классифицируются как тот самый признак, безошибочно указывающий на духовную нищету и неотъемлемую безнравственность. Именно поэтому мы должны использовать ДДТ, предназначенный для борьбы с паразитами-переносчиками болезней, точно в таких же масштабах, как и христианскую веру, которая ведет беспощадную войну с ересью и инстинктами в их зародышевой форме, а также со злом, пусть еще и не рожденным. Сокращение случаев заболевания желтой лихорадкой и распространение христианства — две части одного и того же баланса. Однако в действительности триумфальные коммюнике об удачном ходе дел становятся источником информации о внедрении чуждых веяний в самые глубинные пласты сознания поработанного народа. Я говорю о христианской религии, и не надо этому удивляться. Церковь в колониях — это церковь белого человека, церковь, привнесенная извне. Она призывает местного жителя идти не путями Господними, а путями белого человека, хозяина, угнетателя. Но, как нам известно, многих можно призвать таким образом, но лишь единицы из них будут избраны.

Временами это манихейство доходит до своего логического завершения и вконец обезчеловечивает местного жителя или, скажем прямо, превращает его в животное. И действительно — термины, которые колонизатор употребляет, когда речь заходит о местном населении, не отличишь от тех, что используются при описании мира животных. Так, движения азиатов колонизатор сравнивает с движениями рептилий. Колонизатор говорит о зловонии, царящем в кварталах, где скапливаются местные, о размножающихся стаях, о грязи, о выводках, о дикой жестикуляции. Если колонизатор собирается дать местному жителю полную характеристику и в самых точных выражениях, он неизбежно упомянет зверинец. В речи европейца редко проскальзывают живописные образы; однако местный житель, который прекрасно осведомлен о том, что у колонизатора на уме, мгновенно догадывается, о чем думает последний. Эта ходячая демогра-

фическая статистика, эти истерические толпы людей, эти лица, лишенные всякой человечности, эти ни на что не похожие раздутые тела, эти постоянные сборища, эти дети — они предоставлены самим себе, и до них никому нет дела; эта лень, растянувшаяся под жарким солнцем, этот растительный ритм жизни — в колониальном мире все упомянутые определения становятся частью активного словарного запаса. Генерал де Голль говорит о «желтых полчищах», а Франсуа Мориак — о черных, коричневых и желтых, которых скоро выпустят на волю. Местный житель колоний осведомлен об этом и смеется про себя каждый раз, когда замечает намек на сравнение с животным миром. Просто он знает, что он не животное; именно в этот момент, когда он осознает собственную человеческую природу, он начинает готовить оружие, с которым он пойдет завоевывать победу.

Как только местный житель, готовясь уплыть, начинает отвязывать швартовы, что не может не тревожить колонизатора, он вверяет себя в руки исполненных благих намерений людей. Озабоченные продвижением культурного прогресса, эти люди расписывают местному жителю особенности и преимущества западной системы ценностей. Но стоит местному в очередной раз услышать о западных ценностях, он впадает в столбняк или непроизвольно стискивает зубы. Во время освободительного процесса обычно взывают к разуму местного населения. Местному жителю предлагают определенные ценности, ему часто напоминают, что обретение независимости не должно привести к снижению уровня экономического развития, убеждают в том, что ему необходимо доверять вещам, которые прошли проверку временем, считаются стабильными и пользуются большим уважением. Однако выходит так, что, заслышав речь о западной культуре, местный житель достает нож или, по меньшей мере, проверяет, что тот находится в пределах быстрой досягаемости. Насилие, при помощи которого утверждается превосходство ценностей белого человека, и открытая агрессивность, обеспечивающая победу этих ценностей над образом жизни и мышления местного жителя, приводят к тому, что для местного жителя западные ценности, о которых распинаятся перед ним, становятся предметом насмешки. В условиях колониальной жизни колонизатор только заканчива-

У нас есть свои ценности

ет укрощать местное население, когда оно вслух, ясно и четко уже признает превосходство ценностей белого человека. В процессе борьбы за независимость поработанные массы осмеивают эти самые ценности, оскорбляют их и извергают их из себя.

Этот феномен обычно замалчивается, поскольку во время завоевания независимости некоторые интеллигенты, вышедшие из местного населения, вступили в диалог с буржуазией метрополии. На данной стадии коренное население самораспознается лишь как расплывчатая масса. Несколько местных индивидуальностей, кого буржуазия более или менее хорошо знает, разбросаны и не обладают достаточным влиянием, чтобы заставить чувствовать нюансы в процессе происходящего распознавания. С другой стороны, во время освобождения колоний владеющая ими буржуазия лихорадочно ищет способ войти в контакт с местной элитой. Именно с этой элитой ведется всем известный разговор о ценностях. Понимая невозможность сохранения своего господства в колониях, буржуазия метрополий решает провести своего рода арьергардную акцию и обращается к культуре, ценностям, технике и технологии и т.д. Теперь обратим внимание на то явление, о котором нам не следует забывать ни в коем случае: подавляющее большинство жителей колоний понятия не имеют обо всех этих проблемах. Приоритетной — благодаря своей очевидной конкретности — ценностью для местных жителей становится в первую очередь земля. Земля родит для них хлеб и, что превыше всего, крепит чувство собственного достоинства. Но это достоинство не имеет ничего общего с достоинством человеческой личности, ибо эта человеческая личность никогда не слышала о таком достоинстве. Все, что местный житель мог видеть у себя в стране, — арест в любое время дня и ночи, побои, голод. И ни один преподаватель этики, ни один священник не пришел, чтобы снести побои вместо него, ни один не разделил свой хлеб с ним. Что касается местного жителя, то мораль в его представлении на редкость конкретна; ему важно утихомирить пренебрежение колонизатора, справиться с выставленным напоказ насилием, короче говоря, устранить колонизатора из картины своего мироздания. Известный принцип равенства одного человека другому в колониях начнет проявляться с того момента, когда местный житель заявит, что он равен колонизатору. Еще один шаг вперед, — и местный житель готов бороться за то, чтобы превзойти колонизатора. На самом деле первый уже решил вышвырнуть последнего и занять его место. Мы видим, как разрушается целая вселенная, включавшая в себя и материальную сторону, и определенный моральный порядок.

Просвещенный интеллигент, который пошел за колонизатором, оглядываясь на универсальные абстрактные формы, будет бороться за то, чтобы колонизатор и местный житель смогли мирно уживаться друг с другом в условиях нового мира. Но есть одна вещь, которую интеллигент в принципе не видит, потому что он насквозь пропитан колониализмом, а весь его образ мышления как две капли воды похож на образ мышления колонизатора.

Когда исчезнут сами отношения, связывающие метрополию и колонию, не будет никакого смысла в том, чтобы оставаться или сосуществовать. Не случайно, что еще до начала переговоров между алжирским и французским правительствами² выделившееся на политической сцене Европы меньшинство, которое назвалось «либералами», прояснило свою позицию. Либералы потребовали ни больше ни меньше как двойного гражданства. Абстрактно обособившись, либералы пытаются заставить колонизатора совершить вполне конкретный прыжок в неведомое.

Давайте признаем: колонизатор прекрасно сознает, что никакая фразеология не заменит реальность.

Таким образом, местный житель открывает для себя, что его жизнь, его дыхание, его пульсирующее сердце ничем не отличаются от жизни, дыхания и сердца колонизатора. Он обнаруживает, что кожа колонизатора имеет не больше ценности, чем его собственная; непременно следует отметить, что это открытие будет иметь неотвратимые последствия и потрясет весь мир. Из этого открытия произрастает новая, имеющая революционный характер уверенность местного жителя. И в самом деле, чего бояться, если моя жизнь равноценна жизни колонизатора, его взгляд больше не заставляет меня съеживаться от страха и не замораживает кровь в жилах, а его голос уже не обращает меня в камень. Я уже не сижу как на иголках в его присутствии, и вообще мне абсолютно наплевать на него. Я перестал теряться, находясь с ним рядом, зато я przygotowую для него такую засаду, что вскоре ему ничего другого не останется, кроме как спастись бегством.

Как мы уже сказали, условия колониальной жизни характеризуются определенной дихотомией, которая сказывается на всем на-

Каждые четыре секунды кто-то умирает от голода

² Ф. Фанон писал свою работу в 1961 г. – прим. пер.

роде в целом. Борьба за независимость сплачивает этот народ в едином решительном порыве, который направлен на то, чтобы преодолеть собственную разнородность и объединиться на национальной, иногда расовой основе. Нам известны яростные слова сенегальских патриотов по поводу политических маневров их Президента Л. Сенгора: «Мы требовали, чтобы на высшие должностные посты в государстве назначались африканцы; теперь Сенгор «африканизирует» европейцев». Иначе говоря, местный житель может легко понять, начался процесс освобождения или нет, а признаком в данном случае послужит выполнение программы-минимума. Суть программных требований очень проста: того, «кто был ничем», сделать «все».

Однако воспитанный в колониях интеллигент вносит в данную программу ряд корректив, и, кажется, он имеет для этого достаточные основания. Высокопоставленные чиновники, техники, разнообразные специалисты — ведь без них не обойтись. Так что можно слышать, как обычный местный житель, осмысливая незаслуженные назначения, которые ведут к многочисленным актам саботажа, часененько вздыхает: «И стоило добиваться этой независимости...»

В странах-колониях, где развернулась настоящая борьба за свободу, где текли кровавые реки и где продолжительность военных столкновений способствовала запоздалому всплеску активности местных интеллигентов, пропагандировавших базовые ценности, мы видим подлинное уничтожение сверхструктуры, выстроенной этими связанными с буржуазией интеллигентами. В своих самовлюбленных речах, детально изложенных умниками из университетской среды, колониальная буржуазия на самом деле глубоко внедрила в умы местных интеллигентов следующую мысль: основные ценности остаются вечными, какие бы грубые ошибки люди ни совершали. Речь идет, разумеется, об основных ценностях западной цивилизации. Выросший в колонии интеллигент принимает это как аксиому. Поэтому в тайниках его подсознания вы всегда найдете бдительного стража, готового в любую минуту броситься на защиту греко-латинских основ Запада. Впрочем, теперь, в период освободительной борьбы, когда интеллигент близко общается со своим народом, этот искусственно созданный хранитель обращается в прах. Все ценности Средиземноморского региона — торжество человеческой индивидуальности, ясности и красоты — становятся безжизненными, блеклыми безделушками. Все красивые речи напоминают коллекции мертвых слов; те ценности, без которых великий духовный подъем представлялся раньше немыслимым, объявляются ничего не стоящими просто-напрос-

то потому, что они не в состоянии помочь решению конкретного конфликта, в который оказались вовлечены люди.

Первым должен исчезнуть индивидуализм. Местный интеллигент усвоил от своих учителей тезис о том, что личности необходимо полностью проявить себя. Колониальная буржуазия прочно вбила в его сознание представления об обществе, состоящем из индивидуумов, каждый из которых заперт в пространстве собственной субъективности. Единственное богатство такого человека заключается в его мышлении. Теперь местный интеллигент, у которого с началом борьбы за свободу появилась возможность вернуться к народу, будет открывать для себя всю лживость данной теории. Сами организационные формы борьбы за независимость будут предлагать ему совершенно иную лексику. Брат, сестра, друг — на эти слова колониальная буржуазия наложила строжайший запрет, потому что, с ее точки зрения, мой брат — это мой кошелек, мой друг — это часть моего плана, нацеленного на достижение личного преуспевания. Образованный выходец из коренного населения проходит через своеобразное аутодафе, которое разрушает его идолов: эгоизм, взаимные обвинения, проистекающие из чувства гордости, и детское упрямство, свойственное тем, кто всегда пытается оставить за собой последнее слово. Такой интеллигент, покрытый пылью колониальной культуры, будет точно так же открывать для себя ценность деревенских собраний, тесную сплоченность народных комитетов и невероятную продуктивность работы местных собраний и других органов самоуправления. Следовательно, интерес одного разделят все, поскольку в реальности *каждый* может попасться в лапы к военным, *каждого* могут зверски убить или же *каждый* спасется. В таких условиях нет места спасительному для атеистов девизу «каждый сам за себя».

В последнее время о самокритике много говорят, но немногие понимают, что это явление имеет африканское происхождение. Возьмем «джемаасы» — деревенские собрания в Северной Африке или их западноафриканские аналоги, — традиция требует, чтобы ссоры, происходящие между жителями деревни, разрешались прилюдно. Конечно, мы сталкиваемся с проявлением общинной самокритики, причем ей присуща доля юмора, ведь все присутствующие чувствуют себя расслабленно. В конце концов, в поисках последнего средства мы все хотим одного и того же. Чем больше интеллигент пропитывается духом своего народа, тем вернее он избавляется от привычки вечно все подсчитывать, молчать, как чудик какой-то, погружаться в свои мысли. Он прогоняет прочь сам дух маскировки. Так

что уже на этом уровне мы можем говорить о том, что общность торжествует, распространяя вокруг свой свет и разум.

Иногда национальное освобождение происходит на территориях, не испытывавших серьезных потрясений в процессе освободительной борьбы. Вот здесь можно встретить тех самых всезнающих, обладающих блестящим умом, хитрых интеллигентов. При ближайшем рассмотрении мы увидим, что их не влекут способы и формы мышления,

Не мир принёс я вам

освоенные ими за время сотрудничества с колониальной буржуазией. Испорченные дети вчерашнего колониализма и сегодняшних национальных правительств, они организуют разграбление всех имеющихся национальных ресурсов. Без всякой жалости они наживаются на принимающей характер национального бедствия нищете, используя ее в качестве средства для проведения удачных махинаций и юридически безупречных ограблений. Создаются импортно-экспортные общества, товарищества с ограниченной ответственностью, играющие на фондовых биржах. Не исключено и проталкивание своих людей на высокие должности. Такие интеллигенты из туземцев с завидной настойчивостью требуют национализации торговли, т.е. обеспечения доступа к рынку и выгодным сделкам исключительно для

местных. Что касается их программной доктрины, то они громко говорят о настоятельной необходимости национализировать награбленное у нации богатство. Во время «засушливой фазы» национальной жизни, в пору так называемого аскетизма стремительный успех наглого воровства вызывает гнев людей, подталкивая их к насильственным действиям. Все дело в том, что эти сильно нуждающиеся, но все-таки независимые люди очень быстро приобщаются к гражданской совести в условиях современной Африки и общей международной ситуации. И об этом мелкие индивидуалисты скоро узнают.

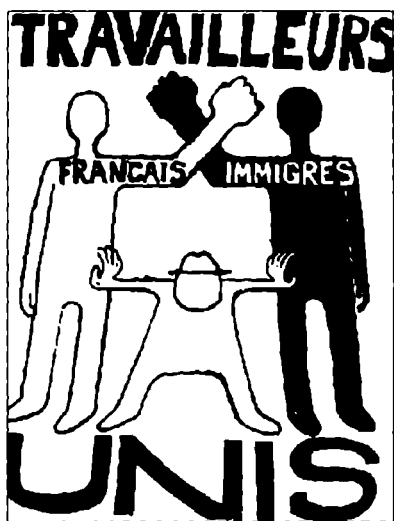
Для того чтобы усвоить и прочувствовать культуру угнетателей, местный житель должен был оставить себе кое-какие интеллектуальные приобретения, включая заимствование форм мышления колониальной буржуазии. В итоге неспособность местного интеллигента вести двустороннюю дискуссию видна невооруженным глазом, так как он не в силах самоустраниться, сталкиваясь с абстрактным объек-

том или идеей. С другой стороны, стоит ему в один прекрасный день начать сражаться в рядах своих соотечественников, как его охватывает удивление, даже изумление; он буквально обезоружен их добросовестностью и честностью. Есть, правда, одна опасность, подстерегающая его на каждом шагу: он может превратиться в рупор народных масс, утратив способность к критическому восприятию. Тогда он может стать своего рода подпевалой, который соглашается с каждым словом, выходящим из уст простого народа. О чем бы ни шла речь, для интеллигента все будет выглядеть как продуманное суждение. Отныне феллах, безработный, голодающий местный житель, не просто претендует на правду, не просто говорит, — он представляет правду, ибо сам он ее воплощение.

Говоря объективно, на этом этапе интеллигент ведет себя, как обыкновенный оппортунист. Но на самом деле он не прекратил свои маневры. Вопрос не стоит в том, будет ли он отвергнут или принят народом. Все, чего хочет народ, — это всего лишь объединить национальные ресурсы в общий фонд. В этом случае процесс включения местного интеллигента в набирающий обороты подъем масс будет отличаться необычным культивированием частных деталей. Отсюда не следует то, что народ питает враждебность по отношению к аналитическим действиям; напротив, простым людям очень нравится, когда им объясняют суть вещей, они с удовольствием пытаются понять последовательность аргументов, и они хотят видеть путь, которым они идут. Вместе с тем в начале своего взаимодействия с народом местный интеллигент обращает слишком большое внимание на частности и, таким образом, начинает забывать, что настоящая цель всей борьбы — нанесение смертельного удара по колониализму. Страстно увлеченный многочисленными аспектами организации борьбы, интеллигент сосредоточивается на задачах местного значения. Они выполняются с неизменным энтузиазмом, но почти всегда с излишней торжественностью. Ему не удастся удержать в поле своего зрения освободительное движение в целом. Он выступает с идеей ввести особые дисциплины, специализированные должностные функции, учреждения — и это в условиях работы внушающей ужас камнедробилки, дрожащей от собственной мощи бетономешалки, с которыми можно сравнить народную революцию. Интеллигент озабочен работой на отдельном участке фронта, и получается так, что он теряет из виду единство, которым спаяно освободительное движение. Поэтому, если противнику удастся где-то, интеллигент может увязнуть в сомнениях, а потом впасть в отчаяние. В отличие от интеллигента простой народ занимает свое место с самого начала и не скры-

вает своей позиции, требуя «хлеба и земли». Вопрос предельно ясен: как мы добьемся земли и хлеба, чтобы прокормиться? И эта твердая позиция масс, которая кому-то может показаться заморенной, в конечном счете, является самым оправданным и эффективным способом действия.

Понятие правды тоже необходимо подвергнуть осмыслению. Не-

Разделяй и властвуй!

зависимо от своего исторического возраста, народ будет воспринимать правду как национальное достояние. Такое отношение не может быть поколеблено ничем — ни абсолютной истиной, ни рассуждениями о чистоте души. В ответ на существующий в колониях обман местный житель платит той же монетой. Его отношения с товарищами-соотечественниками строятся на основе открытости; с точки зрения колонизаторов, отношения подобного рода кажутся натянутыми и непостижимыми. Правда — это то, что приближает крах колониального режима, то, что способствует возникновению нации; это все, что защищает местных жителей и наносит вред иностранцам. В колониальных условиях не

существует безошибочного образа действий. Критерий для определения того, что «хорошо», несказанно прост: для нас хорошо то, что плохо для «них».

Таким образом, мы видим, что изначальная организация колониального общества по принципу манихейства сохраняется и на этапе освобождения. Иначе говоря, колонизатор никогда не перестанет быть врагом, противником, недругом, который должен быть побежден. Двигаясь со своей стороны, весь процесс начинает угнетатель. Неотъемлемыми составляющими этого процесса являются господство, эксплуатация и грабеж. На другой стороне находится согнутое в бараний рог, ограбленное существо (это и есть местный житель), которое делает все, что может, чтобы обеспечить сырье для вышеупомянутого процесса. Этот процесс протекает безостановочно, связывая расположенные на территории колоний банки с дворцами и доками в странах-метрополиях. Спокойное на этом участке море радует глаз гладкой поверхностью, пальмовые деревья чуть покачиваются от легкого бриза, белопенные волны полируют прибрежную гальку, а отправка сырья идет полным ходом, не прекращаясь, безо-

шибочно указывая на присутствие колонизатора, в то время как местный житель, согнувшийся под непосильной тяжестью всех страданий, еле передвигающий ноги и больше похожий на мертвеца, чем на живого, существует в другом измерении. Он живет одной неизменной мечтой. Колонизатор творит историю; его жизнь — это целая эпоха, продолжительная «Одиссея». Он воплощает в себе абсолютное начало, гордо заявляя: «Эта земля была создана нами»; он олицетворяет постоянно действующую причину, безапелляционно утверждая: «Если мы уйдем, все будет потеряно, а страна вернется в дикое средневековье». Ему противостоят апатичные создания, которых косит лихорадка и не отпускают родовые обычаи. Эти создания формируют почти неорганическую по своему составу основу для введения колониального меркантилизма, отличающегося невиданной динамикой.

Колонизатор творит историю, и он знает об этой своей роли. Поскольку он постоянно ссылается на историю родной страны, тем самым он обнаруживает, что является продолжением своего отечества. Следовательно, та история, которую он пишет, вовсе не история страны, которую он подвергает разграблению, а история его собственной нации, повествующая о том, как она снимает чужие сливки, применяет насилие и морит людей голодом.

Бездеятельная неподвижность, на которую обречен местный житель, может быть подвергнута сомнению лишь тогда, когда он решает положить конец колониальной истории, т.е. истории бесконечного ограбления, и дать начало истории своей нации, или истории завоевания независимости.

Мир, разделенный перегородами, неподвижный, манихейский мир, мир, напичканный безмолвными статуями, — вот изваяние генерала, принимавшего участие в завоевании колоний, вот статуя инженера, построившего мост. Самоуверенный мир. Своими безжалостными жерновами он перемалывает тех, чьи спины исполосованы кнутом. Таков колониальный мир. Местный житель взят в плотное кольцо этим миром. Апартеид — это не что иное, как один из способов разделения колониального мира на разные сектора. С пеленок местный житель усваивает, что ему надлежит всегда знать свое место и не выходить за строго очерченные границы. Отсюда в голове местного жителя рождаются мечты о героизме с крепкими кулаками, мечты об активных действиях и агрессии. Я мечтаю о том, как прыгаю, плаваю, бегу, карабкаюсь на гору; о том, как закатываюсь веселым смехом, как одним махом переплываю реку, или о том, как меня преследует целая куча мотоциклов, которые ни за что и никогда меня

не догонят. За все время пребывания в колониальной зависимости местный житель не переставал отвоевывать свободу ежедневно с девяти часов вечера до шести часов утра.

Свою агрессивность, которая находится у него не то что в крови, а в костях, поработанный человек сначала выплеснет на собственное окружение. На этом этапе негры нещадно избивают друг друга, а полиция и мировые судьи понятия не имеют, как остановить невероятную волну преступлений, с которой они сталкиваются в Северной Африке. Позже мы увидим, как следует трактовать этот феномен³. Когда местный житель сталкивается с колониальным порядком вещей, он обнаруживает, что находится в постоянном напряжении. Мир колонизатора — враждебный мир, с презрением отвергающий «туземца». Но вместе с тем именно этому миру местный житель отчаянно завидует. Мы уже поняли, что он ни на мгновение не прекращает мечтать о том, как бы оказаться на месте колонизатора, не стать колонизатором, а заменить его. Этот неприязненный, путающий и агрессивный, отталкивающий поработанные массы со всей грубостью, на которую он способен, мир представляет собой не только адово пекло, откуда хочется спешно унести ноги, но и райское местечко. Оно находится поблизости, вот только руку протяни, правда, его охраняют злобные сторожевые псы.

Местный житель всегда начеку. Многие символы колониального мира он может разгадать с большим трудом, поэтому он никогда до конца не уверен в том, что случайно не пересек границу. В столкновениях с миром, которым правит колонизатор, местный житель всегда будет считаться виновным. Однако его вина не становится виной, которую он берет на себя; это что-то вроде проклятья или дамоклового меча, потому что в глубине души местный житель не соглашается с обвинением. Подчинить его подчинили, но не приручили. С ним обращаются, как с недоразвитым или существом второго сорта, но он себя таким не считает. Он терпеливо поджидает момент, когда колонизатор окажется без своей охраны, чтобы тут же напасть на него. Мускулы местного жителя всегда находятся в напряжении. Нельзя сказать, что его затерроризировали или запугали до полусмерти. На самом деле он просто ловит тот подходящий миг, который позволит ему сменить роль преследуемой добычи на роль охотника. Местный житель — угнетаемая личность, чья заветная мечта состоит в том, чтобы самому превратиться в преследователя. Символы социального устройства колоний — полиция, звуки сигнального горна в бараках, показательные военные парады и развевающиеся на ветру флаги — одновременно и сигнализируют о запрете, и

³ См. главу 5, «Колониальная война и психические расстройства».

стимулируют к действию. На этих символах не написано «Не смей возникать!», они скорее наводят на кричащую мысль «Будь готов атаковать!». И действительно, стоит местному жителю потерять контроль над собой и впасть в сонливость или забывчивость, как высокомерие и беспокойство, с которыми колонизатор бросится проверять прочность колониальной системы, живо напомнят ему, что выступление с великой декларацией невозможно все время откладывать на неопределенный срок. Настойчивый импульс занять место колонизатора поддерживает мышцы местного жителя в постоянном тонусе. Нам ведь известно, что в определенных эмоциональных состояниях наличие препятствия способно усиливать желание действовать.

Взаимоотношения между колонизатором и местным жителем — это массовые отношения. Колонизатор выставляет грубую силу против внушительного веса большинства. По своей сути он эксгибиционист. Чрезмерная озабоченность мерами охраны заставляет колонизатора поминутно и наглядно напоминать местному жителю, кто в доме единственный хозяин. Колонизатор поддерживает в душе коренного жителя незатухающий огонь гнева, который никак не находит выхода. Местный житель оказывается запертым в ловушке, он опутан цепями колониализма. Однако мы имели возможность убедиться в том, что колонизатор может достичь лишь иллюзорного статус-кво. Не спадающее напряжение в мышцах местного жителя все-таки регулярно прорывается кровавыми фонтанами, проливающимися в племенной войне, в яростных клановых стычках и в ссорах между отдельными людьми.

Колониальная «идиллия»

Если вести речь об отдельных драках, то становится очевидным несомненное отрицание здравого смысла. Посмотрите на эту ситуацию с учетом того, что колонизатор или полицейский имеет право день-деньской избивать местного, оскорблять его, заставляя дрожать от страха. Несмотря на явную угрозу наказания, местный житель хватается за нож при самой незначительной враждебности или агрессивности, которую он может прочесть во взгляде соотечественника, брошенного на него. Дело в том, что ему не остается ничего кроме, как защищать свою индивидуальность *перед лицом* своего брата. Племенные междоусобицы только подливают масла в огонь, обостряя грязные дразги, воспоминания о которых глубоко засели в памяти. С головой окунаясь в кровную месть, местный житель пытается убедить себя в том, что никакого колониализма не существует, что все, как прежде, что история продолжается. Здесь, на уровне общинных структур, мы ясно различаем знакомые модели поведения, нацеленные на уклонение. Ситуация складывается так, что погружение в потоки братской крови как будто дает местному жителю шанс не замечать препятствие и на время отложить выбор, тем не менее сохраняющий свою неизбежность. Местный житель не хочет допустить, чтобы вопрос о вооруженном сопротивлении колониализму встал со всей неприкрытой откровенностью. Таким образом, принимающее весьма конкретные формы коллективное самоуничтожение становится одним из способов, при помощи которого местный житель может сбросить неизменное мускульное напряжение. Упомянутый образец поведения относится к разряду рефлексов, срабатывающих при столкновении со смертельной опасностью. Это поведение напоминает суицидальное, и оно убеждает колонизатора в том, что этих людей нельзя назвать разумными существами (хотя именно вспышки ярости являются очевидным следствием присутствия и господства колонизатора). Тем же самым путем местный житель ухитряется обойти колонизатора. Вера в фатальную неизбежность снимает с угнетателя всю его вину; причина несчастий и бедности видится в божественном провидении — Бог есть Судьба. Думая так, поработанный человек смиряется с расщепленностью мира, в котором он обитает, ибо все идет от Бога. Местный житель склоняется перед колонизатором и безропотно принимает свою участь. Для восстановления душевного равновесия ему необходимо ледяное спокойствие.

Между тем жизнь продолжается, и местный житель укрепляет механизмы торможения, которые сдерживают проявления его агрессивности. Поэтому множатся страшные мифы, такие обычные для общества на ранней стадии развития. Пространство вокруг местного

жителя наводняется злобными духами. Они заявляют о себе каждый раз, стоит сделать лишь шаг в неправильном направлении. Все эти люди-леопарды, люди-змеи, шестиногие собаки, зомби — целый набор крошечных зверушек или устрашающих гигантов. Под их воздействием вокруг местного жителя создается такой мир запретов, барьеров и сдерживающих надписей, что по своему тотальному ужасу он не идет ни в какое сравнение с миром колонизатора. Данная магическая сверхструктура, пронизывающая местное общество, выполняет определенные и хорошо различимые функции с силой, похожей на мощную энергию сексуального влечения. Действительно, одна из характеристик ранних обществ связана с тем фактом, что либидо вызывает первейший и главнейший интерес социальной группы, или семьи. Этнологи подробно описали эту особенность ранних обществ. Мужчина, возжелавший сексуальных отношений с чужой, а не своей женщиной, должен обязательно, причем при всех, признаться в крамольном желании, а также внести штраф продуктами или отработать в пользу уязвленного мужа или целой семьи. Заметим мимоходом, что данное наблюдение доказывает, какое огромное значение придается бессознательному в так называемых «доисторических» обществах.

Обволакивающая атмосфера мифа и магии ввергает меня в пучину страха и тем самым приобретает форму несомненной реальности. Устрашая, эта реальность вовлекает меня в историю и традиции моего края или моего племени и одновременно поддерживает меня, дает мне статус так же, как если бы я получил паспорт. В слаборазвитых странах оккультная сфера принадлежит общине в целом и находится полностью во власти магии. Втягиваясь в эту сложную и запутанную сеть, где действия повторяются с прозрачной и ясной неизбежностью, я обретаю бесконечный мир, который принадлежит мне; я нахожу нечто неизменное, что становится подтверждением мира, которым я владею. Поверьте мне, зомби куда страшнее колонизаторов. Следовательно, проблема больше не в том, чтобы вести себя в соответствии с порядками колониального мира и его запутанными, как колючая проволока, требованиями, а в том, чтобы трижды подумать перед тем, как поздно ночью пойти помочиться, прокашляться или просто высунуться из дома.

По сути дела, сверхъестественные магические силы заявляют о себе, словно человеческие личности. Могущество колонизатора резко уменьшается, потому что несет отпечаток чужого происхождения. Нам уже не нужно бороться против проявлений этого могущества. Значение имеет лишь внушающий панический страх образ врага,

созданный мифами. Мы чувствуем, что все решится в вечно повторяющемся столкновении, которое состоится в виртуальной реальности.

В процессе освободительной борьбы всегда наблюдается следующее. Подобный вышеописанному народ, некогда затерянный в воображаемом лабиринте, павший жертвой чудовищных ужасов и все же счастливый тем, что ему удалось забыть в мифических мучениях, такой народ становится беспокойным, начинает внутренне меняться и со слезами и кровью подвигает себя на вполне реальные и непосредственные действия. Снабжать продовольствием моджахедов, выставлять дозоры, помогать семьям, лишенным самого необходимого, занимать место убитого или посаженного в тюрьму мужа — вот конкретные задачи, которые призывают людей во время завоевания свободы.

В колониальном мире эмоциональная чувствительность местного жителя доходит до поверхности его кожи, напоминая открытую рану, которая всеми силами избегает попадания в нее какого-нибудь едкого вещества. Так и душа в страхе пятится назад, самоуничтожается и находит выход лишь в физических проявлениях. Такие всплески дали некоторым мудрым людям повод заявить, что коренной житель — просто истерический тип. Эта легко возбудимая эмоциональность доступна для наблюдения невидимым хранителям. Они поддерживают неразрывный контакт с сокровенным центром личности. В свою очередь, после завершения кризиса упомянутая эмоциональность через эротические формы выльется в движущие силы.

Мы видим, что на другом уровне эмоциональная чувствительность местного жителя истощает себя в более или менее экстатических танцах. Именно поэтому при проведении любого исследования, посвященного аспектам колониального мира, необходимо принимать во внимание феномен танца и феномен одержимости. У местного населения разрядка принимает точные формы разгула, требующего больших затрат физических сил. Через такую оргию канализируется, видоизменяется и изгоняется прочь самая яркая агрессивность и самая ненасытная жестокость. Круг, по которому движется танец, это дозволенный круг, он защищает и позволяет. В определенное время по определенным дням мужчины и женщины собираются в установленном месте. Здесь под торжественные взоры племени они бросаются в кажущуюся беспорядочной пантомиму. В действительности весь танец необычайно упорядочен. Разнообразные движения — покачивание головы, сгибание позвоночника, отбрасывание тела назад — можно раскодировать и, как в открытой книге, прочесть в них огромное усилие общины, направленное на то, чтобы изгнать злых духов

из самой себя, чтобы освободить и выразить себя. Внутри круга не существует ограничений. Пригорок, на который вы взобрались с большим трудом, словно для того, чтобы быть ближе к луне; берег реки, по которому вы скользите, словно с целью удостовериться в связи, существующую между танцем и омовением, искуплением и очищением, — все это священные места. Никаких ограничений, поскольку цель, с которой вы собрались здесь вместе, состоит в том, чтобы позволить накопленной сексуальной энергии и зажатой агрессивности излиться, подобно вулканическому извержению. Символические жертвоприношения, причудливые обряды, воображаемые массовые убийства — использовать нужно все. Дурные наклонности выпускаются на волю и утекают прочь с шумом расплавленной лавы.

Работа вырвавшихся демонов

Еще один шаг вперед, — и ты полностью владеешь собой. На самом деле перед нами целенаправленно устраиваемые сеансы для погружения в состояние одержимости и последующего изгнания злых духов. Сюда входят вампиризм, вселение в человека джинов, превращение в зомби, одержимость Легбой — известным богом Вуду. Такая разобщенность личности, внутренняя расколотость и разложение человека, выходит на первый план в организме колониального мира. Когда жители деревни только отправляются совершать ритуальный танец, распаленные мужчины и женщины нетерпеливо, топают ногами; зато, когда они возвращаются, в деревне воцаряется умиротворение, все погружается в тишину и покой.

Освободительная борьба выглядит совсем не так. Местного жителя приперли к стенке, приставив к его горлу нож (вернее сказать, электрод к гениталиям), так что у него больше нет времени на то, чтобы вызывать к фантазиям. После столетий пребывания в нереальном мире, после подчинения самым нелепым фантастическим призракам, в конце концов, местный житель, зажав в руке оружие, выходит один против единственных сил, оспаривающих его право на жизнь, — сил колониализма. Молодежь поработанной в прошлом стране, выросшая под звуки выстрелов и в дыму пожарищ, может покатываться со смеху — и она не удержится от насмешки — над всеми этими зомби, которых боялись предки, над лошадьми с двумя головами, ожившим мертвецом и джиннами, вселяющимися в твое тело, пока ты открыл рот, зевая.

Местный житель начинает открывать реальность и привносить ее в свои обычаи, в практику насилия и в планы по достижению свободы.

Мы увидели, что в колониальные годы насилие хотя и удерживалось (едва-едва), все-таки обращается в чувство пустоты. Мы также проследили, что оно выплескивалось через эмоциональную отдушину посредством танца и одержимости духами. Мы узнали, как оно истощало себя в братских столкновениях. Теперь нам надо понять это насилие исходя из того, что оно меняет свое направление. Если раньше оно умиротворялось при помощи мифов и проявлялось в изобретении очередных способов совершения массовых самоубийств, отныне изменившиеся условия позволяют осуществить совершенно новую линию поведения.

В настоящее время освобождение колоний ставит как в историческом разрезе, так и на уровне политической тактики другую теоретическую проблему. Данная проблема имеет первостепенное значение и формулируется следующим образом: как определить, что ситуация для движения за национальное освобождение окончательно созрела и в какой форме это проявится? В процессе завоевания независимости используются различные способы, да еще и по-разному. При виде такого разнообразия разум начинает колебаться и не может понять, где освобождение протекает по-настоящему, а где симулируется. Далее мы увидим, что выбор средств и тактики борьбы является неотложной задачей для человека, оказывающегося в эпицентре этой борьбы. Другими словами, ему надо решить, как проводить и как организовать освободительное движение. Если действия не скоординированы, значит, к свободе идет слепец. Своими крайне рискованными поступками он добьется обратных его цели результатов.

Какие же силы открывают в колониальный период новые каналы и порождают новые цели для выхода насилия у поработенных народов? Во-первых, это политические партии, а также интеллектуальные или торгово-промышленные элиты. Отличительная черта определенных политических структур состоит в том, что они провозглашают абстрактные принципы, однако воздерживаются от конкретных приказов. В колониальные годы эти националистические партии действуют не иначе, как по принципу выборной кампании: они пишут философско-политические диссертации о праве народов на самоопределение, праве человека на собственное достоинство и на то, чтобы не страдать от голода, и постоянно заявляют о принципе «один человек — один голос», т.е. о необходимости пропорционального представительства на выборах. Националистические партии никогда не акцентируют необходимость попытки вооруженного сопротивления,

исходя из того, что в их планы отнюдь не входит разрушить систему до основания. Пацифисты и законники, в действительности они оказываются ярыми сторонниками порядка, нового порядка. Перед лицом колониальной буржуазии они с видимой откровенностью предъявляют главнейшее для них требование: «Дайте нам больше власти». В отношении специфического вопроса о насилии элиты занимают неопределенную позицию. Они произносят пылкие речи, но, по сути, они сторонники реформ. Когда лидеры национально-освободительного движения что-то *говорят*, они дают понять, что на самом деле так *не думают*.

Данная характеристика националистических партий должна быть проанализирована с точки зрения, как облика их лидеров, так и основных черт их последователей. Рядовой представитель националистической партии — это городской житель. Рабочие, учителя начальной школы, ремесленники и мелкие лавочники, которые стали получать прибыль (что, разумеется, не принесло им популярности у соплеменников) — с самого начала колониальной эпохи в глубине души они хранили заинтересованность в политической борьбе. Их требования связаны с улучшением их личного благосостояния, поэтому им важно, к примеру, добиться повышения заработной платы. Диалог, происходящий между этими политическими партиями и колониализмом, никогда не прекратится. Продолжается обсуждение способов усовершенствования колониальной системы, таких, как введение полного выборного представительства, свободы прессы и свободы союзов. Ведутся споры о реформах. Так что не стоит удивляться тому, что огромное количество местных жителей являются активными членами отделений политических партий, центральные органы управления которых находятся в метрополии. Эти местные жители ведут борьбу под абстрактным лозунгом «Даешь правительство, сформированное из рабочих!» Они забывают, что в их стране на первом месте должны стоять *национально-освободительные* призывы. Местный интеллигент облакает собственную агрессивность в едва прикрытое желание стать частью колониального мира. Свою агрессивность он поставил на службу индивидуалистическим интересам.

Этот путь легко приводит к формированию некоей группы отпущенных на волю рабов или, что одно и то же, лично свободных рабов. Интеллигент требует права приумножить количество освобожденных, а также возможности создать настоящий общественный класс из получивших свободу граждан. С другой стороны, народные массы не собираются оставаться безучастными зрителями, наблюдая за тем,

как отдельные люди увеличивают свои шансы на успех. Они претендуют не на позицию или статус, а на само место колонизатора. Для них не существует проблемы, как начать соревноваться с колонизатором. Они просто хотят встать на его место.

В большинстве своем пропаганда, работающая на националистические партии, систематически пренебрегает такой аудиторией, как крестьянство. Очевидно, что в странах-колониях лишь крестьяне обладают революционным потенциалом, ибо терять им нечего, а получить они могут все. Умиравший от голода крестьянин, который не включен в классовую систему, первым в категории эксплуатируемых осознает, что только насилием можно отплатить за все. Для него не существует ни компромиссов, ни возможных соглашений. Установление колониального господства и обретение независимости, отношения этих противоположностей — просто вопрос «кто кого? Эксплуатируемый человек осознает, что борьба за освобождение подразумевает использование всех доступных средств, среди которых главнейшим является сила. В 1956 г., когда г-н Ги Молле был выдан колонизаторам Алжира, в своем известном памфлете «Фронт национального освобождения» заявил, что колониализм ослабляет свою хватку, когда чувствует приставленный к его горлу нож. Ни одному алжирцу не пришло в голову считать, что это слишком сильно сказано. Памфлет выразил лишь те настроения, которые были в сердце каждого алжирца: колониализм — это вовсе не машина, обладающая искусственным интеллектом, не тело, наделенное мыслительными способностями. Колониализм есть просто воплощение насилия, и он уступает, только сталкиваясь с еще большим насилием.

В решающий момент в игру вступает колониальная буржуазия, до этого остававшаяся пассивной. Буржуазия выступает с той самой новой идеей, которая, говоря без экивоков, работает на поддержание колониальной ситуации. Речь идет о ненасилии. В своей простейшей форме ненасилие дает понять интеллектуальной и торгово-промышленной элите страны-колонии, что буржуазия имеет те же интересы, что и она. Поэтому настоятельно необходимо как можно скорее договориться об общественном товаре. Ненасилие есть попытка решить колониальную проблему за столом переговоров до того, как будет совершен какой-нибудь прискорбный акт или сделан непоправимый жест, до того, как прольется чья-то кровь. Но если народные массы, не дождавшись, когда вокруг обтянутого зеленым сукном стола будут поставлены стулья, прислушаются к собственному внутреннему голосу и начнут применять грубую силу и поджигать

здания, представители элиты и национально-освободительных партий немедленно бросятся в объятия колонизаторов с громким криком: «Все очень серьезно! Мы не знаем, как это закончить; мы должны выработать решение и найти компромисс».

Понятие компромисса очень важно при рассмотрении феномена освободительного процесса, ибо оно далеко не такое простое, как может показаться. Компромисс сводит колониальную систему и молодую национальную буржуазию в одном месте и в одно и то же время. Приверженцы колониальной системы начинают понимать, что массы могут стереть с лица земли все. Взорванные мосты, разграбленные фермы, карательные операции и военные действия серьезно подрывают экономику страны. Компромисс объективно привлекателен для национальной буржуазии. Не представляя в полном масштабе возможных последствий надвигающейся бури, буржуазия испытывает неподдельный страх, опасаясь, что этот гигантский ураган сметет ее. Поэтому она не устает повторять колонизаторам: «Мы все еще в силах не допустить резни; массы все еще верят нам; действуйте как можно скорее, если не хотите поставить на карту все». Следующий шаг — и лидер националистической партии дистанцируется от насилия. Он открыто заявляет, что не имеет ничего общего с этими бандитами, террористами и кровопийцами. В лучшем случае он будет вещать об организации нейтральной полосы между террористами и колонизаторами, а также с большой охотой предложит свои посреднические услуги. Поскольку колонизаторы не могут обсуждать условия договора с бандитами, то буржуазия с радостью возьмет на себя начало переговоров. Буржуазия находится в арьергарде борьбы за национальное освобождение. Она представляет собой тот слой людей, который навсегда останется по ту сторону борьбы. Но в свете вышесказанного мы видим, как буржуазия совершает кульбит и оказывается уже в авангарде со своими переговорами и компромиссом. Этому сальто-мортале есть точное объяснение: партия буржуазии очень хорошо позаботилась о том, чтобы никогда не допустить разрыва отношений с колониализмом.

До налаживания переговоров большая часть националистических партий главным образом занимается поиском объяснений и извинений для этих «вспышек жестокости». Они не зовут народ к тому и иногда доходят до осуждения, в частности, впечатляющих деяний, которые пресса и общественное мнение метрополии провозгласили омерзительными. Законным оправданием этой ультраконсервативной политики служит желание видеть вещи в свете объективности. Однако эта традиционная для местного интеллигента и лидеров на-

ционалистических партий позиция в реальности не является сколько-нибудь объективной. На самом деле они нисколько не уверены в том, что нетерпеливое насилие масс относится к числу наиболее действенных способов отстаивания их собственных интересов. Более того, находятся отдельные личности, которые убеждены в неэффективности насильственных методов. Без сомнения, любая попытка одо-

Противоречия внутри народа

леть режим колониального угнетения силой кажется им безнадежной и самоубийственной, потому что танки и самолеты, которыми располагает колонизатор, занимают внушительное место в укромных уголках их сознания. Когда им говорят о необходимости предпринять какое-либо действие, они так и представляют летящие на них бомбы, бронетранспортеры, подстерегающие

их на каждом шагу, пулеметный обстрел и полицейские акции... Поэтому они сидят тихо. Они потерпели поражение, толком не начав действовать. Нет нужды демонстрировать их неспособность добиться цели насильственными методами. Этот постулат они принимают на веру и доказывают в своей повседневной жизни и в политических маневрах. Они остановились на той недоразвитой стадии, о которой писал Энгельс в своей знаменитой полемике с ярким олицетворением политической незрелости — г-ном Дюрингом: «Если Робинзон мог достать себе шпагу, то с таким же основанием можно представить себе, что в одно прекрасное утро Пятница является с заряженным револьвером в руке, и тогда все соотношение «насилия» становится обратным: Пятница командует, Робинзон вынужден работать из всех сил... Итак, револьвер одерживает победу над шпагой, и тем самым даже наиболее детски-наивному приверженцу аксиоматики должно стать ясно, что насилие не есть просто волевой акт, а требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления, в особенности — известных *орудий*, из которых более совершенное одерживает верх над менее совершенным; далее, что эти орудия должны быть произведены и что уже вследствие этого производитель более совершенных орудий насилия, попросту говоря — оружие, побеждает производителя менее совершенных орудий; одним словом, что победа

насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно... на экономической силе, на экономике государства и, в конечном итоге, - на *материальных* средствах, находящихся в распоряжении насилия»⁴

Действительно, реформистам нечего сказать. Они могут лишь спросить: «Какими средствами вы собираетесь бороться с колонизаторами? При помощи ваших ножей? Ваших ружей?»

Нельзя не согласиться с тем, что вопрос об оружии обретает громадную важность, когда насилие заявляет о себе в полный голос. Ведь, в конечном счете, все зависит от распределения этого средства. Однако освобождение стран-колоний заставляет посмотреть на эту проблему с новой точки зрения. Обратимся к историческим аналогиям. Во время испанской кампании, которую можно безо всяких условий отнести к разряду колониальных войн, Наполеон Бонапарт был вынужден отступить, несмотря на то, что к весне 1810 г. численность его авангардных войск достигла невиданного числа — 400000 человек. Французской армии все же удалось заставить Европу дрожать от страха, благодарить за это достижение следовало оружие, храбрость солдат и военный гений командующих. Столкнувшись лицом к лицу с наполеоновской армией, испанцы, вдохновленные несокрушимым патриотизмом, вспомнили про партизанскую войну. Двадцать лет спустя американские нерегулярные войска сделают то же самое в борьбе с англичанами. Но, противопоставляя себя остальным насильственным методам, национальная партизанская война будет бесполезной, если не станет новым элементом всемирного соревнования между трестами и монополиями.

Когда колонизация только начиналась, одной-единственной военной колонны порой бывало достаточно для завоевания огромных районов страны. Так произошло в Конго, в Нигерии, в Береге Слоновой Кости и в других странах. Однако сейчас национально-освободительная борьба, развертывающаяся в колониях, внезапно обнажает совершенно новую международную ситуацию. На ранней стадии своего развития капитализм рассматривал колонии как источник сырья, на основе которого можно было выпускать промышленные товары, а потом продавать их на европейских рынках. После завершения периода первоначального накопления капитализм изменил свое представление о возможностях получения прибыли. Колонии преврати-

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел II. глава III: «Теория насилия». — М.: Политиздат, 1983. — С. 166-167.

лись в рынок. Население колониальных стран стало покупателем, готовым приобретать товары. Следовательно, если базирующийся в колонии гарнизон необходимо постоянно усиливать, если торговля идет все хуже, другими словами, если промышленные товары и сырье уже невозможно продолжать экспортировать, значит, налицо явные признаки того, что военное вмешательство следует отложить. Говоря экономическими терминами, для буржуазии метрополии слепое принуждение рабов не стоит затраченного труда. Монополистическое объединение, сложившееся в рядах буржуазии, не поддержит правительство, чья политика опирается лишь на силу оружия. Владельцы промышленных предприятий и финансовые магнаты метрополии вовсе не хотят, чтобы правительство их родной страны истощало население колоний. Они считают, что правительству следует отстаивать их «законные интересы» при помощи экономических соглашений.

Таким образом, между капитализмом и насильственными мерами, которые применяются на территории колоний, существует объективная взаимосвязь. Более того, коренной обитатель колоний не остается одинок в борьбе против угнетателя. Он получает политическую и дипломатическую помощь от прогрессивно настроенных государств и людей. Но есть явление куда более значительное, нежели все остальные это конкуренция, т.е. безжалостная война, которую ведут друг против друга финансовые группировки. У Берлинской конференции было достаточно сил для того, чтобы разорвать Африку на кусочки и разделить ее на три-четыре части, над которыми развевались бы имперские флаги. В данный момент важно не то, что такой-то африканский регион находится под суверенитетом Франции или Бельгии. На первый план выходит соблюдение правила о ненарушении сфер экономического влияния. В наши дни уже не ведут репрессивные войны против отдельных повстанцев. Все становится мягче, крови проливается меньше. Ликвидация режима Фиделя Кастро пройдет довольно мирно⁵ Они прилагают все силы, чтобы задушить Гвинею, они расправляются с Моссадыком⁶ Так что опасующиеся насилия лидеры националистических партий ошибаются, когда воображают, будто колониализм собирается «вырезать всех нас под корень». Конечно, военное командование пока будет продолжать иг-

⁵ Напомним, что книга написана в 1961 году, когда лидера победившей за два года до этого кубинской революции многие аналитики считали Калифом на час (примеч. ред).

⁶ В 1953 г. премьер-министр Ирана Мохамед Моссадык, попытавшийся национализировать нефтяную промышленность, был смещен со своего поста и арестован с подачи английской разведки (примеч. ред.).

рать своими оловянными солдатиками, которым столько же лет, сколько прошло со времени завоевания. Но вышестоящий финансовый интерес вскоре покажет им, где находится истина.

Именно поэтому в адрес благоразумных местных политических лидеров выдвигаются просьбы излагать требования в самой ясной форме. Их призывают спокойно, без лишних эмоций, вместе с противоположной стороной, т.е. вместе с колонизаторами, искать решение, которое будет учитывать интересы обеих сторон. Мы видим, что если за дело берется национально-освободительный реформизм, зачастую напоминающий пародию на тред-юнионизм, он будет действовать исключительно мирными средствами, используя забастовки на немногих промышленных предприятиях, основанных в городах, прибегая к массовым демонстрациям с громким чествованием лидеров или бойкотируя закупки импортных автобусов и других товаров. Все перечисленные средства призваны для того, чтобы убить двух зайцев: с одной стороны, заставить колониализм двигаться в нужном направлении, а с другой — позволить людям выплеснуть энергию. Эта пассивная практика, лечение сном, прописанное народу, иногда может быть успешной. Таким образом, и без стола переговоров рождается политическая избирательность, которая позволяет г-ну М'ба, президенту республики Габон, прибывшему в Париж с официальным визитом, со всей серьезностью заявлять: «Габон — независимая страна, но между Габоном и Францией ничего не изменилось; все сохраняется на своих местах». Действительно, единственным изменением можно считать лишь тот факт, что г-н М'ба стал Президентом Габонской республики и его принял сам Президент Франции.

При усмирении местного населения колониальная буржуазия берет себе в помощницы и старую добрую религию. Поэтому организуется показательное изучение мученичества, в пример ставятся многочисленные святые, которые подставляли левую щеку, получив удар по правой, прощали все случаи посягательства на их права и которых безнаказанно презирали и оскорбляли. С другой стороны, местные элиты стран-колоний, эти освобожденные рабы, становясь во главе освободительного движения, неизбежно заканчивают тем, что развязывают псевдоконфликт. Они используют рабское состояние своих братьев, чтобы пристыдить эксплуататоров или обеспечить идеологическую основу в виде привлекательного гуманизма для финансовых конкурентов своих угнетателей. По правде сказать, они никогда не выступали с реальным призывом перед вышеупомянутыми рабами, они никогда не собирали этих рабов вместе, объединяя их конкретной целью. Напротив, в решающий момент (для местных элит это бу-

дет момент наибольшей нерешительности) они представляют опасную «массовую мобилизацию» как смертоносное оружие, которое, словно по мановению волшебной палочки, обеспечит «кончину колониального режима». Разумеется, в сердцевине политических партий и среди их лидеров нужно уметь находить настоящих революционеров, которые сознательно поворачиваются спиной к фарсу под названием «национальная независимость». Требуется совсем немного времени, чтобы их настойчивые вопросы, их энергия и гнев начали затруднять работу партийной машины. Данные элементы постепенно изолируются, а затем просто выметаются прочь за ненадобностью. В этот момент, словно под действием диалектических обстоятельств, они оказываются под прицелом колониальной полиции. В городах подлинным патриотам, похожим на пожароопасные головешки, оставаться небезопасно, бывшие сторонники их избегают, лидеры партий отвергают, так что они ищут пристанища в деревнях. И здесь они поймут (и это понимание приведет их в замешательство), что крестьянские массы хотят, чтобы им тотчас же ответили на вопрос, ответ на который пришельцы из города еще не приготовили: «Когда же мы начнем?»

Историческая встреча революционеров из городской среды с деревенскими обитателями будет рассмотрена позже. Теперь мы должны вернуться к политическим партиям, чтобы раскрыть природу их действий, которая носит все-таки прогрессивный характер. Выступая с речью, политические лидеры дают нации ее имя. Таким образом, требования местного населения обретают форму.

Однако здесь отсутствует строго очерченная тема, нет ни политической, ни социальной программы. Пока мы видим смутные контуры, эскизный набросок, где, тем не менее, присутствует национальный дух. Мы называем это «минимальными требованиями». Политики, которые произносят с трибуны речи и сочиняют статьи для национальных газет, заставляют народ мечтать о несбыточном. Они избегают рассуждать о реальной перестройке государства, но на самом деле вызывают в умах своих читателей и слушателей опасное брожение, провоцирующее их на радикальный переворот. Часто используется национальный язык или язык племени. Здесь вновь поощряются неосуществимые мечты, воображение мчится на волю из ослабленных пут колониального порядка. Иногда местные политики употребляют даже такие слова, как «мы, негры» или «мы, арабы», и эти противоречивые фразы в колониальную эпоху приобретают священное значение. Вожди национально-освободительного движения играют с огнем. Объяснение этому утверждению можно найти в замечании одного африкан-

ского лидера. Недавно он сказал, предупреждая группу молодых интеллигентов: «Хорошенько подумайте, прежде чем говорить с массами, потому что они загораются в мгновение ока». Это одна из ужасных проделок, которые судьба вытворяет в колониях.

Когда политический лидер выступает перед многочисленной аудиторией, мы можем сказать, что в эту минуту воздух буквально пропитан запахом крови. Довольно часто такой политик больше всего озабочен тем, как «устроить шоу». Ему важно лишь продемонстрировать силу, чтобы не возникало необходимости применять ее на практике. Но возникающее в ходе политических мероприятий беспокойство, нервное хождение взад-вперед, внимательное прослушивание выступлений, сам вид людей, собравшихся в одном месте и окруженных плотным полицейским кордоном, военные демонстрации, аресты, высылка вождей освободительного движения — весь этот шум и гам заставляет людей думать, что настал момент предпринять активные действия. Ситуация становится очень нестабильной, и политические партии удваивают усилия, призывая левых успокоиться и одновременно изучая состояние горизонта с правого фланга, чтобы уяснить себе либеральные намерения колонизатора.

Идентичным образом поработанный народ находит применение некоторым эпизодам из повседневной жизни, т.е. использует их с целью поддержать свою постоянную готовность выступить против угнетателей и не дать угаснуть революционному рвению. Своеобразным кумиром становится, к примеру, ловкий гангстер, которого полиция не может найти днем с огнем, или тот, кто погибает, отстреливаясь в одиночку и успев захватить с собой на тот свет троих или пятерых полицейских. Или, может быть, тот, кто предпочтет покончить с собой, но не выдать сообщников. Своими поступками эти личности освещают людям дорогу, заставляют равняться на себя и становятся настоящими героями. Конечно, можно до хрипоты доказывать, что человек, гордо именуемый героем, просто-напросто вор, негодяй и последний мерзавец. Если проступок, в совершении которого его обвиняют колониальные органы правопорядка, направлен исключительно против личности колонизатора или принадлежащей ему собственности, то все предельно ясно и понятно. Механизм идентификации запускается автоматически.

Мы должны также отметить, что свою роль в процессе созревания играют исторические примеры сопротивления, которые относятся ко времени порабощения колоний. Легендарными героями подчиненных народов всегда становятся предводители национального сопротивления завоевателям. Беханзин, Саундиата, Самори, Абд-аль-

Кадир — в период, непосредственно предшествующий активным выступлениям, их слава возгорается с необычайной силой. Мощный всплеск восхищения национальными героями является доказательством того, что народ укрепляется в своей готовности возобновить движение вперед, положить конец спячке, наступившей с торжеством колонизации, и вообще — творить историю.

Восстание, на которое поднимается рождающаяся нация, и разрушение колониальных структур вызываются следующими двумя причинами: либо беспощадной борьбой народа за свои собственные права, либо действиями тех, кто стоит рядом с угнетаемыми народами. Подобные действия превращаются в тормоз на пути колониального режима.

Страдающий от колониальной зависимости народ не одинок. Несмотря на могущество системы колониализма, ее границы остаются прозрачными для проникновения новых идей и разных отголосков из внешнего мира. Колониальная система обнаруживает, что насилие витает в воздухе, оно вспыхивает то тут, то там, безжалостно уничтожая власть метрополий. Сведения о проявлении насилия в других странах-колониях не просто информируют местного жителя, а становятся руководством к действию. Строго говоря, великая победа вьетнамского народа в сражении при Дьен-бьенфу, одержанная в 1954 г., уже не является исключительно национальной победой. Начиная с июля 1954 г., угнетаемые народы не перестают задаваться вопросом: «Что нужно сделать, чтобы добиться нового Дьен-бьенфу? Как мы можем повторить эту победу?» В колониях не найдется ни одного человека, который бы сомневался в возможности «второго Дьен-бьенфу»; проблема состоит лишь в том, как лучше использовать имеющиеся силы, как правильно организовать их и когда ввести в действие. Реализующее себя насилие воздействует не только на эксплуатируемый народ; оно изменяет и позицию колонизаторов, потому что в их воображении рисуется многократный повтор Дьен-бьенфу. Настоящая паника охватывает одно колониальное правительство за другим. У них появляется срочная задача — перехватить авангард, повернуть освободительное движение в нужное русло и разоружить народ. Быстрее, быстрее, давайте организуем независимость. Давайте освободим Конго, пока эта страна не превратилась во второй Алжир. Проголосуем за конституционный порядок для всей Африки, создадим французское Содружество наций, возродим это самое Содружество, но, ради бога, давайте проведем кампанию по освобождению как можно быстрее... И они начинают освобождать колонии с такой скоростью, какую можно наблюдать в действиях Ф. Уфуэ-Буа-

ны. На стратегию Дьен-бьенфу, сформулированную угнетенными народами, колонизатор отвечает стратегией окружения, основанной на уважении к государственному суверенитету.

Но давайте вернемся к обсуждению атмосферы насилия, того самого насилия, которое въелось под кожу коренного жителя. Мы уже видели, что в процессе окончательного созревания насилие обрывает многими стимулирующими примерами. Эти же модели поведения контролируют насилие и показывают ему пути выхода. Несмотря на метаморфозы, которые насилие претерпевает в результате воздействия колониального режима, выливаясь в племенные или региональные раздоры, оно все-таки развивается. Местный житель распознает своего врага и в полной мере постигает глубину собственных несчастий, направляя всю обостренную мощь своей ненависти и гнева в новый канал. Но как же нам перейти от ощущения атмосферы насилия к проявлению его в действии? Что взорвет тот воображаемый сосуд, в котором клокочет ярость? Прежде всего, следует отметить, что нарастание напряжения обязательно скажется на безмятежном существовании колонизатора. Несколько принесенных ветром соломинок подскажут «понимающему» коренное население колонизатору, что что-то происходит. «Хороших» местных становится все меньше; стоит угнетателю приблизиться к деревне, как воцаряется мертвая тишина; иногда он ловит на себе злые взгляды и слышит откровенно агрессивные высказывания в свой адрес. Националистические партии взволнованы, они проводят бесконечные собрания. Отряды полиции увеличиваются, присылаются подкрепления солдат. Первыми начинают бить в набат сами колонизаторы, в особенности фермеры, живущие обособленно на своих участках. Встревоженные, они призывают принять решительные меры.

Власти колоний действительно предпринимают некоторые шаги. Они заключают под стражу одного-двух видных политических деятелей, проводят военные парады и маневры, а также показательные полеты авиации. Однако демонстрация превосходства и военные учения, запах пороха в воздухе не могут остановить поднимающийся с колен народ, они бессильны заставить его отступить назад. Блестящие на солнце штыки и оглушительные канонады лишь укрепляют агрессивность местного населения. Атмосфера накаляется, каждый горит желанием показать, что он готов на все. В такой беспокойной обстановке оружие выстреливает само собой, потому что натянутые до предела нервы сдают, душу переполняет животный страх, и все, у кого в руках оружие, начинают палить без разбора. Обычного незначительного инцидента достаточно для того, чтобы спровоцировать

пулеметный обстрел. Примерами служат Сетиф в Алжире, Центральные каменоломни в Марокко, Мораманга на Мадагаскаре.

Карательные операции далеки от достижения своей цели: они не в состоянии затормозить стремительное становление национального самосознания, а наоборот, невольно подгоняют этот процесс. На определенном этапе развития народного самосознания массовая бойня в колониях лишь стимулирует это развитие, потому многочисленные жертвы становятся очевидным признаком того, что все противоречия между угнетателями и эксплуатируемыми могут быть улажены исключительно при помощи силы. Здесь необходимо отметить, что политические партии не призывали народ к вооруженному восстанию и не проводили подготовку мятежа. Все эти репрессивные меры и военные акции, немедленно последовавшие за сильным приступом страха, который испытали колонизаторы, не входили в планы политических вождей национально-освободительного движения. Происходящие события обрушились на них внезапно. И все-таки в данный момент колониализм решает арестовать национальных лидеров. Вместе с тем сейчас правительства колониальных стран уже знают, насколько опасно лишать народные массы их предводителей. В этом случае неукротимые и никем не сдерживаемые массы устроят настоящий разгул, ударятся в *Жакерию*, в бунт, начнут совершать «зверские убийства». Массы отдаются во власть своих «кровожадных инстинктов» и принуждают колониализм выпустить своих лидеров на свободу. На долю последних выпадает непростая задача — утихомирить разбушевавшиеся массы. Угнетенный народ спонтанно направил свою разрушительную энергию на уничтожение колониального режима. Приблизившись вплотную к выполнению этой грандиозной миссии, он очень скоро обнаружит, что выступает с бессодержательными и пассивными требованиями выпустить из тюрьмы такого-то и такого-то⁷. Колониальные власти удовлетворяют эти требования и начнут с освобожденными лидерами переговоры. Вот и придет время на радостях отплясывать на улицах.

При определенных условиях партийная машина может не отреагировать на происходящее и остаться в бездействии. Однако сами партии быстро удостоверятся в том, что в результате умирительных операций и спонтанного подъема народа они теряют сторонников. Насилие масс с яростью выплескивается на военные отряды окку-

⁷ Возможно, угодивший за решетку лидер действительно является выразителем подлинных чаяний угнетенного народа. В этом случае колониализм воспользуется его отсутствием и попытается найти новых, более подходящих для него вождей.

пантов, ситуация ухудшается на глазах и достигает апогея. Находящиеся на свободе национальные предводители оказываются побоку. Внезапно они становятся ненужными со всей их бюрократичностью и взвешенными требованиями. И все же мы видим их, глухих к развертывающимся событиям, в попытке выступить с жульническим заявлением «от лица безмолвной нации». Для колониализма такие местные политики — настоящая находка, и, как правило, колониальная система принимает их с распростертыми объятиями, превращает этих «глухих глашатаев» в выразителей общественного мнения и за пару минут обеспечивает им независимость на том условии, что они восстановят порядок.

Таким образом, мы видим, что весь местный политический истеблишмент правильно оценивает мощный потенциал насилия. Вопрос не в том, как ответить на него еще большим насилием, но как найти способ снизить напряжение.

Какова же подлинная природа этого насилия? Как было показано выше, угнетенные массы интуитивно чувствуют, что их освобождение должно быть — и это единственный путь — завоевано силой. Что же это за помрачение рассудка, которое заставляет этих людей, истощенных и ослабленных, не располагающих техникой, вынужденных сопротивляться всей военной и экономической мощи колониальной оккупации, поверить в то, что лишь насилие способно освободить их? Как они надеются завоевать победу?

Дело в том, что насилие может стать (увы, это так) лозунгом политической партии — в той мере, в какой оно является частью колониальной системы. Политические вожди могут призвать народ к вооруженной борьбе. Необходимо тщательно обдумать эту весьма проблематичную ситуацию. Когда милитаристская Германия решает силой урегулировать вопрос о спорных пограничных территориях, нас это решение нисколько не удивляет. Зато когда, скажем, население Анголы берется за оружие, или алжирцы отвергают все до единого мирные средства борьбы за независимость, эти показательные примеры означают, что что-то случилось или что-то происходит вот в это самое мгновение. Угнетенные расы, эти современные рабы, очень нетерпеливы. Они осознают, что лишь очевидное безрассудство может вывести их из состояния колониальной зависимости. В мире устанавливается новый тип отношений. Народы слаборазвитых стран пытаются разбить сковывающие их цепи. Самое удивительное, что это им удастся. Можно доказывать, что в наши дни, когда в космос запускаются спутники, смерть от голода выглядит просто нелепой. Но угнетенным массам такая гибель не кажется выдумкой.

По правде говоря, сейчас не найдется ни одного колониального правительства, которое в состоянии использовать продолжительное пребывание на территории колоний крупных военных подразделений как единственно возможную форму переговоров, имеющую шанс на успех.

Что касается внутренней обстановки в метрополиях, то здесь возникают некоторые противоречия. Проблема принимает форму требований, с которыми выступает рабочий класс, что влечет за собой необходимость задействования полиции. Изменяется и международная ситуация — метрополиям нужны их армии для защиты самих себя. Наконец, есть расхожий миф об освободительных движениях, источник которого обнаруживается в Москве. Правящий режим охвачен паникой и начинает думать, что «если так пойдет и дальше, возникнет опасность того, что коммунисты обернут ситуацию в свою пользу и начнут просачиваться».

Местный житель охвачен невиданным пылом. Он словно выставляет напоказ бушующее в нем насилие. И горячее рвение, и хвастливая агрессивность доказывают, что коренной житель сознает необычность складывающейся ситуации и собирается воспользоваться благоприятными условиями. Вместе с тем местный житель, наблюдавший, как современная цивилизация проникает в самые отдаленные уголки мира, наиболее остро и все еще на уровне непосредственного опыта понимает, что есть вещи, которыми он не обладает. При помощи нехитрых (с позволения сказать — по-детски простых) умозаключений угнетенные массы убеждают себя в том, что их ограбили, лишив упомянутых вещей. Здесь кроется причина, объясняющая, почему в некоторых слаборазвитых странах массы продвигаются вперед с удивительной скоростью, а потом, через два-три года после обретения независимости, чувствуют себя до предела разочарованными, говорят, что борьба «не стоила затраченных усилий» и что по существу ничего не поменялось. После начала в 1789 г. французской буржуазной революции мелкие крестьяне не оказались обделенными и много выиграли от революционных событий. В слаборазвитых странах чаще всего мы наблюдаем совершенно иную картину и в большинстве случаев можем сказать, что завоевание независимости мало что изменило для 95 % их населения. Проницательный наблюдатель обратит внимание на своего рода скрытое недовольство, похожее на дымящуюся золу на развалинах сгоревшего дома. Не погашенный до конца пепел угрожает взметнуться пламенем еще раз.

Теперь говорят, что местное население слишком нетерпеливо. Давайте же не будем забывать о раздававшихся буквально вчера жа-

лобах на медлительность, лень и фатализм местных жителей. Мы уже видели, что насилие, принимавшее специфические формы в ходе освободительной борьбы, не растворяется магическим образом после церемонии поднятия национальных флагов. Нет ни малейшего резона для его исчезновения, поскольку воссоздание нации продолжается, причем в рамках беспощадной конкуренции между капитализмом и социализмом.

Соперничество двух социально-экономических систем придает почти универсальный характер всем локальным требованиям. Каждый проведенный митинг, каждая совершенная карательная акция отзываются в международном масштабе. Преступные убийства в Шарпевилле на протяжении многих месяцев не переставали волновать общественное мнение. В газетах, на радиоволнах, в частных беседах Шарпевилль обсуждался как символ. Именно через этот случай люди впервые узнали о проблеме апартеида в Южной Африке. Кроме того, мы не можем исключительного при помощи демагогии объяснить внезапный интерес, который проявляют всемогущие державы по отношению к незначительным событиям в слаборазвитых странах. Каждый раз, когда в странах третьего мира случается своя Жакерия или совершается подстрекательство к мятежу, этот эпизод встраивается в общую картину «холодной войны». В Солсбери зверски избиты два человека — и тут же один из блоков вступает в игру. Его представители постоянно говорят об инциденте, используя случай с избиением для выхода на проблему Родезии, а дальше — на африканский вопрос и вообще на проблему угнетенных народов. Другой блок испытывает такую же сильную заинтересованность в случившемся, правда, заинтересованность иного плана. По накалу распространяющегося резонанса его лидеры пытаются определить слабость своей системы на местах. Таким образом, угнетенные колониальные народы приходят к выводу о том, что ни одна из соперничающих сторон не остается равнодушной к локальным происшествиям. Ограничиваться региональными рамками уже нельзя. Обе стороны поняли, что живут в атмосфере международного напряжения.

Когда раз в три месяца или около того мы слышим, что шестая или седьмая флотилия направляется к такому-то побережью, когда Хрущев угрожает прислать советские ракеты в помощь Фиделю - Кастро, когда для урегулирования лаосского вопроса Кеннеди останавливает свой выбор на решении, в котором изначально заложена некая безнадежность, у жителя колонии или страны, недавно завоевавшей независимость, складывается впечатление, что он, хочет он того или нет, оказывается подхваченным какой-то безумной

кавалькадой. На самом деле он сам уже встроился в ее ряды. Посмотрим, к примеру, на правительства освобожденных стран. Две трети своего рабочего времени люди, ставшие у руля государственной власти, тратят на рассматривание подходов к управлению и попытки предугадать опасности, которые им угрожают, и лишь одну треть они отдают работе на благо страны. В то же время они ищут союзников. Подчиняясь такой же диалектике, оппозиционные партии сворачивают с пути парламентской борьбы. Они тоже находятся в поиске союзников, чтобы обрести в их лице поддержку для отдающих жестокостью рискованных мероприятий, нацеленных на подстрекательство к мятежу. Пропитав всю атмосферу колониального мира, насилие продолжает определять жизнь каждой нации, ибо, как мы уже сказали, страны третьего мира не отрезаны от всех остальных. Напротив, именно третий мир находится в эпицентре событий. Поэтому в публичных выступлениях политических деятелей слаборазвитых стран сохраняются нотки агрессивности и обостренного раздражения. В нормальных условиях они должны были бы исчезнуть. Здесь же кроется причина недостаточной вежливости, о которой так часто говорят в связи с новоявленными правителями. Почти незаметной остается предельная обходительность тех же самых государственных чиновников в общении с их братьями, или с товарищами. Неучтливое поведение как нельзя лучше подходит для отношений со всеми другими, с бывшими колонизаторами, которые приходят наблюдать и проверять. У бывших угнетенных складывается ощущение, что все отчеты составлены заранее. Подобраны для статьи сопровождающие фотографии служат примитивным доказательством того, что автор статьи якобы знает, о чем говорит, и что он своими глазами видел это. Весь материал нацелен на доказательство «очевидного»: дела идут из рук вон плохо с тех пор, как мы ушли. Частенько репортеры жалуются на скверный прием, на то, что их заставляют работать в ужасных условиях и что относятся к ним с явным равнодушием или враждебностью. Все это в порядке вещей. Национальные лидеры прекрасно знают, что международное мнение формируется исключительно западной прессой. Когда журналист из какой-нибудь западной страны начинает задавать нам вопросы, то за редким исключением он хочет нам помочь. Например, даже самые либерально настроенные французские журналисты при подготовке репортажей о войне в Алжире постоянно использовали двусмысленные определения для описания нашей войны. Стоило нам упрекнуть их за это, они с невинными глазами отвечали, что должны были во что бы то ни стало сохранить объектив-

ность. С точки зрения местного жителя, объективность всегда направлена против него. Если учесть все вышесказанное, мы сможем понять новую тональность, царившую в международной дипломатии на Генеральной Ассамблее ООН, состоявшейся в сентябре 1960 г. Представители стран-колоний были откровенно агрессивны и вспыльчивы, заостряли все до предела, но жителям колониальных стран вовсе не показалось, что их делегаты что-то преувеличили. Радикальный настрой представителей стран Африканского континента заставил гнойный нарыв прорваться и высветил недопустимый характер процедуры наложения вето, а также диалога между двумя мировыми державами. Наиболее ярко проявилась незначительность роли, оставленной для стран третьего мира.

Предметом той дипломатии, которую вводят в действие завоевавшие независимость народы, больше не являются многочисленные нюансы, завуалированные подтексты или гипнотизирующие пассы. Причина смены дипломатического языка проста: на представителях бывших колоний лежит огромная ответственность. Они должны в одно и то же время оберегать единство нации, обеспечивать приближение масс к материальному благосостоянию и реализацию прав каждого народа на хлеб и свободу. Эта дипломатия никогда не остановится, будет идти вперед с огромным рвением, резко контрастируя с малоподвижным, застывшим колониальным миром. И когда на Ассамблее ООН г-н Хрущев размахивает и стучит по трибуне своим ботинком, ни один выходец из угнетенного народа или представитель слаборазвитой страны не смеется. Ибо г-н Хрущев показывает колониальным странам, что он настоящий русский мужик, который, тем не менее, располагает космическими ракетами, угрожает проклятым капиталистам так, как они этого заслуживают. Точно так же не возмущает представителей стран третьего мира и Фидель Кастро, пришедший на Ассамблею в военной форме. Своей одеждой Кастро всего лишь демонстрирует осознание того, что правило насилия продолжает действовать. Удивительно, как он не заявился в ООН с пулеметом в руках. А если бы такое произошло, разве кто-нибудь стал бы возражать? Любая Жакерия и все безрассудные поступки, эти отряды доведенных до отчаяния людей, вооруженных лишь ножами или топорами, — их самоидентичность выявляется в непримиримой борьбе, которую ведут между собой социализм и капитализм.

В 1945 г., когда в Сетифе погибло 45.000 человек, это событие осталось незамеченным. Лишь крохотные заметки появившись в газетах о 90000 погибших в 1947 г. на Мадагаскаре. Когда в 1952 г. во время карательных акций в Кении погибло 200000 человек, сообщения

об этих жертвах были встречены сравнительно равнодушно. Причиной, мягко говоря, сдержанной реакции был тот факт, что международные противоречия еще полностью не обозначились. Военные конфликты в Корее и Индокитае уже вступили в новую фазу, но решающим толчком к обострению конфронтации послужили события, связанные с Будапештом и Суэцким каналом.

Обретая дополнительную силу благодаря неограниченной помощи социалистического лагеря, угнетенные народы бросаются на борьбу против неприступной цитадели колониализма с любым оружием в руках. И если крепость остается неуязвимой к ножам и кулакам, то это ненадолго, памятуя глобальную ситуацию «холодной войны».

В таких обстоятельствах американцы начинают очень серьезно относиться к своей роли покровителей капитализма во всем мире. Первоначально они по-дружески советуют европейским странам предоставить колониям независимость. Некоторое время спустя они без всяких колебаний заявляют сначала о своем уважении, а затем о поддержке принципа «Африка для африканцев». Сегодня Соединенные Штаты не боятся официально признавать, что они являются защитниками права наций на самоопределение. Последнюю поездку г-на Меннена Уильямса можно считать иллюстрацией к умонастроениям американцев. Они сознают, что страны третьего мира не должны быть принесены в жертву. Теперь вспомним о насилии. Насилие, которое пытается проявить местное население колоний по отношению к колонизаторам, будет казаться безнадежным, если абстрактно сравнивать его с военной машиной угнетателей. С другой стороны, если мы поместим это насилие в контекст динамично развивающейся международной ситуации, то мы сразу увидим, что оно представляет собой страшную угрозу для колониализма. Непрерывающиеся волнения и смуты нарушают обычный ход экономической жизни в колониях, но не подвергают метрополию никакой опасности. С точки зрения империализма, гораздо существенней выглядит возможность проникновения в угнетенные массы заразы в виде социалистической пропаганды. Вот это уже серьезная опасность в условиях «холодной войны». Но что произойдет с колонией в случае реальной войны, когда страну наводнят безжалостные партизаны?

Таким образом, капитализм осознает, что его военная стратегия сводится на нет вспыхивающими национально-освободительными войнами. С другой стороны, в рамках мирного сосуществования всем колониям суждено исчезнуть, т.е. обрести свободу. Если рассматривать ситуацию в долгосрочной перспективе, то капитализму придется научиться уважать нейтралитет — политику неприсоединения к блокам.

В такой ситуации все силы должны быть брошены на обеспечение безопасности, чтобы предотвратить внедрения вражеской доктрины в массы и прорыв глубоко укорененной ненависти миллионов людей. Жители колониальных стран прекрасно сознают побудительные мотивы, которые направляют развитие международной политики. Поэтому даже те, кто резко осуждает проявления насилия, принимают решения и действуют с учетом складывающейся в мире обстановки, в которой насилие играет далеко не последнюю роль. Оценивая настоящий момент, можно сказать, что мирное сосуществование двух блоков провоцирует и подпитывает насилие в колониальных странах. Возможно, завтра, после освобождения всех колониальных территорий, мы увидим, как изменится это насилие. Может быть, мы столкнемся с другой проблемой, которая возникнет, — с проблемой национальных меньшинств. Уже сегодня отдельные меньшинства, не колеблясь, превозносят насильственные методы борьбы как отличный способ покончить со всеми их трудностями. Не случайно (так сложилось исторически) чернокожие экстремисты в Соединенных Штатах создают свои отряды добровольцев и вооружаются. Не случайно также, что в так называемом свободном мире существуют специальные организации для защиты евреев в СССР. Не похож на случайность и тот эпизод, когда в одной из своих торжественных речей генерал де Голль проливал слезы о миллионах мусульман, страдающих под игом коммунистического режима. Капитализм и империализм убеждены в том, что борьба против расизма и национально-освободительные движения существуют не сами по себе, а провоцируются и управляются откуда-то извне. Так что они выбирают очень эффективную тактику, используют радиостанцию «Свободная Европа» — этот голос Комитета помощи притесняемым меньшинствам... Капитализм и империализм практикуют антиколониализм, как те французские полковники в Алжире, когда они продолжали вести разрушительную войну при помощи САС⁸ или психологов из спецслужб. Они «используют одних людей против других». Мы уже видели, к каким результатам это приводит.

Атмосфера насилия и угроз, ракеты, нацеленные враждующими сторонами друг на друга, не могут ни напугать поработанные народы, ни заставить их свернуть с выбранного пути. Мы уже должны были понять, что вся их история последнего времени подготовила эти народы к проникновению в суть сложившейся ситуации. Между ненавистью колониальных народов и «спокойной» ненавистью, в кото-

⁸ Специальное административное подразделение (SAS) - офицерский корпус, в задачи которого входило укрепление контактов с населением Алжира мирными средствами.

рую погружается весь мир, существует своего рода договор о взаимодействии. Их также связывает общее происхождение. Угнетенные народы неплохо адаптировались к этой обстановке. Теперь они на «ты» с современностью. Иногда кто-то приходит в изумление, услышав, что местный житель покупает транзисторный приемник вместо нового платья для жены. Удивляться здесь нечему. Местные жители убеждены в том, что их судьба висит на волоске. Все решается здесь и сейчас. Они живут с постоянным ощущением судного дня и считают, что ничего не должно пройти мимо них незамеченным. Поэтому они очень хорошо представляют себе Фоума и Фоуми, Лумумбу и Чомбе, Ахиджо и Моуми, Кениату и тех людей, которых регулярно проталкивают наверх, чтобы сменить его. Местное население отлично разбирается во всех этих политических фигурах, потому что оценка политиков помогает обнаружить стоящие за ними силы. Необычайно развитое чутье делает жителя колонии или слаборазвитой страны похожим на политическое животное в самом широком смысле этого слова.

Верно говорят, что обретение независимости принесло колониальным народам моральную компенсацию и наградило их чувством собственного достоинства. Однако у них пока не было достаточно времени, чтобы сформировать свое общество или, иначе говоря, создать и утвердить свою систему ценностей. У них еще не существует согревающего и дающего свет центра, где развиваются человек и гражданин, набираясь опыта из самых разных сфер, перечень которых не устает расширяться. Охваченные неуверенностью, такие люди с необыкновенной легкостью убеждают себя в том, что все как-нибудь уладится, причем последствия принятых кем-то другим решений благотворно скажутся на жизни всех и каждого. Что касается политических лидеров, вынужденных сталкиваться с такой ситуацией, то они сначала колеблются, а потом занимают нейтральную позицию.

О нейтрализме нужно поговорить отдельно и основательно. Некоторые приравнивают нейтрализм к своего рода испорченному меркантилизму. Суть данного типа поведения заключается в том, чтобы взять, что можно, с обеих сторон. В действительности нейтрализм порожден «холодной войной». Если сохранение нейтралитета позволяет слаборазвитым странам получать экономическую поддержку с обеих сторон, то отсюда вытекает лишь одно: ни одна сторона не будет оказывать колониям помощь в необходимых масштабах. Эти буквально астрономические денежные суммы, которые вкладываются в военные исследования, эти инженеры, которые становятся техническими специалистами по подготовке ядерной войны, за пятнадцать лет смогли бы поднять уровень жизни в слаборазвитых странах на 60 %.

Итак, мы видим, что подлинные интересы слаборазвитых стран не предполагают затягивания или обострения «холодной войны». Однако никто не собирается спрашивать у них совета. Следовательно, когда предоставляется случай, они пытаются выйти из рамок двухполюсной системы. Но разве могут страны третьего мира действительно остаться вне этой системы? В настоящий момент Франция проводит ядерные испытания в Африке. За исключением выдвижения разных предложений, проведения митингов и разрыва дипломатических отношений, мы не можем сказать, что странам Африки удалось существенно повлиять на позицию Франции по вопросу проведения испытаний ядерного оружия на их территории.

Нейтрализм порождает особое умонастроение у населения стран третьего мира. В повседневной жизни оно проявляется в бесстрашии и фамильной гордости, которая странным образом напоминает вызов. Намеренный отказ от компромисса и упрямая воля, не знающая никаких ограничений, вызывают ассоциации с поведением бедных, но гордых юнцов, которые готовы шею себе свернуть, лишь бы только последнее слово осталось за ними. Все это ошарашивает западных наблюдателей, ибо, по правде говоря, между тем, какими эти люди хотят казаться, и тем, что у них на самом деле за душой, пролегла огромная пропасть. Эти страны, у которых нет ни трамваев, ни войск и ко всему прочему ни гроша, не имеют никаких оснований для бравады, да еще при свете дня. Должно быть, они притворяются. Третий мир часто производит впечатление прыгающего от радости. По определению, он должен получать еженедельную порцию кризисов — для компенсации. Наибольшее раздражение вызывают лидеры этих опустошенных стран. Они говорят слишком громко, и тебе хочется заткнуть им рот. Но ты ошибаешься. Нынче они просто нарасхват — им дарят букеты, приглашают на обед. Мы даже ссоримся за право завладеть ими. Вот это и есть нейтрализм в действии. Национальные лидеры на 98 % неграмотные люди, зато литературы о них написано немеряно. Они много путешествуют. Вообще-то правящий класс и студенты слаборазвитых стран — это настоящая золотая жила для авиакомпаний. Высокопоставленные чиновники из Африки или Азии за один месяц могут прослушать курс социалистической плановой экономики в Москве и посетить учебные занятия по рыночной экономике в Лондоне или Колумбийском университете. В своей области главы африканских профсоюзов мчатся вперед семимильными шагами. Только они получили доступ к управлению, как тут же решили превратить профсоюзы в автономные организации. В их распоряжении нет пятидесятилетнего опыта профсоюзной работы в условиях

индустриально развитой страны, однако им уже известно, что отмежевывающееся от политики профсоюзное движение бессмысленно. Они не вступили в рукопашный бой с буржуазной машиной и не развили свое самосознание в процессе классовой борьбы. Однако, возможно, в этом нет необходимости. В дальнейшем мы увидим, что это

Че мечтал перенести революцию в Африку

стремление к подведению общих итогов, которое, становясь карикатурным отражением самого себя, нередко принимает форму поверхностного интернационализма, является одной из самых главных особенностей слаборазвитых стран.

Давайте вернемся к столкновению между местным жителем и колонизатором и рассмотрим его отдельно. Мы уже видели, что оно принимает форму открытой борьбы с использованием оружия. В исторических примерах недостатка нет: вспомним Индокитай, Индонезию и, разумеется, Северную Африку. Но мы не должны упускать из виду тот факт, что вооруженный конфликт мог разразиться где угодно, скажем, в Гвинее или в Сомали. Более того, в наше время он может

вспыхнуть в любом месте, где колониализм намеревается остаться — в Анголе, например. Проявления вооруженной борьбы доказывают твердость людей, решивших доверять исключительно насильственным методам. Тот, о ком они всегда говорят, что единственный язык, который он понимает, — язык силы, сам начинает разговор на этом языке. В действительности колонизатор собственноручно показал ему, как он должен поступить, если захочет обрести свободу. Местный житель обращается к тому же самому аргументу, сформулированному колонизатором. По иронии судьбы, стороны поменялись местами, и теперь местный житель утверждает, что колонизатор ничего, кроме силы, не воспринимает. Законность своего существования колониальный режим поддерживает при помощи силы. Он никогда не делал попытки скрыть такое положение вещей. Каждая статуя, будь то памятник Фейдхербу или Лиотею, Буго или сержанту Бландану, — все эти застывшие конкистадоры, попирающие землю колоний, не перестают всем своим видом заявлять: «Мы находимся здесь благодаря нашим штыкам...»⁹ Эту фразу можно легко закончить. Во время вооруженного восстания каждый колонизатор руководствуется простой арифмети-

кой. Такие расчеты не удивляют других колонизаторов, но что важно отметить, не удивляют они и местного жителя. Начинается все со следующего рассуждения. Противоречие между «ними» и «нами» вовсе не носит парадоксальный характер. И действительно, у нас уже была возможность убедиться в том, что колониальный мир организован по принципу, который описывается в манихействе, т.е. он жестко разделен на части. И когда, устанавливая точные правила игры, колонизатор приказывает каждому представителю карательных сил застрелить тридцать, сто или двести местных жителей, его приказ не вызовет ни тени негодования. Так что проблема заключается в том, чтобы решить, убивать всех сразу или поэтапно¹⁰.

Итогом такой арифметики становится полное исчезновение угнетаемого народа. Осознавая свои перспективы, местный житель не возмущается и не устраивает сцен. Он всегда знал, что его поединок с колонизатором будет проходить на широкой арене. У него нет времени на горестные жалобы, и он едва ли станет искать правосудия в пределах колониальной системы. Дело в том, что если беспощадная логика колонизатора не сказывается на решимости местного жителя, то это потому, что последний рассматривает проблему своего освобождения похожим образом: «Мы должны организовать группы по двести или пятьсот человек, и уже каждая группа будет вести диалог с колонизатором». С такими мыслями враждующие стороны вступают в борьбу.

Насилие как способ воздействия на колонизатора не вызывает у местного жителя ни малейших сомнений. Солдат тоже по-своему работает. Когда организация призывает бойца к ответу, ее вопросы несут отпечаток именно такого взгляда на вещи: «Где ты работал? С кем? Какие задания ты выполнил?» Группа требует, чтобы каждый, кто в нее входит, совершил какое-нибудь необратимое действие. В Алжире, например, почти все, кто призывал народ присоединиться к борь-

⁹ Фанон ссылается на известное высказывание Мирабо: «Я здесь по воле народа, и лишь угроза штыка заставит меня покинуть мое место» (примеч. англ. пер.).

¹⁰ Очевидно, что такая зачистка разрушает то, что колонизатор хотел бы сохранить. Как раз на это указывает Сартр, когда пишет: «Если говорить в двух словах, то сам факт повторного их озвучивания [речь идет о расистских идеях] обнаруживает, что одновременное объединение всех против местного населения невозможно. Идея подобного союза лишь время от времени приходит на ум, а в качестве конкретного проявления она может осуществиться только через активное объединение с целью физической расправы со всеми местными жителями, что само по себе является полным абсурдом, хотя постоянно искушает колонизаторов. Но даже если эта идея была бы выполнима в принципе, успешно реализовать ее можно было бы лишь при условии моментальной ликвидации колониальной зависимости». (*«Критика диалектического разума»*, с. 346.)

бе за свободу, были приговорены к смертной казни или объявлены в полицейский розыск. В условиях смертельной опасности доверие напрямую зависело от безнадежности каждого случая. Ты мог полностью положиться на новобранца лишь в том случае, если он покинул колониальный мир навсегда и не собирался туда возвращаться ни при каких условиях. По-видимому, этот обряд был распространен в Кении среди мау-мау — тамошних повстанцев. У них было принято, чтобы каждый участник группы наносил удар по жертве. В итоге ответственность за гибель жертвы несли все участники. Работать — это значит добиться смерти колонизатора. Намеренно вызванное чувство ответственности за насилие позволяет как заблудшим, так и объявленным вне закона участникам группы вернуться, попробовать вновь занять свое место и стать членом одной команды. Таким образом, насилие напоминает королевское помилование. Житель колонии обретает свою свободу в насилии и посредством насилия. Четкая линия поведения служит прекрасным ориентиром, потому что указывает на средства борьбы и ее финал. Затрагивая этот аспект насилия, творчество Сезара приобретает пророческое звучание. Мы можем сослаться на одну из самых убедительных страниц его трагедии и процитировать эпизод, где Мятеежник (воистину!) объясняет причины своего поведения:

МЯТЕЖНИК (резко). Зовусь обидой я и унижением, восстать заставила меня судьба, а родом я из каменного века.

МАТЪ. Принадлежу я к роду человеческому, и верой служит мне братство.

МЯТЕЖНИК. А я из племени униженных и оскорбленных. Моя религия — постой, не ты ли укажешь мне путь к ней, призвав бросить оружие... Вот я стою, восставший. Кулаки мои стиснуты, а волосы не стрижены давно... *(С подчеркнутым спокойствием.)* Помню тот ноябрьский день; прошло едва ли шесть месяцев с тех пор... Хозяин вошел в нашу лачугу, окутанный дымом, похожий на апрельскую луну. Он сгибал свои короткие мускулистые руки — он был хорошим хозяином — и потирал толстыми пальцами свое небольшое, изрытое оспинами лицо. Его голубые глаза улыбались, и он не мог заставить себя говорить похвальные слова достаточно быстро. «Из парнишки выйдет толк», — сказал он, глядя на меня. Он добавил еще несколько приятных фраз насчет того, что я должен начать как можно быстрее, потому что двадцати лет может оказаться недостаточно, чтобы сделать из ребенка хорошего христианина и прилежного

раба, спокойного, преданного юношу, опытного надсмотрщика, присматривающего за скованными общей цепью рабами, наблюдательного и сильного. В моем лежащем в колыбели сыне этот человек смог разглядеть лишь будущего надсмотрщика.

Мы подкрались с ножом в руках...

М А Т Ь. Увы! Ты умрешь за это.

М Я Т Е Ж Н И К. Убил... Я убил его собственными руками... Да, эта смерть собрала жатву, и смерти было много... Все было ночью. Мы ползли через поле сахарного тростника. Ножи пели звездам, но до звезд не было дела нам. Тростник царапал наши лица зелеными лезвиями. Острые, они были повсюду.

М А Т Ь. А я мечтала, что сын закроет мне глаза на смертном одре.

М Я Т Е Ж Н И К. Я сделал выбор – я хочу, чтобы мой сын открыл глаза под другим солнцем.

М А Т Ь. О сын мой, сын зла и несчастливой смерти.

М Я Т Е Ж Н И К. Матерь смерти, жизнь приносящей и великолепной.

М А Т Ь. Из-за того, что он слишком сильно ненавидел.

М Я Т Е Ж Н И К. Из-за того, что слишком сильно он любил.

М А Т Ь. Пощади меня, в твоей тюрьме я задыхаюсь. Я кровью истекаю от ран твоих.

М Я Т Е Ж Н И К. Но мир пощады мне не даст... Ты в мире целом не найдешь такого бедного создания, которое бы так пытали или линчевали, как меня; насильственная смерть и унижение – вот все, что выпадает мне на долю...

М А Т Ь. Боже милосердный, избавь его!

М Я Т Е Ж Н И К. Мое сердце, ты не избавишь меня от всего, что я помню... Это случилось в ноябре, был вечер... И вдруг пронзили крики темноту; Мы бросились в атаку, мы – рабы; мы, навоз под ногами, мы, терпеливые животные. Как сумасшедшие, бежали мы; и раздавались выстрелы со всех сторон... Мы сражались. Нас охлаждали, освежали кровь и пот. Мы бились там, откуда крики шли. Они все становились громче, и грохот накачивал с востока: пристройки вспыхнули, и пламя нежно озаряло наши лица. Потом мы взяли штурмом дом хозяина. Из окон пули в нас летели. Мы вломились в дом.

Дверь в комнату хозяина была открыта нараспашку. Комната была залита светом, и хозяин был там, само спокойствие... мои спутники остановились, как вкопанные – это же был хозяин я вошел. «Это ты», – обронил спокойно он.

Это был я, все-таки я, и я сказал ему это, хороший раб, верный раб, лучший из всех рабов, и вдруг его глаза напомнили мне двух тараканов, испуганно бегущих от дождя... Я нанес удар – струей полилась кровь. Сегодня я помню лишь это крещенье»¹¹

Вполне понятно, что в такой атмосфере будничная жизнь становится просто невозможной. Вы больше не можете быть феллахом, сутенером или алкоголиком, как раньше. Насилие колониального режима и ответное насилие, захватывающее местного жителя, взаимно уравниваются и реагируют друг на друга удивительно похоже. Господство насилия будет тем ужаснее проявляться, чем основательней метрополия внедрилась в свою колонию. Распространение насилия среди местного населения будет прямо пропорционально насилию, которым почуявший угрозу своего исчезновения колониальный режим будет отвечать на освободительную борьбу. На начальной стадии отвоевания независимости, когда правительства колониальных стран можно считать рабами колонизаторов, последние ищут способы запугать и местное население, и правительство. Для наведения страха на тех и на других используются одни и те же методы. По своему выполнению и мотивации убийство мэра города Эвиана как две капли воды похоже на убийство Али Бумендьея. Колонизаторам приходится выбирать не между «алжирским Алжиром» и «французским Алжиром», а между независимым Алжиром и Алжиром-колонией. Все остальное будет либо пустой болтовней, либо попыткой измены. Логика колонизатора неумолима. Встречная логика, которая прослеживается в поведении местного жителя, может просто ошеломить, если предварительно не ознакомиться с логической основой идеей колонизатора. С того момента, когда местный житель делает выбор в пользу встречного насилия, полицейские репрессии автоматически влекут за собой насильственные действия со стороны националистов. Правда, результаты будут не одинаковыми, ибо пулеметная стрельба с воздуха и артиллерийский обстрел с моря дадут сто очков вперед любому шагу местного жителя, если иметь в виду охват территории и силу устрашающего воздействия. Этот повторяющийся с завидной периодичностью террор раз и навсегда убеждает даже самых отчужденных представителей угнетенной расы. Они на месте понимают, что за

¹¹ Э. Сезар (Aime Cesaire), «Чудесное оружие. (И собаки молчали)» [Les Armes miraculeuses (Et les chiens se taisaient)].

грудой пустозвонных речей о равенстве людей не спрятать даже одного обычного факта, той наглядной разницы, которая существует между двумя примерами. Семеро убитых или раненых в ущелье Сакамоди французов вызвали бурю возмущения у всех цивилизованных людей, тогда как разграбление *дуаров*¹² в Гвергуре и *дехра* в Джерахе, а также физическое уничтожение целых народов, что, кстати, едва ли было вызвано желанием отомстить за случай в Сакамоди, не стали событием, заслуживающим хотя бы чуточку внимания. Террор — ответный террор, насилие — ответное насилие — вот что с горечью констатируют наблюдатели, описывая замкнутый круг, по которому движется ненависть. В Алжире этот круг особенно прочен и заметен.

Во всех вооруженных конфликтах присутствует одна вещь. Мы можем назвать ее точкой необратимости. Почти всегда данная точка отмечена масштабными карательными действиями, захватывающими все сферы жизни угнетенного народа. В Алжире эта точка была достигнута в 1955 г., когда в Филиппевилле погибло 12.000 человек, и в 1956 г., когда Р. Лакост учредил городские и сельские отряды самообороны.¹³

Потом всем, включая колонизаторов, становится ясно, что «жизнь не будет такой, как раньше». В борьбе за свободу жители колоний не

¹² Временные поселения пастухов.

¹³ Мы должны возвратиться к этому периоду, чтобы оценить важность принятого решения с точки зрения французского правительства в Алжире. В четвертом выпуске «Алжирского сопротивления» от 28 марта 1957 г. мы можем прочесть следующее: «В ответ на пожелание, высказанное Генеральной Ассамблеей ООН, французское правительство решило создать в Алжире городские отряды самообороны. «Крови было пролито уже достаточно», — таков был вердикт Организации Объединенных Наций. Лакост ответил: «Дайте нам сформировать отряды самообороны». «Прекратите огонь», — посоветовала Ассоциация содействия ООН. Лакост громко закричал: «Мы должны вооружить гражданское население». Несмотря на то, что, по рекомендации ООН, обе стороны были приглашены на телевидение с целью войти в непосредственный контакт друг с другом и попытаться выработать общее соглашение, найти мирное и демократическое решение проблемы, Лакост издает закон, согласно которому каждый европеец должен был получить оружие и стрелять в любого, кто покажется ему подозрительным. На Ассамблее была достигнута договоренность о том, что власти должны были любой ценой препятствовать жестоким и чудовищным репрессивным мерам, граничащим с геноцидом. В ответ Лакост предлагает: «Дайте нам привести в порядок нашу репрессивную машину и устроить охоту на алжирцев». Символично, но он наделяет военных гражданской властью, а гражданским лицам дает военную. Круг замкнулся. Внутри окружения — алжирцы, безоружные, изголодавшиеся, высланные, отвергнутые, пострадавшие от бомбардировок, подвергнутые линчеванию. Скоро их будут резать как подозрительных. Теперь в Алжире не найдется ни одного француза, который бы не обладал правом применять оружие. Его об этом еще и просят. Месяц спустя после призыва ООН к спокойствию, в Алжире не осталось ни одного француза, которому не было бы позволено находить и преследовать вызывающих у него подозрение алжирцев. Его к этому еще и обязали». «Месяц спустя после голосования для принятия окончательного решения Генеральной

ведут счет жертвам. Огромные бреши, пробитые в их рядах, они воспринимают как неизбежное зло. Раз уж они решили отвечать насилием, они готовы принять все последствия этого выбора. Единственное, на чем они настаивают в свою очередь, — это чтобы другие тоже не занимались подсчетами. На высказывание: «Все местные одина-

Ассамблеей ООН в Алжире не найдется ни единого европейца, которого бы не привлекли к самому отвратительному мероприятию нашего времени — уничтожению людей. Демократическое решение? Да-да, что-то не похоже, признает Лакост. Давайте начнем с истребления алжирцев, а чтобы добиться этого, давайте вооружим гражданских и дадим им полный карт-бланш. Пресса города Парижа, в основном, прохладно отреагировала на создание вооруженных отрядов. В печатных изданиях они были названы фашистской милицией. Все так. Однако на индивидуальном уровне, с точки зрения прав человека, что есть фашизм, как не колониализм, когда он глубоко укореняется в колонии? Распространяется мнение о том, что отряды систематически легализируются и даже одобряются. Но разве тело Алжира не достаточно исполосовано ранами за последние сто тридцать лет? День ото дня эти раны множатся, становятся все больше и оставляют еще более глубокие следы, чем обычно. «Будьте осторожны», — советует депутат парламента г-н Кенне-Виньес. «Создавая отряды самообороны, разве мы не рискуем увидеть, как расширяется пропасть между двумя общностями в Алжире?» — продолжает он. Верно сказано. Но разве статус колонии не есть просто-напросто организованный способ порабощения целого народа? Алжирская революция оспаривает колониальное рабство и отрицает эту бездну. Алжирская революция обращается к нации, оккупировавшей территорию Алжира, и бросает ей в лицо: «Уберите ваши клыки прочь от истекающей кровью плоти Алжира! Дайте свободу слова алжирскому народу!»

«Говорят, что формирование отрядов самообороны облегчит задачу армии. Появится возможность отправить некоторые военные подразделения на охрану границ с Марокко и Тунисом. В Алжире насчитывается 600000 солдат. Почти все военно-морские и военно-воздушные силы сосредоточены здесь. Сюда же приплюсуем огромную и быстро реагирующую полицию. Она успела стать притчей во языцех, ибо ее ряды пополнились бывшими палачами из Марокко и Туниса. Полицейских в Алжире наберется на 100000 человек. И при таких цифрах надо «облегчать армии задачу»? Так что давайте присвоим воинские звания миллионам горожан. Факт остается фактом: истеричное и преступное неистовство Лакосты навязывает звание военного даже пронизательным французам. Дело в том, что в самом аргументе, который служит оправданием созданию отрядов самообороны, заложено противоречие. Свою задачу французская армия будет решать бесконечно. Следовательно, если целью становится поиск средств, способных заставить алжирский народ умолкнуть, то это значит, что дверь в будущее закрывается навсегда. Прежде всего запрещают анализировать, понимать или измерять глубину и концентрацию алжирской революции: ведомственные лидеры, лидеры микрорайона, уличные лидеры, лидеры отдельных домов, лидеры, контролирующие лестничную клетку... Сегодня к шахматной доске, расположенной на поверхности, добавилась подземная сеть». «В течение сорока восьми часов было завербовано две тысячи добровольцев. Проживающие в Алжире европейцы немедленно откликнулись на призыв Лакосты к убийству. Отныне каждый европеец должен проверять всех алжирцев в его секторе. Кроме того, на него возлагается ответственность за своевременную доставку информации, за «быстрый ответ» на террористические акты, за выявление подозрительных лиц, за ликвидацию беглых и за усиление полицейского надзора. Естественно! Ведь следует облегчить работу армии. Теперь к операциям по зачистке захваченной территории прибавилось, условно говоря, боронование, отличающееся более глубоким проникновением. Теперь к убийствам, в которых проходят трудовые будни, добавились запланированные убийства. «Остановите кровопролитие», — посоветовала Организация Объединенных Наций. «Наилучший способ сделать это, — ответил Лакост, — «убедиться в том, что не осталось крови,

ковы» — тот, о ком идет речь, ответит: «Все колонизаторы — одного поля ягоды»¹⁴.

Когда местного жителя пытаются, а его жену убивают или насилюют, он никому не жалуется. Правительство угнетателей может создавать комиссии по расследованию и поиску информации каждый день, если захочет. Для местного жителя эти комиссии не существуют. Факт остается фактом: почти семь лет преступления в Алжире не прекращаются, однако ни одному французу не было предъявлено обвинение за убийство алжирца. Коренной житель Индокитая, Мадагаскара и любой колонии знает, как дважды два, что ему нечего ждать от другой стороны. Задача колонизатора — сделать так, чтобы местное население даже мечтать не смело о свободе. Местного жителя заботит прямо противоположное: изобрести все возможные средства для уничтожения колонизатора. С точки зрения логики, манихейство местного жителя появляется на свет в результате манихейства колонизатора. На теорию о «местном жителе как абсолютном зле» отвечает теория «о колонизаторе как абсолютном зле».

В контексте синкретизма¹⁵ появление колонизатора означало гибель туземного общества, пробуждение культуры от летаргического сна и активизацию отдельной личности. С точки зрения местного населения, его жизнь может вновь возродиться вдалеке от разлагаю-

которую можно пролить». Алжирский народ, вынужденный сдаться полчищам Массу, попадает под попечительство городских отрядов самообороны. Приняв решение о формировании этих отрядов, Лакост открыто демонстрирует, что не допустит вмешательства в его войну. Создание отрядов самообороны — доказательство того, что нет никаких ограничений, поскольку начался процесс гниения. Действительно, в данный момент он является пленником ситуации. Но что за странное утешение — при падении тянуть за собой всех!»

«После каждого такого решения алжирский народ еще сильнее напрягает мышцы и сражается еще отчаянней. После каждого из этих организованных и ставших популярными убийств алжирский народ укрепляет свое самосознание и еще теснее сплачивается для того, чтобы сопротивляться. Поистине, французской армии всегда найдется, чем заняться, потому что единение алжирского народа, которое не может не вызывать восхищения, бесконечно».

¹⁴ Именно поэтому, когда война только начинается, военнопленных не берут. Только расширяя свои политические знания, местные лидеры могут прийти к тому, чтобы суметь убедить массы согласиться со следующими утверждениями: 1) люди, прибывшие из метрополии, не всегда действуют по собственной воле и иногда даже питают отвращение к войне; 2) несомненно, на пользу движению пойдет то уважение, которое сторонники движения должны своими действиями демонстрировать по отношению к определенным международным соглашениям; 3) армия, которая берет пленных, является настоящей армией и перестает считаться всего-навсего шайкой разбойников с большой дороги; 4) каковы бы ни были обстоятельства, пленники представляют собой средство оказания давления, которое нельзя игнорировать, ведь оно может помочь защиты наших людей, которые находятся в руках врага.

¹⁵ Синкретизм — нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления (прим. пер.).

щегося трупа колонизатора. Так, буквально слово в слово, соотносятся две цепочки рассуждений.

Однако что касается угнетенных народов, то насилие, становясь их единственной деятельностью, обогащает их позитивными и созидательными качествами. Практика насилия сплачивает их в одно целое, потому что каждый человек представляет собой отдельное звено в огромной цепи, он часть большого организма насилия, который вырос в ответ на насилие колонизатора, проявленное еще при завоевании колоний. Группы борцов за свободу узнают друг о друге, и прочность будущей нации уже несокрушима. Вооруженное сопротивление мобилизует людей, другими словами, заставляет их идти одной дорогой и в одном направлении.

Мобилизация народных масс, когда она осуществляется в рамках освободительной борьбы, порождает в сознании каждого человека идеи общего дела, судьбы нации и коллективной истории. Присутствие этого «цемента», замешанного на крови и гневe, помогает и на второй стадии, т.е. стадии формирования нации. Таким образом, мы приходим к более полному пониманию происхождения тех слов, которые получают широкое распространение в слаборазвитых странах. В колониальный период людей призывают бороться с угнетением, а после завоевания независимости объектом борьбы становятся нищета, неграмотность и низкий уровень развития. Так что борьба продолжается. Люди осознают, что жизнь — это бесконечная борьба.

Мы отметили, что насилие, вошедшее в плоть и кровь местного жителя, объединяет людей, тогда как даже по структуре колониализма видно, что он нацелен на сепаратизм и региональную замкнутость. Колониализм не просто констатирует существование племен, он намеренно усиливает племенную разобщенность. Колониальная система поощряет власть племенных вождей и предводителей кланов, поддерживает существующие с незапамятных времен объединения марабутов¹⁶. Насилие же отличается всеохватностью и национальным характером, из чего вытекает, что оно вносит большой вклад в искоренение региональной раздробленности и межплеменной вражды. Поэтому национально-освободительные партии не питают никакой жалости по отношению к каидам¹⁷ и обычным вождям. Их исчезновение рассматривается в качестве необходимого условия для объединения народа.

Для отдельной личности насилие становится средством духовного очищения. Оно освобождает местного жителя от комплекса неполно-

¹⁶ Мусульманские отшельники

¹⁷ Вождь племени или рода

ценности, от отчаяния и пассивности; насилие вооружает его бесстрашием и восстанавливает чувство собственного достоинства. Даже если вооруженная борьба носила символический характер и нация была демобилизована в процессе быстрого освобождения, у людей все равно достаточно времени, чтобы увидеть, что завоевание свободы было делом всех и каждого, а не личной заслугой лидера освободительного движения. Здесь кроются корни той агрессивной сдержанности, которую вызывает протокольный аппарат новорожденных правительств. Когда народ принимает непосредственное участие в освободительной борьбе, он не позволит кому-то другому гордо называться «освободителем». Местное население очень ревниво относится к результатам своих трудов и внимательно заботится о том, чтобы его будущее, его судьба или судьба его страны не попали в руки земного бога. Вчера они были безответственны, но сегодня они все понимают и принимают нужные решения. Озаренное лучами насилия сознание людей протестует против любого умиротворения. Отныне и впредь перед демагогами, оппортунистами и колдунами всех мастей стоит трудная задача. Порыв к действию, который бросил массы в рукопашный бой, привил им ненасытное желание конкретных вещей. Со временем попытки мистификации станут практически невозможными.

Насилие в международном контексте

На предыдущих страницах мы неоднократно указывали на то, что в слаборазвитых странах политический лидер постоянно призывает свой народ к борьбе: к борьбе с колониализмом, с катастрофической бедностью и недостаточно развитой экономикой, с практикой стерилизации. Лексика этих призывов напоминает активный словарь начальника штаба. Так, часто звучат слова: «массовая мобилизация», «сельскохозяйственный фронт», «война с неграмотностью», «поражения, которые мы понесли», «завоеванные победы». В первые годы молодое независимое государство развивается в атмосфере, характерной для полей сражений, потому что ее политический вождь с паническим страхом смотрит на внушительное расстояние, которое нужно преодолеть его стране. Он взывает к народу и говорит ему: «Препояшем же наши чресла и возьмемся за работу». И страна, охваченная каким-то безумным созидательным порывом, начинает предпринимать лихорадочные и несоразмерные усилия. В ее планы

входит не только выбраться из болота, но также догнать другие государства, используя лишь те средства, которые ей доступны. Бывшие колонии полагают, что если кому-то, т.е. европейским странам, удалось достичь высокого уровня развития, то и они смогут это сделать. Они словно говорят: «Дайте нам доказать самим себе и всему миру, что мы способны добиться тех же достижений». Мы находим, что такой способ решения проблемы развития стран третьего мира не является ни правильным, ни благоразумным.

Национальное единство в европейских государствах было достигнуто в тот момент, когда средний класс сконцентрировал в своих руках большую часть материальных ценностей. Владельцы лавок и ремесленники, мелкие служащие и банкиры завладели финансами, торговлей и наукой в общенациональном масштабе. Средний класс развивается динамичнее других и был самым состоятельным в обществе. Оказавшись у власти, средний класс получил возможность осуществить на практике очень важные идеи: промышленный переворот, налаживание путей сообщения и поиск зарубежных рынков сбыта.

Если отвлечься от некоторых незначительных отличий (например, лидирующего положения Англии), то мы увидим, что к моменту формирования наций государства Европы находились приблизительно на одном уровне экономического развития. В Европе не было такой нации, которая ввиду особенностей своей эволюции оскорбляла бы другие нации.

В наше время завоевание независимости и растущее чувство национального единства в слаборазвитых регионах сказываются совершенно по-новому. За редким и оттого очень заметным исключением находящиеся в этих регионах различные страны ощущают нехватку одного и того же — инфраструктуры. Массы людей борются с одинаковой нищетой, спотыкаются на одном и том же месте, и их прилипшие к спине животы очерчивают границы, получившие название географии голода. Это слаборазвитый в экономическом отношении мир, мир, где царит ужасающая бедность. Но ко всему прочему в этом мире нет своих врачей, инженеров и управленцев. Сталкиваясь с этим миром лицом к лицу, европейские нации встают в позу, бахвалясь своим процветанием. Богатство Европы пользуется дурной славой, и слава эта действительно «бежит» поскольку богатство это было сколочено при помощи закабаления других народов, нажито на крови рабов и своими корнями оно уходит глубоко в землю слаборазвитых стран. Своим благосостоянием и прогрессом Европа обязана изнурительному труду и трупам

негров, арабов, индийцев, азиатов. Мы решили больше не закрывать глаза на этот факт. Сбитая с толку требованием независимости, которое она вдруг слышит от колонии, метрополия заявляет лидерам национально-освободительного движения: «Хотите независимости — так получите и отправляйтесь обратно в мрачное средневековье». Услышав подобное, бывшие колонии, только-только получившие долгожданную свободу, предпочитают молча соглашаться и принять вызов. А потом вы видите, как колониализм оставляет свою столицу в колонии, забирает с собой специалистов и начинает оказывать на молодое независимое государство экономическое давление¹⁸. Апофеоз независимости оборачивается ее проклятием: используя свои огромные возможности для оказания давления, бывшие метрополии обрекают молодое независимое государство на возврат к более низкому уровню развития. Метрополия заявляет ясно и понятно: «Хотите независимости — возьмите и... подышайте с голоду». У лидеров нации не остается другого выбора, кроме как обернуться к народу и попросить его напрячь все силы. И без того измученные голодом, эти люди оказываются в условиях сурового аскетизма. От их слабых мускулов требуют совершенно

¹⁸ В условиях современной международной ситуации капитализм устраивает экономическую блокаду не только африканским и азиатским колониям. Своими операциями, нацеленными против режима Кастро на Кубе, Соединенные Штаты открывают новую главу в продолжительной истории трудного прорыва человека к свободе. Латинская Америка должна послужить для Африки наглядным примером. Хотя получившие не так давно независимость страны Латинской Америки имеют представительство в ООН и даже добиваются от этой организации финансовой поддержки, со времени своего освобождения эти бывшие колонии изрядно пострадали от наглого вмешательства западного капитализма, который несет с собой террор и разорение.

Освобождение Африки и шаг вперед, сделанный человечеством в осмыслении происходящего, позволили народам Латинской Америки порвать с закрепившейся традицией диктаторских режимов. Латинскую Америку давно лихорадила круговерть нескончаемых переворотов, причем каждый новый режим в точности повторял предыдущий. Кастро захватил власть и отдал ее народу. Янки восприняли эту ересь как национальное бедствие, и США теперь организуют контрреволюционные бригады, создают Временное правительство, сжигают посевы сахарного тростника — в общем, американцы решили безжалостно задушить кубинский народ. Однако тут им придется очень нелегко. Народ Кубы будет страдать, но в то же время он будет стараться преодолеть все трудности. Президент Бразилии Жаньо Квадрос в своем недавнем заявлении, которое имеет огромное историческое значение, сказал, что его страна будет защищать кубинскую революцию всеми доступными средствами. Возможно, даже Соединенным Штатам придется отступить, столкнувшись с объявленной волей народа. Когда придет этот знаменательный день, мы вывесим флаги, потому что для всего мира настанет переломный момент. Всемогуший доллар, к которому после того, как все будет сказано или сделано, вернутся разбросанные по всему миру рабы, нефтяные скважины на Ближнем Востоке, шахты в Перу или Конго, плантации «United Fruit» или «Firestone». Когда-нибудь эта система перестанет властвовать над порожденными ей рабами, которые с пустой головой и с пустым желудком продолжают кормить ее своей плотью.

непомерных усилий. Включается режим автаркии, и каждое государство, располагая лишь скудными ресурсами, пытается хотя бы в какой-то степени уменьшить царящие в стране голод и нужду. Перед нами мобилизация людей, которые трудятся до изнеможения перед лицом недоверчивой и заплывшей жиром Европы.

Другие страны третьего мира отказываются подвергаться такому жестокому испытанию и, для того чтобы их минула чаша сия, соглашаются принять условия бывшего опекуна, т.е. метрополии. Для заключения договоров и подписания обязательств эти страны используют свою стратегическую позицию, гарантирующую им привилегированное обращение в условиях соперничества между блоками. Добившаяся независимости страна попадает в экономическое подчинение. Бывшая колониальная держава, сумевшая сохранить и иногда даже укрепить колониальные торговые каналы, готова обеспечить бюджету независимого государства небольшие вливания. Таким образом, мы видим, что обретение независимости в колониях ставит перед всем миром важный вопрос, поскольку освобождение колоний обнажает реальное положение дел в их экономике и делает их еще более невыносимым. Главный поединок в мире, который, судя по всему, происходит между колониализмом и антиколониализмом, а на самом деле — между капитализмом и социализмом, начинает терять свое основополагающее значение. На горизонте нарисовалась новая проблема, и сегодня она выходит на первый план. Речь идет о необходимости перераспределения материального богатства. Человечество должно решить эту проблему, иначе она взорвет человеческое общество изнутри.

Пожалуй, в наше время редко кому не приходит в голову мысль о том, что настала пора всему миру и, особенно, третьему миру, совершить окончательный выбор между капиталистической и социалистической системами. Слаборазвитые страны использовали беспощадное соперничество этих систем в качестве средства, работавшего на завоевание свободы. Однако бывшим колониям не следует превращаться в один из факторов упомянутого соперничества двух лагерей. Страны третьего мира не должны довольствоваться включением их в ту систему ценностей, которая существовала в условиях колониализма. Напротив, им следует приложить максимум усилий для поиска их собственных ценностей, внутреннего устройства и образа жизни. Новая система ценностей должна отличаться подчеркнутым своеобразием, характерным именно для данных стран. Проблема, с которой мы сталкиваемся, состоит не в выборе между социализмом или капитализмом (или, возможно, в цене этого выбора), как могут формулиро-

вать ее государства других континентов и «постарше». Мы, конечно, знаем, что капиталистический режим, поскольку он является целым образом жизни, не может дать нам спокойно выполнять нашу работу дома или наш долг в мире. Капиталистическая эксплуатация, все эти картели и монополии являются врагами слаборазвитых стран. С другой стороны, выбор в пользу социалистической системы, полностью ориентированной на народ как целое и основанной на том принципе, что человек ценнее любой собственности, позволит нам идти вперед в более быстром и сбалансированном темпе. В итоге мы избежим карикатурного общества, где экономическая и политическая власть принадлежит лишь кучке избранных, которые тоже смотрят на нацию как на целое, но при этом в их взгляде сквозит неприкрытое пренебрежение, а то и презрение.

Чтобы социалистический строй начал давать положительный эффект, другими словами, чтобы любой пример доказывал, что мы можем уважать вдохновившие нас принципы, нам нужно нечто большее, чем рекордная производительность труда. Некоторые слаборазвитые страны расходуют огромное количество человеческой энергии именно таким образом. Мужчины и женщины, молодежь и старики занимаются тем, что на самом деле носит название принудительного труда, и провозглашают себя рабами нации. Полная самотдача и пренебрежительное отношение к любому занятию, которое не служит на благо общего дела, пробуждают в людях национальное самосознание. Оно согревает сердца людей, наделяет их бодрящей верой в судьбу человечества и обезоруживает самых осторожных наблюдателей. Однако невозможно поверить в то, что люди смогут выдержать такое нечеловеческое напряжение в течение долгого времени. Молодые страны согласились принять вызов после безоговорочного отступления метрополий. Страна обнаруживает себя в руках новых управляющих, но факт остается фактом: все нуждается в кардинальных реформах, все нужно заново обдумывать. Колониальная система основывалась на определенном благосостоянии и на каких-то отдельных ресурсах — тех, что обеспечивали ее промышленность. Вплоть до сегодняшнего дня не было предпринято никаких мер для того, чтобы оценить величину земельных ресурсов или недра бывших колоний. Соответственно, молодое независимое государство вынуждено использовать экономические каналы, созданные колониальным режимом. Оно, конечно, может продолжать экспорт в другие страны, но основа ее вывоза не претерпевает существенных изменений. Колониальный режим обеспечил себе определенные экспортно-импортные пути. Бывшей

колонии придется ими воспользоваться, иначе катастрофа неминуема. Возможно, все нужно начать с начала, т.е. изменить структуру вывоза, причем не только за счет смены торговых партнеров; провести повторную оценку земельных ресурсов и недр, обследование речных систем и выяснить — почему бы и нет? — потенциал солнечной энергии. Для того чтобы выполнить перечисленные задачи, требуются другие вещи, и они необходимы в большей степени, чем непосильное напряжение людей. Третьему миру нужен капитал всех видов, специалисты всех мастей, инженеры, квалифицированные рабочие и т.д. Будем совсем откровенны: мы не считаем, что колоссальные усилия, на которые по призыву своих лидеров должны пойти народы слаборазвитых стран, дадут ожидаемые результаты. Если условия работы не будут облегчены, для придания третьему миру человеческого облика понадобятся столетия. Заметим, что до животного состояния этот мир довели капиталистические державы¹⁹.

Дело в том, что мы не должны принимать такие условия. Нам следует категорически отвергнуть ситуацию, на которую Запад обрекает нас. Колониализм и империализм еще не заплатили по всем счетам, свернув свои флаги и отозвав полицию с бывших своих территорий. На протяжении нескольких веков капиталисты вели себя в колониях, как отпетые военные преступники. Депортация, жестокие убийства, принудительный труд и рабство — таковы главные методы, которые использовал капитализм для умножения своих богатств, золотых или бриллиантовых запасов, а также для установления своей власти. Не так давно фашизм превратил всю Европу в настоящую колонию. Правительства различных европейских государств немедленно вспомнили о репарациях и потребовали реституции в натуральном и денежном виде за те материальные ценности, которые были украдены у них. Так что культурные ценности, картины, скульптура и цветное стекло вернулись к своим прежним владельцам. Наутро после Дня победы в 1945 г. европейцы единодушно поддержали единственный лозунг: «Германия должна заплатить». Необходимо отметить, что на открытии судебного слушания по делу Эйхмана г-н Аденауэр от имени всех немцев еще раз попросил прощение у еврейского народа. Он повторил обещание своей нации продолжать выплачивать государству Израиль огром-

¹⁹ Крупные поселения европейцев принесли пользу некоторым колониям. К моменту освобождения там уже были и дома, и широкие дороги. Поэтому эти страны склонны забывать об удаленных районах, где все еще царят нужда и голод. По иронии судьбы своим похожим на соучастие молчанием они словно выдают, что их города — ровесники их независимости.

ные денежные суммы. Их выплата рассматривается в качестве компенсации за преступления, совершенные нацистами²⁰.

По аналогии мы можем сказать, что империалистические государства совершили бы серьезную ошибку и поступили бы ужасно несправедливо по отношению к самим себе, если бы удовлетворились отступлением из колоний. Они отозвали свои военные когорты, а также руководителей и прочих чиновников. Между прочим, в задачу последних входил поиск материальных богатств в колонии, их добыча и отправка в метрополию. Завоевание независимости принесло нам моральную компенсацию, но она нас не ослепила и не накормила. Богатство бывших метрополий — это и наше богатство тоже. Будьте уверены, что в самом общем плане подобное утверждение не должно восприниматься как свидетельство того, что мы чувствуем на себе влияние западной культуры или техники. Речь идет о другом. Самым непосредственным образом Европа до отвала наедалась золотом и сырьем, поступавшим из колоний, — из Латинской Америки, Китая и Африки. Со всех этих континентов, под взором которых сегодняшняя Европа воздвигает башню своего благосостояния, на европейскую землю веками текли алмазы и нефть, шелк и хлопок, лес и экзотические товары. Европу в буквальном смысле можно считать созданием третьего мира. Богатство, которое словно покрывалом окутывает ее, было украдено у колоний. Морские порты Голландии, доки Бордо и Ливерпуля были приспособлены для торговли чернокожими невольниками и приобрели известность благодаря миллионам вывезенных рабов. Так что теперь, услышав, как глава какого-нибудь европейского государства заявляет положила руку на сердце, что он должен помочь бедным слаборазвитым странам, мы не трепещем от восторженной благодар-

²⁰ Верно, что Германия выплатила не все репарации. Победенную нацию не стали заставлять платить по всем счетам. Страны, которым Германия нанесла огромный ущерб, включили ее в систему обороны от коммунизма. (Тем же самым озабочены бывшие метрополии, когда они пытаются если не присоединить напрямую свои прежние колониальные владения к западному блоку, то, по крайней мере, разместить на их территории военные базы и анклавы.) С другой стороны, они единодушно решили забыть свои требования ради осуществления стратегии НАТО и сохранения свободного мира. В результате мы видели, как в Германии рекой потекли доллары и техника. Западный лагерь подумал, что нужно помочь Германии встать на ноги, вновь обрести силу и могущество. В интересах так называемой свободной Европы была восстановлена и добившаяся процветания Германия, потому что в этом случае она могла бы служить первым бастионом на пути возможных «красных орд». Германия прекрасно воспользовалась опасениями Европы. В то же время США и европейские государства чувствуют неизбежную горечь, сталкиваясь с современной Германией. Вчера она лежала у ног победителей, а сегодня им приходится напряженно конкурировать с ней в экономической сфере.

ности. Напротив, мы говорим себе: «Это всего лишь компенсация, которую нам должны выплатить». Мы также не согласимся признать, чтобы помощь странам третьего мира считалась благотворительностью. Помощь бывшим колониям должна стать подтверждением того, что поняты две вещи: с одной стороны, находившимся в колониальной зависимости народам необходимо воспринимать эту помощь как *должное*, с другой — капиталистическим державам сле-

дует уяснить, что *они должны платить*²¹

Если по неразумению своему (мы не говорим: из-за недостатка чувства благодарности) капиталистические страны откажутся платить, безжалостная диалектика их собственного строя задушит их. Известно, что частный капитал неохотно идет в бывшие колонии. С точки зрения монополий, можно отыскать много причин для объяснения такой сдержанности и придания ей вполне законного характера. Как только капиталисты узнают (а узнают они, конечно, первыми), что их правительства готовы предоставить колониям независимость, они в большой спешке забирают все свои капиталы из колоний. Впечатляющий отток капитала

можно считать одним из самых постоянных атрибутов процесса освобождения колоний.

Отвечая на просьбы вкладывать средства в экономику бывших колоний, частные компании выдвигают условия, на практике неприемлемые или неосуществимые. Верные принципу быстрой окупаемости, которым они руководствуются, отправляясь «за далекие моря», капиталисты проявляют фантастическую осмотрительность, когда речь заходит о долгосрочных инвестиционных проектах. Они становятся неуступчивыми и зачастую с открытой враждебностью реагируют на перспективные пла-

²¹ «Представить себе принципиальную разницу между построением социализма в Европе и нашими отношениями со странами третьего мира (как будто они носят характер внешних) — значит, сознаем мы это или нет, определить темп распределения колониального наследства в добавление к освобождению слаборазвитых стран. Создать процветающее социалистическое общество на основе нагробленного империализмом богатства — это как раздать милостыню, когда банда грабителей, разделив примерно поровну добычу, бросает подачку беднякам, забывая, что именно эти люди подверглись ограблению». См.: Марсель Пеху. «Умереть за де Голля?..» «*Temps modernes*». - № 175-6, октябрь-ноябрь 1960 г.

Франц Фанон

ны развития экономики, разработанные молодыми реформаторами из нового правительства теперь уже независимой страны. В крайнем случае, они охотно соглашались предоставить молодым государствам кредит, но лишь с тем условием, что деньги пойдут на закупку промышленных товаров и оборудования. Другими словами, кредит дается с целью обеспечить бесперебойную работу предприятий бывших метрополий.

На самом деле осторожность финансовых группировок Запада можно объяснить их страхом перед риском. Они также требуют политической стабильности и спокойствия в обществе. Однако этого невозможно добиться, если учесть, в каком ужасном положении находится население стран, получивших независимость. Поэтому после тщетного поиска хоть каких-нибудь гарантий, которых бывшие колонии не способны дать, капиталисты требуют разместить на территории молодого государства воинские части либо подписать с ними военные или экономические соглашения. Частные компании оказывают давление на собственные правительства, чтобы те добились, по меньшей мере, создания в странах третьего мира военных баз для защиты экономических интересов этих компаний. А ныне капиталисты даже просят свое правительство подстраховать вложения, которые они все-таки решаются сделать в данном конкретном регионе.

В реальности получается так, что лишь немногим странам третьего мира удастся выполнить условия западных трестов и монополистических объединений. Как следствие — без гарантий безопасности капитал не идет в бывшие колонии, а остается, замороженный, в Европе. Он еще больше теряет свою мобильность, поскольку его владельцы отказываются инвестировать и в собственную экономику. Прибыли в таком случае оказываются ничтожными, и даже самые смелые оптимисты впадают в расстройство при подсчете балансов.

В долгосрочной перспективе ситуация выглядит просто катастрофической. Циркуляция капитала останавливается, или ее скорость предельно снижается. Несмотря на огромные суммы, от которых раздуваются военные бюджеты, международный капитализм оказывается в отчаянном положении.

Однако существует еще одна угроза. Покинутый в одиночестве и обреченный злобой и эгоизмом Запада на регрессионное развитие или, в лучшем случае, на стагнацию, третий мир решит продлить коллективную автаркию. Следовательно, промышленность западных стран будет лишена внешних рынков сбыта. Произведенная продукция будет скапливаться на складах, а на европейских рынках между трестами и финансовыми группировками разразится беспощадная война. Закрытие предприятий, увольнение большого количества рабочих и возросшая безработица заставят рабочий класс Европы начать открытую борьбу против капиталис-

тического строя. И тогда монополии поймут, что их подлинные интересы связаны с предоставлением помощи слаборазвитым странам, причем щедрой помощи с минимумом условий. Так что мы видим, насколько не правы молодые государства третьего мира, которые заискивают перед капиталистами. Наша сила — в наших правах и в справедливости отстаиваемой нами точки зрения. Мы должны настойчиво объяснять капиталистическим странам, что основная проблема нашего времени заключается не в борьбе между ними и социализмом. «Холодной войне» необходимо положить конец, ибо она ни к чему не приведет. Планы по распространению ядерного оружия в мире должны быть остановлены. Слаборазвитые страны должны получить масштабные инвестиции и техническую помощь. Судьба целого мира зависит оттого, как разрешится эта проблема.

Кроме того, перед лицом миллионов голодающих людей в странах третьего мира капитализм не должен обращаться за помощью к социалистическому лагерю, объединяя его путь с «судьбой Европы». По всей вероятности, грандиозный подвиг полковника Гагарина не показался генералу де Голлю чем-то оскорбительным. Разве полет в космос советского космонавта не принес славу всей Европе? В недалеком прошлом государственные деятели капиталистических стран занимали двусмысленную позицию по отношению к Советскому Союзу. Объединив все свои силы для уничтожения социализма, они теперь понимают, что будут вынуждены считаться с ним. Поэтому они глядят в сторону СССР как можно приветливее, предпринимают разнообразные попытки пойти на сближение и все время напоминают советскому народу, что он «принадлежит Европе».

Капиталистическому лагерю не удастся разобщить прогрессивные силы, которым предназначено привести человечество к счастью, хотя он и пытается, выставляя третий мир как страшную опасность, нависшую над европейскими странами. Третий мир не собирается организовывать великий крестовый поход, чтобы принести голод всей Европе. От тех, кого веками держали в рабстве, ожидают, что они помогут роду людскому стать лучше и сделают человека победителем везде — раз и навсегда. Но мы, разумеется, не настолько наивны, чтобы полагать, что такое возможно благодаря сотрудничеству и доброй воле европейских правительств. Эта нелегкая задача, предполагающая возвращение человечества в мир, т.е. объединение всего человечества в пределах одного мира, не может быть осуществлена без помощи европейских народов. Им следует самим осознать, что в прошлом они часто становились на сторону наших хозяев, когда речь заходила о колониальных вопросах. Чтобы достичь такого понимания, европейским народам нужно в первую очередь проснуться и встряхнуться себя после долгого сна, заставить работать свое собственное мышление и прекратить глупую игру в «спящую красавицу».

Хьюи Ньютон

О ПРАВИЛЬНОМ ПОДХОДЕ К РЕВОЛЮЦИИ

20 июля 1967 г.

Массы чернокожих неправильно подходят к вопросу о сопротивлении. Когда наши братья в Восточном Окленде — а они научились тактике сопротивления на примере событий в Уоттсе, — собрали людей на улицах и начали швырять кирпичи и «коктейли Молотова», стремясь уничтожить как можно больше материальных ценностей и вызвать хаос, гестаповская полиция согнала их, подобно стаду скота, на небольшом пятачке, где их натиск был немедленно сдержан зверским насилием штурмовых отрядов угнетателя. Хотя такой стиль сопротивления хаотичен, не рассчитан на долгое время и обходится слишком дорого, именно он был принят за образец по всей стране, во всех гетто нации чернокожих.

Массам неизвестно, кто именно первым кинул «коктейль Молотова», но они относятся к поступку этого человека с уважением и подражают ему. Точно так же народ будет подражать и действиям нашей партии — если он начнет относиться к нашей деятельности с уважением.

Самая главная задача партии — это указывать народу путь. Она должна словом и делом учить массы правильным стратегическим приемам затяжного сопротивления. Когда люди поймут, что им больше не выгодно оказывать сопротивление, выходя на улицы большими толпами, и осознают преимущества партизанских приемов ведения войны, они очень скоро начнут следовать этому примеру.

Но для этого они сначала должны научиться уважать партию, которая обращается к ним с таким посланием. Когда авангардная органи-

зация начнет разрушать госаппарат угнетателя, атакуя его маленькими группками по три и четыре человека, которые затем будут скрываться от возмездия, это произведет на народные массы впечатление, и у них будет больше желания следовать этой правильной стратегии. Когда массы услышат что, например, гестаповский полисмен был казнен, когда прихлебывал из чашечки кофе у стойки бара, а революционные палачи спаслись бегством, и никому не удалось их выследить,

Хьюи Ньютон

массы начнут видеть действенность такого типа сопротивления. Нет никакой необходимости организовывать все тридцать миллионов чернокожих в первичные ячейки по два и три, но партии важно показать народу, как можно сделать революцию.

Научиться чему-то можно тремя путями: читая книги, путем наблюдения и на собственном опыте. Поскольку черная община состоит главным образом из людей, отдающих предпочтение действию, то учится она в основном, наблюдая за какой-нибудь деятельностью или участвуя в ней. Обучаться путем чтения книг — хорошо, но учиться на опыте — еще лучше. Поскольку черная община читать не привыкла, то крайне важно, чтобы авангардная группа состояла главным образом из активистов, людей действия. Без такого знания о том, что собой представляет черная община, совершить

черную революцию в расистской Америке невозможно.

Главное, что должна сделать партия, — это пробудить народ и научить его стратегическому методу, который позволил бы ему противостоять властной структуре, которая готова не только со зверской жестокостью подавлять сопротивление народа, но и пойти на полное уничтожение чернокожего населения. Если властная структура узнает, что у черных есть, например, х единиц огнестрельного оружия, эта информация не станет для нее стимулом, чтобы запастись еще большим количеством винтовок: все необходимые запасы у нее уже есть.

В конце концов, такое революционное образование скажется положительным образом на сопротивлении чернокожего населения и отрицательным — на угнетении, осуществляемом властной структурой. Ведь партия воплощает собой революционное неповиновение.

Если партия не расскажет народу о существующих инструментах и методах освобождения, то народ будет вообще лишен всяких средств для самоорганизации.

Отношения между авангардной партией и массами — это отношения второго порядка. Отношения первого порядка — это отношения между самими членами авангардной партии. Если мы хотим, чтобы партийная машина работала эффективно, важно, чтобы члены партийного коллектива поддерживали друг с другом тесные отношения. Без таких прямых, непосредственных отношений невозможно построить функциональный механизм работы партии или осуществлять действенные проекты. Чтобы минимизировать опасность со стороны мыслящих подобно дяде Тому стукачей и оппортунистов, нужно, чтобы члены авангардной организации были проверенными революционерами.

Авангардная группа должна поставить себе основной целью повышение уровня сознания масс с помощью образовательных программ и другой подобной деятельности. Спящие массы нужно просто-таки бомбардировать материалами, говорящими о правильном подходе к борьбе, и партия должна использовать все доступные средства, чтобы довести эту информацию до масс. А чтобы было так, массы должны знать, что партия существует. В начале своего существования авангардная партия никогда не находится в подполье: это ограничило бы ее действенность и помешало бы осуществлению ее образовательных целей. Как вы можете учить людей, если люди вас не знают и не уважают? Партия должна существовать на легальном положении так долго, как только ей позволит собачья властная структура, и хотелось бы надеяться, что когда партию силой заставят уйти в подполье, ее цели и задачи будут уже донесены до народа. Легальная деятельность авангардной партии будет по необходимости очень короткой. Поэтому партия должна оказать на людей громадное влияние еще до того, как ее загонят в подполье. К этому моменту люди уже будут знать, что партия существует, и, когда она окажется в подполье, будут специально разыскивать новую информацию о том, что она делает.

Они не любили Вавилон

Многие самозванные «революционеры» находятся в плену ошибочного представления, что авангардная партия должна быть тайной организацией, о которой властная структура не знает ничего, о которой не знают ничего и массы — кроме, разве что, писем, изредка приходящих в дома людей по ночам. Подпольные партии не могут распространять листовки, заранее объявляющие о встрече, которая состоится в подполье. Но эти так называемые революционеры не хотят видеть этих противоречий и несообразностей. На самом деле, они боятся той самой опасности, в лицо которой они призывают взглянуть народ. Эти псевдореволюционеры хотят, чтобы народ говорил, то, что они сами боятся сказать, делал то, что они сами боятся сделать. Подобного рода «революционеры» — лицемеры и трусы. Настоящий революционер понимает, что если он искренне предан своему делу, то смерть не за горами. То, что он говорит и делает, в высшей степени опасно. Без такого понимания продолжать заниматься революцией просто бессмысленно.

Если бы эти обманщики изучили революционную историю, то они бы увидели, что авангардная организация всегда начинает работать в открытую, а в подполье ее загоняет агрессор. Пример — кубинская революция. Когда Фидель Кастро разворачивал сопротивление против палача Батисты и американских прихвостней, он начал с публичных речей в студенческом городке Гаванского университета. Впоследствии он был вынужден уйти в горы. Влияние Фиделя на массы неимущих кубинцев было огромным, и то, что он говорил, воспринималось с большим уважением. Когда он скрылся, кубинцы стали специально разыскивать его, уходить в горы, чтобы найти его и его отряд из двенадцати человек.

Кастро правильно подходил к вопросу о революционной борьбе, и если мы внимательно изучим историю китайской революции, то увидим, что Компартия Китая тоже работала совершенно открыто, дабы заручиться поддержкой масс. Есть еще очень много примеров успешной революционной борьбы, которые могут научить нас правильному подходу: революция в Кении, алжирская революция, которую обсуждает Фанон в книге «Весь мир голодных и рабов», русская революция, работы Председателя Мао Цзэдуна и многое, многое другое.

Миллионы и миллионы угнетенных могут и не знать членов авангардной партии лично, но они будут узнавать о результатах ее деятельности и о ее верной стратегии освободительной борьбы косвенным образом, через средства массовой информации. Но нельзя полагаться на одни только масс-медиа, контролируемые властной

структурой. Для авангардной партии в высшей степени важно создать свой собственный орган массовой коммуникации, такой, как газету, и одновременно заниматься распространением революционного искусства, выражающего ее стратегические цели, и разрушением инфраструктуры угнетателя. Например, в Уоттсе был нанесен такой ущерб экономике и материальным ценностям угнетателя, что, как ни пыталась пресса этого самого угнетателя смазать эффект от действий чернокожих братьев, истинный характер и причины этой акции дошли до каждой черной общины. И как ни пытался угнетатель в своих средствах массовой информации исказить и запутать смысл того, что сделал брат Стокли Кармайл, чернокожие по всей стране прекрасно поняли его и восприняли с энтузиазмом.

Партия «Черные пантеры» для самообороны учит, что, в конечном счете, поставщиком огнестрельного оружия, ручных гранат, базук и других необходимых для самозащиты инструментов должна быть властная структура. Как хорошо видно на примере Вьетконга, это оружие следует отбирать у угнетателя. Поэтому, чем интенсивнее будут военные приготовления угнетателя, тем доступнее будет оружие для черной общины. Некоторые лицемеры полагают, что, когда авангардная группа призывает народ готовиться к сопротивлению, это лишь провоцирует «Мента» на еще большее насилие и жестокость; но истина заключается в том, что когда «Мент» становится более свирепым, он лишь усиливает революционное рвение масс. Так что если угнетенным массам станет еще

Автограф партии

хуже, они почувствуют необходимость в революции и сопротивлении. Революцию делает народ; угнетатели своим бесчеловечным поведением вынуждают народ к сопротивлению. А авангардная партия всего лишь указывает, какие из методов сопротивления являются правильными.

Когда лицемеры жалуются, что партия «Черные пантеры» для самообороны подвергает народ риску еще больших страданий, то они говорят неправду. Поднимая восстания в черных гетто по всей стране, народ уже доказал, что он не потерпит новых репрессий со стороны расистских псов-полицейских. В настоящий момент народ ищет руководства, которое помогло бы ему расширить сопротивление и сделать его более действенным. И авангардная партия должна стать воплощением тех свойств, которые делают ее достойной роли лидера.

Хьюи Ньютон

О ДВИЖЕНИИ В ЗАЩИТУ МИРА

15 августа 1969 г.

Движение в защиту мира в высшей степени важно, оно намного важнее, чем я думал два года назад. Причина, по которой я сейчас придаю такое значение движению в защиту мира, следующая: я понял, что если воцарится мир, то это революционизирует базовую экономическую структуру страны.

Поясню. Все мы сейчас знаем, что это государство — военная диктатура, что оно основано на ведении военных действий. И это не случайно. Когда капитализм уже не может расширяться дальше, он начинает искать другие пути, другие источники, другие места для увеличения своих прибылей. В настоящий момент сверхкапиталисты («Дженерал Моторс», «Крайслер», «Дженерал Дайнэмикс» и все остальные сверхкомпании — я так понимаю, что около семидесяти шести человек — контролируют всю экономику страны) и подчиненные им компании являются основными поставщиками Пентагона. Иными словами, эти компании вкладывают свои прибыли, полученные в результате чрезмерной капиталистической экспансии, в вооружения и военную технику. Эти вооружения затем отправляют в зарубежные страны, такие, как Вьетнам и Доминиканская Республика, которые и оказываются окончательным пристанищем для подобных «товаров одноразового потребления». В результате нежной дружбы между промышленниками и Пентагоном возникают новые инвестиционные возможности. Производство вооружений — это бизнес, основанный на невозвратимости товаров, ведь все они изготавливаются с единствен-

ной целью — взорваться, так что приходится производить все новые и новые. Процесс, которому нет конца.

Мы знаем, что у США есть тайный пакт с Таиландом. Все подобные пакты являются частью одного гигантского плана, цель которого — удержать экономику на плаву. Ведь что случилось бы, если бы вдруг воцарился мир? Не было бы больше окончательного пристанища для невозвратимых товаров, о котором я говорил, а избыточная прибыль

«У нас есть мечта»

в этом случае возвращалась бы в страну. Военные заводы, связанные с ними предприятия оборонки и даже заводы «мирной» индустрии встали бы намертво.

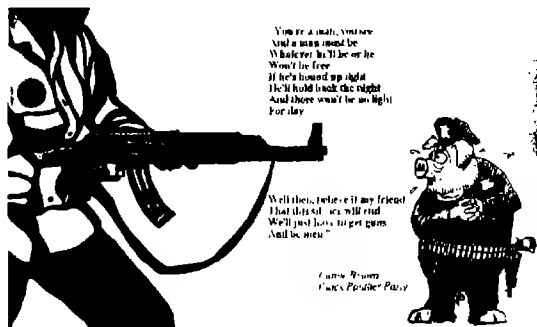
Вот потому-то вы и можете видеть, как некоторые представители профсоюзов выступают в поддержку военной экономики. Потому-то АФТ-КПП и поддержала вторжение в Доминиканскую Республику. Ее президента Хуана Боша свергли по

той простой причине, что здешние правящие круги знают: пока длится война, они могут эксплуатировать народ, выкачивая из него налоги и забирая человеческие жизни. Да-да, братья, мы послали туда солдат потому, что они, видите ли, тоже — невозвратимый товар; люди — не более, чем товар одноразового потребления.

Один из излюбленных аргументов капиталистов гласит, что Америка — не империалистическая страна. Ведь каков традиционный метод империалистов? Они приходят в развивающуюся страну, хищнически разграбляют ее сырьевые источники и перерабатывают сырье либо в самой колонии, либо в метрополии; или же производят из этого сырья товары, а потом продают их по высоким ценам колонизованному населению. Так вот, аргументация сводится к тому, что «Америка так не делает. Из Вьетнама нам не нужно ни оборудования, ни сырья». И это сущая правда. Одно время это противоречие ставило меня в тупик, я не мог по-настоящему в нем разобраться, и когда о нем заходила речь, я говорил околичностями. Но теперь-то я понимаю, что произошло нечто новое: благодаря союзу науки и индустрии, промышленные предприятия в Америке сумели решить базовую проблему сырья, используя синтетику или перерабатывая натуральное сырье, которое уже поступает сюда, разными новыми методами, — и за счет всего этого заводы не останавливаются. Излюбленный аргумент капиталистов следующий: «Мы должны нахо-

даться там (в развивающихся странах), чтобы остановить коммунизм или разрушительные войны». Что здесь обычно игнорируется, так это тот факт, что сверхкапиталисты прекрасно знают: им не нужно грабить страну дочиста. Я думаю, что поворотным пунктом, после которого уже нельзя говорить о колонизации страны в традиционном смысле, была Куба.

Еще один аргумент: им нужны стратегические военные позиции. Но мы-то знаем, что никаких стратегических военных позиций США не нужно, у них и так уже есть достаточно вооружений и военной техники, чтобы защититься от нападения из любой точки земного шара — если оно произойдет. Так что если они присутствуют в какой-либо развивающейся стране, причина может быть только одна: они хотят сделать из нее пристанище для невозвратимых товаров.

Калашников как аргумент

Согласно традиционной империалистической схеме, люди из страны-метрополии приезжают в колонию и формируют из своей среды правительство и командование вооруженных сил. Но в случае Америки это не так. Люди из метрополии не прибывали в колонизованную страну, каковой является Вьетнам, чтобы бороться там друг с другом за выгодные посты, — однако вся прибыль вернулась обратно в Америку. Сейчас за выгодные оборонные контракты сражаются оборонные подрядчики внутри самой метрополии. Затем они устанавливают в развивающихся странах марионеточные правительства или военные режимы, чтобы потом снабжать эти страны военной техникой. На самом деле, они вовсе не хотят реально присутствовать во Вьетнаме или в какой бы то ни было еще развивающейся стране, потому что у них есть уверенность (и небезосновательная — ведь это и вправду так), что они скупили на корню вооруженные силы этих развивающихся стран, так что последние стали теперь не более чем административными подразделениями Пентагона. Хороший пример — военный режим в Греции. США имеет там полный контроль над офицерским корпусом и платит греческим офицерам высокие зарплаты, чтобы в страну не приходилось посылать американские войска и лишний раз беспокоить метрополию.

Но что происходит, если, например, один батальон вооруженных сил терпит поражение? Тогда приходится посылать подкрепления для

марионеточной армии данной развивающейся страны. Все ее правительство оказывается подчиненным армии. А армия начинает относиться к гражданскому правительству с подозрением, ибо Пентагон внушил ей — с помощью промывания мозгов и денежных подачек, — что гражданское правительство есть коммунистическая угроза нации. За этим следуют военные перевороты, и именно такой сценарий повторяется снова и снова в странах, пользующихся «поддержкой» США.

На самом деле, то, что мы имеем сейчас, — это «империалистичный» вариант империализма. Борьба за позиции влияния происходит сейчас внутри страны-метрополии, так что, по сути дела, колонизованным оказался сам американский народ.

Одно время я думал, что колонизованы одни только чернокожие. Однако сейчас, я полагаю, нам нужно до какой-то степени изменить содержание нашей пропаганды, потому что, если рассматривать эксплуатацию как колонизационный феномен, то получается, что колонизован весь американский народ. Семьдесят шесть компаний эксплуатировали и продолжают эксплуатировать всех и каждого. Американский народ является колонизованным народом еще в большей степени, чем население развивающихся стран, где орудует военщина.

Вот почему движение в защиту мира столь важно. Если движение за мир окажется успешным, тогда окажется успешной и революция. Если это движение провалится, то провалится и революция в стране-метрополии. Другими словами: если войны вдруг прекратятся, народ обнищает до такой степени, что вся экономика полетит в тартарары. Только плановая экономика способна успешно бороться с хаосом, который будет вызван отсутствием экономических стимулов. Сейчас войны — это экономический стимул для военных поставщиков.

Именно поэтому нам крайне важно иметь контакты с движением в защиту мира. И не просто контактировать с ним, но оказывать ему всемерную и активную поддержку самыми различными способами, включая печатные материалы и демонстрации.

Нам нужно осознавать свое положение и знать, кто мы сами и кто наши враги. Тысяча войн и тысяча побед. И пока мы не будем знать, кто наш враг и какова именно ситуация, мы будем всего лишь топтаться на месте. Даже движение в защиту мира не может поколебать наших принципов самообороны. Мы в любом случае будем защищаться против нападений и против любой агрессии. В целом мы выступаем за то, чтобы положить конец всем войнам. Но, с другой стороны, мы поддерживаем самооборону народа Вьетнама и всех других борющихся народов.

Хьюи Ньютон

ДВИЖЕНИЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН И ГОМОСЕКСУАЛИСТОВ

За несколько последних лет среди женщин и гомосексуалистов возникли мощные движения, стремящиеся к освобождению этих групп. А в нашей среде можно было наблюдать некоторые колебания по поводу того, как относиться к этим движениям.

Что бы вы лично ни думали о гомосексуальности и о различных освободительных движениях среди гомосексуалистов и женщин (а я говорю о гомосексуалистах и женщинах как об угнетенных группах), сколь бы велика ни была ваша неуверенность в себе, связанная со всем этим, нам нужно пытаться достичь с этими движениями революционного единства. Я говорю «сколь бы велика ни была ваша неуверенность в себе», потому что, как мы все прекрасно знаем, зачастую первый импульс, возникающий в нас при виде гомосексуалиста, — это дать ему по зубам, а при виде женщины — заставить ее замолчать. Мы хотим дать гомосексуалисту по зубам, потому что боимся, не гомосексуалисты ли мы сами; и мы хотим ударить женщину или заставить ее заткнуться, потому что боимся, что она может кастрировать нас, отобрать у нас яйца, которых у нас, может быть, и с самого начала не было.

Нам необходимо обрести уверенность в себе, и потому мы должны проявлять уважение и сочувствие ко всем угнетенным. У нас не должно быть того расистского подхода, который белые расисты проявляют в отношении нашего народа только из-за того, что мы чернокожие и бедные. Очень часто самый последний бедняк среди белых оказывается и самым большим расистом, так как он боится потерять что-то или обнаружить что-то, чего у него нет. Так что вы самим своим существованием представляете для него некую угрозу. Подобная же психология работает и тогда, когда мы сами видим угнетенных людей и испытываем чувство гнева — только из-за их нестандартного поведения или свойственного им отклонения от установленной нормы.

Вспомним: мы еще не установили окончательно революционную систему ценностей. Она еще только находится в процессе становления. Но я что-то не припоминаю, чтобы мы когда-нибудь установили норму, предписывающую революционеру осыпать гомосексуалиста оскорблениями, или же положение, по которому революционер должен делать все от него зависящее, чтобы помешать женщинам говорить откровенно о том особом виде угнетения, которому подверга-

ются только они. На самом деле, все обстоит прямо противоположным образом: мы говорим, что признаем за женщиной право быть свободной. О гомосексуалистах мы пока что вообще говорили не слишком много, но нам следует как-то отнестись к движению сексуальных меньшинств, поскольку оно является реальной вещью. И мне известно — и из книг, и из личного опыта и наблюдения за жизнью, — что никто в обществе не готов предоставить гомосексуалистам ни свободы, ни равенства. Возможно, они являются самыми угнетенными людьми во всем обществе.

Что же сделало их гомосексуалистами? Возможно, я не до конца понимаю это явление. Кое-кто говорит, что причиной тут империалистическое разложение. Я не знаю, так ли то, но скорее сомневаюсь в этом. Однако,

как бы там ни было, мы знаем, что гомосексуальность — это факт реальной действительности, и мы должны принимать его в самой чистейшей форме, а именно: индивидуум должен иметь свободу пользоваться своим телом так, как он только пожелает.

Это не значит, что я одобряю те стороны гомосексуальности, которые мы не можем рассматривать как революционные. Но нет никаких оснований утверждать, будто гомосексуалист не может быть также и революционером. Возможно, я и сейчас нахожусь во власти своих предрассудков, говоря, что, вот, мол, «даже гомосексуалист может быть революционером». Совсем наоборот — возможно, именно гомосексуалист как раз и может стать самым революционным элементом.

Когда мы проводим революционные конференции, митинги и демонстрации, движение за освобождение сексменьшинств и движение за освобождение женщин должны принимать в них самое активное участие. Некоторые группы внутри этих движений могут оказаться более революционными, чем другие. Нам не следует судить

Пантеры думают

по поступкам отдельных людей и говорить, что все эти группы реакционны или контрреволюционны, ибо это попросту не так.

Нам нужно подходить к разным фракциям внутри этих движений точно так же, как мы подходим к любым другим группам или партиям, претендующим на роль революционных. Нужно найти какой-то критерий — еще не знаю, какой, — чтобы научиться различать, действует ли та или иная организация искренне и по-революционному, выступает ли она с позиций действительно угнетенных слоев (мы готовы признать заранее, что если речь идет о женщинах, то они, вероятно, угнетены на самом деле). Если эти группы делают что-то неревolutionное или контрреволюционное, мы будем критиковать их за данный конкретный поступок. Если у нас есть ощущение, что революционная по духу группа хочет стать революционной и на практике, но допускает ошибки в трактовке революционной философии, или же не понимает диалектики действующих в обществе сил, нам следует критиковать таких людей именно за это, а не за то, что они являются женщинами, пытающимися обрести свободу. То же самое относится и к гомосексуалистам. Мы никогда не должны объявлять целое движение нечестным, если на самом деле эти люди пытаются быть честными. Они всего лишь искренне заблуждаются. Другим позволено совершать ошибки. Это врагу не позволено совершать ошибок, потому что само его существование есть ошибка, и мы страдаем от этой ошибки. Но фронты освобождения женщин и сексуальных меньшинств — это наши друзья, они — наши потенциальные союзники, а нам нужно столько союзников, сколько только возможно.

Нам нужно быть готовыми обсуждать ту неуверенность в себе, те предрассудки, которые есть у многих людей в связи с гомосексуальностью. Когда я говорю «неуверенность в себе», я имею в виду живущий в нас страх, что гомосексуалисты каким-то образом угрожают нашей мужественности. Я могу понять этот страх. Длительный процесс соци-

Меньшинства против фашизма

альной дрессировки, через который проходит каждый американский мужчина и который все глубже загоняет в него чувство неуверенности, приводит к тому, что от гомосексуальности нас может «переклинивать». У меня у самого есть некоторые психологические проблемы с мужской гомосексуальностью. Но, с другой стороны, женская гомосексуальность у меня ничего подобного не вызывает. И это знаковое явление само по себе. Я думаю, это происходит из-за того, что мужская гомосексуальность представляет для меня угрозу, а женская — нет.

Нам нужно пользоваться словами, которые могут вызвать у наших друзей неприязнь, с большой осторожностью. Словечки типа «пидор» и «гомик» нужно вычеркнуть из нашего словаря, и нам надо особенно следить, чтобы не применять слова, которыми обычно называют гомосексуалистов, к врагам народа, таким, как Никсон или Митчелл. Гомосексуалисты — не враги народа.

Нам следует попытаться сформировать действенную коалицию с группами, выступающими за освобождение сексуальных меньшинств и женщин. Мы всегда должны подходить к различным социальным силам именно так, как они того заслуживают.

Хьюи Ньютон

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ «РЕВОЛЮЦИОННОЕ САМОУБИЙСТВО

Манифест

Да создастся новая земля. Пусть появится на свет новое мироздание. Пусть кровавая надпись в небесах возвестит о наступлении мира. Дайте возможность второму поколению, преисполненному бесстрашия, проявить силу, пусть на свете станет больше людей, влюбленных в свободу. Пусть красота, способная исцелять, и сила, которой проникнуты последние объятия, пульсируют в наших душах, в нашей плоти и крови. Давайте сочинять песни для маршей, пусть будет не слышно заунывных панихид. Пусть теперь заявит о себе новое племя людей и пусть оно станет править.

*Маргарет Уолкер.
Моему народу*

Революционное самоубийство: путь к освобождению

В результате первого судебного разбирательства по делу о смерти полицейского Джона Фрея меня приговорили к тюремному заключению. Отбывая наказание в Калифорнийской мужской колонии в Сан-Луисе Обиспо, почти все двадцать два месяца я провел в одиночном заключении. Моя камера была размером четыре на шесть мет-

ров, и, запертый в ней, я был лишен права на получение печатных материалов, за исключением книг и документов, имевших непосредственное отношение к моему судебному делу. Несмотря на строжайшее соблюдение этого запрета, заключенные из соседних камер, подкараулив момент, когда охранники не могли этого видеть, иногда подсовывали мне под дверь разные журналы. Так мне в руки попал выпуск журнала «Эбони» (*Ebony*) за май 1970 г. В журнале была помещена статья, написанная Лейси Банко. В статье обобщались итоги исследования доктора Герберта Гендина. Он провел сравнительное изучение случаев самоубийств среди чернокожего населения крупных американских городов. Доктору Гендину удалось обнаружить, что уровень самоубийств среди негров в возрасте от 19 до 35 лет увеличился вдвое за последние десять-пятнадцать лет, превысив показатели по количеству суицидов среди белого населения того же возраста. Статья произвела на меня огромное впечатление, которое не ослабевает до сих пор. Долго и напряженно я размышлял о том, что вытекает из данных, полученных доктором Гендиным.

Эта статья напомнила мне о классическом труде Дюркгейма под названием «Самоубийство», которую мне довелось читать в ту пору, когда я изучал социологию в городском колледже Окленда. По мнению Дюркгейма, все типы самоубийств связаны с социальными условиями. Он утверждает, что главной причиной, толкающей человека на самоубийство, является не характер личности, а социальная среда, окружающая эту личность. Другими словами, получается, что самоубийство провоцируют, главным образом, внешние, а не внутренние факторы. Поскольку я так или иначе думал об условиях, в которых живут чернокожие, а также об исследовании, проведенном доктором Гендиным, я стал развивать анализ Дюркгейма и использовать его наработки для осмысления опыта проживания негров в Соединенных Штатах. Со временем на этой основе появилась концепция «революционного самоубийства».

Чтобы понять сущность революционного самоубийства, для начала необходимо сформировать представление о реакционном самоубийстве, ибо эти явления разительно отличаются друг от друга. Доктор Гендин описывает именно реакционный вариант самоубийства. В этом случае суицид является ответной реакцией человека, не выдерживающего давления обстоятельств, обрекающих его на полную беспомощность. В исследовании доктора Гендина молодые негры оказывались лишены чувства собственного достоинства, окончательно сломлены гнетом подавляющих обстоятельств и отрицали свое право на жизнь в качестве людей, которым знакома гордость и свобода.

В романе Достоевского «Преступление и наказание» можно найти подходящую аналогию. Один из героев, Мармеладов, человек на редкость бедный, как-то стал доказывать, что бедность не порок. По его словам, в бедности человек может обрести врожденное благородство души, чего невозможно достичь, будучи совсем нищим. Если бедняка можно прогнать палкой, то на нищего замахнутся уже метлой. Почему так происходит? Обнищавший до предела человек полностью раздавлен, унижен, он теряет чувство собственного достоинства. Утратив ощущение достоинства, скованный страхом и отчаянием, человек решает на самоубийство. Так в общих чертах выглядит картина реакционного самоубийства.

Тюрьма воспитывает волю

Духовная гибель, ставшая итогом для миллионов американских негров, связана с реакционным самоубийством, хотя является опытом более мучительным и ведет к более сильной деградации. В наше дни примеры такой смерти, поражающей чернокожее население, встречаются повсеместно. В этом случае жертвы перестают оказывать сопротивление различным формам угнетения, выливающим их кровь. За долгое время привычным стал вопрос: какой толк бороться? Если личность восстает против такой мощной системы, как Соединенные Штаты, она не выживет в столь неравноправном поединке. Рассуждая таким образом, многие чернокожие доходили до последней черты, умирая, скорее, духом, чем телом. Их затягивало в трясину беспросветного отчаяния. И все же в сердце каждого негра теплится надежда на то, что в будущем жизнь как-нибудь изменится.

Я не склонен думать, что жизнь изменится к лучшему без решительного нападения на Систему¹, которые продолжают нещадно эксплуатировать «голодных и рабов». Это убеждение представляет собой ядро теории революционного самоубийства. Отсюда следует, что лучше противостоять тем силам, которые заставляют меня наложить на себя руки, чем покорно подчиняться их напору. И хотя я рискую недоучесть непредсказуемость смерти, все же скажу, что существует, по меньшей мере, возможность, если не целая вероятность, изме-

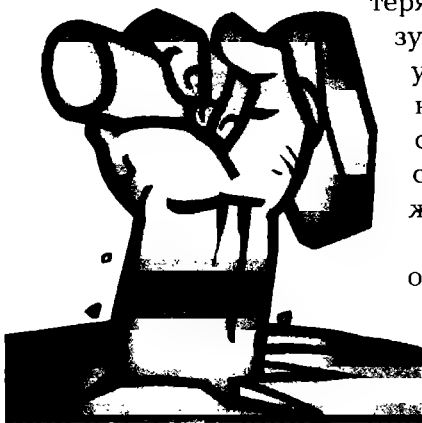
¹ Структура, реализующая власть, опирающаяся на экономическую основу, поддверживаемая и дополнительно укрепляемая средствами массовой информации, а также всеми остальными вторичными образовательными и культурными институтами.

нения невыносимых условий. Указанная возможность имеет важнейшее значение, поскольку большая часть человеческого опыта основывается исключительно на надеждах, а не на реальном понимании и оценке шансов. И в самом деле, ведь мы все — и здесь черные и белые ничем не отличаются друг от друга — больны, одинаково больны, причем смертельно. Однако возникает вопрос: прежде чем мы умрем, как нам следует жить? Я отвечаю, что мы должны жить, не

теряя надежды и достоинства; если же результатом станет безвременная кончина, у этой смерти будет такой смысл, какого никогда не может быть у реакционного самоубийства. В данном случае смерть станет платой за возможность самоуважения.

Если я и мои соратники развиваем теорию революционного самоубийства, то это не означает, что мы испытываем непреодолимое желание умереть; наша идея нацелена на достижение прямо противоположной цели. Наше стремление жить, видя свет надежды и черпая уверенность в человеческом

Титаничские руки народа

достоинстве, настолько сильно, что жизни без этих вещей мы просто не представляем. Когда реакционные силы пытаются разрушить нас, нам необходимо выступить против них, даже если существует риск погибнуть. На нас должны замахнуться палкой.

Че Гевара как-то заметил, что для любого революционера смерть есть самая настоящая реальность, будущая же победа превращается в голубую мечту. Жизнь человека, посвятившего себя революции, слишком опасна, поэтому его выживание становится беспрецедентным чудом. Бакунин, выступавший от лица самой воинствующей группы социалистов из Первого Интернационала, в своей работе «Катехизис революционера», высказал похожую мысль. По мнению Бакунина, первый урок, который начинающий революционер должен крепко-накрепко усвоить, состоит в том, чтобы прочувствовать собственную обреченность. Пока человек не поймет этого, он не сможет со всей глубиной осознать главный смысл своей жизни.

Когда Фидель Кастро и его небольшой отряд находились в Мексике, занимаясь подготовкой Кубинской революции, большинство из соратников Кастро почти не имело представлений о правиле, выведенном Бакуниным. За несколько часов до отплытия на родной ост-

ров, Фидель, переходя от человека к человеку, спросил каждого о том, кого из близких нужно будет уведомить о его смерти, если он погибнет в бою. Лишь после этого бойцы действительно ощутили смертельную серьезность революции. Их борьба перестала быть одной романтикой. Революционная борьба захватывала воображение и страшно воодушевляла; однако, когда вставал простой и вместе с тем неотступный вопрос о смерти, все впадали в молчание.

Многие деятели нашей страны, претендующие на звание революционеров, независимо от цвета кожи, не готовы принять такую суровую реальность. «Черные пантеры» не сборище смертников; мы также не пытаемся замаскировать под романтической оболочкой последствия революции, которые мы можем увидеть при жизни. Прочие так называемые революционеры цепляются за обманчивую иллюзию, убеждающую их в том, что они могут совершить свою революцию и преспокойненько дожить до глубокой старости. Но такого не может быть в принципе.

Не думаю, что мне удастся дожить до завершения нашей революции, и, возможно, наиболее серьезные члены нашей организации разделяют мой реализм. Поэтому выражение «революция в пределах нашей жизни» означает для меня нечто иное, чем для других людей, привыкших использовать те же слова. Я считаю, что революция будет развиваться на моих глазах, однако я не ожидаю того, что успею насладиться ее плодами. В противном случае появится неразрешимое противоречие. Все равно реальность окажется более жестокой и неумолимой.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что революция победит. Прогрессивное человечество будет праздновать победу, захватит власть, поставит под свой контроль средства производства, навсегда избавится от расизма, капитализма, реакционного стремления жить одной большой коммуной — реакционного самоубийства. Люди отвоюют для себя новый мир. С другой стороны, стоит мне задуматься о судьбах конкретных участников революции, я ловлю себя на мысли о том, что не могу с уверенностью говорить об их спасении. Тем, кто делает революцию, необходимо принять этот факт как данность, особенно чернокожим революционерам в Америке: собственные колониальному обществу порочные порядки подвергают их жизнь постоянной опасности. Рассматривая возможные сценарии, по которым мы должны строить свою жизнь, мы без труда можем согласиться с идеей революционного самоубийства. Здесь мы расходимся с белыми радикалами. Они-то не сталкивались с геноцидом.

Проблемой еще более серьезной и требующей немедленного решения, является сохранение мира в целом. Если мир не изменится, всем людям, живущим на Земле, своей алчностью, жестокостью и желанием эксплуатировать будет угрожать такой могущественный организм, как Американская империя. Соединенные Штаты ставят под угрозу собственное дальнейшее существование и судьбу всего

на родного офиса

человечества. Если бы американцы только знали, какие бедствия и катастрофы ждут мир в будущем, они завтра же кардинально изменили бы свое общество, хотя бы ради самосохранения. Организация «Черные пантеры» — это авангард революции, призванной избавить нашу страну от непосильного и разрушающего бремени собственной вины. Наша цель заключается в достижении подлинного равенства и создании условий для творческой деятельности.

Находятся такие люди, которые оценивают нашу борьбу как выражение суицидальной тенденции среди чернокожих. Ученые и академики, в частности, быстро поспешили выступить с подобным утверждением. Им

не удастся почувствовать разницу. Прыжок с моста вниз головой — это далеко не то же самое, когда человек решает бороться за уничтожение подавляющей силы, исходящей от целой армии. Если исследователи называют наши действия суицидальными, им следует быть логичными до конца и описывать все революционные движения, случившиеся в истории человечества, в таком же ключе. Следовательно, самоубийцами можно назвать и американских колонистов, и участников Французской революции конца XVIII столетия, и русских в 1917 г., и варшавских евреев, и кубинцев, Фронт национального освобождения (NLF), жителей Северного Вьетнама, т.е. всех людей, когда-либо сражавшихся против безжалостной и могущественной силы. Опять же, если сделать «Черных пантер» символом суицидального порыва негров, то мы придем к выводу о суицидальной сущности всего третьего мира, ибо третий мир изо всех сил старается сопротивляться правящему классу Соединенных Штатов и, в конечном счете, одержать над ним верх. В том случае, если заинтересованные иссле-

дователи намереваются продолжать свой анализ дальше, они должны договориться с четырьмя пятими населения планеты, которые горят желанием навсегда выйти из-под власти империи. С этой точки зрения, из третьего мира, похожего на самоубийцу, можно было бы сделать убийцу, несмотря на то, что убийство есть незаконная форма жизни, а также на то, что третий мир действует исключительно в оборонительных целях. Не перевернута ли монета обратной стороной? Не похоже ли правительство США на самоубийцу? Я полагаю, что так и есть на самом деле.

С учетом всех вышеуказанных дополнений, понятие «революционное самоубийство» перестает быть упрощенным, каким оно могло показаться вначале. В процессе выработки этого термина, я взял два знакомых всем слова и соединил их, чтобы в итоге получить словосочетание с доселе неизвестным смыслом, эдакий неологизм, где слово «революционное» наполняет слово «самоубийство» новым содержанием. Таким образом возникает идея, в которой скрыто множество различных измерений и значений и которая применима к осмыслению сегодняшней новой и сложной ситуации.

Мое тюремное заключение является хорошим примером осуществления революционного самоубийства на практике, потому что тюрьму можно рассматривать в качестве уменьшенной копии внешнего мира. С самого начала я стал оказывать открытое неповиновение тюремным властям, отказываясь сотрудничать с ними. В результате меня посадили под замок, причем в одиночную камеру. Шли месяцы, а я оставался непоколебим. Администрация тюрьмы решила оценивать мое поведение как попытку самоубийства. Мне твердили, что рано или поздно я сломаюсь от напряжения. Но я не сломался и тем более не отступил от своих взглядов. Я стал сильным.

Если бы я подчинился тюремной эксплуатации и начал выполнять волю тюремных распорядителей, такое соглашательство привело бы к гибели моего духа и обрекло бы меня на жалкое существование. Сотрудничать с тюремными властями для меня означало бы реакционное самоубийство. Одиночное заключение может оказывать деструктивное воздействие и на психику, и на разум человека, но я сознавал этот риск. Я должен был испытывать страдание определенным образом. Я мучился, и мое сопротивление говорило моим оппонентам, что я отвергаю все ценности, отстаиваемые ими. И хотя избранная мной тактика могла причинить вред моему собственному здоровью, даже убить меня, я рассматривал свои действия как способ всколыхнуть сознание других заключенных, как вклад в совершающуюся революцию. Лишь сопротивление способно разрушить раз-

нообразные формы давления, которые толкают людей на реакционное самоубийство.

В концепции революционного самоубийства нет ни пораженческих, ни фаталистических настроений. Напротив, в ней заложено осознание реальности в сочетании с возможностью надежды: реальности, потому что революционер всегда должен быть готов столкнуться со смертью, и надежды, потому что она олицетворяет твердое намерение добиться перемен. Но еще важнее то, что наша идея требует от революционера воспринимать свою смерть и свою жизнь как единое целое. Председатель китайской компартии Мао Цзэдун говорит, что смерть неизбежно приходит ко всем нам, вместе с тем ее значение может быть разным, поэтому смерть за реакционную систему легче птичьего перышка, зато смерть во имя революции тяжелее, чем гора Тэ.

Народ, добившийся победы революции в своей стране, должен помочь тем, кто еще борется за освобождение. Таков наш международный долг.

*Председатель
компартии Китая
Мао Цзэдун.*

Маленькая красная книжечка

КИТАЙ

Сейчас, когда я размышляю о разностороннем опыте, который я получил во время пребывания в Китайской Народной Республике, в стране, которая просто ошеломила меня, стоило мне собственными глазами увидеть ее, этот опыт кажется каким-то размытым, отстраненным. Время отнимает непосредственность ощущений, оставшихся от поездки, память начинает подводить. Однако это обычное явление, не стоящее особого беспокойства. Важнее всего то воздействие, которое Китай и китайское общество оказали на меня, вот оно как раз незабываемо. Находясь в этой стране, я достиг какого-то физиологического освобождения, чего раньше мне испытывать не приходилось. Было бы слишком просто сказать, что в Китае я почувствовал себя как дома; мое ощущение было более глубоким и значимым. То, что пробудилось во мне, — это невероятное ощущение свободы, словно с моей души сняли огромный груз и я получил возможность быть самим собой, причем без всякой необходимости постоянно ощети-

ниваться, притворяться или что-то кому-то объяснять. Впервые в жизни я почувствовал себя абсолютно свободным, полностью свободным и в окружении друзей. Этот опыт впечатлил меня невероятно, поскольку подтвердил мое убеждение в том, что угнетаемый народ может освободиться, если его лидеры будут стараться пробуждать национальное самосознание и без усталости бороться против угнетателя.

В связи с тем, что моя поездка в Китай была очень короткой и к тому же проходила под большим давлением, осталось немало мест, которые я не смог посетить, и много вещей, с которыми я бы хотел ознакомиться, но вынужден был от этого отказаться. Но, несмотря на ограничения, даже из самых обычных встреч я мог извлечь определенный урок, т.е. я что-то открывал для себя, выслушивая вопрос, заданный рабочим, ответ, который давал школьник, или зна-

Черная Америка

комясь с взглядами правительственного чиновника. Эти незначительные и, казалось, маловажные моменты на самом деле несли с собой просвещение, и они многому меня научили. К примеру, поведение китайской полиции стало для меня своего рода откровением. Полицейские в Китае действительно призваны защищать людей и помогать им, а не подавлять. Обходительность полицейских была искренней; между ними и остальными гражданами не существует жесткого разделения или взаимных подозрений. Такие отношения впечатлили меня до глубины души. Поэтому, когда я вернулся в Штаты и увидел, что в аэропорту Сан-Франциско меня встречала боевая группа (ее вызвали для дополнительной охраны, поскольку около тысячи людей приехало в аэропорт, чтобы поздравить нас с возвращением), меня вновь ошарашила мысль о том, что полиция в нашей стране является захватнической, используемой для подавления силой. Я поделился своими мыслями с офицером-таможенником. Он был чернокожий и у него имелось оружие. Я объяснил ему, что испытываю неподдельный страх при виде этих пистолетов, которые окружают меня со всех сторон. Я сказал таможеннику, что возвращаюсь из страны, где армия и полиция не находятся в оппозиции к народу, а служат ему.

Приглашение посетить Китай я получил вскоре после освобождения из Уголовной колонии в августе 1970 г. Китайцы интересовались

анализом марксизма, принятым в нашей партии, и хотели обсудить эту проблему непосредственно с нами, равно как продемонстрировать нам конкретное приложение теории к практике на собственном примере. Мне очень хотелось поехать, и в конце года я обратился за паспортом, который мне оформили через несколько месяцев. Однако в тот момент поездка не состоялась из-за суда над Бобби и Эрикой в Нью-Хэвене.

и Мао – братья навек

Тем не менее, мое желание посетить Китай нисколько не ослабло. Узнав, что президент Никсон собирается нанести визит в КНР в феврале 1972 г., я решил опередить его. Я намеревался доставить послание правительству Китая и китайской компартии. Это послание нужно было передать Никсону во время его визита.

В Китай я отправился в конце сентября 1971 г., как раз между вторым и третьим судебным разбирательством. Я обошелся без всяких уведомлений и общественных заявлений, потому как находился под обвинением. В моем распоряжении было всего лишь десять дней. Хотя у меня было право свободного перемещения, а также имелся паспорт, суды Калифорнии запросто могли задержать меня в любое время, так как я был отпущен под залог и не должен был заезжать в Нью-Йорк, потому что мне полагалось про-

следовать из Калифорнии прямо в Канаду. Поскольку я понятия не имел, чего мне ждать от властей, прибыв в Нью-Йорк, я продолжал избегать огласки. Возможность постановления об удержании выглядела не такой уж невероятной: мне могли инкриминировать попытку побега. Улетая в Канаду из Нью-Йорка, я избавлялся от надзора федеральных властей, а в Канаде мне удалось сесть на самолет до Токио. Мои намерения не были секретом для полицейских агентов, так что они следовали за мной по пятам всю дорогу, вплоть до китайской границы. Вместе со мной ехали два товарища: Элейн Браун и Роберт Бэй. У меня нет ни малейших сомнений насчет причин, по которым нам позволили уехать в Китай: полиция была уверена в том, что мы не вернемся обратно. Если бы полиция была в курсе моего намерения обязательно вернуться в Штаты, не исключено, что она сделала бы все возможное, чтобы не допустить моей поездки в КНР. Китайское правительство прекрасно понимало сложившуюся ситуацию, и, пока я находился в Китае, мне предлагали полити-

ческое убежище. Однако я ответил, что обязан возвратиться, ибо странством, на котором разворачивалась моя борьба, были Соединенные Штаты Америки.

Прохождение через службу иммиграционного контроля и таможенную в империалистических странах было процедурой настолько же грубой, насколько мы могли ожидать от своей страны, где подобное неуважение человеческого достоинства стало повседневным явлением. В Канаде, Токио и Гонконге все содержимое наших сумок было вытащено, а сами сумки были тщательно проверены. В Токио и Гонконге нас даже подвергли личному обыску. Мне казалось, что, выйдя из уголовной колонии в Калифорнии, я распрощаюсь с такими унижительными порядками, однако я сознаю, что исправительная колония — это лишь один из институтов принудительного заключения, и находится он в рамках огромной тюрьмы, которую представляет собой общество, не свободное от расизма. Когда мы прибыли на свободную территорию, где по всем предположениям охранники должны были иметь непроницаемые лица и подозревать всех и каждого, товарищи в фуражках с красными звездами попросили у нас паспорта. Увидев, что паспорта в порядке, они поклонились нам и спросили, наш ли это багаж. Мы сказали, что он действительно принадлежит нам, и услышали в ответ: «Вы прошли таможенный досмотр». Наши сумки не открывали ни в момент приезда в Китай, ни тогда, когда мы покидали эту страну.

Китайские пограничники приветствовали нас поднятыми вверх автоматами. Китайцы на самом деле живут, руководствуясь следующим правилом: «Политическая власть вырастает из жерла пушки». Поведение китайцев постоянно напоминало нам о соблюдении этого правила. Впервые в жизни я не чувствовал угрозы, исходящей от вооруженного человека в форме; долг китайских солдат заключался в том, чтобы защищать гражданских лиц.

Китайские товарищи разочаровались, узнав, что мы можем пробыть у них всего лишь десять дней. Они хотели, чтобы мы задержались подольше, однако я должен был вернуться в Штаты к началу третьего слушания дела. И все же за этот короткий срок мы успели не мало сделать: совершили поездки в разные регионы страны, посетили фабрики, школы, коммуны. Куда бы мы ни приезжали, толпы людей встречали нас рукоплесканиями, мы отвечали им тем же. Это было прекрасно. В каждом аэропорту тысячи китайцев приветствовали нас, громко аплодируя, размахивая «Маленькими красными книжечками» и показывая нам транспаранты с надписями: «Мы поддерживаем партию «Черных пантер», «Покончим с американским империализмом!», «Мы поддерживаем американский народ, но империалистический режим Никсона необходимо свергнуть».

Мы также посетили все посольства, какие могли. На первом месте для нас стояло все-таки общение с революционными собратьями, а не знакомство с местными достопримечательностями, поэтому китайцы организовали для нас встречи с послами разных стран. Посол Северной Кореи устроил нам роскошный обед и показал фильмы о своей родине. Кроме того, мы увиделись с послом Танзании, он оказался отличным товарищем, а также с делегациями из Северного Вьетнама и Временным революционным правительством Южного Вьетнама. У нас не получилось встретиться с послами Кубы и Албании по той простой причине, что нам не хватило времени.

Когда весть о нашей поездке в Китай разлетелась по всему миру, ей стали уделять повышенное внимание, так что пресса отслеживала все наши шаги, чтобы выяснить мотивы нашего прибытия в КНР. Журналистам хотелось знать, собирались ли мы каким-нибудь образом навредить визиту Никсона в Китай, поскольку мы находились в явной оппозиции к его реакционной власти. Большую часть времени репортеры буквально преследовали нас. Однажды один канадский журналист никак не хотел уходить от моего столика, хотя я просил его об этом несколько раз. Он не переставал кружить поблизости, задавая нам вопросы, несмотря на то, что мы ясно дали понять, что нам нечего ему ответить. В конце концов, его назойливость стала внушать мне настоящее отвращение, и я попросил вывести настырного канадца. Через несколько секунд появились мои китайские друзья вместе с полицией и поинтересовались, хотел бы я, чтобы журналиста арестовали. Я сказал, что ареста не надо, я лишь хочу, чтобы этот человек оставил меня в покое. После этого инцидента мы стали жить на вилле, которую охранял почетный караул из красноармейцев. Было чему удивиться: полиция заняла нашу сторону.

Нам обещали встречу с Мао Цзэдуном, однако Центральный Комитет китайской компартии счел эту встречу не совсем корректной, так как я не являлся главой государства. Вместе с тем мы дважды встречались с главой китайского правительства Чжоу Эньлаем. Одна из встреч длилась два часа, и на ней присутствовали другие иностранные гости. Зато другая продолжалась в течение шести часов, и на ней посторонних уже не было, китайский премьер и товарищ Цзян Цин, жена Мао Цзэдуна, общались исключительно с нами. Мы обсудили международную ситуацию, положение угнетенных народов в общем и проблемы чернокожего населения в частности.

В день провозглашения КНР, 1 октября, в Большом зале народов был устроен грандиозный прием. Мы посетили это мероприятие вместе с премьер-министром и товарищами из Мозамбика, Северной

Кореи, Северного Вьетнама и представителями Временного правительства Южного Вьетнама. Появление Мао обычно становилось кульминационным моментом на самом главном празднестве в Китае, но в этом году председатель компартии не почтил праздник своим присутствием. Когда мы входили в зал, оркестр играл «Интернационал». Мы сидели за столом вместе с ректором Пекинского университета, командующим северокорейской армии и товарищем Цзян Цин, женой Мао. Чувствовалось, что это была большая честь.

Все, увиденное мною в Китае, доказывало, что Китайская Народная Республика — это независимая и освобожденная страна, где правит социалистическое правительство. Для людей открыт путь к свободе, они могут сами определять свою судьбу. Что за восхитительное ощущение наблюдать, как развивается революция, к тому же такими быстрыми темпами. Невозможно забыть знакомство с настоящим бесклассовым обществом. Здесь работает известное изречение Маркса «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Однако я прибыл в Китай не только для того, чтобы абсолютно всем восхищаться. Я ехал сюда, чтобы учиться, а также выработать собственное критическое мнение, ибо совершенного общества в принципе не существует. Но найти недостатки было довольно сложно. Китайцы настаивают на том, чтобы ты обязательно нашел повод для критики. Они стойко веруют в самую суровую самокритику и в критику со стороны. Как говорят в Китае, без критики петли дверей начинают скрипеть. Чрезвычайно трудно высказывать в их адрес похвалу. Они попросят покритиковать их, скажут, что Китай — отсталая страна. В свою очередь я всегда на это отвечал: «Да нет же, вы развивающаяся страна». Однажды я просто был должен высказать критические замечания. Произошло это во время посещения сталелитейного завода. Над трубами завода, куда нас пригласили, вились клубы черного дыма. Я сказал китайцам, что в Соединенных Штатах сильные выбросы дыма на промышленных предприятиях считаются загрязнением окружающей среды, поскольку они отравляют воздух. А загрязнение воздуха вокруг этого завода было настолько серьезным, что в некоторых местах люди с трудом могли дышать. Я постарался убедить китайцев в том, что, если они продолжат развивать свою промышленность ускоренными темпами и не будут задумываться о последствиях индустриального развития, то в итоге им нечем будет дышать. Я побеседовал с рабочими завода. Я говорил им примерно следующее: человек есть часть природы, но в то же время он находится в противоречии с природным миром, поскольку противоречия являются основным законом существования вселенной. Поэтому при всем стремлении китайцев повы-

силь уровень жизни, они могут свести весь прогресс на нет, если не сумеют разрешить это противоречие рациональным способом. Продолжая объяснения, я указал на то, что человек противостоит природе, но одновременно является внутренним ее противоречием. Следовательно, пока человек пытается резко изменить направление борьбы противоположностей, основанной на их единстве, он может ненароком уничтожить и самого себя. Похоже, китайцы меня поняли; они сказали, что ищут пути решения этой проблемы.

Полученные в Китае впечатления расширили мое понимание революционного процесса и укрепили мою веру в необходимость конкретного анализа конкретных условий. Китайцы с большой гордостью говорят об истории своей страны, о своей революции и частенько вставляют в разговор не теряющие значение с течением времени мысли председателя компартии Мао Цзэдуна. Но они также скажут вам: «Такой была наша революция, проведенная на основе конкретного анализа конкретных условий, и мы не можем руководить вами, в наших силах лишь дать вам определенные принципы. Правильное и творческое применение этих принципов на практике уже целиком и полностью зависит от вас». Станный и вместе с тем радостный это был опыт: я проехал тысячу миль, пересек континенты, чтобы услышать эти слова. Дело в том, что я и Бобби Сил пришли к точно такому

Голос гетто

же выводу за лет пять до поездки в Китай. Тогда мы учились в Окленде и всюду рассуждали о возможных способах выживания американских негров в суровых условиях капиталистической системы. Мы пришли к тому, что одной теории недостаточно. Мы сознавали, что должны действовать, чтобы вызвать перемены в обществе. Еще не до конца понимая весь смысл, мы следовали указаниям Мао, который говорил: «Если ты хочешь познать теорию и методы революции, ты должен стать ее участником. Все подлинное знание рождается в непосредственном опыте».

Мы должны, без всякого сомнения, подвергать критике любые ошибочные идеи. Можно с уверенностью сказать, что было бы в корне неправильно воздерживаться от критики и наблюдать за распространением не соответствующих истине мыслей, не подвергнутых надлежащей проверке, позволяя им захватывать пространство. Ошибки необходимо критически анализировать, а ядовитые сорняки – безжалостно вырывать, где бы они ни давали свои всходы.

Мао Цзэдун

Маленькая красная книжечка

Отспупничество Элдриджа и реакционное самоубийство

Революционная партия испытывает непрекращающееся давление со стороны как внутренних, так и внешних факторов. По своей природе любая политическая организация, посвятившая себя борьбе за радикальные социальные перемены, навлекает на себя резкое недовольство существующего порядка. Система постоянно подкарауливает момент, когда можно расправиться с угрожающей ей группировкой. Преданный революционер должен без обсуждений согласиться с существованием подобной опасности. Действительно, сначала внешний гнет формирует в человеке стойкое желание сопротивляться, а потом система уже не в силах сломить эту решимость. Но у революционера есть два врага, которые будут страшнее, чем сама система, против которой он борется, — это политическая близорукость и отход от первоизданной революционной концепции. Любое из этих нарушений способно привести революционера к отчуждению от тех, кого он мечтает освободить. Элдридж Кливер виновен в совершении и той, и другой ошибки.

Меня выпустили из тюрьмы в августе 1970 г. Вернувшись к делам, я нашел партию в полном беспорядке. Подобное состояние партии было спровоцировано вполне понятными причинами. Бобби и я долгое время находились в заключении, поэтому не могли активно следить за происходящими на улицах событиями, а также не могли эффективно руководить ежедневной жизнью партии. Кроме того, партию преследовали и осаждали, не переставая. Подразделения спецслужб всей страны были охвачены навязчивым желанием разгромить партию «Черных пантер». Многие наши братья загнаны в угол и пойманы, взяты под арест или попросту убиты.

Воздействие этих атак, обрушившихся на партию извне, было, конечно, ужасающим. Однако была и другая, еще более серьезная причина, которая вызвала в партии внутренние неурядицы и сложности и вообще поставила под угрозу сам смысл существования партии. Речь идет о том, что партию повели по пути реакционного самоубийства. Под влиянием Эддриджа Кливера партия утратила свою первоначальную цель и погрузилась в посторонние дела. Отстранившись от негров, которые не имели к этим делам отношения, партия «Черных пантер» потеряла связь и со всей общностью чернокожих.

Партия зарождалась в определенное время и в определенном месте. Она начала создаваться на основе призыва к самообороне против полиции, патрулировавшей наши кварталы. Полицейские обходились с нами грубо и жестоко, оставаясь при этом совершенно безнаказанными. До сих пор угнетателям в полицейской форме оказывалось слабое сопротивление. Мы стали искать возможность для формирования силы, способной нанести ответный удар, а также работать над положительным образом сильного и бесстрашного негра в пределах нашей общины. Упор на использование оружия был необходимой стадией в нашем развитии. Мы исходили из утверждения Франца Фанона. По его мнению, людям необходимо наглядно показывать, что колонизаторы и их агенты, т.е. полицейские, не наделены таким качеством, как пуленепробиваемость. Мы приняли это руководство к действию и тем самым совершили смелый шаг к выработке своей программы, нацеленной на пробуждение сознания людей.

Однако мы вскоре увидели, что оружие и форма, которые мы использовали, отсекают нас от общины. Нас рассматривали как специальную военную группировку, действовавшую вне общины и к тому же настроенную слишком радикально, чтобы вписаться в общую структуру. Возможно, наши действия в то время отдавали экстремизмом; не исключено, что мы увлеклись военными методами. Мы воспринимали самих себя как революционный «авангард» и не совсем

понимали, что только народ может осуществить революцию. Так или иначе, в течение двух-трех лет мы пользовались отталкивающей и запугивающей репутацией среди негритянского общества. Люди не понимали нас и не собирались брать в руки оружие, признав нас предводителями вооруженного сопротивления. Тогда было еще не ясно, как решить эту трудную дилемму. Мы представляли собой молодых революционеров, которые искали ответы на вопросы, поставленные обществом, и способы облегчения проявлений расизма. Мы сделали выбор в пользу сопротивления злу всеми средствами и в пределах закона. Но, возможно, наша силовая стратегия чересчур напоминала «большой прыжок вперед».

Тем не менее, я считаю, что методы борьбы, избранные «Черными пантерами» в 1966-1967 гг., в основном, были неплохим и необходимым этапом в жизни нашей партии. Зато проведенные нами военные операции привлекли внимание к нашей программе и к нашим планам в отношении будущего для чернокожего населения. Тогдашняя стратегия привлекла в наши ряды новых убежденных революционеров, а также

помогла завоевать уважение народов третьего мира, ведущих борьбу с угнетателями. Но самый важный итог наших действий заключался в том, что нам все-таки удалось пробудить сознание чернокожих и белых граждан и заставить их задуматься над отношениями между полицией и меньшинствами в нашей стране. Сейчас даже трудно представить, насколько изменились отношения между американской полицией и чернокожими за последние шесть лет. Жестокие столкновения и коррупция все еще случаются в негритянских кварталах, но, тем не менее, полицейские управления стали на самом деле больше прислушиваться к проблемам городских меньшинств. Сегодня редко встретишь полицейского начальника, который не пытался наладить хотя бы в некой форме публичные отношения, связывающие полицию и чернокожее население. Кроме того, среднестатистический американский гражданин тоже стал проявлять больше внимания к случаям

Пантера не должна жить в клетке

злоупотреблений и превышения полномочий в полиции, а не закрывать на них глаза, как делалось раньше. Прорыв в общественном сознании произошел во многом благодаря нашим действиям как раз той поры, когда мы были увлечены силовыми методами. Можно привести слова Хо Ши Мина, который сказал, что военная тактика, открыто применяемая для достижения военно-стратегических целей, ошибочна, тогда как применение той же тактики исходя из политических соображений будет абсолютно правильным. Мы последовали этому совету Хо Ши Мина. Наши действия теперь известны именно из-за политического резонанса.

Однако революция не совершается одним махом, это не единичное действие, а процесс. Времена меняются, и политика, служившая ориентиром в прошлом, не обязательно оказывается эффективной в настоящем. Избранная нами стратегия не была чем-то застывшим. По мере изменения внешних условий менялась и наша тактика. Патрулирование черных кварталов было лишь одним из пунктов нашей программы, которая состояла из десяти положений. Охрана чернокожего населения никогда не рассматривалась нами в качестве единственной задачи «Черных пантер». На самом деле, право на ношение оружия для защиты стояло ближе к концу программы — под пунктом 7. Оно шло только после тех требований, достижение которых являлось для нас более насущной целью, т.е. после свободы, обеспечения занятости, образования и жилья. Наши программы — их теперь называют программами по выживанию — с самого начала имели большое значение. Мы всегда планировали свои действия таким образом, чтобы быть участниками каждодневной борьбы негров за выживание, и искали такие средства борьбы, которые принесли бы пользу всем нашим чернокожим собратьям.

Но на партию оказывалось разлагающее воздействие как изнутри, так и снаружи. На протяжении нескольких лет средства массовой информации, находящиеся на службе Системы, раздували наши действия до размеров сенсации, особенно напирая на жестокость и применение оружия. Грандиозные события, такие, как Сакраменто, Баррикады столкновения с полицией, выстрел 6 апреля 1968 г., были истолкованы извращенно и никогда не были до конца поняты или проанализированы. Кроме того, нашу программу из десяти пунктов игнорировали, а наши планы по выживанию не принимали в расчет. «Черные пантеры» отождествлялись исключительно с применением оружия.

Имя Эддриджа Кливера связано и с другими отрицательными явлениями в жизни партии. Его вступление в партию именно после

Баррикад столкновений не выглядит случайностью. Его привлекала сила, мощь оружия и тот звенящий от напряжения момент, когда бойцы стоят на краю гибели. Для него это и было революцией. Идеология Эддриджа основывалась на риторике, превозносящей насилие; его речь изобиловала бескомпромиссными высказываниями в духе «либо-либо», например: «Или взять в руки оружие, или остаться сопливым трусом». Он не поддерживал программы по выживанию, отказываясь рассматривать их как необходимую составляющую революционного процесса, в качестве средства, с помощью которого можно подготовить людей к общественной трансформации. Кливер был уверен в том, что эта трансформация может осуществиться лишь через насилие, для чего, по его мнению, требовалось вооружиться и штурмовать баррикады. Его одержимость насилием все больше и больше отдаляла его от чернокожих собратьев. Не захотев отказаться от позиции, пропагандировавшей разрушение и отчаяние, Кливер недооценил врага и вступил на путь реакционного самоубийства.

Черный мститель Малькольм Икс

Задолго до того, как Эддридж понастоящему отошел от партии, он совершил первые шаги в сторону духовного изгнания. Он не смог установить связь между собой и народом, избегал политической близости, которой люди обычно ожидают от своих лидеров. Когда он скрылся из страны, его изгнание стало физической реальностью. Эддридж отрезал себя от самого главного подпитывающего революцию источника — ощущения единства с народом, разделения с народом смысла всех целей и идеалов. Его побег был похож на самоубийство, а его продолжающаяся ссылка в Алжире стала символом его отхода от братства чернокожих людей на всех уровнях — географическом, психологическом и духовном.

С точки зрения диалектики, отступничество Эддриджа в итоге принесло кое-какие благоприятные последствия. Пока он и его последователи отождествляются с той самой деятельностью нашей партии, которая оттолкнула нас от общественности, партия уже избрала для себя другое направление. Эддридж взвалил приписанный нам сред-

ствами массовой информации образ прямо на свои плечи. Мы очень довольны тем, что избавились от этого бремени. Из-за действий Эдварджа Кливера доверие к нам несколько утратилось, но взамен мы получили более широкое признание от негритянского общества. Мы достигли более продвинутого состояния. Это был качественный прыжок вперед, подъем в сознании.

Альбер Камю писал, что «подлинная щедрость по отношению к будущему заключается в отдаче всего настоящему». Эти слова относятся и к революционеру. Такое отношение, продолжает Камю, происходит из большой любви к земле, к нашим братьям, к справедливости. Партия «Черных пантер» придерживается того же правила. Отдавая все настоящему, мы отвергаем страх, отчаяние и поражение. Мы заделываем пробоины, зияющие в прошлом. Мы изо всех сил стараемся претворять в жизнь революционный принцип радикального изменения общества, и посредством долгой борьбы хотим «переделать душу нашего времени», как сказал Камю.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА «ЧЕРНЫХ ПАНТЕР»

Чего мы требуем:

1. Мы требуем свободы. Мы хотим сами определить участь черного сообщества.
2. Мы требуем полной занятости для нашего народа.
3. Мы хотим положить конец ограблению черного человека белым.
4. Мы требуем достойных жилищных условий.
5. Мы требуем образования для нашего народа, такого образования, которое вскроет истинную природу упадочного американского общества. Мы требуем образования, которое поведаст нам о нашей подлинной истории и нашей роли в современном обществе.
6. Мы требуем освобождения всех черных от военной службы.
7. Мы требуем немедленного прекращения полицейского насилия и убийства черных людей.
8. Мы требуем освободить всех черных, томящихся в федеральных, окружных и городских тюрьмах.
9. Мы требуем создать черные группы присяжных, которые будут защищать наши интересы в суде, как это определено в Конституции Соединенных Штатов Америки.
10. Мы требуем земли, хлеба, жилища, одежды, образования, правосудия и мира.

Во что мы верим:

1. Мы верим, что черные люди не будут свободны, пока не получат возможность самостоятельно определять свою судьбу.

2. Мы верим, что федеральное правительство обязано обеспечить

каждому человеку рабочее место и гарантированный доход. Мы верим, что если белый американский собственник не обеспечит нам такой занятости, то средства производства должны быть отняты у него и отданы общине, для того чтобы члены общины могли самостоятельно организовать рабочие места и обеспечить для себя высокий уровень жизни.

3. Мы верим в то, что расистское правительство ограбило нас, и требуем вернуть нам долг, предоставив нам сорок акров земли и двух мулов. Сорок акров и два мула были обещаны нам еще сто лет назад в качестве репарации за рабский труд и массовые убийства черных людей. Мы также прием выплаты в денежном эквиваленте. Эти деньги мы распределим среди членов

нашего сообщества. Немцы истребили свыше шести миллионов евреев. Американские расисты ответственны за убийство свыше пятидесяти тысяч черных, поэтому мы думаем, что наши требования на этом фоне выглядят еще достаточно скромными.

4. Мы верим в то, что если белые домовладельцы не предоставят достойных жилищных условий нашему черному сообществу, то вопрос о жилье должен быть передан в ведение жилищных кооперативов, состоящих из членов нашего сообщества, таким образом, чтобы

Идеи овладевают массами

мы могли с правительственной помощью отстроиться сами, обеспечив себе достойные условия.

5. Мы верим в существование такой образовательной системы, которая может дать нам возможность для самопознания. Если у человека нет знания о себе самом и своем месте в обществе и мире, его шансы узнать что-то еще минимальны.

6. Мы верим в то, что черных людей нельзя принуждать сражаться ради защиты расистского правительства, которое само не защищает нас. Мы не собираемся сражаться, убивая людей по всему миру, которые, подобно черным, страдают от белого расистского правительства Америки. Мы будем защищать себя от принуждения и насилия со стороны расистской полиции и расистской армии всеми возможными способами.

7. Мы верим, что сможем положить конец полицейскому насилию, организовав группы самообороны в целях защиты нашего черного сообщества от притеснений со стороны расистской полиции и от насилиев, творимых ею. Вторая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки дает нам право носить оружие. Поэтому мы верим, что все черные люди должны вооружиться, чтобы защитить самих себя.

Финальная схватка

8. Мы верим в то, что все черные люди должны быть выпущены из тюрем, потому что они не могли рассчитывать на честный и беспристрастный суд.

9. Мы верим, что суды должны следовать Конституции Соединенных Штатов Америки и гарантировать право на честный суд. Четырнадцатая поправка к Конституции США дает человеку право на суд с участием присяжных из своей экономической, социальной, религиозной, географической и т.д. группы. Следует заставить суды выбирать присяжных из той среды, из которой происходит черный подсудимый. Нас судили и продолжают судить белые присяжные, которые ничего не знают о «среднестатистическом» черном.

Мумия Абу Джамал

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИСТОКИ ВОЙНЫ

Почему начинается война?

Это вопрос, как говорится, из серии «за \$64000» (по крайней мере, так говорила мама).

Ответов на этот вопрос столько, сколько и войн. Вспомним Вьетнамскую войну, бушевавшую более десятилетия и унесшую жизни более 2000000 вьетнамцев и свыше 60000 американцев, а также нанесшую непоправимый, сокрушительный урон природе Вьетнама.

2 августа 1964-го, согласно сообщениям американской прессы, береговая охрана Северного Вьетнама атаковала два эскадренных миноносца США, приплывших в Тонкинский залив. В течение недели Конгресс США принял резолюцию по Тонкинскому заливу, давшую президенту полномочия на ведение войны, и таким образом Вьетнамская война была развязана.

Спустя годы, когда пожар войны утих, мы узнали, что репортажи были ложью. Бывший сотрудник ЦРУ написал в *The Praetorian Guard* (1991): «После полуночи 30 июля 1964 года построенные в Норвегии *SWIFTS* и *NASTIES*, укомплектованные командами из сотрудников ЦРУ, атаковали северо-вьетнамскую радиолокационную станцию на острове Хонми и бомбардировали Хонгу в Тонкинском заливе». Северный Вьетнам послал формальный протест США. Фрегат ВМС США «Мэддокс» (*Maddox*), патрулировавший территориальные воды Северного Вьетнама для прикрытия мародеров ЦРУ, остался на рейде. Наглейшим образом спровоцированные вьетнамцы, преследуя мародеров ЦРУ, подошли к «Мэддоксу». «Мэддокс» открыл огонь пер-

вым; вьетнамцы в ответ пустили торпеду, которая не достигла цели. Искривленную версию инцидента, обвиняющую во всех смертных грехах Северный Вьетнам, раструбили в СМИ и использовали для оправдания формальных шагов Линдона Джонсона по развязыванию Вьетнамской войны (которую планировалось провести в течение двух лет). Остальное — история. История, написанная кровью, история

боли, горя и геноцида. Это, однако, было тогда. А что же сегодня?

Глаза всех американцев прикованы сегодня к Афганистану, стране, разоренной десятью годами войны с бывшим СССР. Снова, по репортажам американских СМИ, США вошли в страну в ответ на советское вторжение для помощи моджахедам?

В 1988-м бывший советник по национальной безопасности США Збигнев Бжезинский, давая интервью французской газете «Le Nouvel Observateur», заявил, что ЦРУ США было в Афганистане еще за несколько месяцев до Советов.

З Б. Согласно официальной версии, ЦРУ стало помогать моджахедам в 1980-м... после ввода Советских войск в Аф-

ганистан 24 декабря 1979-го. Действительность, которую тщательно скрывают сегодня, совершенно иная. На самом деле, 3 июля 1979-го президент Картер подписал первую директиву об организации секретной помощи врагам просоветского режима в Кабуле. В тот день я написал записку президенту, в которой объяснил ему, что, по моему мнению, эта помощь должна стимулировать военное вмешательство Советского Союза...

Л N О. Вы ни о чем не сожалеете сегодня?

З Б. Не сожалею о чем? Эта секретная операция была прекрасной идеей. В результате операции русские попали в афганскую западню, и вы хотите, чтобы я сожалел об этом?

Афганская западня привела к гибели более 2000000 афганцев, 6,000,000 стали беженцами; убито и ранено 20000 советских солдат.

Провокации. Подкупы. Манипуляции СМИ. Пленные. Шпионы. Миллионы убитых. Миллионы беженцев.

Почему начинается война? Как говорила мамочка: Мальчик мой, это вопрос на \$64000!

Мумия Абу-Джамал

СЕКРЕТНЫЕ ВОЙНЫ

Когда пишутся эти строки, бомбы со страшным воем пронзают ночное небо над Кабулом в измученном войной Афганистане. Снова империя США привела на Ближний Восток свои до зубов вооруженные войска. Хотя опросы общественного мнения утверждают, что эта туманная война против террористов и всех, кто их поддерживает, является популярной, высокие цифры рейтингов скрывают весьма реальную и глубоко сидящую тревогу, которую люди ощущают по поводу перспектив победы. В основе этого страха глубокое недоверие, которое американцы исторически испытывают по отношению к своему правительству.

Сказать по правде, существует более чем реальная причина для этого беспокойства, так как многие американцы, сами того не зная, участвуют в секретных войнах, бушующих по всему миру.

Когда Соединенные Штаты еще только делали первые шаги, известный государственный деятель тайно подготовил секретный план вторжения в Ливию с целью ниспровержения ее правительства. Нанятый для выполнения этого задания агент получил десятки тысяч долларов и тысячу пушек для найма и вооружения секретной армии против Ливии. Этот представитель американского госдепа был зачислен в ВМФ США, и ему было присвоено звание Агента ВМФ США в Средиземноморье. Этот секретный агент, о котором Конгресс США не имел и понятия, направился в Египет, организовал наемную армию и развязал войну против Ливии, но не смог дестабилизировать правительство. Агентом правительства был капитан Уильям Итон. Он

действовал по секретным приказам Президента США Томаса Джефферсона после их секретной встречи 10 декабря 1803 года (см.: Джерри Фризия. На пути к Американской Революции: разоблачение Конституции и других иллюзий. С. 102).

Так секретные войны вошли в историю США и сделали их врагом миллионов на нескольких континентах. В Латинской Америке, странах Карибского бассейна, Африке и кое-где в Азии на США смотрят как на дебила-переростка. США по своему желанию убирают руководителей правительств, внедряют агентов влияния для целенаправленного вредительства, развязывают позорные пропагандистские войны против других стран через свой медиавермахт.

Почему так называемой «демократии» постоянно требуются секретные войны? Как могут вестись секретные войны в государстве, претендующем на представление интересов простых граждан? Две эти вещи несовместимы. Как может правительство, если оно, по знаменитым словам Линкольна «... из обычных людей», хранить секреты от самих себя?

В то время как СМИ могут управлять общественным мнением, чтобы оправдать ведение войн, настоящие кукловоды, как правило, неизвестны, как и истинные причины. Причины, как правило, экономические. В то время как патриотически настроенные граждане и

Свободу политическим заключенным!

солдаты размахивают флагами, корпорации набивают кошельки. Например, вы все еще можете встретить ветеранов, которые расскажут вам, как воевали во Вторую мировую войну против гитлеровской нацистской идеологии. Но кто из нас знает, что американские корпорации торговали с нацистами даже во время войны. Чарльз Хайям в своей книге «Торговля с врагом», вышедшей в свет в 1984 году, пишет: «Что случилось бы, если бы миллионы американцев и британцев, боровшиеся с талонами и очередями на бензоколонках, узнали, что в 1942 году *Standard Oil of New Jersey* (часть империи Рокфеллера) снабжало врагов топливом через нейтральную Швейцарию? Или если народ узнал бы, что «Чейз Манхэттен Банк» в оккупированном нацистами Париже уже после Перл-Харбора получал миллионы долларов прибыли от сделок с врагом, притом что головной офис в Манхэттене был полностью в курсе дела (в том числе семья Рокфеллеров)? Или что грузовики Форда строились для германских оккупационных сил во Франции с разрешения из Дирборна, штат Мичиган? Или что полковник Состенес Бен, глава международного американского телефонного конгломерата *ITT*, летал во время войны из Нью-Йорка в Мадрид и Берн для того, чтобы помочь Гитлеру улучшить систему связи и усовершенствовать управляемые авиабомбы, которые потом сбрасывались на Лондон? Или что *ITT* строила «фокке-вульфы», которые

TRABALHADORES DO BRASIL CUT
EXIGEM TAMBÉM NA GREVE GERAL IO

LIBERDADE !
MUMIA ABU-JAMAL !

CUT

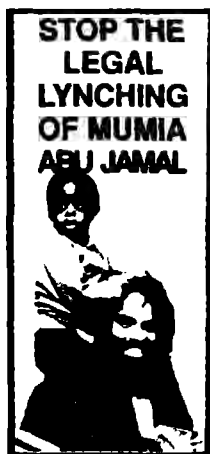
Viva Zumbi e João Cândido
NOV. DE 1999
CENTRAL ÚNICA DOS TRABALHADORES

Его знают везде

потом бомбили британские и американские войска? Или что шарикоподшипники поставлялись заказчикам в Латинской Америке из числа союзников гитлеровской Германии в соответствии с тайным соглашением между заместителем председателя Министерства военной промышленности США и двоюродным братом Геринга, в то время как в американских войсках ощущалась их острейшая нехватка? Или что об этих соглашениях было известно в Вашингтоне, где их санкционировали либо молчаливо игнорировали?

Есть войны, и есть «войны», это очевидно. К сожалению, есть еще и секретные войны, и те, кто на полях сражений или развевают флаги, — последние, кто узнает об этом.

Стюарт Хоум

**ГОЛАНДСКИЕ ПРОВО,
«КОММУНА1» ,
«МАЗЕРФАКЕРЫ»,
ЙИППИ
И «БЕЛЫЕ ПАНТЕРЫ»**

В начале лета 1965 г. в Амстердаме появилась листовка с призывом высылать большие суммы денег на адрес редакции нового журнала, который назывался *PROVO*. В листовке говорилось, что новый журнал необходим:

— потому, что это *капиталистическое* общество отравляет себя своей патологической жадой денег. Его членов воспитывают так, чтобы они поклонялись Обладанию и презирали Бытие.

— потому, что это *бюрократическое* общество душит себя канцелярщиной и подавляет любую форму спонтанности. Его члены могут стать творческими, индивидуальными людьми, лишь ведя себя анти-социальным образом.

— потому, что это *милитаристское* общество само роет себе могилу, параноидально наращивая атомные вооружения. Его членам нечего ждать от будущего, кроме как верной смерти от атомной радиации.

Вскоре после этого появился и первый номер *PROVO*, который был тут же конфискован властями, так как содержал наглядную схему, перепечатанную из «Практического анархиста» 1910 г. Схема эта якобы показывала читателям, как изготавливать взрывчатые вещества, но на самом деле приведенная там технология была совершенно бесполезной. Благодаря этому и другим скандалам тираж *PROVO* в течение года вырос с 500 до 20000 экземпляров.

Активисты *PROVO* раннего периода — в том числе Роал ван Дюйн (р. 1942), Роб Стойк, Роберт Яспер Гроотвелд (р. 1932), Симон Винке-

ноог, Барт Хугес и бывший ситуационист Констант — были главным образом выходцами из анархо-коммунистических и творческих кругов. Однако проводившиеся редакцией *PROVO* сатирические культурно-политические акции не замедлили привлечь значительную часть недовольной молодежи Амстердама, и вскоре возникло целое движение — *прово*.

Трава и воля

Амстердам считался магическим центром. Сердцем его был район Спюй, где у подножия статуи маленького мальчика по имени Ливердья, которую *прово* переименовали в памятник обезумевшему потребителю, Гротевелд начиная с 1964 г. организовывал еженедельные хэппенинги.

Прово разработали целую серию «белых планов», которые были призваны решить ряд стоявших перед городом экологических и социальных проблем, а заодно были «провокациями» против голландских властей. Одна из самых знаменитых среди этих акций — «План белых велосипедов». *Прово* выпустили листовку, объявлявшую, что по всему городу будут оставлены без замков белые велосипеды, которыми сможет воспользоваться любой желающий. Первый образец этого «бесплатного общественного

транспорта» был представлен общественности и прессе у статуи Ливердья 28 июля 1965 г.. План имел огромный успех как «провокация против капиталистической частной собственности» и «монстра-автомшины», но потерпел фиаско в качестве социального эксперимента. Полиция, ужаснувшись самой мысли о том, что общественную собственность можно вот так просто оставлять на улицах, стала конфисковывать любой велосипед, который находила без присмотра и не на замке.

Прово приобрели скандальную известность среди голландских медиков после того, как один из лидеров движения, Барт Хугес, сделал себе трепанацию, то есть просверлил дырку у себя в черепе. Хугес полагал, что теперь его мозговые оболочки смогут расширяться за счет полученного дополнительного пространства, увеличивая тем самым объем крови — а значит, и кислорода, — который может находиться в его мозгу в любой конкретный момент времени. Результат, утверждал Хугес, аналогичен расширенному состоянию сознания, которое достигается во время занятий йогой или при приеме

LSD, но в его случае *благоприятный эффект* будет сохраняться всю жизнь.

Международная известность пришла к прово в марте 1966 г., когда они взорвали дымовую бомбу во время свадебной процессии принцессы Беатрикс и принца Клауса вон Амсбурга. Голландские копы тут же отреагировали зверскими избиениями демонстрантов-антимонархистов. Однако на местных выборах, состоявшихся три недели спустя, население Амстердама продемонстрировало свою поддержку праведному делу прово, избрав одного из представителей движения в муниципальный совет. После чего стало ясно, что голландские власти непременно поставят радикальную деятельность прово себе на службу, и что это лишь вопрос времени. Весной 1967 г. движение самораспустилось.

В это самое время в Берлине бывший ситуационист и член группы «Шпур» Дитер Кунцельман принимал участие в создании «Коммуны 1». «Коммуна» возникла в марте шестьдесят седьмого, и именно ее члены были первыми, кто привнес в консервативную немецкую среду акции в стиле «фрик» и политические хэппенинги. В награду за свои усилия коммунары были исключены из немецкого *SDS* (Социалистического германского союза студентов). Но гнев, с которым на их деятельность реагировали традиционалисты как слева, так и справа, только увеличивал их авторитет в глазах многих молодых парней и девчонок. Очень скоро они стали кумирами учащихся школ по обе стороны Берлинской стены. «Коммуна ужасов», как ее называла немецкая пресса, была настоящим рассадником политической и культурной агитации. Именно в «Коммуне» — или благодаря встречам с ее членами и сторонниками — *радикализировались* взгляды будущих террористов, таких, как Бомми Бауман из «Движения 2 июня». Одно из самых знаменитых выступлений «Коммуны» на политической арене последовало за пожаром в брюссельском универмаге. Была выпущена листовка под заголовком «Когда же запылают универмаги в Берлине?»:

«...Наши бельгийские друзья наконец-то придумали классный способ, как реально вовлечь местную публику в те сладострастные дела, что творятся во Вьетнаме. Они поджигают универмаг. 300 сытых обывателей, 300 их поистине захватывающих жизней — и Брюссель превращается в Ханой. Теперь никому из тех, кто читает утреннюю газету за роскошным завтраком, не надо больше лить слезы о многострадальном народе Вьетнама — достаточно пойти в отдел «Одежда» универмагов «Ка-Де-Ве», «Херти», «Вулвортс», «Бика» или «Неккерман» и аккуратно зажечь сигаретку в примерочной кабине...»

Хотя листовка — как и само предположение, что брюссельский пожар был делом рук протестующих против войны во Вьетнаме, — были явной мистификацией, пресса пришла в полную ярость. «Коммуна 1» в очередной раз оказалась в центре общественного внимания, и уже одно это мешало буржуазии спокойно спать в своих кроватях.

Тем временем в Нью-Йорке группа бывших культурных работников стояла на грани превращения в банду уличных бойцов — «Мазерфакеров». Группа *Motherfuckers* (полное название звучало *Up Against The Wall Motherfucker* — «Лицом к стене, ублюдок!») и сопровождалось картинкой, на которой менты избивали фрика) образовалась из местной организации «Студентов за демократическое общество» (американского SDS) в Нижнем Ист-Сайде (Нью-Йорк). Однако еще до своего краткого флирта с политическими идеями новых левых эти же люди группировались вокруг вдохновлявшегося дадаизмом журнала «Черная маска» (*Black Mask*). Для коллектива *Black Mask* основной формой публичных акций были нападения на такие мероприятия, как открытия выставок, лекции в музеях и рок-концерты. В своей новой ипостаси — как «Мазерфакеры», а впоследствии «Вер-

Box 77
MCS Group

MCS

EXCLUSIVELY ON ELETRA RECORDS

Лица белых пантер

вольфы», — группа сосредоточила свою деятельность на двух фронтах: разгон левых митингов и систематическое закладывание бомб (под лозунгом «Вооруженной Любви») под здания банков и другие столь же символические объекты.

Еще одной группой, действовавшей в то же время, но больше интересовавшейся театрализованными приколами, чем прямым действием, были йиппи (*Yippies — Youth International Party*, Международная партия молодежи). Если «Мазерфакеры» пришли во фрикговскую тусовку из левого крыла кругов, занимавшихся культурной агитацией, то йиппи выросли непосредственно из хипповой субкультуры. В Нью-Йорке йиппи устроили «Человеческий Би-Ин» (*Human Be-In — спонтанная тусовка большого количества людей*) на вокзале «Грэнд-Сентрал» в самый час пик, чем создали немалые неудобства для толп жителей спальных районов, стремившихся попасть домой, а также вызвали полный хаос в здании фондовой биржи, когда залезли на балкон и сбросили сотни долларовых бумажек на головы маклеров, которые тут же побросали все дела и устроили потасовку из-за денег. В Британии они вызвали общенациональное возмущение, ворвавшись на телепередачу «Шоу Дэвида Фроста». Выдвижение свиньи по имени Пигасус кандидатом на пост президента США было той скромной лептой, которую йиппи внесли в события августа 1968 г. в Чикаго, где проходила конвенция демократической партии. Этот образец «партизанского театра» перерос в массовые беспорядки, и в сентябре 1969 г. восемь леворадикалов, в том числе йиппи Эбби Хоффман и Джерри Рубин, предстали перед судьей Джулиусом Хоффманом в судебном разбирательстве, которое вошло в историю под названием «Процесс по делу Чикагского заговора». В ходе процесса судья Хоффман неоднократно вступал в препирательства с ответчиками и их адвокатами. Когда присяжные удалились на совещание, судья приговорил всех ответчиков — и их защитников — к различным срокам тюремного заключения за оскорбления суда, якобы имевшие место во время заседаний. Явная предвзятость судьи, проявившаяся в том, как он вел процесс, и в вынесенных им приговорах, вызвала широкую критику, и «Процесс по делу Чикагского заговора» стал самым знаменитым в американской истории. Приговоры, вынесенные на суде, показали, что американский капитализм намного репрессивнее, чем представляли себе йиппи. Когда сторонники движения начали понимать, что капиталистическая система действительно настолько свирепа и беспощадна, как они заявляли в своей пропаганде, движение вступило в фазу медленного разложения.

Партия «Белых пантер», созданная в 1968-м в подражание «Черным пантерам», выросла из Детройтской художественной мастерской (*Detroit Artists' Workshop*) — еще одно свидетельство того, что именно бывшие культурные работники, со своей только что разработанной техникой политической агитации в стиле «фрик», шли в авангарде радикализации американской молодежи. Основной целью «Белых пантер» было донести агитацию до старших школьников, и рок-группа этого движения — MC5 — была самым могучим оружием для достижения его целей. Однако уже в 1970 г. Джон Синклер (лидер «Белых пантер») обвинял группу в том, что она продалась. К тому времени Синклер сидел в тюрьме, отбывая десятилетний срок, который получил за то, что дал два косяка с марихуаной переодетому детективу из отдела по борьбе с наркотиками. Еще один член «Белых пантер», Пан Пламондон, попал в список наиболее опасных преступников, разыскиваемых ФБР, после того как якобы подложил бомбу в здание ЦРУ в Анн-Арборе.

Агитация в стиле «фрик», когда ею занимались люди, способные выдержать шквал репрессий, неизбежно навлекаемый на них подобными акциями, была чрезвычайно эффективной, потому что предлагала как культурные, так и политические альтернативы господству капитала. Ответом истеблишмента, который почувствовал угрозу растущего влияния этого воинствующего авангарда, было чрезмерное выпячивание в СМИ тех сторон хипповой культуры, что сводились к «миру и любви». Но воинствующие элементы не пожелали исчезать только потому, что пресса встала на путь заведомо ложной интерпретации движения: вместо этого они вернулись в новом обличье — городских герильерос¹

¹ Разумеется, огромный масштаб деятельности в рамках движения шестидесятых не позволяет мне отразить на этих страницах даже малую толику того, что тогда происходило. Среди наиболее интересных групп, которые я здесь опустил, можно назвать новоявленных «Диггеров» («Копателями», *Diggers*, называла себя одна из фракций английских революционеров XVII в.). Эммета Грогана, которые на протяжении всего конца шестидесятых предоставляли бесплатную еду, одежду, кров и пр. населению района Хэйт-Эшбери в Сан-Франциско. Группы диггеров, вдохновленные примером Грогана, затем распространились по всей Америке и докатились даже до Европы. Они хорошо показывают, что движение, которое истеблишмент часто обвинял в непрактичном идеализме, имело и весьма практический аспект. — Прим. авт.

Эбби Хоффман

СВОБОДА СЛОВА

Если вам не нравятся новости по ТВ, создавайте свои собственные. Чтобы выпускать свободные СМИ, нужны воображение и способность ярко выражать мысли. На среднего эмэрыканца ежедневно обрушивается более 1 600 рекламных объявлений. Рекламные щиты, глянцевого журналы, рекламные ролики на ТВ с головой утопили его в словесах. Чтобы вырваться из этой информационной трясины, надо создать новые формы свободной коммуникации. Воспитывать и развивать людей, которых вы хотите склонить на свою сторону, вам поможет революционная реклама.

Представления театральной герильи всегда попадают в число главных новостей, а если их умело разыграть, то запоминаются навсегда. Разбросать деньги на фондовой бирже, вывалить сажу на руководство *Con Edison*¹ или взорвать статую полицейского в Чикаго² — все это с помощью художественной провокации ясно и до-

¹ The Consolidated Edison Co — крупнейшая энергетическая компания; акция йиппи была направлена против загрязнения окружающей среды плохо очищенными выбросами с теплостанций. Руководил компанией отец одного из ведущих «Уззерменов», ныне — мужа Бернардин Дорн Билла Эйерса. Кстати об электричестве: в дружных рабочих кварталах бывшего СССР любовью и уважением пользовались умельцы, с помощью нехитрой электрической схемы отматывавшие назад показания счетчика себе и соседям.

² Здесь и далее перечислены самые славные и знаменитые из театрализованных хепенингов-проделок йиппи. Статуя полицейского в Чикаго была взорвана «Уззерменами» накануне «дней гнева» 8-11 октября 1969г. (одной из целей акции был протест против суда над «Чикагской восьмеркой», в т.ч. Хоффманом и Рубином).

ходчиво выражает заложенную в спектакле идею. Недавно 400 йипи инсценировали незаконное вторжение в Камбоджу³ ворвавшись в США через канадскую границу. Они атаковали город Блэр (штат Вашингтон), забрасывая витрины «бомбочками» с краской и нпадая на жителей. Группа ветеранов Вьетнама в боевом снаряжении маршем прошла от Трентона до Вэлли-Фордж⁴. По пути они

Знай механику системы

устраивали шутовские нападения на гражданское население, точно-точно как их обучили в Юго-Восточной Азии.

Подмешав в воду уличных фонтанов алую краску и разослав по газетам разъяснение смысла акции, мы в зримых образах выражаем ту мысль, что кровь людская, как вода, бессмысленно льется в империалистических войнах. Суперклей для металлов компании «Истман-Кодак» схватывается намертво всего

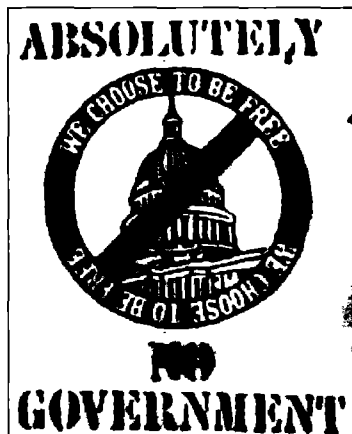
за 45 секунд. Заклинив с помощью этого клея все дверные замки и защелки в офисных зданиях вашего города, вы метафорически изображаете, что наших братишек и сестренек ежечасно бросают в тюрьмы. Ну и, конечно, есть еще взрывчатка, которая с оглушительной театральностью разъясняет даже самым тупым, что же вы имели в виду.

³ В Камбодже располагались базы и коммуникации Фронта национального освобождения Южного Вьетнама, а на севере страны - северовьетнамской армии. В 1969 г. Никсон на этом основании начинает бомбардировки не контролируемых правительством районов страны. В марте 1970г. в Камбодже происходит военный переворот, принц Сианук смещен, а к власти приходит проэмэрыканский режим генерала Лон Нола. По его просьбе 30 апреля 1970 г. войска южновьетнамского правительства и США вторгаются в Камбоджу, что не было должным образом санкционировано Конгрессом США и вызвало обвинения в незаконности с точки зрения эмэрыканской Конституции. Эбби с женой публично провели сеанс черной магии вуду и под заклинания разбили телевизор, на экране которого Никсон объявлял о вводе войск в Камбоджу. Колдовство подействовало: уже 8 мая Никсон снова появился на телеэкране и пообещал вывести войска в ближайшие два месяца, что и исполнил 30 июня, опасаясь новой порчи со стороны четы Хоффманов и массовых протестов.

⁴ В битве под Трентоном (штат Нью-Джерси) в декабре 1776 г. Джордж Вашингтон разбил англичан. В Вэлли-Фордж его армия провела зиму 1777 - 1778 гг. Зимовка вошла в эмэрыканскую историческую мифологию как героическая эпопея, оптимистическая трагедия: половина армии вымерзла (на самом деле, как считают менее патриотично настроенные историки, разбежалась), зато другая половина сохранила себя для новых побед. Оба местечка, хотя и в разных штатах, расположены рядом, да и от Нью-Йорка недалеко. Акция ветеранов Вьетнама как бы профанирует «поход по местам боевой славы»: вот, мол, до чего мы докатились - перед предками стыдно.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

Еще один способ использования информационных выпусков в СМИ для рекламы революции — это проведение пресс-конференций. Выберите подходящее место, которое как-то соотносится с содержанием вашего сообщения. Разошлите приглашения как можно большему числу журналистов. Если у вас нет списка СМИ, вы можете сами его составить, найдя в «Желтых страницах» разделы «Газеты», «Радиостанции», «Телевидение», «Журналы» и «Телеграфные агентства». Сверьте ваши списки со списками других революционных групп и выпишите имена журналистов, которые посещают пресс-конференции нашего движения. Пошлите им особое приглашение, помимо общего приглашения их изданию. Приглашения для органов СМИ адресуйте в отдел городских новостей либо в информационную редакцию. Назначайте пресс-конференцию примерно на 11 утра, чтобы у журналистов было время сдать материал в подборку для вечернего выпуска новостей. В день запланированной пресс-конференции примерно в 9 утра обзвоните отделы городских новостей в наиболее важных для вас СМИ и самых нужных журналистов, чтобы напомнить им о приглашении. Для успеха пресс-конференции все в ней должно разворачиваться, как театральная интрига, от объявления и телефонных звонков до самих заявлений. Ничто не производит худшего впечатления, чем четверо или пятеро «деятелей» в строгих костюмах, сидящих за столом в фешенебельном отеле и монотонно бубнящих о чем-то своем. Постоянно старайтесь, чтобы каждая деталь вашей пресс-конференции по стилю и содержанию отличалась от пресс-конференций, которые проводят те, кто у власти. Используйте музыку и визуальные эффекты. Не будьте зажатыми перед прессой. Говорите как можно короче и только по делу. Не читайте по бумажке, смотрите прямо в камеру. Стандартный телесюжет в выпуске новостей — одна минута двадцать секунд. Операторы начнут вас снимать со вступительного слова и обычно ближе к концу у них заканчивается пленка. Следовательно, эта часть должна быть краткой и насыщенной действием. Время, отведенное для вопросов, должно быть еще более драматичным. Отвечая на вопрос, обращайтесь к спрашивающему по имени. Это создает непри-

Мир — хижинам, война — дворцам!

для вечернего выпуска новостей. В день запланированной пресс-конференции примерно в 9 утра обзвоните отделы городских новостей в наиболее важных для вас СМИ и самых нужных журналистов, чтобы напомнить им о приглашении. Для успеха пресс-конференции все в ней должно разворачиваться, как театральная интрига, от объявления и телефонных звонков до самих заявлений. Ничто не производит худшего впечатления, чем четверо или пятеро «деятелей» в строгих костюмах, сидящих за столом в фешенебельном отеле и монотонно бубнящих о чем-то своем. Постоянно старайтесь, чтобы каждая деталь вашей пресс-конференции по стилю и содержанию отличалась от пресс-конференций, которые проводят те, кто у власти. Используйте музыку и визуальные эффекты. Не будьте зажатыми перед прессой. Говорите как можно короче и только по делу. Не читайте по бумажке, смотрите прямо в камеру. Стандартный телесюжет в выпуске новостей — одна минута двадцать секунд. Операторы начнут вас снимать со вступительного слова и обычно ближе к концу у них заканчивается пленка. Следовательно, эта часть должна быть краткой и насыщенной действием. Время, отведенное для вопросов, должно быть еще более драматичным. Отвечая на вопрос, обращайтесь к спрашивающему по имени. Это создает непри-

нужденную атмосферу, а кроме того, телеканалы охотнее показывают ответы, обращенные персонально к их корреспонденту. Выражайте свои эмоции. Подурачьтесь-рассердитесь-опечальтесь-возбуди-тесь. Если вы не можете передать, сколь глубоко вас взволновало, обеспокоило или разгневало то, о чем вы говорите, то чем же вы собирались пронять тех, кто, сидя в своей гостиной, уставился в маленький ящик с картинками? Помните: вы рекламируете людям новый образ жизни. Посмотрите рекламные ролики на ТВ. Поглядите, как искусно и доходчиво умеют их создатели выразить все, что им надо, за считанные секунды. Вы можете стебаться над тем говном, которое они раскручивают, но при этом грех не позаимствовать их мастерские приемы.

На рок-концертах в антракте или после выступления пробейтесь на сцену. Объявите, что если вырубят микрофон, здание будет взорвано. Это заинтригует⁵ аудиторию, а владельцы зала все же не такие подонки, чтобы рискнуть при всех. Толкните краткую захватывающую телегу⁶ о текущем моменте. Надо свести все к одному призыву. Иногда неплохо вовлечь рок-группу в диалог насчет их приверженности революции. А вот прерывать сейшен не следует: это все равно, что плюнуть в лицо тем самым людям, к которым вы обращаетесь. Культура — это океан, так что учитесь плавать. И обращайтесь с нею осторожно.

Эффективно воздействуют на зрителей «люди-бутерброды» и переносные плакатики. Вы можете встать на оживленном перекрестке с плакатом «Нуждаемся в жилье», «Свободу Анджеле»⁷, «Сокрушим государство» и другими лозунгами. Лозунги можно писать на денежных купюрах, отправляемых по почте конвертах и на других предметах, по многу раз переходящих из рук в руки.

В кинотеатр возьмите с собой фонарик с большим стеклом. На темном целлофане вырежьте слово «ЗАБАСТОВКА», или «ВОССТА-

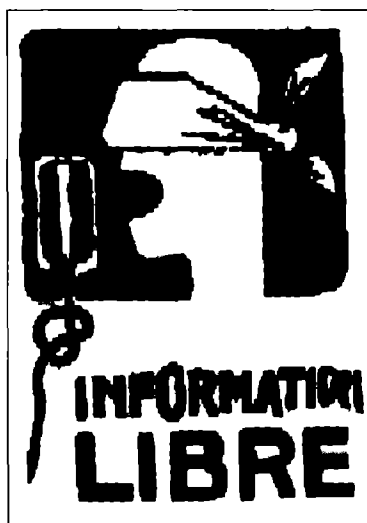
⁵ «Гальванизирует», уклончиво пишет Эбби. Все-таки 60-е гг. были временем игрового театрального радикализма, уже пару лет спустя Эбби подобное вряд ли мог бы посоветовать без особого цинизма.

⁶ У Эбби - «гар». Как музыкальный стиль рэп в 1970 г. еще не оформился, но под этим словом уже понимались идущие от древних ритуальных традиций Африки упражнения черных подростков в ритмичном рифмованном сквернословии, к середине 70-х гг. ставшие одной из составляющих субкультуры хип-хоп. Рэп как вид дворового самодельного искусства был известен издавна, и Эбби то и дело употребляет это слово в значении «краткий энергичный спич». Слово было очень популярно среди хиппи, куда вошло из черного жаргона, и означало обмен мыслями внутри «своего круга» (rap session).

⁷ Анджеле Дэвис.

НИЕ», или «ЙИППИ». Прилепите трафарет к стеклу фонарика — и можете проецировать надпись на дальнюю стену.

Весь вечер по ТВ идет множество ток-шоу с участием дозвонившихся зрителей. Аудитория у них огромная. Если ваше мнение ведущий сочтет «спорным, но интересным» и «дающим повод для дискуссии», то вам могут выделить на остаток вечера отдельную телефонную линию, и тогда не придется вместе со всеми по сотне раз дозваниваться до студии. Ведь дозваниваться приходится часами. Но и тут есть маленькая хитрость, которая поможет вам, когда номер постоянно занят. Для ток-шоу с участием зрителей выделяется несколько линий, если одна занята, звонок автоматически переключается на следующую. Обычно их номера идут подряд. То есть если для звонков в студию дается номер PL 5-8640, это значит, что задействованы также номера PL 5-8641, PL 5-8642 и т.д. Если номер занят, попробуйте позвонить, например, по PL 5-8647. Этот трюк помогает и в других ситуациях, если надо дозвониться по вечно занятому номеру. Попробуйте воспользоваться им, когда звоните в справочную аэропорта или автовокзала.

Информационная свобода

Граффити

Одна из лучших форм свободной коммуникации — надпись краской на стене. Послание должно быть кратким и дерзким. Надо успеть, пока не появились свынюки, но при этом надпись должна быть достаточно крупной и видна издалека. Лучше всего подходят баллончики с распылителем, которые можно найти в любом магазине стройматериалов. Выбирайте самые оживленные места. Для большей выразительности не жалейте восклицательных знаков. Если надо сделать много одинаковых надписей, заготовьте трафарет. Вы можете сделать трафарет со словом «ВОЙНА» и прикрепить его на дорожном знаке под словом «STOP». Сделайте трафарет с пятиконечной звездой и желтым спреем нанесите ее на почтовые ящики на границе между красной и голубой полосами. Получится флаг Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Вырежьте на трафарете листок марихуаны

и зеленой краской напыляйте его на рекламу сигарет и виски⁸ на автобусах и в метро. Знак движения за освобождение женщин наносите красной краской на рекламные щиты, эксплуатирующие образ женщины как сексуального объекта. Проявляйте дерзость и изобретательность в выборе места. Когда казнили вьетнамского национального героя Нгуен Ван Чоя⁹, вьетконговцы на следующий же день вывесили памятный плакат на месте казни в самой охраняемой тюрьме страны.

Наклеивающиеся на стену плакаты позволяют донести до аудитории больше информации, чем нанесенные наспех граффити. Убедитесь, что поверхность стены гладкая или мелкопористая. Смажьте изнанку плаката сгущенкой с помощью кисти, губки, тряпки или просто рукой. Сгущенка быстро высыхает и держит намертво. Намажьте в некоторых местах, особенно у краев, и лицевую сторону тоже: это защитит от дождя и отобьет охоту у желающих сорвать плакат. Можно сделать рулон по типу обоев, он наклеивается быстро и удобно. Граффити и плакатами лучше заниматься ночью и с оглядкой. Тем самым вы сможете обработать самые лучшие места, не напоровшись на патруль свынюк, которые не ценят прекрасное и не понимают высокое искусство настенной росписи.

Использование флага

Общепринято, что флаг нашего Государства — черный с зеленым листиком марихуаны на фоне красной пятиконечной звезды, расположенной в центре. Им пользуются группы наших из тех, кто понимает, как надо правильно использовать культурные символы в революционной борьбе. Стоит выбросить вверх наш флаг, как братишки и сестренки тут же переполняются чувством солидарности. Старшеклассникам при-

⁸ Согласно «Marijuana Tax Act», в 1937 г. под давлением табачных и ликероводочных корпораций (как раз вскоре после отмены «Сухого закона») марихуана в США была отнесена к веществам, требующим особого контроля со стороны властей, уплаты специального налога и продающимся по рецептам. Тем не менее в США в 60-е гг. марихуана занимала второе место по популярности среди средств «расслабиться» после алкоголя, да и окончательно запрещена во многих штатах она была только в 60-е. После 1986 г. начался обратный процесс легализации, подкрепленный обоснованием того, что ущерб для здоровья от «травы» куда меньший, чем от табака и алкоголя. На сегодня «трава» легализована с оговорками в 9 штатах. Но в мае 2001 г. Верховный суд США вынес приговор по иску Оклендского кооператива покупателей марихуаны: местный закон не освобождает от ответственности перед федеральным законодательством. Справедливости ради надо сказать, что и пьянство в США обставлено некоторыми законодательными ограничениями, а уж табакокурение вообще считается антиобщественным поступком и в глазах населения — на порядок предосудительнее марихуаны.

⁹ В 1964 г.

шлось повоевать с администрацией по поводу того, должны ли они в школе отдавать почести флагу¹⁰. Любую освобожденную зону обозначает развевающееся над нею знамя. Рок-концерты и фестивали действия по сути аполитичные, но лишь пока над ними не взвился флаг. Политологи¹¹, не признающие значение флага и важности представляемых им культурных смыслов, похожи на страусов, спрятавших головы, чтобы не видеть основ человеческой природы¹². На протяжении всей истории люди сражались за религиозные убеждения, образ жизни, землю и флаг (Государство), потому что им так приказали, ради счастья или денег, потому что на них напали, или просто без каких бы то ни было осознанных причин. Если вы не считаете, что флаг играет важную роль, спросите у «защитных касок»¹³ — они вам живо объяснят.

¹⁰ Имеется в виду громкий судебный процесс, ставший прцедентом в истории гражданских свобод. В конце 30-х гг. в государственных средних школах было введено обязательное отдавание чести учащимися флагу США. Старшеклассники из числа свидетелй Иеговы отказались, ибо по религиозным убеждениям они не могут отдавать почести никакому земному правительству, но лишь Богу. При поддержке ACLU (Эмэрыканского Союза гражданских свобод) в 1943 г. учащиеся добились постановления Верховного суда: никто не может обязать свободного гражданина отдавать почести чему бы то ни было, включая высшую национальную символику. В 2002 году из школьных церемоний по тем же соображениям изъято упоминание Бога (чисто христианское толкование этого имвни было убрано давно). Эбби и вго соратники часто подпадали под обвинения по другому закону — об оскорблении государственного флага (его сжигали или стирали на демонстрациях, а Эбби сделал из него рубашу). В 1990 и 1991 годах Верховный суд принял постановление: символические действия над флагом в ходе демонстрации не являются првступлением, но првдставляют собой «знаковые формы протеста».

¹¹ Речь не о бывших «научных коммунистах», защибающих копейку шарлатанскими «консультациями» сиволапам «политикам», а об авторах радикальных политических теорий 60-х гг.

¹² Трудно не приввести цитату из словаря В. Даля: « Все народы Европы знают цвета, масти, краски свои - мы их не знаем и путавм, подымая разноцветные флаги не впопад. Народного цвета у нас нет; цвет армии - зеленый и алый; казенный цвет, военный, георгиевский - белый, жаркой, черный (сервбро, золото, черн) и это жв цвет значков (кард); знамена наши и кровостные флаги разноцветны; морской военный флаг - белый с андреевским крестом; торговый: белый, синий, красный, вдоль; каки жв цвета подымать и носить на себе, какими украшать здания и пр. при мирных народных торжествах?». Показательно, что флагом пост-коммунистической коррумпированной России стал старый торгово-купеческий (по происхождению - голландский флаг, только с расставленными наоборот цветами, что и правильно с точки зрения семиотики). Ещв курьзнее использование украинскими национал-романтиками шведских национальных цветов, случайно попавших на штандарт гетмана Мазелы. Но самое мистическое совпадение вот какое: последнее эмэрыканское издание книги, которую вы сейчас читаете, вышло в обложке из трех одинаковых полос цветов российского флага!

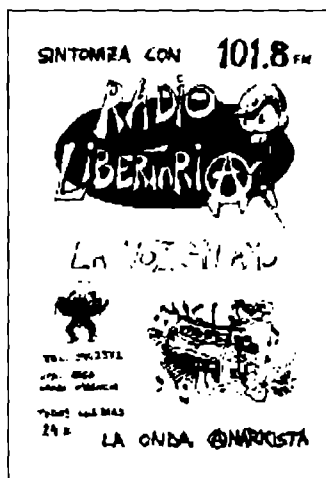
¹³ «Hardhats» — прозвище строительных рабочих, в первоном смысле — тупой агрессив-но-консервативный лоб. Во время антивоенных демонстраций спецслужбы наускивали строительных рабочих как «здоровые силы нации» нападать на студентов (как раз в строительных касках, чтобы от волосатиков защищали). В США все не как у нас: строительные специальности оплачиваются лучше других и требуют высокой квалификации. У нас хоть и строят плохо и медленно, зато строительные рабочие — самый эксплуатируемый отряд рабочих, да еще, будучи в основном с Украины, Кавказа и из Молдавии, живут в ужасных условиях и ежедневно страдают от свинков. Таких за «медвежий» идви не поднимешь.

Радио

Хотите создать свою радиостанцию для соседской округи? Можете использовать высокочастотный передатчик, разработанный группой братишек и сестренек радио «Свободный Пипл». Никакие лицензии Федеральной комиссии связи передатчикам с радиусом вещания

менее 1/2 мили не нужны. Небольшое устройство на транзисторах подключается к любой бытовой розетке. Подробности можно узнать по адресу: Radio Free People, 133 Mercer St., New York, New York 10012. Более детальные наставления вы найдете ниже в главе «Партизанский эфир».

Анархия в прямом эфире

Бесплатные телефоны

Надувательство телефонной компании - дело столь обыденное, что в Bell Telephone¹⁴ есть специальный отдел защитных технологий, который всеми силами пытается идти хотя бы на шаг впереди среднего умельца-ловкача. Многие выдающиеся изобретения и открытия безвестных самородков,

в том числе и приспособление для фиксации положения разъединительного рычажка, пришлось безвременно списать за ненадобностью, а все из-за того, что в ответ додумались изменить конструкцию таксофона!¹⁵ Даже поддельные телефонные кредитные карточки обречены на забвение с переходом компаний на более совершенные компьютерные технологии. Но унывать не стоит: по нашему глубочайшему убеждению, пока

¹⁴ «Bell Laboratories» — до 1996 г. филиал AT&T Corp. В лаборатории, основанной еще самим изобретателем телефона А. Беллом, созданы транзистор, лазер, солнечная батарея, тональный кнопочный набор, светодиод, многопользовательская многозадачная операционная система «UNIX», сотовая связь. Но народные умельцы и рационализаторы неизменно посрамляли лабораторных умников. Выделение лабораторий Белла произошло под давлением правительства: подпадающая под антимонопольные законы. AT&T Corp. вот уже полвека вынуждена постоянно дробиться и искать новые сферы, где пока нет госрегулирования.

¹⁵ Метафизический русский ум склонен не мастерить приспособления, а разгадывать Систему, общие ее законы: не надо мне миллиона, а надобно мне Вопрос решить! В конце 80-х гг. кто-то открыл и пустил в народ набираемый перед номером код (я его уже забыл), с помощью которого при одновременной манипуляции рычажком можно было звонить по междугороднему автомату, опуская 15 копеек раз в 5-7 минут вместо 30-40 секунд: автомат словно надолго «задумывался». В те же годы был и другой, также позабытый код, который надо было набирать перед звонком по междугороду с домашнего аппарата, и тогда счет приходил копейчный. В начале 90-х гг. оба кода перестали действовать: видимо, и у нас контрмыслители не дремлют.

существуют телефонные компании, найдутся и острые умом злоумышленники, а уж они-то помогут и остальным не платить за телефон¹⁶.

В одном только 1969 году телефонные компании оценили стоимость неоплаченных звонков из Нью-Йорка в 10 миллионов долларов. Это гроши по сравнению с грабительскими счетами, выставленными населению телефонными компаниями. В том же году «Эмэрыкен Телефон и Телеграф Корпорэйшн» свела бюджет с прибылью в 8.6 миллиардов долларов! AT&T, как и другие продающие коммунальные услуги компании, выдает себя за народное предприятие на службе обществу. Наглое вранье! Акциями этих компаний владеет мизерный процент населения, а все решения принимаются совсем уж крохотной шайкой избранных. Надуть телефонную компанию — это деяние во имя революционной любви, так научите этому и других, и пусть же летит по свету свободное Слово, нигде не встречая преград!

تلفون و تيلېگراف

Таксофоны

Местный звонок за 10 центов обойдется в два, если разменять их по центу и опустить в прорезь вместо двух монет по 5 центов, а за мгновение до того как они коснутся собачки на дне монетоприемника, резко ударить по кнопке «возврат монет». Другой способ — «крученая подача» состоит в том, чтобы закрутить опускаемые в щель для пятицентовиков монетки волчком против часовой стрелки. Придерживая монету пальцем, придайте ей вращательное движение, щелкнув по ободку ключом или другим плоским предметом. Оба способа требуют навыка и сноровки, но не пожалев времени на овладение этим искусством, вы всегда будете иметь его под рукой в арсенале выживания.

Если за два цента душит жаба или вы не можете себе позволить таких расходов, как насчет звонка за один цент? Вырежьте из обложки телефонной книги¹⁷ картонную полоску шириной 1/4 дюйма. Засуньте ее как можно глубже в прорезь для десятицентовых монет. В прорезь же для пятицентовиков опустите монетку в один цент, чтобы она провалилась в недра монетоприемника (тут вам поможет умение опускать «крученые» монетки). Затем медленно извлекайте картонную полоску, пока не услышите гудок¹⁸.

¹⁶ К сожалению, развитие телефонного пиратства пошло самым подлым и предосудительным с точки зрения Эбби, путем: перекладыванием счетов на первого попавшегося абонента. Это низко, и прибегать к услугам таких аферистов крайне безнравственно.

¹⁷ В Эмэрыке она лежит тут же в телефонной будке.

¹⁸ Нет, как хотите, но такие технически сложные и требующие виртуозного исполнения манипуляции рождены любовью к искусству, а не мелочной прижимистостью. Нв в де-вяти же центах дело!

Латунная шайба четырнадцатый номер с заклеенным с одной стороны кусочком клейкой ленты отверстием не только поможет бесплатно позвонить, но станет верной спутницей при покупке мелочевки из торговых автоматов, принимающих монеты по 10 центов. В любом магазине скобяных изделий за доллар вам дадут картонную коробочку, в которой таких шайб несколько тысяч. Ее следует всегда иметь при себе на случай, если понадобится позвонить, постираться в автоматической прачечной, расплатиться на парковке с автоматическим счетчиком или захочется попить газировочки.

Удалив с кончиков шпильки для волос слой пластиковой облицовки, саму шпильку согните и воткните в микрофон телефонной трубки. Когда шпилька упрется в металлическую мембрану, другим концом поскребите о металлическую стенку телефонной кабинки или о трубу, в которую упрятаны провода, чтобы обеспечить заземление. Как только вы замкнете контакт, раздастся непрерывный гудок. Если в таксофоне трубку с аппаратом соединяет устаревший кабель с черный резиновым покрытием, еще проще. Можно проткнуть резиновую оболочку, в которую убран кабель, металлической кнопкой, слегка подвигать ею, чтобы острое хорошенько вошло в контакт с оголенным проводком, и прикоснуться шляпкой к какому-нибудь металлическому предмету, чтобы заземлить.

Опустите в таксофон десятицентовую монету, наберите номер оператора¹⁹ и скажите, что у вас кредит на телефонный разговор на сумму в десять центов. Оператор вернет вам монету и соединит бесплатно. Если же она спросит: «Как так?», — отвечайте, что звонили по другому таксофону, тот проглотил монету, а оператор сказал, чтобы вы воспользовались другим автоматом и позвонили кредитному оператору.

Тот же метод годится и для междугородных разговоров. Позвоните оператору и узнайте, каков тариф на нужный вам разговор. Повесьте трубку и позвоните другому оператору, скажите, что звонили в Сан-Франциско напрямую через код, вас неправильно соединили, и вы потеряли \$0.95 — или сколько там это стоит. Она соединит вас бесплатно.

Если два таксофона стоят рядом, можете звонить с одного, а монетки опускать в другой. Когда оператор вклинится и потребует

¹⁹ По автомату можно звонить через оператора например, если у вас нет наличных, можно позвонить кому-нибудь через оператора за счет абонента, при этом тот решает, отвечать на звонок или нет. Насчет возврата монеты за звонок — не знаю, вероятно, оператор имеет возможность с помощью дистанционного сигнала сделать «возврат монет» имеющему кредит на разговоры клиенту.

заплатить за разговор²⁰, опустите монетки во второй таксофон, но при этом поднесите трубку так, чтобы оператору было слышно, как они проваливаются в щель, а также ответный сигнал скушавшего их автомата. Закончив разговор, нажмите кнопку возврата монет на втором автомате — они и высыплются. Если у вас есть хороший портативный магнитофон, вы можете записать звук, с которым таксофон поглощает четвертак, десятицентовик и пятак, и воспроизводить в трубку оператору в разных комбинациях, когда она попросит опустить денег. Громкость надо включать на полную.

Вы можете позвонить по межгороду, а счет попросить выставить на ваш домашний телефон. Просто скажите оператору, что у вас нет с собою нужной мелочи. Назовите номер и скажите, что сейчас дома никого нет и подтвердить звонок некому, но вы будете там через час, и она может вам перезвонить, если возникнут вопросы. По номеру видно, к какой АТС он относится, — постарайтесь, чтобы телефонная станция соответствовала названному вами номеру и району.

Всегда имейте при себе фальшивые номера кредитных карт для оплаты телефонных разговоров. Составить правдоподобный номер можете сами. Кодовая буква для 1970 года — «S», затем идет семизначный номер телефона и трехзначный номер округа (это совсем не то же самое, что трехзначный междугородный телефонный код). Номер округа должен быть меньше 599. Например, S-573-2100-421 или S-537-3402-035. Номер вашего округа узнать просто. Закажите кредитную карту оплаты разговоров для вашего домашнего телефона, получить ее можно элементарно. Три последние цифры и есть номер округа — используйте их в сочетании с другим номером телефона. Лучше всего сочинять номера из далеких экзотических округов — тогда у телефонистки не будет возможности выявить фальшивый номер за то короткое время, что ей отпущено, чтобы проверить данные по служебному списку. Советуем избегать звонков по фальшивым телефонным карточкам на домашние номера.

Доводилось нам видеть одно приспособление. Через него вы подключаете ваш аппарат к телефонному разъему на стене, и тогда не только любые входящие звонки будут бесплатными для звонящих, но вы еще и блокируете наиболее распространенные виды прослушивания ваших телефонных разговоров. Паяет такие устройства и продает их по пятьдесят долларов за штуку один телефонный инженер из Массачусеттс.

²⁰ Здесь описана совсем архаичная система разговора с таксофона через оператора. У нас даже в строгие годы культа личности с такой системой AT&T Corp. пошла бы по миру. Обидно, но надо признать: капитализм в гораздо большей степени построен на доверии, а справедливый строй — на тотальной тройной проверке.

чусетса, разобидевшийся на свою компанию. К сожалению, мы дали ему слово не называть имени, так что разыскивать его вам придется самостоятельно — а то можете и сами попробовать сконструировать что-то в этом роде. Если вам предлагают такую приставку, то, скорее всего не обманывают. Проверьте устройство следующим образом: установите его и попросите кого-нибудь позвонить вам с таксофона. Если эта штука работает, после окончания разговора автомат вернет вашему приятелю его десятицентовик.

Если вы хоть немного разбираетесь в проводах и коммутации, то попросите отключить ваш номер под тем предлогом, что уезжаете из города на несколько месяцев. Затем самостоятельно подключите свой аппарат к магистральному кабелю — и все дела. Добавочные номера элементарно подключаются к магистральной линии связи и без ведома телефонной компании.

Вы можете звонить по межгороду куда угодно за счет вызываемого абонента, а на самом деле — бесплатно для обоих, если вы звоните на телефон-автомат²¹. Делается это так. Ваш друг приходит в назначенное время в определенную телефонную будку. Впрочем, можно договориться и по ходу дела, если ваш друг заказывает с автомата вызов определенного лица²², то есть вас. Вы же отвечаете телефонистке, что вас (то есть «его») в данный момент нет на месте, но «он» вернется через пять минут, поэтому пусть она скажет номер телефона, с которого «его» вызывают, и «он» тут же перезвонит. Узнав номер, повесьте трубку и, обождав чуток, заказывайте по этому номеру разговор за счет вызываемого абонента. Чтобы прием сработал, надо звонить в другой штат, потому что телефонистки обычно знают наизусть комбинации цифр, с которых начинаются все номера телефонов-автоматов в их штате, а иногда и в соседних. Если оператор спросит для порядка, не таксофон ли это, отвечайте уверенно: «Нет!» Если она обнаружит правду по ходу звонка (бывает, но редко), просто скажите, что никак не предполагали, что у него дома может стоять таксофон, а оплату придется записать на себя. Нам, однако, о таких случаях слышать не приходилось.

Уловка с вызовом определенного лица, которое якобы отсутствует, полезна и при междугородных разговорах по двум домашним телефонам. Вы слышите голос вашего друга, который отвечает телефонистке, что «он» будет дома через пару минут. Повесьте трубку, подождите минутку и закажите вызов определенного номера («кто

²¹ Как уже говорилось, в США и многих других странах таксофоны имеют номер и на них можно позвонить.

²² Стоит такой вызов дорогов (иногда плюс минута), зато если абонента нет на месте, то и ничего не стоит. Очень выгодно, если абонента приходится долго разыскивать или звать из соседнего дома.

подойдет»). Вы получаете фактически вызов определенного лица без дополнительной оплаты, которая в дневное время при больших расстояниях может быть довольно значительной.

Если через несколько месяцев вы собираетесь съезжать с нынешней квартиры, прекратите оплачивать счета и начинайте трезвонить всем, кому ни попадя, как сумасшедший. Через месяц получите обычный счет, но не оплачивайте его. Еще через месяц придет новый счет с повторным извещением за прошлый месяц. Еще через некоторое время придет извещение, что в течение десяти дней ваш телефон будет отключен за неуплату, если вы не погасите задолженность. Выждите несколько дней и пошлите им перевод на 5-10 долларов с сопроводительной запиской: с вами-де произошел несчастный случай, сейчас у вас нет средств, так как пришлось оплатить астрономические счета за лечение, но вы погасите долг, как только встанете на ноги. Это даст отсрочку еще на месяц. В итоге вы можете протянуть волюнку четыре-пять месяцев, постоянно находя объяснения и оплачивая по мелочи. Такая же тактика годится для газовых и электрических компаний, а также для универсальных магазинов, где дали маху, открыв для вас кредит.

Если компания требует вносить депозит, то для студентов и некоторых других категорий льготников он может быть уменьшен вдвое. В разных регионах размеры депозита и скидки могут различаться, поэтому узнайте все сами, когда будете в их офисе. Если вы не хотите, чтобы ваш номер был указан в телефонном справочнике, то за это с вас сдерут целых 50 центов, да еще и ежемесячно. Этого бремени можно избежать, если записать телефон на чужое имя, пусть даже счета при этом приходят на вас. Просто скажите, что вы хотите записать телефон на соседа по комнате.

Демонстрации

Демонстрация — важнейшая форма протеста. По форме проведения демонстрации могут быть самыми разными: от митингов и тич-инов²³ до массовых акций гражданского неповиновения и смоук-инов²⁴. От других форм ведения войны с Системой демонстра-

²³ См. примечание выше.

²⁴ Среди более респектабельных тич-инов, сит-инов (когда в начале 60-х гг. черная молодежь, часто с белыми друзьями, занимала кафе «Только для белых» и отказывалась уходить, позже применение этой формы протеста стало шире) были и смоук-ины — совместное раскуривание травки как форма антибуржуазного поведения и, как следствие, мышления. Если тич-ин предполагал рациональное обсуждение, то смоук-ин — «въезжание» в проблему.

ция отличается тем, что здесь к участию приглашаются все желающие, а не только узкий круг задумавших и спланировавших акцию. Поэтому важно заранее оповестить как можно больше людей. Большинство демонстраций имеют ненасильственный характер. Чтобы привлечь внимание к готовящейся акции, надо уметь ее «раскрутить» а для этого необходимо понимать, как использовать в наших целях средства массовой информации. Численность участников — это всего лишь один из множества факторов эффективности демонстрации. Столь же важно правильно выбрать время, место и тактику протеста. Бывали демонстрации, собиравшие по 400 000 народу, о которых тут же все и забывали, а бывали демонстрации с участием нескольких десятков человек, которые вошли в историю²⁵. Самое главное — театральность, зрелищность. Те, кто долдонит, что главное в демонстрации — ее «организующая и воспитующая роль», а не театральность, никогда не смогут провести удачную демонстрацию, а значит, и успешную революцию. В «раскрутку» входит все, от значков и листовок до пресс-конференций. Для изготовления наглядного реквизита надо привлечь самых лучших художников, каких только сможете. Постеры можно очень недорого сделать способом шелкографии, этому легко научить ваших людей. Значки придется покупать. Самые дешевые — отпечатанные непосредственно на металле. Краска вскоре облупится, но для массовых демонстраций они подходят идеально. Где-то за \$250 их можно изготовить 10 000. Листовки, как и постеры, требуют броского дизайна. Хороший способ привлечь внимание — затеять с городскими властями тяжбу о разрешении на проведение демонстрации. Тут же, конечно, возникают вопросы политического характера, то да се, и дебаты насчет разрешения добавляют готовящейся акции известности. Выбор даты, времени и места требует особого артистизма. Узнайте прогноз погоды. День недели и время проведения должны быть удобны для большинства людей. Место проведения должно иметь прямое отношение к смыслу акции. Нельзя устраивать демонстрации только потому, что так уж повелось. С другой стороны, и пренебрегать демонстрациями только потому, что они уже всем приелись своим занудством, не стоит. Вы со своей группой можете в рамках массовой демонстрации устроить свою собственную, лучше отрежис-

²⁵ Тут Эбби и Джерри равных не было. Эмэрыка, да и весь мир до сих пор помнят разбрасывание долларов на фондовой бирже, возлежание на рельсах перед воинским составом и Праздник жизни в Чикаго.

сированную. Не пугайтесь свирепых репрессий — не надо из-за жестокости властей отказываться от демонстраций вовсе. Во время Второй мировой датчане выходили на уличные демонстрации против нацистской оккупации. Даже сегодня в центре Сайгона вьетнамцы проводят антивоенные выступления. Репрессий не избежать, но переоценивать их — еще больший тактический просчет, чем недооценивать. Тем не менее умный отправляется на демонстрацию, заранее подготовившись к столкновению со свинюками.

НАРЯДЫ²⁶

При разгонах обычно в ход идут дубинки, свинюки сбивают с ног и тащат волоком по асфальту, пускают слезоточивый газ, иногда стреляют резиновыми пулями, реже — настоящими²⁷. Поэтому на демонстрацию следует принарядиться по-праздничному: одежда должна защищать как можно лучше, но при этом быть легкой и не сковывать движений. Из слезоточивых газов обычно применяются CS²⁸ и CN²⁹. Иногда для крепости их еще приправляют перечным газом³⁰. Перечный газ обладает нервно-раздражающими свойствами, поражая открытые участки кожи. Поэтому одежда должна плотно прилегать к телу. Это также предохранит от травм, когда свинюки поволокут вас по земле. Перчатки защитят руки, вдобавок в них можно ухватить канистру со слезоточивым газом и швырнуть назад в кордон свинюк или запустить в дорожную витрину. Обуваться следует в высокие кроссовки — так легче убежать — или тяжелые ботинки артикула «говнодавы», чтобы хорошенько заехать ногой в наседающую свинюку. Армейские ботинки, продаю-

²⁶ Еще одна грань одаренной натуры. Эбби — выдающийся стилист. Правильно нас учили: одеваться надо скромно, практично и опрятно, а если выпендриться, как тусовочные пугала Бартенев и Вадик Монро, то костей не соберешь.

²⁷ Вопреки умильно-либеральному представлению об змэрыканской демократии, власти США в бурные 60-е и начале 70-х гг. на удивление часто давали приказ открывать огонь на поражение против демонстрантов, и не только подавляя мятежи в черных гетто, а и против мирных студенческих манифестаций. Правда, в связи с отсутствием в протестантизме культа святых, в отличие от заслужившего анафему за Кровавое воскресенье Николая, канонизировать Л.Б. Джонсона и Р. Никсона предложений не было.

²⁸ «Си-зс» — нервно-паралитический газ ($C_6H_5ClN_2$), назван по именам разработавших его змэрыканских химиков Корсона и Стаутона. Вызывает резь в глазах, слюноотделение и затруднение дыхания. В 60-е гг. основное средство для разгона больших народных скоплений в США. Изобретали увековечили свои имена не хуже докторов Кондома и Гильотена.

²⁹ Хлорацетофенон. Такая же гадость.

³⁰ В «Поваренной книге сил правопорядка» есть еще и горчичный. В праздничном мироощущении Эбби, как и в фольклоре, побоище воспринимается как пир.

щиеся в Военторге³¹, отвечают и тем и другим требованиям — это самый лучший выбор для тех, кто пребывает в сомнениях, в чем выйти на уличное действо. Непременный атрибут мужского костюма — поддерживающий бандаж для мошонки или «ракушка»³². Защитный корсет для ребер можно приобрести в спортивном магазине за \$6. Спортивные наплечники и наколенники продаются повсюду, но если не ожидается особо горячих столкновений и вы не привыкли носить эти громоздкие доспехи³³, то лучше выходить в свет без них.

Головные уборы

По этикету являться на демонстрацию без шлема неприлично. Ваша репка выдергивается из толпы, как редиска³⁴, а треснуть может, как арбуз. Берегите ее! Какой шлем подобрать на выход — зависит от ваших материальных возможностей и от того, как часто он вам понадобится. Самая доступная по цене модель — стальная пехотная каска старого образца. Ее достоинства в том, что она защищает уши и имеет встроенную амортизирующую удары подвесную систему. А еще она пуленепробиваемая. Недостатки таковы: модель выпускалась только больших размеров, и это самое тяжелое, что вы когда-либо надевали на голову. Цена — около \$3. За \$5 можно купить каску для формирований гражданской обороны. Она намного легче, но не закрывает уши. У нее очень хорошая система амортизации. Если выберете эту модель, перед использованием её надо выкрасить в темный цвет, чтобы не выделяться. Наши стилисты рекомендуют черный как цвет анархии. Строительные, или «защитные», каски идут от \$8 до \$10 за штуку, в зависимости от системы амортизации и материала. Ввиду малого веса очень к лицу женщинам. Алюминиевые страдают от вмятин, если несколько раз долбануть в одно место, а фибергласовые трескаются. Защита для ушей не предусмотрена. Те, кто предпочел

³¹ В США такие магазины называются «Распродажа излишков военной амуниции», ими охотно пользуются бомжи, рыболовы и туристы.

³² Приспособления для профилактики спортивных травм в паху, первый в конном спорте, вторая — в боевых искусствах.

³³ Сейчас появилась отличная защита для роллеров. Но правильно пишут спортивные журналы: «Избегайте дешевых «левых» наколенников и налокотников».

³⁴ Цитата из английского перевода любимого Хоффманом раннего Владимира Маяковского («Ничего не понимают»).

этот фасон, должны позаботиться об элегантном ремешке через подбородок, чтобы убор не свалился на бегу. Если вы остановились на защитной каске, вернувшись домой, убедитесь, что вы ее сняли³⁵. Самая экономичная и практичная в носке модель — состоящая на вооружении армейская каска М-1. В зависимости от качества и состояния, по цене они идут от \$2 до \$10. Убедитесь, что у каски есть мягкая прокладка, которая подходит по размеру или регулируется, а также ремешок под подбородок. Основной недостаток: модель громоздкая и тяжелая. Наиболее взыскательные демонстранты предпочитают мотоциклетные шлемы, а многие носят их и в повседневной жизни. Это самый дорогой из головных уборов, цена колеблется от \$10 до целых \$40. Изготавливается он из фибергласа и по весу легкий, как шерстяная шапочка. К голове шлем крепится рассчитанными на экстремальные перегрузки пристежками, а внутренняя амортизационная система удобно подгоняется по размеру. Защита для ушей выше всяческих похвал. Внутри — поглощающее почти любой удар мягкое наполнение из пористой резины, а это намного лучше, чем амортизационная система на ремешках. Поскольку изготовлены такие шлемы из фибергласа (стекловолокна), некоторые могут треснуть, если дубасить по одному месту, но это случается редко. У многих есть еще и пластиковое прозрачное забрало для лица, а это дает дополнительную защиту. Но подбирайте только шлемы со съёмным забралом, иначе оно будет мешать противогазу.

Противогазы

Горнолыжные очки или забрало мотошлема предохраняют от аэрозоли из баллончика, но от газов, которые свынюки все чаще применяют, чтобы отравлять людям жизнь, защиты никакой. На этот случай нужен противогаз. Все описанные в этой главе противогазы дают надежную защиту против перечисленных здесь же газов, если только ими правильно пользоваться. Если у вас нет противогаза, то запаситесь хотя бы хирургическими масками (они есть в специализированных аптеках), пластиковыми пакетами с водой и тряпками. Новенький (а противогазы всегда продаются только новыми) всем известный армейский противогаз времен Второй мировой с фильтром-хоботом стоит \$5. Недостаток его в том, что он не закрывает лицо целиком, его легко ухватить и стянуть с лица за хобот, а бездарная конструкция с упирающимся в грудь

³⁵ Игра слов: hard hat (строительная каска) и hard head (здравый смысл).

фильтром причиняет неудобства при беге. Противогаз для отрядов гражданской обороны не имеет недостатков, присущих модели образца Второй мировой. Эту же модель использует и большинство подразделений Национальной гвардии³⁶. Она полностью защищает лицо, легка по весу, а коробка с фильтром удобно расположена. Регулируемые тесемки позволяют удобно подогнать противогаз «по лицу». Полевой армейский противогаз артикула М9А1 обладает всеми достоинствами маски ОВД³⁷.

REMEMBER!
We're still here

support class struggle & anarchist prisoners

Добьемся мы освобожденья

но и стоит вдвое дороже. Зато когда фильтр «сядет», коробку противогАЗа можно заменить. Новый фильтр стоит \$1.50. Покупая противогАЗ, убедитесь, сменный ли у него фильтр. Лучше всего пользоваться противогАЗом с химическим фильтром активного типа. Но самый хай-тек — это маска Министерства ВМС Mark IV. Лучше не бывает. Фильтры сменные, а на голове сидит, как влитой. Стоит в районе \$12. Недостаток один — сдвоенный фильтр: чересчур навороченная получается конструкция. Подгоните противогАЗ так, чтобы его коробка (фильтр) находилась на затылке. Так легче бежать и труднее ухватить вас за противогАЗ. Принеся домой новенький противогАЗ, опробуйте его, чтобы привыкнуть. Убедитесь, что он хорошо подогнан и удобно сидит. Там же, где и противогАЗ, вы можете купить за 25 центов салфетки со спе-

циальной «противотуманной» пропиткой. Протрите смотровые стеклышки с внутренней стороны, чтобы не запотевали. Еще одно достоинство противогаза — вас в нем не узнают, как на маскараде. Каски, противогазы и куча других бесценных вещей всегда есть в продаже в магазинах «излишков военной амуниции». Хороший ассортимент вы найдете в магазине *Kaufman's Surplus and Arms, Inc.*, 623 Бродвей, Нью-Йорк, 10012³⁸. За 25 центов они вышлют вам каталог по почте. Но Нью-Йорк есть Нью-Йорк, а в провинции «военные излишки» будут стоить еще дешевле. «Магазины излишков» закупают товар у оптовиков-пере-

³⁶ По закону армия не может использоваться для подавления внутренних беспорядков. На этот случай есть вооруженные формирования, подчиняющиеся не Министерству обороны, а властям штата – нечто среднее между нашими внутренними войсками, ОМОНам и жандармерией.

³⁷ Office of Civil Defense – Управление гражданской обороны.

³⁸ Примечание на правах рекламы: широкий выбор арсенала народного сопротивления вы найдете в «Военторгах» (правда, главный, на Калине, закрыт, так как начал разваливаться еще раньше самой армии).

купщиков, а те в свою очередь у армии. Если у вас есть знакомый солдат или герла замужем за солдатом, то у них наверняка есть доступ к гарнизонной лавке, где все это стоит вообще гроши³⁹. Всего в 20 центов вам обойдется поистине бесценный справочник «Где купить излишки воинского имущества», изданный *Government Printing Office*⁴⁰. Там приведен полный список региональных оптовых баз по продаже излишков. Ближайшая для проживающих в северо-западных штатах расположена в Центре материального обеспечения военно-морских сил, строение 652, Филадельфия, шт. Пенсильвания, а в Северной Калифорнии — такой же Центр, строение 502, Оклэнд, Калифорния. Заказы можно оформить как лично, так и по почте, цены смешные, хотя все равно это барахло по сравнению с амуницией, которую захватывают в бою наши братишки из Вьетконга⁴¹.

Уоки-токи

На массовую демонстрацию надо выходить, разбившись на сплоченные группы, внутри которых до окончания акции поддерживается связь. Одно из средств связи — переговорные устройства, или уоки-токи. Как бы свирепо вас ни разгоняли и какая бы неразбериха и столпотворение там ни творились, эти легкие надежные устройства помогут вам держать связь. Единственное, что мне в них не нра-

³⁹ Воображение Эбби не простирается до нашего опыта. В нашей армии есть институт прапорщиков, благодаря которому за гроши можно до зубов снарядить незаконное партизанское формирование. Всего через пять лет после того, как была написана эта книга, ваш скромный переводчик служил авиамехаником в ВВС. Первое мое впечатление в учебке во время дежурства на кухне: один прапорщик украл и спрятал (я невольно видел, но по наивности не понял, в чем дело) ящик тушенки. А другой, более заслуженный, тоже хотел его украсть, но опоздал. Когда он стал допрашивать меня, куда делся ящик, я бесхитростно указал: «Товарищ прапорщик Не-помню-как-фамилия сюда поставил». Заслуженный унес добычу, а я огреб нарекание. Самое смешное, что смысл эпизода я понял только послужив поболее: в глупом мозгу 18-летнего прихиппованного мальчика армия была местом, где тебя хотят растоптать и сделать «как все». На самом деле это всего лишь место, где воруют, да так по-крупному, что Бородину и не снилось. Идя в учебную атаку, сверхзвуковой истребитель должен сбрасывать подвесные баки с дополнительным топливом (иначе их может сорвать на скорости). По отчетам о полетах так оно и было. На самом деле ёмкие и легкие баки стояли на всех окрестных дачах как прогреваемые солнышком цистерны для душа. А если авиационный аккумулятор распилить на части, то получится целых три автомобильных - и очень надежных. Но это лишь несколько мимолетных воспоминаний: лет двадцать спустя масштабы распродажи военного имущества (вплоть до самих военнослужащих лично - в качестве рабов) обрели у нас эпический размах.

⁴⁰ См. прим. выше.

⁴¹ И неудивительно: чеченские боевики тоже вооружены и обмундированы лучше наших солдатиков, и во многом благодаря нашим же прапорщикам.

вится, — это цена: \$18 за штуку весьма посредственного качества. В таком устройстве должно быть не меньше девяти транзисторов и 100 милливатт мощности, а в приличном аппарате — ватт 5 и радиус действия более двух миль. Все, что ниже одного ватта, не покрывает более полумили, а в городских условиях с множеством высоток и еще меньше. Самые лучшие устройства стоят до \$300. Если повезло сбить с ног свинюку, первым делом сорвите с него уоки-токи, а уж только потом пистолет. Добрый совет: не надо клевать на левые игрушки «почти задаром», лучше купить хорошее устройство в магазине радиоэлектроники. Не забывайте: переговоры по уоки-токи на одной частоте может вести каждый-всякий, у кого есть эта штучка, любой же их может и прослушивать. Это относится как к нашим, так и к свинюкам. Все уоки-токи работают на «гражданской частоте», у которой 23 канала. Дешевые бытовые переговорные устройства имеют заводскую настройку на девятый или одиннадцатый канал. А у свинюк связь обычно идет на двадцать втором канале. У дорогих аппаратов есть возможность подстройки канала. Сняв переднюю панель, вы можете настроить прием и передачу на полицейскую частоту. Только не надо копать наугад, тут нужен компетентный профессионал. Хороший бесплатный каталог переговорных устройств вы получите в *Allied Radio*, 100 N. Western Ave., Чикаго, шт. Иллинойс, 60680, а также в больших магазинах радиоэлектроники. Обсудите возможность приобретения большой партии со скидкой. Прежде чем опробовать переговорные устройства в деле, хорошенько потренируйтесь. Разработайте систему кодовых слов и паролей, как это принято у свинюк.

Освоив этот способ поддержания связи на уличной демонстрации, вы всегда сможете контролировать происходящее. Но будьте осторожны в свалке: свинюки первым делом стараются разбить наше электронное оснащение.

Прочее снаряжение

Транспарантом можно отражать удары. Прикрепите его к крепкому древку, которое при необходимости можно использовать как оружие. Можно перепоясаться цепью, а солдаты срочной службы затачивают для драки пряжки форменных ремней. На худой конец для самообороны может послужить туго свернутый журнал или пачка газет.

Кто-то из вашей группы должен иметь при себе аптечку первой помощи. Аптечка бортпроводника ценой в \$5 упакована в чемоданчик, который удобно брать на уличные акции.

В идеале накануне демонстрации надо произвести разведку на местности. Изучив место будущего действия, вы сможете предугадать и тактику полиции. Кто-нибудь из группы должен распечатать на ротапринте карту-схему окрестных кварталов и раздать участникам. Надо наметить альтернативные сценарии и места сбора. На руке у каждого должны быть написаны два телефонных номера: координационного комитета по проведению демонстрации и адвоката либо местного комитета по защите гражданских прав. Записные книжки с телефонами друзей на демонстрацию не берут. Если повяжут, свинюки первым делом начнут рыться в записной книжке. Любой острый предмет при составлении протокола будет квалифицирован как холодное оружие. Женщинам следует снять серьги и прочие украшения, а волосы туго уложить под каской, чтобы не выбивались. Поясной ремень послужит кровоостанавливающим жгутом. Вставные зубные протезы-бутели и контактные линзы по возможности оставьте дома. Протез может слететь, и вы им подавитесь, когда на бегу вам врежут так, что полетите. Контактные линзы могут причинить осложнения, если в глаза попадет слезоточивый газ или аэрозольная струя из баллончика.

Если вы чувствуете, что они пойдут на все, можно поддеть облегченный пуленепробиваемый жилет с регулируемым размером. Купить такой можно за \$14.95 в магазине по продаже излишков воинской амуниции по адресу: 6279 Van Nuys Blvd., Van Nuys, Калифорния 91401. Помните девиз бойскаутов в походе: «Будь готов!»⁴² Отправляясь на демонстрацию, вы должны быть всегда готовы, что там придется не только речи слушать. Свинюки — уж они-то всегда наготове...

Стычки с полицией

После того как чикагские свинюки зверски вломили демонстрантам в августе 1968 г.⁴³, молодежь исполнена гнева и готова ответить на бесчеловечность Эмэрыки чем-то поотчаяннее мирных демонстраций. Ра-

⁴² Знакомый тем, кто постарше, девиз пионеров был действительно позаимствован у бойскаутов и в оригинале звучит как «Be Prepared».

⁴³ Имеется в виду «праздник жизни» в противовес проходившему в Чикаго съезду республиканцев.

стет стихийное желание сразиться на улицах со свинюками, заодно круша частную собственность. Это пока цветочки: не «организация массовых беспорядков» и тем более не городская герилья, а так, поразмяться — «стычки с полицией». Большинство «стычек» непродуманны и глупы, свинюки в них заранее имеют стратегическое превосходство и преимущество в вооружении. Те, кто стычки затевает, полагаются лишь на быстрые юные ноги и булыжник под ними. Соотношение сил можно существенно изменить в нашу пользу, разработав нехитрую стратегию уличного бойца, освоив простейшее вооружение и приобщившись к элементарным основам боевого искусства⁴⁴.

Запомните главное: у свинюки мало мозгов и она неповоротлива. Боевые порядки, условные сигналы, уставные предписания и прочие процессы принятия решений и выполнения поступивших команд — все это по определению должно стремиться к единообразию и простоте. «Армейская уставная инструкция относительно действий по предотвращению и ликвидации гражданских беспорядков», опубликованная Государственным бюро по печати официальных актов и распоряжений, содержит все без исключения фундаментальные мыслительные потуги и их нехитрые плоды для ОМОНовских⁴⁵ подразделений на уровне города, округа и штата в целом. Не поленитесь сходить в библиотеку и ознакомиться с Уставом и наставлениями по борьбе с подрывными элементами. Это поможет понять логику действий свинюк при разгоне уличных манифестаций. Хорошо подготовившийся баламут при помощи мегафона или настроенного на свинячью волну переговорного устройства может превратить тщательно выстроенные боевые порядки свинюк в хаотичную толпу. «Правый фланг нале-ВО!» — молодецким голосом отдается команда через направленный на свинячий строй мегафон — и их ряды тут же смешаются в диком беспорядке.

При стычках надо придерживаться принципа товарищества и приглядывать друг за другом. Если свинюки кого-то повязали, остальные тут же приходят на помощь и отбивают друга, если только это не повлечет слишком больших потерь в наших рядах. Например, кого-то все-таки скрутили — тогда кто-нибудь из вашей группы должен

⁴⁴ Конечно, никакой интифады в США рубежа 70-х гг. не наблюдалось. Не считая стихийных волнений в черных гетто, большинство уличных акций по задумке имели ненасильственный характер, хотя полиция действовала очень жестоко и действительно превращала их в побоища. Иллюзия Хоффмана насчет роста рядов змэрыканских гаврошей вызвана организованными «Уэзерменами» в октябре 1969 г. в Чикаго «днями гнева», пожалуй, единственной массовой акцией, осознанно планировавшейся как битва с полицией. Одним из требований «дней гнева» было выпустить на волю Эбби и его поделеньников, обвинявшихся в антигосударственном заговоре за организацию «праздника жизни».

⁴⁵ storm troopers - «Шишков, прости, не знаю, как перевести...»

взять на себя все заботы насчет адвоката и денег на залог. Никогда нельзя бросать своих.

Избегайте рукопашной. С метательным оружием вы рискуете меньше, чем нанося противнику удары в непосредственном контакте. Полагаю, именно эту тактику сражаться на расстоянии свинюки называют «подлыми приемами». Все революционеры вынуждены обращаться к нечестным, с точки зрения угнетателей, приемам ведения войны. Британцы обвиняли минитменов⁴⁶ при Лексингтоне⁴⁷ и Конкорде⁴⁸ в грязных и трусливых приемах ведения войны, потому что те укрывались за деревьями. Армия США обвиняет Вьетконг в грязных приемах, когда те окунают заостренную бамбуковую палку в дерьмо и используют как противопехотную мину: как, ведь так же можно и инфекцию занести! Мэр Дэйли⁴⁹ негодовал, что йиппи брызгали в его ни в чем не повинных синих мальчиков⁵⁰ аэрозолем для волос и бросались мячиками для гольфа, утыканными острыми шпильками. Никто и никогда не обвинял США в подлом и трусливом ведении войны, когда авиация устраивала ковровые бомбардировки в Юго-Восточной Азии. Никто не обвинял прокуратуру штата Иллинойс в трусливой подлости, когда они застрелили Фрэда Хэмптона и Марка Кларка спящими в постели⁵¹.

Мы заявляем: «Вся власть нечестным бойцам!»

⁴⁶ Букв. «готовые собраться за минуту» - ополчение сторонников независимости, созданное накануне Эмэрыканской Революции (в 1774 г.) в Массачусетсе. Незаконные бандитские формирования эмэрыканских патриотов.

⁴⁷ Направляясь в Конкорд, чтобы захватить арсенал народной милиции, рано утром 19 апреля 1775 английская колонна наткнулась здесь на маленький отряд минитменов. Произошла короткая стычка, задержать англичан не удалось.

⁴⁸ 19 апреля 1775 года здесь произошло первое сражение Войны за независимость. Вместо принятой в XVIII веке парадно-хореографической тактики честного и галантного боя в чистом поле эмэрыканское мужичье, укрывшись в лесочке, перестреляло из охотничьих ружей наступавшее правильными шеренгами вдвое большее числом британское войско. Но еще позднее повели себя незаконные формирования минитменов, когда английская колонна, согласно Уставу, в организованном порядке и не теряя строя начала отступать назад к Лексингтону: мужики, так и не выходя из лесу, бежали по сторонам дороги и обстреливали ее из чащи. Теперь в Конкорде Национальный исторический парк, посвященный минитменам.

⁴⁹ Ричард Дэйли – столь же легендарный «крепкий» городской голова, как у нас Лужков. В США его называли «архетипическим городским боссом». Был мэром Чикаго с 1955 по 1976 год (и то не проиграл выборы, а просто умер). В 1968 г. отдавал очень жесткие приказы по разгону знаменитой демонстрации в дни съезда Демократической партии.

⁵⁰ Полиция, по цвету формы.

⁵¹ 4 декабря 1969 года при налете на штаб-квартиру чикагского отделения Черных Пантер полиция, ворвавшись в помещение, когда все спали, тут же открыла огонь. Был убит глава отделения Фред Хэмптон (см. Посвящение) и Марк Кларк, четверо Пантер ранены. Фреду был 21 год, Марку 22. Эбби оказался неправ: уже после выхода книги разразился скандал, когда удалось доказать, что полиция напала на спящих и из ста (!!!) произведенных выстрелов Пантеры успели сделать только один (пальба стояла такая, что полицейские ранили еще и двух своих). Началось следствие по делу полицейских, а потом еще одно по делу 14 работников прокуратуры, которые вели первое следствие и покрывали полицейских. Какие-то мягкие наказания все же были вынесены.

Оружие уличного бойца

Баллончики с краской

Эффективный и назидательный способ порчи буржуазной собственности. Помогает воспитывать массы. Если у вас провозглашена Освобожденная зона или вы просто оказались в укромном месте на тихой улочке, не упускайте возможности украсить городской ландшафт. Лозунги и символика наносятся спреем с краской на твердые, но не гладкие, а слегка шероховатые поверхности типа кирпичной или бетонной стены. Соскоблить их потом с такой поверхности невозможно — только дорогим пескоструйным агрегатом.

Рогатки

Пожалуй, идеальное вооружение уличного бойца. Целый рой маленьких Давидов может завалить немало Голиафов, горою вставших на защиту Свинячей Империи. Рогатка дешева, не требует разрешения на ношение, действует беззвучно, быстро перезаряжается, а камушки подходящего размера обычно всегда под рукой. Купить рогатку можно в лавочках всякой всячины для чудаков-любителей⁵² или в больших спортивных магазинах, особенно там, где есть отдел для охотников. Фирма *Wrist-Rocket* выпускает мощную рогатку с высокой кучностью стрельбы за \$2.50. *Whamo Sportsman* будет похуже, но и стоит вполтину дешевле. Подобрал подходящую Y-образную ветку, можно сконструировать в домашних условиях эксклюзивную модель. Резинку вырежьте из автомобильной камеры. Найдите тихое место на заднем дворе или на крыше и потренируйтесь в стрельбе по жестяным банкам. Несколько часов занятий — и вы снайпер, который не промажет по окнам банка или толстенной свинюке.

Праща

Пращой называется самодельное метательное орудие, состоящее из двух крепких шнуров, одним концом прочно прикрепленных к кусочку кожи, или «сумке», в которую, как в кармашек, закладывается камень. Зарядив прачу камешком, хорошенько зажмите в руке два свободных конца. Раскручивайте камень, вращая прачу, чтобы центробежная сила вдавливала камень в «сумку». Когда вы почувствуете, что хорошо контролируете движение камня, отпускайте один

⁵² В США их называют «магазинами хобби и увлечений», что-то среднее между «моделистом-конструктором» и блошиным рынком.

конец, и камень вылетит из пращи с невероятной скоростью. В толпе пользоваться пращей не советуем, лучше стрелять с крыши. Прицельная точность требует навыка.

Бумеранги

Бумеранг — меткое оружие в руках уличного бойца, а овладеть им не труднее, чем фрисби⁵³. Кроме того, применение экзотического оружия оказывает и психологическое воздействие. Бумеранг можно купить в крупных «магазинах хобби и увлечений». На Восточном побережье обращайтесь в «Спортивный инвентарь» в Бергенфилде, Нью-Джерси, цена \$2.69. На Западном — в фирменный магазин *Whato*, 835 ул. Эль Монте, Сан-Гэбриел, Калифорния, цена \$1.10.

Фотовспышка

Фотовспышка ослепит озверевшую свинюку. Ненадолго, но вполне достаточно, чтобы освободить схваченного им товарища. Подходят также сигнальные вспышки для туристов и яхтсменов.

Слезоточивый газ и баллончики для самозащиты⁵⁴

Индивидуальные баллончики с нейтрализующим нападающего газом можно купить в магазинах средств самообороны. Они предназначены для защиты населения от бандитов и насильников. Так, секундочку, а разве свинюка не является чрезвычайно злобным бандюгой, творящим насилие с особым цинизмом? Пишите: Дж. Дерби, 8813 Нью-Гайд-парк, Нью-Йорк, 11040. Вам вышлют каталог с ассортиментом на любой вкус и по любой цене.

Патроны со слезоточивым газом для охотничьих ружей 12-го калибра и специальные газовые патроны для обычных пистолетов свободно можно купить в магазине. Но брать с собою на уличную акцию огнестрельное оружие очень не рекомендуется⁵⁵. Куда лучше специальное оружие для стрельбы газовыми патронами, желательнее даже внешне не похожее на огнестрельное. Магазин газовой амуниции

⁵³ Фрисби — по названию фирмы, в конце 50-х гг. выпустившей эту забавную игрушку — пластиковый диск, который запускают, заверчивая по оси. Используется в нескольких спортивных играх.

⁵⁴ В США «бытовые» аэрозоли для самозащиты имеют собственное имя по названию марки и пишутся с большой буквы: Масе. «Мэйс» отличается от «бытового» же слезоточивого газа. Но нашему читателю это ничего не говорит, поэтому в переводе то и другое объединяется. Защита от газа из индивидуального баллончика упоминается в тексте не только потому, что может попасть струя «от своих»: такие баллончики были на вооружении полиции.

⁵⁵ И опять знатоки могут вспомнить «Забриски поинт».

«Геркулес» 5501 No. Бродвей, г. Чикаго, шт. Иллинойс, продает компактное газовое оружие, бьющее на 20 футов, по цене \$6.95. Penguin Associates, Inc. в Пенсильвании предлагает широкий выбор средств самообороны, среди них газовый пистолет, вмонтированный в дубинку. По вашему запросу эти компании вышлют вам каталоги с ценами. В некоторых штатах, а также в Нью-Йорке, использование гражданами газового оружия запрещено. К сожалению, эти компании не высылают по почте заказы в те штаты, где действует запрет. Если вы живете в таком штате, свяжитесь с братишками или сестренками в штатах, где газовое оружие разрешено — пусть они его для вас и закажут. Просматривать эти каталоги — уже восторг выше крыши. Тут же начинается работать воображение. Столько всего можно придумать! Например, *Raid*, *Black Flag* и другие компании выпускают сельскохозяйственные инсектициды, которые разбрызгиваются на 7-10 футов и, попадая в глаза, вызывают резь и жжение. Можно растворить в воде едкий натр и брызгаться из обычного водяного пистолета — у вас получится замечательное оружие самообороны. Ну а если вы хотите приобрести более мощные средства, отсутствующие в открытой продаже, раздобудьте бланк Штата гражданской обороны с сострепайте на нем липовое письмо.

Шино-ге-монтаж

Если верить адресованной дебилам рекламе, то современные шины — вроде Бэтменов с большой дороги, ничего их не берет! Ага, сейчас! Разбросайте по асфальту кровельные гвозди — и вот уже патрульная машина приехала, можно вылезать. А если под заднее колесо сунуть острием вверх доску, пробитую гвоздем, то это как из базы подбить. Ледорубом можно весь их автопарк вырубить, но тут нужна крепкая рука. Подсыпанный в бензобак свыновоза сахар выведет из строя мотор.

Фирменные свинячьи феньки и прибамбасы

Кто вошел во вкус «стычек», тот, конечно, захочет, чтобы все взрослому, иначе говоря, пожелает подготовиться к «стычкам» с профессиональным оснащением, как у свинюк. Так вот, чтобы вы знали, крупнейший в мире поставщик полицейского снаряжения находится в Чикаго. Компания Кэйлз, 550 ул. Рузвельта, Чикаго, Иллинойс 60607 по требованию высылает самый полный каталог всего, что только может понадобиться в ходе «стычек». Выбор сказочный! Полицейские униформы нового образца, шлемы-неломайки для разгона массовых беспорядков, газовые баллончики типа «веский довод»,

специальные перчатки-самотыки с металлическим усилением, резиновые дубинки-самоломы, потайная кобура-невидимка, супердубинка «три в одном», которая брызгается нервно-паралитическим газом, бьет электрошоком и может замесить до смерти напирającego носорога. Вы также можете выписать наручники-самовязы последних моделей и другие крайне необходимые для поддержания законопорядка приспособления. Вступая в 70-е, дети Цветов и Любви просто обязаны обзавестись таким каталогом! А как иначе: хочешь воспарить — учись отрываться (от земли).

Драка на ножах

Полагаю, самое популярное уличное оружие всех времен и народов старый добрый «фин-кар». Каких только ласковых имен ему ни давали, даже перышком называли. Памятуя, что сегодняшняя свинюка — это завтрашняя свинина, вот вам несколько советов, как ее правильно нарезать. Перво-наперво надо изучить местные законы, регулирующие обладание холодным оружием. Законы эти сформулированы со всей двусмысленностью «Ловушки 22». Копы могут арестовать вас за маленький перочин-

Эбби Хоффман

ный ножик, утверждая, что вы прятали на себе смертельно опасное оружие. Как и вообще по своду законов, важно тут не что вы делаете, а кто делает: одного можно отпустить, зато другой наконец-то попался.

Во всех штатах, однако, основное значение имеет размер: есть ограничения по длине. Где-то это «не более 10 см», а где-то — «не более 15». Все, что свыше, квалифицируется как представляющее угрозу для общества. Продвинутый адвокат проконсультирует, как правильно меряться ножичками с государством.

К сожалению, как раз самые-то удобные в драке ножи и запрещены в первую очередь. Ножи и стилеты с выкидным лезвием на пры-

жине приводятся в боевую готовность в одно мгновение. Это-то выдающееся оружие и запрещено во всех штатах. Но если вы готовы рискнуть и отвечаете за последствия, то его легко купить, имея связи с преступным миром, либо приобрести где-нибудь за границей. Если не получилось ни то, ни другое, отправляйтесь в армейскую гарнизонную лавку или «магазин излишков» и присмотрите на витрине смертельное оружие, простое хранение которого уже само по себе должно бы являться преступлением.

Тяжелый плоский нож, который продается в магазине военной амуниции, — это лучшее из всего, что можно купить легально. Плоская форма позволяет его легко и удобно прятать в кармане или в сапоге. Теперь его надо хорошенько смазать, а тыльную сторону лезвия сточить у основания напильником, и он будет сам раскрываться, если резко дернуть запястьем. Конечно, надо будет потренироваться.

Малоопытные головорезы неверно пользуются лезвием. Они насмотрелись в кино, как Джим Боуи⁵⁶ ножом прокладывает дорогу через горы трупов, и копируют эту глупую манеру орудовать ножом. Удары сверху вниз и снизу вверх малоэффективны. Правильно держать нож еще важнее, чем вилку. Нож крепко держат естественным хватом. Прямой удар направляется в область живота, рука при ударе полностью выпрямляется. Такой стиль фехтования на ножах позволяет использовать руку и лезвие во всю длину. Когда кончик ножа направлен прямо в цель, противнику труднее отбить удар. Потренируйтесь наносить удары перед зеркалом, и за несколько дней вы овладеете искусством поножовщины.

⁵⁶ James Bowie (ок. 1796-1836) - один из лидеров мятежа эмигрантских поселенцев в Техасе (тогда принадлежавшем Мексике) за независимость (реально - за присоединение к США) в 1835 г. Погиб в осажденном мексиканцами г. Аламо (по-английски Элемоу). В 1960 г. стал героем кассового фильма «The Alamo». По преданию, считается изобретателем охотничьего ножа «боуи», чудовищного тесака длиной почти до 40 см.

ПРОСПЕКТ ЖУРНАЛА «ПРОВО»

Дорогие Товарищи!

Движение против атомной бомбы, которое было единственным динамичным элементом левого крыла в Голландии, пошло на попятную. Его активисты бросили свое дело.

«Комитет 29 Ноября» к настоящему времени еле дышит и лишь время от времени пытается что-то делать без всякой внутренней силы убеждения.

Комитет мира и Комитет человека мало кого могут привлечь на свою сторону и поэтому оказались в почти полной изоляции.

Ежегодный марш по Амстердаму, проводимый с болезненным постоянством и бессмысленностью ритуала, проводится только для того, чтобы тусклое пламя протеста не погасло окончательно.

Голландская левая должна изыскать новые пути, ведущие к реальному результату, до того как она потеряет остатки былой привлекательности. Мы считаем, что ненасильственное сопротивление лишь изредка может удовлетворять нашим целям, так как оно не может осуществляться с должным размахом.

Когда не помогают лозунги и жестикуляция, мы должны перейти к действию, к наступлению. Мы верим в то, что лишь революционное левое движение может вызвать перемены!

Предпочтение прямого действия приводит нас к анархистским концепциям. Анархизм предлагает наиболее прямую форму восстания против всех форм власти — будь то буржуазная демократия или коммунизм.

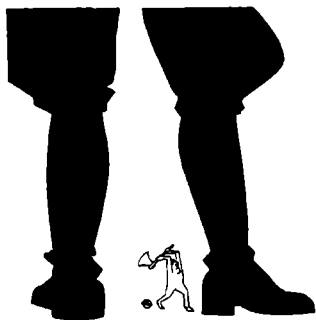

Голландское анархическое движение со времен войны не подает признаков жизни. Мы хотим обновить анархизм, распространить его слово, особенно среди молодого поколения.

Как? Благодаря журналу «ПРОВО», который будет выходить ежемесячно, начиная с июля 1965 года.

«ПРОВО» — это новый журнал, каких до сих пор не существовало; единственный печатный орган, радикально оппозиционный этому обществу. Почему?

PROVOCEER!

Мысли глобально, действуй — локально!

— Потому что капиталистическое общество отравляет себя нездоровой жадой денег. Его члены предпочли Иметь, но не Быть.

— Потому что бюрократическое общество душист себя официозом и подавляет все проявления спонтанности. Его члены могут стать творческими, яркими личностями, только нарушив общественные нормы.

— Потому что милитаристическое общество роет себе могилу, участвуя в параноидальной гонке атомных вооружений. Его члены в настоящее время не имеют других перспектив, кроме как быть облученными смертельной дозой радиации.

«ПРОВО» заявляет: пришло время сделать выбор — отчаянная борьба или трусливое пораженчество. «ПРОВО» поощряет восстание везде, где только можно. Мы знаем, что в конце концов проиграем, но мы не можем упустить шанс еще раз бросить вызов обществу.

Для «ПРОВО» анархизм — кладезь революционного вдохновения. При помощи «ПРОВО» мы хотим обновить анархизм и передать его молодежи.

Выпуски «ПРОВО» будут содержать разнообразный, злободневный и провокационный для среднего класса материал. Кроме того, мы планируем издавать выпуски, посвященные отдельным темам. На повестке дня у нас стоят следующие вопросы:

- что такое анархизм;
- маркиз де Сад;
- дада;
- милитаризм и голландская армия;
- проституция;
- революция и революционная ситуация в Йордане;¹
- и т.д.

¹ Бедный район в Амстердаме, насвленный рабочими.

«ПРОВО» возьмет в свои руки инициативу по осуществлению прямого действия любого сорта. «ПРОВО» станет центром, вокруг которого соберется ядро анархистской молодежи. «ПРОВО» готов сотрудничать с любыми анархистскими группами.

В качестве приложения к «ПРОВО» мы будем регулярно издавать инструкции, озаглавленные «Провокация № 1, 2, 3» и т.д.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС!

Ничего из вышеназванного не может быть осуществлено без вашей помощи. Мы остро нуждаемся в нескольких сотнях гульденов, для того чтобы «ПРОВО» жил. Для нас, бедных студентов, стоимость печати первого выпуска плюс расходы по пересылке, реклама, манифесты и т.д. оказались слишком большими.

Поэтому мы просим вас, любезно, но не без ПРОВОкации: немедленно вышлите крупную сумму денег по нашему юридическому адресу Karthuizerstrat 14, Amsterdam C.

Редакционная коллегия
25 мая, 1965 г.

Брюссельская провокация №1

«ПРОВО» ПРОТИВ БОМБЫ

*Брюссельский марш против атомной бомбы,
24 апреля 1966*

Как это уже не раз случалось раньше, тысячи демонстрантов купят билеты до Брюсселя. По большей части это будут праздные воскресные пацифисты и случайные сторонники запрета атомной бомбы. Они выйдут на демонстрацию, лениво пройдутся по улицам, а затем, к вечеру, счастливые и удовлетворенные, разъедутся по домам.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ БОЛЕЕ АБСУРДНЫМ И СМЕХОТВОРНЫМ, чем сегодня участвовать в марше протеста, а завтра покорно подчиняться властям, ответственным за сохранение угрозы войны и атомных бомбардировок, или если вы, за исключением одного-единственного дня в году, позволяете себе включаться в жизнь общества, которое, хотя и не одобряет войну во всеуслышание, тем не менее, относится к ней терпимо.

Демонстрировать протест против бомбы = ПРОВОЦИРОВАТЬ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ВЛАСТИ!

Марш против бомбы должен стать ПРОВОКАЦИЕЙ против властных структур, авторитетов и покорного людского стада!

«ПРОВО» принимает участие в марше, потому что провос хотят использовать любую возможность для провокации, чтобы действовать крутлый год.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К ПРОВОТАРИАТУ (это самая последняя группа в хвосте колонны) ПОД ЗНАМЕНЕМ «ПРОВО» (яблоко) И ПРОТЕСТУЙТЕ ВМЕСТЕ С НАМИ ПРОТИВ ВСЕХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ВЛАСТЕЙ И ПРОТИВ ВЫСТУПЛЕНИЙ ВОСКРЕСНЫХ ПАЦИФИСТОВ.

ПОСЛЕ МАРША (И ПОСЛЕ ПРОВОКАЦИИ ПЕРЕД ЗДАНИЕМ АМЕРИКАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА):

ХЭППЕНИНГ РЯДОМ С ПИСАЮЩИМ МАЛЬЧИКОМ
(Прово № 1)

где мы назначили свидание облаченным в униформу представителям власти и защитникам нашего авторитарного общества — ПОЛИЦИИ.

Не выкидывайте это на мостовую.

Если вы видите машину, испускающую удушливое облако выхлопных газов, запомните ее номер и позвоните по телефону 81-206 между полпятого и пятью утра. Провос выдвинутся на место, а мы-то знаем, что делать с этими консервными банками! (Провокация № 10).

Что такое провотариат?

Что такое провотариат? Провос, битники, художники, стилиаги, рокеры, чернорубашечники, хулиганы, неудачники, анархисты, противники бомбы... Все те, кто не хочет делать карьеру, кто живет неупорядоченной жизнью, кто обитает в каменных джунглях Лондона, Парижа, Амстердама, Нью-Йорка, Москвы, Токио, Берлина, Милана, Варшавы, все, кто чувствует себя не вписавшимся в это общество.

Провотариат — последний революционный элемент в наших «развитых» странах. Обыкновенный пролетариат находится в политическом рабстве. Смотрит телевизор. Он присоединился к своему старому врагу — буржуазии и теперь вместе с буржуазией составляет единую серую массу. Новую революционную ситуацию создает противостояние провотариата и этой массы.

Но провотариат не класс, он для этого слишком разнороден.

Анархия требует революции

«ПРОВО» не надеется на свершение анархической революции. Тем не менее мы продолжаем верить в анархизм. Для «ПРОВО» анархизм — это единственная приемлемая социальная концепция. Это наше идеологическое оружие в борьбе против авторитарных сил, которые противостоят нам.

Если провотариату так и не хватит сил на полномасштабную революцию — у нас всегда останется ПРОВОкация.

Несмотря на то, что провокация — это булавочный укол, в нынешних обстоятельствах именно она становится нашим оружием. Это наш последний шанс ударить власть в ее мягкое подбрюшье. При помощи наших провокационных акций мы заставим власть снять маску. Униформа, сапоги, кепи, шашки, резиновые дубинки, брандспойты, собаки, слезоточивый газ и прочие средства подавления, которые имеются у властей, должны быть использованы против нас. Таким образом мы заставим их показать свое истинное лицо: выпяченные подбородки, сдвинутые брови, глаза горят ненавистью, меч молнии налево и направо, приказывая, запрещаая, обвиняя.

Так постепенно они будут становиться все менее и менее популярными. В массовом сознании наступит анархия. НАСТУПИТ КРИЗИС. Это наш последний шанс. СПРОВОЦИРУЕМ КРИЗИС ВЛАСТИ!

Ко всеобъемлющей провокации международный прототариат призывал «ПРОВО», Амстердам.

ПРОВОЦИРУЙТЕ!!!
СОЗДАЙТЕ АНАРХИСТСКИЕ ГРУППЫ!!!
ОПАСАЙТЕСЬ! ПРОВОС,
МЫ РИСКУЕМ ПОТЕРЯТЬ
ЦЕЛЫЙ МИР!!!

Техника провокации

Это выдержки из брошюры, озаглавленной «Это вам на память о Западной цивилизации». Здесь приводится версия, распространяемая во время Провокаций.

Играющий прототариат должен играть в умные игры. Это должна быть игра, отражающая интеллектуальную борьбу на революцион-

OGGI NEL MONDO

 GENTE GRASSA CHE TUTTA PER TROPPE
 RICCHEZZE INNALZA IL NUOVO VITELLO
 D'ORO IL VIETNAM!
 L'ORGIA È RICOMINCIATA!
 JOHNSON DICE: DIO LO VUOLE! E GODE ANSIMAN-
 DO COME UN MAIALE, MENTRE IL NEGRO
 IN ALABAMA PIANGE, MENTRE IL VIETNAMESE
 SOFFRE, MENTRE I POCHI GINSBERG D'AMERICA
 URLANO PER TANTO DOLORE
 IL CLERO DI QUESTO DIO SADMASOCHISTA GODE
 PARTECIPANDO AL BANCHETTO BENEDICENDO
 INNOMINECRISTI ARMI COSTOSE
 E VOI GENTE RESA QUALUNQUE DA CHI
 COMANDA CHE COMPRA ALL'UPIM CHE BEVE
 COCA-COLA E CHE VEDE CAROSELLO
 COSA FATE?? PROVO
 PROVO MILANESI DA
 OGGI IN GUERRA COL
 GOVERNO USA

Сегодня в мире идет дождь из бомб. Людей, и так страдавших всю жизнь, разрывает на куски; я видел детей, отравленных газом, я видел солдат, вонзающих свои ножи в животы молодых женщин. Я видел деревни, сгоревшие в нападении вместе со всеми жителями, а жирные богачи, рычащие от обжорства воздвигают статую нового золотого тельца – Вьетнам! Снова начинается кровавая оргия. Джонсон сказал: «Этого хочет Бог!» – и распустил слюни, точно свинья. В то время как стонут негры в Алабаме, страдают вьетнамцы, а гинзберги всей Америки воют от боли, служители этого садомазохистического бога обожают восседать на банкетах и забавляются дорогим оружием, прикрываясь именем Христа. А вы, делающие все, что вам прикажут, покупающие вещи в сети UPIM, попивающие кока-колу, пляшущие на рекламу по телевизору, – что все вы делаете??

ной основе, но тем не менее игра. В условиях авторитарной этики, проповедующей обязательную занятость и пользу, игра, бесполезная и бездельная, — перманентная провокация. Это самоочевидно, что те, кто пишет «письма к редактору», желают видеть нас в рабочих лагерях.

Наша тактика атаки на авторитарное общество должна состоять из комбинации реформизма и провоцизма. Против каждой части социальной машины мы должны использовать конструктивные Белые планы наряду с негативными провокациями. Позитив и негатив — и то и другое, доведенное до крайней степени. С одной стороны, при помощи Белых планов мы должны показать, как общество должно существовать, а с другой стороны, при помощи провокаций — каково общество в действительности. Наши провокации должны вызвать кризис, так чтобы в неразберихе у Белых планов были большие шансы на осуществление. Задача-максимум этой реформо-провокационной тактики — солидарность между провотариатом развитых стран и пролетариатом неразвитых стран.

Против авторитарного общества мы выдвигаем анархистское. Политический акцент здесь делается не на властной верхушке, а на производителях и потребителях в фундаменте. Они управляют экономической жизнью, согласуясь с тремя политическими принципами анархизма: федерализмом, антимилитаризмом и коллективной собственностью.

Авторитарной этике мы противопоставляем свободную. Мы против этики моногамной семьи, так как она, как правило, защищает обыкновенно бедные сексуальные отношения, мы стоим за Белый женский план, принцип которого — полный аморальный промискуитет. Во вторую очередь Белый женский план направлен на эмансипацию женщины.

Авторитарным средствам власти (СМИ, порабощению потребителя, полиции) мы противопоставляем средства власти всех потребителей и всех производителей: белые средства связи, сознательного потребителя и Белый план куриных ножек.

Порабощению потребителя мы противопоставляем его сознательность. Потребитель должен быть проинформирован относительно того, что он потребляет, и о способе, которым это следует потреблять с точки зрения самого потребителя. Потребитель должен бороться против дорогих и просроченных продуктов.

Потребительский бойкот — единственная форма экономического сопротивления, которая станет возможной в бездейтельном будущем, когда люди в целом перестанут быть частью производственной систе-

мы. Бастовать, прекращая работу, как это делают рабочие, тогда будет невозможно. Бастовать, прекращая делать покупки, — единственная альтернатива. И уже сейчас расширение деятельности сознательных потребителей может иметь глубокие последствия.

Очевидные формы суперкультуры, такие, как атомное вооружение, загрязнение воздуха и отравление пищевых продуктов, — лучшие объекты для агитации в силу своей очевидной дефективности. Даже власти могут наращивать атомное вооружение лишь прикрываясь фальшивыми оговорками, потому что каждый знает, что подготовка к атомной войне — это преступление против человечества.

Все больше и больше городов закрывают свой исторический центр для частного автомобильного транспорта.

Белый велосипедный план — эффективная провокация, потому что в автоиндустрию вовлечена громадная армия работников — каждый седьмой американец. Настаивая на использовании Белого велосипеда в качестве общественного транспорта, мы провоцируем также и власти, нанося удар по праву частной собственности. Кроме того, дорожное движение — извечный предлог для поддержания властью общественного порядка.

План белой трубы должен возыметь тот же эффект. Он подчеркивает, что свежий воздух — коллективная собственность. Необходимо противостоять эксплуатации этой коллективной собственности тяжелой индустрией и автомобилизмом.

Эти провокации — лишь начало; разве провос могут беспрепятственно позволить загрязнять также пищу, почвы и воды?

Суммируя все вышесказанное, я хочу заявить, что считаю необходимым, чтобы наши провокации в обозримом будущем в первую очередь сосредоточились на: 1) воспитании сознательного потребителя и 2) сопротивлении запланированной катастрофе при помощи акций, направленных против машин, увеличения народонаселения и загрязнения природной среды. Что касается мировой политики, то в развитых странах провотариат должен играть роль пятой колонны для громадной армии голодного пролетариата в неразвитых странах...

ВСЕ ЭТО
ДОЛЖНО СТАТЬ БАЗИСОМ
ДЛЯ ПРОВОМОНДО!

*Роель ван Дуин
оргхарен, 12 ноября 1966 г.*

Белый велосипедный план

Амстердамцы!

С нас хватит асфальтового кошмара моторизованной буржуазии. Каждый день автомобильному Молоху приносятся все новые жертвы. Воскурения ему — окись углерода. Его чудовищный лик преследует нас повсюду на улицах и набережных.

Наш ВЕЛОСИПЕДНЫЙ ПЛАН освободит нас от автомобильного монстра. Провос представляют вам БЕЛЫЙ ВЕЛОСИПЕД, понимаемый как часть ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Первый Белый велосипед будет представлен прессе и общественности 28 июля в среду в три часа дня возле статуи Ливердые, что на Спуи памятника самому необузданному потребителю.

Белый велосипед никогда не будет заблокирован замком. Белый велосипед — это первый бесплатный общественный транспорт. Белый велосипед — это провокация против частной собственности капитализма, ибо Белый велосипед анархичен по своей сути.

Каждый, кому это будет нужно, сможет воспользоваться Белым велосипедом, но затем его оставить для других. Со временем белых велосипедов станет больше. Их станет столько, что каждый сможет сесть на белый транспорт в любой момент. Тогда автомобиль отойдет в прошлое. Белый велосипед — это символ простоты и чистоты в противовес показной роскоши автомобиля. Другими словами,

ВЕЛОСИПЕД — ЭТО ЧТО-ТО
И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ПОЧТИ НИЧТО!

**Ее Королевскому Величеству королеве
Нидерландов Юлиане Оранской, и прочая, и прочая**

Мадам!

В последнее время усилилась тенденция отрицательно относиться к амстердамской молодежи.

Оранжевый Комитет «Жемчужина Йордана» придерживается того мнения, что эти слухи не соответствуют действительному положению вещей.

Амстердамская молодежь — одна из самых творческих в Голландии. Но угрожающее отсутствие пространства мешает ее каждодневной творческой активности.

Дороги с оживленным движением совершенно не подходят для игр и творчества.

Кроме того, в отличие от пешехода, водитель прекрасно осведомлен о том, что за ним стоят все силы полиции.

Мы знаем, что эта проблема не ускользнула от Вашего внимания. Без всякого сомнения, профессор Буйкхуизен уже обсуждал с Вами этот вопрос. Нам кажется, что мы знаем, как разрубить этот гордиев узел.

ПЕРВЕЙШАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ДЛЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ АМСТЕРДАМЦЕВ – ЭТО СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО.

IN HOLLAND STAAT UN HUIS

EN IN DAT HUIS
WOONT NIEMAND
HET STAAT OP DE DAM

IN HET HART VAN AMSTERDAM
HET PALEIS OP DE DAM IS
HET IMAGE VAN DE WONINGNOOD

IN AMSTERDAM STAAN DUIZENDEN HUIZEN LEEG LANGS
DE GRACHTENGORDEL EN IN DE JORDAAN, HET
AMSTERDAMSE BOLWERK VAN DE VRYHEID

IN HUIS IS UN GNOT-
TEMPEL. U HEEFT
RECHT OP UN EIGEN
HUIS EN UN RECHT-
VAARDIGE VERDELING
VAN HET KOLLEKTIEF
WONINGBEZIT. GEEN
HUIS IN HET PALEIS
CENTRUM MAG WORDEN
AFGEBOKEN ZOLANG ER NOG
MENSEN IN WONEN
NEW AMSTERDAM

PROVO'S WERKGROEP
WITTE HUIZENPLAN LAN-
SEERT UN UNIVERSE-
LUGONAIRE OPLOS-
SING VAN HET WO-
NINGPROBLEEM. HET
WITTE HUIS KAN IE-
DEREEN BINNEN-
GAAN EN ZYN WOON-
RUIMTE UITZOEKEN
NEW BABYLON

HET WITTE HUIZEN PLAN

DE WERKGROEP WITTE HUIZENPLAN NAM DE VOLGENDE INITIATIEVEN:

- ① HET UITROEPEN VAN HET PALEIS OP DE DAM TOT STADHUIS VAN AMSTERDAM, DE KOLLEKTIEVE KLOOSTERPEL VAN HET MALES CENTRUM
- ② DE WERKELIJKE UITGAVE VAN UN LIJST MET ADRESSEN VAN LEEG-STAANDE HUIZEN DIE ZATERDAGS OM 10 UUR OP DE DAM VERSPREID WORDT
- ③ HET WITSCHILDEREN VAN DE DEUR EN DEURPOST VAN LEEGSTAANDE WONINGEN TEN TEKEN DAT IEDEREEN ERIN WONEN KAN
- ④ DE OPRICHTING VAN UN ARBEIDSBUREAU OM DE JONGEREN IN DE ZOMERMAANDEN TE MOBILISEREN TEGEN DE WONINGNOOD
- ⑤ HET WITTE HUIZENPLAN ZAL DEEL UITMAKEN VAN HET PLAN NEW AMSTERDAM

REDT UN PANDJE BEZET UN PANDJE - GNOT/WIKT

ЕСТЬ В ГОЛЛАНДИИ ОДИН ДОМ

И в нем никто не живет. Он стоит на площади Дам – в сердце Амстердама. Дворец на площади Дам – это символ жилья как такового. В Амстердаме есть тысячи пустых домов вдоль каналов и в Йордане, старом бастионе свободы.

Ваш дом – храм удовольствия. У вас есть право на свой собственный дом и на то, чтобы разделить его с коммуной. Ни один дом в Магическом Центре не снесут, если он будет занят жильцами. Новый Амстердам!

Белый жилищный план, предложенный Прово, – это революционное решение жилищной проблемы. За Белый дом! Каждый может войти в Белый дом и выбрать свою собственную квартиру. Новый Вавилон! БЕЛЫЙ ЖИЛИЩНЫЙ ПЛАН.

Комитет по реализации Белого жилищного плана предпринимает следующие шаги:

1. провозглашение дворца на площади Дам всеобщим храмом Клааса, сердцем Магического Центра;

2. еженедельная публикация адресов свободных домов для распространения списка в субботу в 10 часов утра на площади Дам;

3. покраска дверей и карнизов свободных домов в белый цвет для того, чтобы показать, что каждый может в них поселиться;

4. создание агентства занятости для молодых людей, которые летом будут бороться против сокращения городского жилищного фонда;

5. Белый жилищный план станет частью Плана Нового Амстердама.

СПАСИ ДОМ, ЗАЙМИ ДОМ ПРОСТО ДЛЯ СВОЕГО УДОВОЛЬСТВИЯ.

Комитет нижайше просит Вас о предоставлении почти постоянно пустующего дворца на площади Дам для обустройства в нем творческого центра. Тогда молодые люди Амстердама получают возможность использовать свой творческий потенциал в позитивном ключе.

С надеждой ожидаем Вашего ответа,

1 Оранжевый Комитет «Жемчужина Йоргана»

Призыв

к провотариату

Амстердам, 5 (пятное) ноября

К тому времени, как эта листовка ушла в печать, у нас все еще не было помещения для проведения ХЭППЕНИНГОВ.

Переговоры с властями идут до сих пор...

ДОЛЖЕН ЛИ ПРОВОТАРИАТ СНОВА ВЫЙТИ НА УЛИЦЫ? Вероятно, нет: уж слишком там холодно — кровь стынет в жилах.

Этой зимой власти предлагают нам Вонделпарк. Очевидно, они хотят, чтобы мы там все заоченели.

На прошлой неделе провос уже использовали этот «УГОЛОК ОРАТОРОВ», когда 5 (пять) испанских провос были ЗАДУШЕНЫ НАСМЕРТЬ.

Сегодня в 8 часов вечера провос снова собираются в

УГОЛКЕ ОРАТОРОВ,
ВОНДЕЛПАРК.

Встречаемся возле ворот Лейдсебосье, около БЕЛОЙ СКАМЬИ, где будет оглашен дальнейший маршрут.

ВСЕ ТУДА, ВСЕ ТУДА, ВСЕ ТУДА

Остерегайтесь собаки... держитесь подальше от Коппейанского цирка.

КАК, ЧТО, ГДЕ?????????

ВОССТАНОВЛЕНИЕ
ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ!!!!!!
Смерть от удушения... смерть от холода.
НЕ РЕШАЕМ — МЕШАЕМ, БУШУЕМ!

Белый школьный план

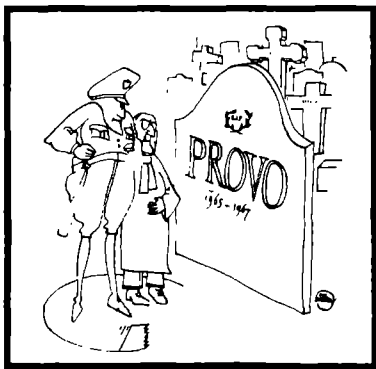
ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВИЮ!

Не имеете возможности использовать свои мозги?

Вас:

- выперли из школы, временно или надолго;
- отправили на штрафные работы, остригли, а может, даже высекли.

Пришло время для учеников средних школ действовать всем вместе, встряхнуться, объявить себя свободными, сокрушить ярмо догматического консерватизма при помощи нескольких Белых планов.

Недолгая история прово

Они должны взять демократический процесс в школах в свои руки, потому что школьное начальство в школах и за их стенами цепляется за допотопные стандарты, основанные на зубрежке и отравляющие атмосферу получения знаний.

Важный аспект этого демократического процесса — отношения между учащимся и учителем. Директора школ постоянно навязывают принцип «коллектив всегда прав», оказывающий разрушительное влияние на личность, заметное по низкой успеваемости.

Школа — это в первую очередь живое сообщество, в которое каждый входит на равных правах.

В качестве революционного ответа на эту проблему мы предлагаем учредить S.O.S., STICHTING OPSTANDIGE SCHOLIEREN (Институт революционных учеников), который займется выполнением БЕЛОГО ШКОЛЬНОГО ПЛАНА.

Если директора не прислушаются к требованиям Белого школьного плана, мы заставим их уйти в отставку при помощи крупномасштабных действий, таких, как школьные забастовки, бойкот учителей, сит-ины, сит-дауны (с использованием дымовых шашек или без), воспламеняющиеся листовки и т.п.

Мы взываем к каждому ученику средней школы, который все еще видит проблески надежды в темных тучах, что повисли над ним или над ней: приходите в здание De Doelen на Kloveniersburgwal, 87 в субботу, 29 октября, в восемь часов вечера, чтобы дать старт Белому школьному плану. Если кворум будет велик, этот вечер войдет в историю голландской культуры как одно из самых заметных событий в ходе социальной революции в образовании.

Институт революционных учеников

Тихая процессия

Амстердамцы!

Полицейское насилие не сможет остановить хэппенинги вокруг ЛИВЕРДЬЕ, ЗОМБИРОВАННОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ БУДУЩЕГО. Хэппенинг — это магическое событие, и ни униформы, ни шашки, ни резиновые дубинки не в силах изменить что-либо.

Анархистское движение «ПРОВО» издает следующее воззвание:

Пусть люди, принимающие участие в хэппенингах, последуют примеру католиков и устроят молчаливую процессию по воображаемому МАГИЧЕСКОМУ КРУГУ вокруг Ливердье.

СМИРЕНИЕ, ТИШИНА.

Участники узнают друг друга по знаку «Окись углерода» на своих косынках.

ЦВЕТЫ к ногам Ливердье.

ШШШ! ШШШ! ШШШ! ШШШ! ШШШШШ!
(ПРОВОКАЦИЯ № 6)

СВОБОДНОЕ ОРАНЖЕВОЕ ГОСУДАРСТВО

Чему подобно прорастание нового общества из старого? — Прорастанию поганки из прогнившего пня.

Альтернативное общество вырастает из субкультуры, жившей на дне существующего уклада. Подпольное общество оппозиционно настроенной молодежи выходит из подвалов и начинает править независимо от существующей власти. Революция окончена. Закончилось время подполья, протеста, демонстраций. С этого момента мы направим свою энергию на строительство антиавторитарного общества.

‘Мы возьмем все, что сможем, у старого общества — знания, социалистические идеи и все лучшее от либеральной традиции. Гриб нового общества питается гнилым пнем до того, как последний не будет поглощен полностью. Старое общество распадается на наших глазах и на наших же глазах распадается окончательно. Грибы нового общества вскоре ползут, как после дождя. Сказочные кольца гномьих городов объединятся во всемирную систему — в Свободное Оранжевое Государство.

Каковы причины гибели старого общества? Оно не может избавиться от внутренних конфликтов. Политические разногласия между существующими авторитарными правительствами могут обернуться военной катастрофой в любой момент. Господствующие технологии и индустриальная агрессия против природы систематически разрушают биологическое равновесие и не сегодня-завтра нас ожидают апокалиптические катастрофы. Неожиданные эпидемии, отравление пищевых продуктов, голод и массовое вымирание людей и животных неизбежны, если они не будут предотвращены ростом новой культу-

ры. Новая культура и новый человек — культурный гном, который уничтожит противоречие между природой и старой культурой. Он поймет животных и объединит людей в лоне любви, он восстановит связь между всем, что живет.

Гном нового общества разрешит конфликты старого общества, обреченного на исчезновение. Его задачей будет ликвидировать трения между городом и деревней, поженив их, трения между «ответственным» командиром и безответственным солдатом, между хозяином и слугой, между правительством и народом путем создания нового общества, в котором каждый отвечает за себя сам и сам решает собственную участь. Он положит конец конфликту между работой и свободным временем, уничтожит разрыв между богатством и бедностью путем обобществления собственности. Культурный гном поженит многие, казалось бы, несовместимые стороны старой системы.

Новое общество будет жить прямо поверх старого, установленного порядка. Для провотариата правительство в Гааге — это только теневой кабинет, его участники — тени, его дубасящие налево и направо дубинками полицейские — лишь призраки утасающего мира. Их законы, цепи официоза и резиновые дубинки потеряли свою роль в новой реальности, которую создаем мы.

Старое общество не может поставить под контроль битву против нового, поэтому мы легко выиграем ее. Само по себе старое общество не в состоянии решить проблемы авторитаризма и разрушения природной среды. Поэтому старое общество может уцелеть лишь в том случае, если оно переймет характеристики нового. Поэтому оно либо превратится в руины, либо будет поглощено новым обществом, и в результате оно тоже вынуждено свернуть с дороги пресловутой революции.

Революция готова услужливо предложить свое решение. Поэтому новое общество должно использовать свой арсенал саботажа для того, чтобы ускорить превращение грязного и авторитарного общества в чистое и антиавторитарное. По существу, сам факт существования автономного, нового общества в сердце старого порядка и есть наиболее эффективная форма саботажа. Но какие бы приемы ни использовала армия саботажников, необходимо помнить, что она ни в чем — то есть абсолютно — не должна напоминать армии старого мира. Лишенный ответственности солдат старой армии — это пугало и символ того, что ответственный саботажник антиавторитарной народной армии обязан преодолеть. Поэтому его саботаж должен носить избирательный и ненасильственный характер. Саботаж не единственное оружие, имеющееся в нашем распоряжении. Эротизм и псевдоэротизм — еще одни средства открывания нового мира, доступные абсолютно для каждого.

местах, различным советам. Это социализм не крепко сжатого кулака, а переплетенных пальцев рук, выпрямленного пениса, летящей бабочки, трогательного взгляда, священной кошки. Это анархизм.

Встретимся пятого февраля в Эхнатоне, в первом городе гномов, первой коммуне Свободного Оранжевого Государства. Провотариат предлагает следующие меры по учреждению самоуправляющегося независимого общества:

1. Основать народные департаменты — исполнительные комитеты с добровольным и неоплачиваемым членством. Вся их документация полностью открыта. Каждую неделю они должны собираться на открытом заседании, где каждый сможет высказать свои критические замечания по их работе. Департаменты эти суть следующие:

а) Народный департамент общественных работ. *Он будет осуществлять план по озеленению и ликвидации автомобильных дорог.*

б) Народный департамент социальных реформ. *Первая задача, стоящая перед ним, — учреждение рабочих и сельских советов. Также он будет бороться за равную заработную плату.*

в) Народный департамент гигиены окружающей среды. *Восстановление экологического баланса.*

г) *Buro de Kraker² будет превращено в Народный жилищный департамент.*

г) Народный департамент наземного и водного транспорта. *Организация быстрого и бесплатного общественного транспорта.*

е) Народный департамент удовлетворения потребностей. *Создание альтернативной экономики, цель которой не получение выгоды, а удовлетворение человеческих потребностей.*

ж) Народный департамент духовного здоровья людей. *Поиск и лечение причин преступности. Берет на себя работу старого Министерства юстиции.*

з) Народный Департамент сельского хозяйства. *Новое сельское хозяйство будет основано на биологически приемлемых методах. Следует разорвать порочный круг перепроизводства и уничтожения прибавочного продукта, вызванный использованием инсектицидов.*

и) Народный департамент образования. *Учреждение антиавторитарных детских садов и начальных школ. Поощрение авторских про-*

² Амстердамская организация скваттеров (самовольных квартирантов).

ектов. *Расширение принципа «один человек — один голос» в высшей школе. Создание школьных и университетских советов.*

к) Народный департамент субкультуры и творчества. *Берет на себя работу старых Министерств культуры, отдыха и социальных работ.*

л) Народный университет саботажа и псевдоэротизма превращается в Народный Департамент саботажа власти и силы, который заменит Министерство обороны.

м) Народный департамент международной координации. *Борется за расширение нового общества и за основание международной организации саботажников.*

2. Ратуша нового общества в настоящий момент находится в помещениях здания на Херенграхт 358, в Амстердаме.

3. Здание старого общества на Уде Зийдс Воорбургвал будет служить посольством для сношений со старым обществом. Назначается посол от совета Провос.

4. Публикация Государственного журнала Свободного Оранжевого Государства и Муниципального журнала Амстердамского города гномов. *В них будет освещаться ход реформы.*

5. Воздвижение нового Национального монумента на Дам: посадка апельсинового дерева, символа нового общества. Танцы вокруг апельсинового дерева под пение нового Народного гимна «Сова сидела в вязах».

5 февраля 1970 г.
Амстердамский город гномов

Пресс-релиз

...НОВОСТИ: Вы предупреждены о том, что с 14 октября 1966 года «International Times» будут:

— регулярно передавать новости о том, что происходит на творческих площадках по всему миру — в подполье и на поверхности: в искусстве, политике, сексе, поп-культуре и т.д.;

— прикладывать уши к земле и небесам, чтобы услышать молодой свингующий Лондон, — услышать тех, кто свингует и кто не свингует, раскачивать вещи так, чтобы они тоже стали свинговать при помощи хэппенингов в Round House, Chalk Farm, Eternity, и считать, что их святая обязанность — на веки вечные поддерживать разброд и шатание в вещах;

— трепаться о художниках, видениях, ЛСД, цензуре, свободной любви, сексе, артистическом оргазме и т.п. О Вьетнаме, летающих тарелках, британской прессе вы предупреждены;

— взрывать ваш мозг, открывать ваши поры, восхищать, бесить, атаковать, давать надежду отверженным, советы — арестованным, указания — правительству;

— выходить каждые две недели и продаваться по цене в один шиллинг на улицах той частицы бесконечности, которую называют Лондоном, и других крупных городов вселенной.

ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ

Об истории появления этого замечательного издания, которое сравнимо с такими грандиозными выпусками новостей, как Новый Завет, Кама-Сутра и т.д., вы можете узнать из прилагающегося текста. Впрочем вместо этого вы можете час или два подумать о природе ломтя хлеба или взглянуться как следует в лист с дерева.

Функции подпольной прессы

В западных обществах, где демократическая шелуха все еще сохраняется, подобно тому как в кино в изменившейся сцене на заднем плане сохраняется призрачный предыдущий кадр, реальная власть находится в руках тех, кто манипулирует массовым сознанием при помощи СМИ. Эффективный противовес этой власти наносит подпольная пресса и, следовательно, подпольная пресса — объект непрекращающихся атак под прикрытием ложных предлогов: непристойности, пропаганды наркотиков и т.д.

Формула сенсационной прессы, открытая Вильямом Р. Херстом, состоит в том, чтобы играть на темах секса, наркотиков и насилия, параллельно осуждая их. Секс, наркотики и насилие — это просто материал. Это то, благодаря чему продаются газеты. Наивно думать, что сенсационная пресса действительно старается нейтрализовать опасный материал при помощи разумного и конструктивного подхода к проблемам преступности и наркомании. Ведь формула заключается в том, чтобы как можно громче говорить о наркотиках и насилии, взывая в одно и то же время и к похотливости, и к возмущению среднего класса. Эта формула оказалась более чем успешной. Имен-

но газеты в значительной степени ответственны за удручающие инциденты, которые они описывают. Публикуя сообщения об арестах за хранение наркотиков только тогда, когда в деле замешаны известные лица, закрывая глаза на различия между разными наркотиками, которые имеют очень несхожие физиологические эффекты и сильно варьируются в отношении причиняемого вреда, сметая их в одну кучу, в одну категорию под названием «наркотики», сенсационная пресса и создает проблему наркотиков. Когда газеты ничтоже сумняшеся утверждают, что марихуана неизбежно приводит к употреблению героина, что марихуаны достаточно, чтобы свести человека с ума, что марихуана вызывает зависимость, что каждый, кто принимает морфий, умрет за несколько лет, они только мешают увидеть подлинную опасность употребления наркотиков. Когда молодые люди обнаруживают, что информация, поступающая к ним по официальным каналам, ложна, они заключают, что ложны все вообще предупреждения об опасности наркотиков.

Когда в подпольной печати проходит информация о том, что СПИД и кокаин могут убить за несколько лет, что опиаты хотя и вызывают зависимость, но не обязательно убивают (я знал наркоманов, доживших до девяноста лет), что нет явных или доказанных свидетельств вреда от употребления марихуаны, в то время как статистика преступлений, заболеваний, инвалидностей и антиобщественных поступков, вызванных употреблением алкоголя, переходит все возможные границы, эта самая подпольная печать не занимается пропагандой наркотиков, которую ей вменяют в вину ее противники, а напротив, скорее снижает размах этого позора и точно указывает на существо проблемы.

Одна из функций подпольной прессы — противостоять дезинформации, распространяемой официальной прессой. Другая — публиковать новости, важность которых официальной прессой умаляется или вовсе не принимается в расчет. Для подпольной прессы, если только эта пресса борется за циркуляцию, новость имеет определяющее значение, ибо эффективность подпольных источников информации как противовеса напрямую зависит от их циркуляции.

Уильям С. Берроуз

Стоял себе старый прогнивший пенёк, который некогда был деревом. На нем больше не росли зеленые листья, а все потому, что существа, жившие в нем, «технологизировали» его (конечно, это сложное слово, но вам придется его выучить, если вы хотите преуспеть). От этого дерево погибло. Может быть, грязное облако, которое повисло над ним – это дыхание трупа?

В один прекрасный день на гни пробились новая жизнь. На трухлявой древесине выросли поганки. Но если бы вы присмотрелись поближе, вы бы увидели, что это были гномы!

Однажды гномы увидели множество больших существ, едущих в консервных банках, которые пердели не переставая. Тогда гномы решили спросить их, зачем они это делают.

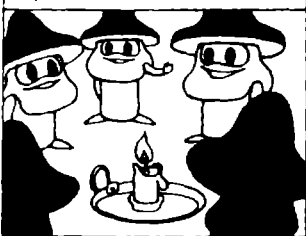
«Я думаю, это хорошо, что моя жестина больше меня».

«Я считаю, что это пристижно».

«А моя сияет».

Большие существа ответили, добродушно улыбаясь.

Тогда гномы собрались вместе, чтобы обсудить свои впечатления. Они говорили о грязи и шуме, которую распространяют отвратительные жестянки.

Гномы и в мыслях не имели делать что-то плохое. После непродолжительных поисков они обнаружили причину, заключающуюся в техническом просчете.

Они принялись за работу.

«Вот оно – решение!».

Всю ночь маленькие человечки работали над устранением крупной ошибки, которая вкралась в конструкцию этих консервных банок на колесах.

«Готово!».

На следующее утро эффект превзошел все ожидания, ибо не только дыма не стало, но и все большие существа разом прекратили свои агрессивные поездки.

БЕЛЫЕ ПАНТЕРЫ

Манифест «Белых пантер»

Наша программа — культурная революция при помощи тотальной атаки на культуру, что заставляет нас использовать каждый подходящий инструмент, любой вид энергии и медиа, попадающий в наше общее владение. Мы берем нашу программу с собой всюду, куда мы идем, и используем все необходимые средства для того, чтобы воздействовать на людей.

Наша культура, наше искусство, наша музыка, наши газеты, книги, плакаты, наша одежда, наши жилища, то, как мы ходим и разговариваем, тот путь, который прокладывают наши растущие волосы, то, как мы курим, колемся, трахаемся, едим и спим, — все это вместе — единое послание и смысл его — СВОБОДА... Мы — свободные сумасшедшие своей родины, не признающие никаких опекунов, мы приносим эту свободу детям Америки на улицах, в танцевальных залах, подростковых клубах, в гостиных, где они смотрят телевизор, в спальнях, где они читают «Fifth Estate» или «Sun», мастурбируют или втихаря курят косяк, в школах, куда мы приходим, чтобы поговорить с ними или играть свою музыку в стенах их чудных гимнастических залов. Им это нравится, ведь мы единственные представители современного стиля жизни в Америке, и следует знать, что эти дети уже ГОТОВЫ! Они готовы ДВИГАТЬСЯ, но еще не знают как, и все, что мы делаем, — это показываем им, что они могут стать свободными

при помощи всего этого. БУДЬТЕ СВОБОДНЫ, черт побери, пошлите подальше всех старых хренов — вот и все, что мы говорим им. И ОНИ ВИДЯТ, ЧТО МЫ ИМЕЕМ В ВИДУ ИМЕННО ЭТО. Все наше влияние заключается в том, что мы настоящие, и это их трогает. Мы СВОБОДНЫ. Мы — скопище наглых сукиных сынов, и мы ни черта не дадим ни копам, ни сквернозадым подонкам из антинаркотического управления, стремящимся задавить нас.

Я слышала, как в 1966 году Стокли Кармикэль сказал, что «20 миллионов обнаглевших черных» спасут Америку. Сегодня на улицы вышло множество обнаглевших черных сукиных сынов — впервые в истории Америки, и впервые в истории Америки появилось поколение белых мечтателей-маньяков, торчков и фанов рок-н-ролла, которые готовы ПОЙТИ ДО КОНЦА и разобраться с проблемами, разобраться вообще СО ВСЕМИ ПРОБЛЕМАМИ — сделать все свободным и освободить каждого как из самых что ни на есть реальных, так и из воображаемых тюрем — даже тех белых придурочных педерастов и гомиков, которые постоянно спят с нами. Мы требуем полной свободы для каждого! И мы не остановимся до тех пор, пока не получим ее.

Марихуана на свободный рынок!

Мы плохие ребята. Нас никто не отымеет. Подобно Хассану ибн Саббаху — Горному Старцу, мы не наносим удар первыми, но если кто-либо нападает на нас, мы мобилизуем все силы для тотального ответного удара. Нас атакуют каждый день, всю нашу жизнь в этой извращенной стране, и теперь мы собираемся устроить в ней бардак, соскрести с нее все дерьмо и снова подарить ее народу. Вся власть — народу! Как сказал брат Эддридж Кливер, дерьмо идет на нас, и на всей планете есть только два вида людей: те, кто создает ПРОБЛЕМЫ, и те, кто предлагает РЕШЕНИЕ. МЫ — РЕШЕНИЕ.

У нас нет «проблем». Все для всех даром. Деньги — говно. Лидеры — говно. Нижнее белье отсасывает. Школа отсасывает. Белая культура, преподносимая нам на пластиковом блюде, бессмысленна для нас! Она нам не нужна! Трахни Бога в задницу. Трахни свою женщину так, чтобы она не смогла встать! Трахни все, что попало к тебе в руки. Наша программа — это рок-н-ролл, наркотики и секс на улицах. Это программа по освобождению всех и каждого. Мы берем на себя ответственность за проведение в жизнь нашей программы. Мы дышим революцией. Мы — ведомые ЛСД маньяки всей вселенной. Мы делаем все возможное, чтобы свести людей с ума, чтобы сумасшествие коснулось не только головы, но и всего остального тела.

Рок-н-ролл — это острие нашего боевого копья в связи с его эффективностью и тем морем удовольствия, которое эта музыка приносит в жизнь. Мы сформировали скоординированные энергичные партизанские отряды, проникающие в поп-культуру и разрушающие в ходе этого миллионы умов. Наиболее яркий пример такой группы — MC5. MC5 целиком и полностью вовлечены в революцию. С нашей музыкой и нашим экономическим гением мы грабим ничего не подозревающий нормальный мир, добывая деньги и прочие средства для реализации наших программ, одновременно революционизируя детей. Проникнув в «нормальные» СМИ, мы продемонстрировали бледнолицым, что за все, что они делают, чтобы справиться с нами, они получают от своих собственных детей. Вам вовсе не нужно пытаться избавиться от всех бледнолицых — достаточно прекратить их новые поступления. Так они вымрут сами собой, а их потомки будут плясать на их костях. У нас пока нет пушек, точнее, они есть не у всех, зато мы обладаем куда более могущественным оружием — это прямой доступ к миллионам тинейджеров и их вера в нас. Но если придется, мы пустим в дело и пушки, если придется, мы сможем сделать вообще все что угодно.

Мы не питаем иллюзий. Осознавая мощь, которую несут в себе символы в абстрактном мире Америки, мы взяли символ «Белой пантеры» для того, чтобы обозначить нашу силу и веру в себя, а также

для того, чтобы продемонстрировать, что наша приверженность программе партии «Черных пантер» столь же сильна, как и собственной: на самом деле эти две программы — одна. Действия «Черных пантер», а также музыка черной Америки вдохновили нас и придали нам силы, и мы пришли в движение, чтобы вдохнуть эту силу в нашу повседневную деятельность. Подобно этому, наша музыка принимает и продолжает использовать силу и чувство черной ритуальной музыки, которая сама вошла в наши тела и рассказала нам о том, что мы можем быть свободны. В этой связи я должен упомянуть здесь брата Джеймса Брауна, а также Джона Колтрэйна и Арчи Шеппа, Сан-Ра, ЛеРуа Джонса, Малькольма-Х, Хью П. Ньютона, Бобби Сили, Эдвардса Кливера — вот имена, священные для нас. Вот НАСТОЯЩИЕ люди Америки. И мы такие же сумасшедшие, как они, и так же чисты. Мы плохие ребята. Это наша программа.

Политическая платформа «Белых пантер»

- 1) Полная поддержка и расширение программы партии «Черных Пантер».
- 2) Конец денег — мы требуем свободного обмена энергии и материалов.
- 3) Тотальная атака на культуру всеми возможными способами, включая рок-н-ролл, наркотики и секс на улицах.
- 4) Полная амнистия для всех.
- 5) Сделать все средства информации доступными для людей — у нас должен быть доступ к нашей технологии, когда нам этого захочется.
- 6) Бесплатная еда, одежда, жилье, наркотики, музыка, Медицинское обслуживание — все БЕСПЛАТНО.
- 7) Освободить всех солдат — никаких армий.
- 8) Отменить школьный цеховой устав — передать все школьные здания учащимся.
- 9) Свободное время и пространство для всех людей, уничтожить все неестественные границы.
- 10) Освободить народы от их «лидеров»: лидеры — говно.

ЙИППИ!

Северо-атлантический переполох

Из журнала «Длинные волосы»

Северо-Атлантический переполох 1965 г.: беспорядки в Уоттсе, эскалация вьетнамского конфликта, родезийский Белый переворот, доминиканская интервенция. Коммунисты, гомосексуалисты, шизофреники, негры угрожают капиталистам, гетеросексуалистам, нормальным белым расистам повсюду. Ко мне идите, все уставшие, бедные толпы, томящиеся по свободному дыханию, — я выдам вам Рокфеллера, Форда, Родса, Гетти, Черчилля, Анслингера и Джордано, цветное телевидение, атомные подлодки, миротворческие силы, бомбы в космосе. Вильсон, твой фундамент прогнил, твоя демократия кишит мерзостью. Джонсон — червь в яблоке, крыса в зерне. Пока ваши невидимые правительства неприлично подрагивают, пока вы лежите в постели со своими женами, видя во сне, как ваши имена заносятся в историю, недоношенный маленький ублюдок революции сражается за весь мир. ВОССТАНИЕ против табачных, стальных, нефтяных, резиновых магнатов, восстание против эксплуатации, недоедания, рабства. Поздно, мистер Премьер-министр, мистер Президент: пройдите до фондовой биржи, позвоните Папе Римскому, заполняйте ваши атомные убежища деньгами, убивайте поэтов эвфемизмами, а любовников — напалмом. Грязно ругайтесь в Парламенте Конгрессе Генеральной Ассамблее Совета Безопасности — слишком поздно. Липкие пальцы нащупывают рычаги управления — безрезультатно, плотину прорывают безумные поколения — они уже здесь.

**Речь,
произнесенная Джерри Рубином
по случаю получения им
обвинительного заключения**

Это большая честь для меня... С искренним смирением принимаю я это федеральное обвинительное заключение. Сбылись мои детские мечты, не пошли прахом долгие годы тяжелой работы и веселья.

Я хочу сказать спасибо всем тем, кто сделал это возможным: моей маме, отцу, брату, жене Нэнси, Стью и Гумбо, Спартаку, Тому Пэй-

ну, Бостонским любителям чая, Хо, Че, Фиделю, Хью, Эддриджу, Ленни Брюсу, Уолтеру Кронкайту, Ричарду Дж. Дэли, и многим другим.

Я понимаю, что конкурс был очень жестким, и я поздравляю тысячи людей, которые пришли сегодня в Чикаго. Я верю в то, что действительно достоин этой великой награды — приза Академии Протеста.

С получением этого документа я попадаю в число выдающихся людей, которые подрывали устои государства, и общества: Битлз, Элвис Пресли, Мэрилин Монро в последние годы своей жизни, рок-группы, Президент

Соединенных Штатов Америки и Джо Намат.

А знаете, кто еще виновен? Те хипповые ребята, которые в 1773 году нарядились в индейские психоделические одежды, захватили британские корабли в Бостонском порту и выкинули весь чай за борт!

Они подрывали устои государства, покушаясь на собственность.

Конгресс одобрил закон о мятеже. Этот закон — предостережение для всех любителей национальной игры — футбола. Болельщики, преодолевающие границы поля и сносящие ворота, подлежат аресту.

Йиппи виновны. Мы нарушили закон о мятеже, когда отправили Ричарду Дэли открытку с сообщением о том, что мы собираемся подмешать ЛСД в систему водоснабжения!

Деньги это бумага. Рисуйте их сами!

Где же проходит граница между «свободой слова» и «подстрекательством к мятежу»? Это очень просто:

Если ваше слово не производит эффекта, оно защищено Конституцией.

Если ваше слово произвело эффект, вы — «подстрекатель и бунтовщик».

Эффективные средства незаконны.

Восстала чикагская полиция, восстала только потому, что наши длинные волосы подтолкнули полицейских к мятежу. Следовательно, мы виновны, потому что наши длинные волосы явились подстрекательством к мятежу.

Это федеральное обвинительное заключение оживит антивоенное движение, сконцентрирует внимание нации и вдохновит йиппи. Каждый ребенок в стране захочет пошатнуть устои государства и сделаться «бунтовщиком», к тому времени как он станет подростком. Это здорово. Спасибо тебе, Ричард Никсон. Спасибо тебе, Ричард Дж. Дэли. Спасибо тебе, призрак Джозефа Маккарти.

Йиппи!!!

Черная маска

Призрак ходит... Улицы Уоттса мы зажгли пламенем революции. Мы штурмуем небо, желая добраться до горла ваших богов... Мы поем вашу смерть. УНИЧТОЖИТЬ МУЗЕИ... дух борьбы не повесить на стенах. Пусть прошлое падет под ударами революции. Мы партизаны, черные, люди будущего, мы все наступаем вам на пятки. К черту вашу культуру, вашу науку, ваше искусство. К чему они? Массовые убийства не прикрыть ничем. Промышленник, банкир, буржуй с бескрайним притворством и вульгарностью продолжают громоздить штабеля произведений искусства, убивая людей. Ваша ложь не удалась. Мир восстает против вашего господства. У ваших ворот стоят люди, разыскивающие новый мир. Станок, ракета, средства для завоевания пространства и времени — вот они, семена будущего. Мы освободим их от вашего варварства, и они понесут нас вперед. Мы готовы...

БУДЕТ
БИТВА

Йиппи!**Листовка**

Все шайки приходят в субботу в 11 часов вечера, чтобы сделать свободной Площадь Св. Марка между Второй и Третьей Авеню. Йиппи! Площадь Св. Марка испоганена! Мы вернем ее в первозданное состояние. Кадилаки, туристические автобусы, копы с пушками и дубинками, сыщики, разыскивающие сбежавших детей, а главное, **УРОДЫ ИЗ СПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ** будут оттуда **УБРАНЫ!** Ларёк «Соки-воды» мы возьмем в осаду до тех пор, пока цена стаканчика с мороженым не будет приведена к исходным 17 центам! И только так!

Площадь Св. Марка — символ 192 лет американской истории. Сейчас на нее пали тени Берлина образца 1936 года! Каждый, чей внешний вид отличается от прилизанного стандарта журналов «Тайм» и «Лайф», **ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ** полицией на **УЛИЦЕ** и должен предъявить документы, удостоверяющие личность! Фашистские свиньи, известные как «красавчики Нью-Йорка», колотят и оскорбляют всякого, кто посмел показать признаки ума и души. Но видели ли вы когда-нибудь толстого туриста, которого полицейский бьет по заднице своей увесистой дубинкой для ночного патрулирования?

**МЫ ТРЕБУЕМ СВОБОДЫ СТОЯТЬ ПРОСТО ТАК
И НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ**

Туристические автобусы будут остановлены на четырнадцатой улице и посланы в спальные районы, для того чтобы развлечь уродов на Суттонской площади. Всякий автобус, пересекший границы Свободной Зоны, будет **ОПРОКИНУТ** и **СОЖЖЕН**, а туристы рискуют оказаться в заложниках и отпускаться лишь в обмен на наших братьев, томящихся за решеткой. Некоторые могут быть повешены по приговору Революционного Трибунала, или расстреляны... или утоплены... или четвертованы. **БОЙТЕСЬ, ТУРИСТЫ!**

Детям на улицах нужна помощь! Этим летом миллион беглецов увидит свет и придет в Нижний Ист-Сайд. Город должен удовлетворить их основные жизненные потребности. Мы требуем бесплатной пищи! Мы требуем, чтобы город предоставил нам пустующие здания, так чтобы мы могли привести их в необходимое для жизни состояние и разместить там детей свободы.

Мы требуем создать две медицинские клиники, одну в Томкинс-Парке и другую на Вашингтон-сквер, бесплатные и обслуживаемые местными жителями. Никто больше не будет отправлен в Беллевью!

Андре Горц

ЭКОЛОГИЯ И СВОБОДА

Экологический реализм

Капитализм, ориентированный на постоянный рост, мертв. Социализм, также ориентированный на постоянный рост и очень похожий на него, являет собой кривое отражение нашего прошлого, а отнюдь не будущего. Марксизм, оставаясь пока что незаменимым инструментом анализа, утратил свою профетическую ценность и значение.

Развитие производительных сил, которое, как предполагалось, должно было позволить рабочему классу разорвать вековые оковы и установить царство всеобщей свободы, вместо этого лишило трудящихся последних остатков их самостоятельности, углубило пропасть между физическим и интеллектуальным трудом и уничтожило всякие материальные и экзистенциальные основы производительных сил.

Экономический рост, который, как предполагалось, должен был обеспечить благополучие и процветание всем и каждому, породил потребности куда быстрее, чем научился удовлетворять их, что привело к возникновению целого ряда кризисов, носивших не только экономический характер: рост и развитие при капитализме перетекают в кризис не только потому, что это — *капиталистический рост*, но и потому, что *любой рост имеет естественные границы и пределы*.

Нетрудно представить себе паллиативные средства решения той или иной проблемы, которая привела к возникновению кризиса. Но его

характер таков, что любые последовательные и частичные решения, направленные на преодоление кризиса, будут неизбежно усугублять его.

И хотя нынешний кризис обладает всеми типичными признаками классического кризиса перепроизводства, он, однако, включает в себе целый ряд новых измерений, которые марксизм, за редкими исключениями, вообще не предусматривает и на которые система, до сего дня считавшаяся «социалистической», не способна дать адекватного ответа. Это — кризис отношений между индивидуумом и экономической сферой как таковой, кризис самого характера производства, кризис нашего отношения к природе и нашему собственному телу, кризис сексуального поведения, общества, последующих поколений, истории, наконец; это кризис урбанистической модели жизни, среды обитания, медицины, образования, науки.

Мы прекрасно понимаем, что наша современная модель жизни не имеет будущего, что дети, став взрослыми, не смогут принести в наш мир ни запасов нефти, ни целый ряд привычных металлов, что если, осуществление текущих проектов по ядерной энергетике будет продолжаться сегодняшними темпами, запасы урана вскоре будут исчерпаны.

Мы сознаем, что все в нашем мире имеет конец; что если мы будем продолжать действовать так и дальше, в океанах и реках погибнет все живое, почва станет мертвой и бесплодной, воздух в городах — непригодным для дыхания, а жизнь сделается привилегией специально отобранных экземпляров новой человеческой расы, адаптированной посредством химиотерапии и генетического программирования для жизни в новой экологической нише, выбранной и высеченной инженерами-биологами.

Наконец, мы понимаем, что на протяжении последних полутора веков индустриальное общество развивалось за счет ускоренной эксплуатации природных ресурсов, для создания которых потребовались многие миллионы лет, и что вплоть до самого последнего времени экономисты — как сторонники классического направления, так и марксисты — решительно отвергали как беспочвенные и «реакционные» любые рассуждения о перспективах на отдаленное будущее, все равно — нашей планеты, биосферы или цивилизации. «Долговременная вероятность выживания каждого из нас равна нулю», — заявил Кейнс, лукаво утверждая, что достигнутые горизонты экономического развития не претерпят сколько-нибудь существенных изменений в ближайшие десять-двадцать лет. «Наука, — пытаются нас уверить, — непременно откроет новые пути и возможности, а техническая мысль создаст нечто невиданное и немыслимое в наши дни».

Однако наука и техника так и не смогли совершить это обещанное эпохальное открытие: все производительные силы еще более активно зависят от природных ресурсов планеты, запасы которых близки к концу, и от создания системы точек выживания, поддерживающих хрупкое равновесие нашей экосистемы.

Задача заключается не в том, чтобы обожествить природу или «отойти назад», а в том, чтобы осознать простой факт: деятельность человека в мире природы имеет свои естественные границы. Нарушение этих границ вызывает ответную реакцию, последствия которой мы уже ощущаем в качестве специфических и еще недостаточно широко признаваемых факторов, таких, как новые болезни и новые типы проблем, неприспособленные дети (к чему не приспособленные?), спад ожиданий, возлагаемых на жизнь, снижение физических данных и экономических показателей и, наконец, снижение уровня жизни несмотря на постоянно повышающийся уровень материального потребления.

Ответная реакция экономистов вплоть до сего дня сводилась к обвинениям в «утопизме» и «безответственности» тех, кто пытался привлечь внимание к этим симптомам надвигающегося кризиса в наших отношениях с миром природы, — отношениям, лежащим в основе всякой экономической деятельности. Самое большее и дерзкое, на что осмеливается современная политэкономическая мысль в наши дни, — это посоветовать поддерживать потребление на уровне «нулевого прироста». И лишь один экономист, Николас Георгеско-Реген, имел достаточно здравого смысла и смелости, чтобы заявить, что даже при нулевом приросте продолжающееся истребление последних остатков природных ресурсов приведет к полному их исчерпанию. Главное теперь не в том, чтобы потреблять их все больше и больше, а в том, чтобы сократить потребление до минимума, ибо другого пути сохранить остатки этих ресурсов для будущих поколений просто нет.

Именно в этом заключается экологический реализм.

Стандартное возражение на это обычно сводится к тому, что любые попытки затормозить или повернуть вспять процесс экономического роста неизбежно приведут к дальнейшему усугублению существующего неравенства, результатом чего станет дальнейшее ухудшение материального положения беднейших слоев. Однако идея о том, что экономический рост приводит к снижению неравенства, является ложной: статистика свидетельствует о том, что все обстоит как раз наоборот. Можно доказать, что такая статистика взята только по капиталистическим странам и что социализм обеспечивает большую социальную справедливость; но зачем непременно стремится производить все больше и больше всевозможной продукции? Разве не

более рационально улучшить условия и качество жизни, научившись расходовать ресурсы более эффективно, получая из них сразу несколько видов продуктов, сводя к минимуму уровень отходов и отказавшись от производства социально агрессивных товаров, которые никогда не смогут стать доступными для всех или которые настолько загрязняют окружающую среду, что доходы от их реализации не стоят негативного влияния их выпуска, даже если такие товары со временем станут доступными для большинства?

Радикалы, вообще отказывающиеся рассматривать вопрос о равенстве в отрыве от проблемы роста, лишний раз демонстрируют, что «социализм» для них — это не что иное, как продолжение капитализма несколькими иными средствами: распространением ценностей среднего класса, его образом жизни и социальными представлениями (которые, кстати сказать, у лучших представителей этого класса уже начинают меняться под нажимом их же собственных дочерей и сыновей).

Сегодня недостаток реализма уже более не сводится к рассуждениям о всеобщем процветании путем изменения направления экономического развития и косметических изменений образа жизни. Недостаток реализма заключается в представлении о том, что будто экономический рост способен автоматически обеспечить человечеству всеобщее процветание, ибо на сегодняшний день это еще возможно.

Политическая экономия и экология: Маркс и Иллич

Политическая экономия как самостоятельная дисциплина неприемима ни к семьям, ни к небольшим общинам, слишком малочисленным для того, чтобы в них могли возникнуть пресловутое разделение труда между их членами, обмен товарами (или их продажа) и предоставление взаимных услуг. Политическая экономия начинается только там, где прекращается свободный совместный труд и взаимный обмен. Она начинается с социально обусловленного производства, то есть производства, основанного на социальном разделении труда и регулируемого механизмами, внешними по отношению к воле и сознанию индивидуумов, то есть рыночными процессами или централизованным планированием (или, наконец, и тем и другим).

«Человек экономический» (*homo economicus*), то есть некий абстрактный человек, на действиях которого построены все расчеты экономистов, обладает уникальным качеством: он не потребляет ничего из того, что производит, и не производит ничего из того, что потреб-

ляет. Следовательно, перед таким человеком никогда не возникают проблемы качества, пользы, вреда, красоты, счастья, свободы и морали; он озабочен лишь процессами обмена ценностей и товаров, количественными показателями и балансами доходов.

Экономисты не дают себе труда принять во внимание мысли, чувства и желания обычных людей; их интересуют лишь те материальные процессы, которые, независимо от своей воли, влечет за собой деятельность человека в любых ее формах в (социально обусловленном) контексте сокращения природных ресурсов.

В экономическом моделировании невозможно выделить хоть какое-то подобие этической составляющей. Маркс был одним из первых, кто понял это. Выбор, сделанный им, с известной долей схематизма можно выразить так:

— либо индивидуумы сумеют объединиться и во имя радикальной перестройки экономического процесса согласно своей коллективной воле и заменить социально обусловленное разделение труда добровольным сотрудничеством производителей, связанных друг с другом (кооперация);

— либо они останутся разделенными и разобщенными, и в этом случае интересы экономического процесса будут преобладать над целями и интересами отдельных людей, и рано или поздно централизованное государство, руководствуясь интересами целесообразности, принудит их к совместному труду силой, когда люди будут вынуждены трудиться уже не на себя. Выбор очевиден: «социализм или варварство».

Экологи находятся в таком же отношении к экономистам, в каком сами экономисты к добровольной кооперации, регулирующей всю хозяйственную жизнь семьи или небольшой общины. Экология как самостоятельная дисциплина априорно неприменима к тем сообществам или общностям людей, способы производства и производственные отношения которых не оказывают продолжительного негативного влияния на окружающую среду. Природные ресурсы кажутся неисчерпаемыми, влияние человеческого фактора на природу — ничтожным. В идеальном случае охрана природы как одно из непеременимых условий здоровой жизни базируется на неписаных законах мудрости, законах, признаваемых всеми.

Экология не выделялась в особую научную дисциплину до тех пор, пока экономическое развитие не разрушило или во всяком случае не нанесло окружающей среде серьезного ущерба. На этом пути она стремится достичь разумного компромисса между потерями и направлением экономической деятельности или, по крайней мере, внести в

нее существенные коррективы. Экология занимается в первую очередь вопросами внешних ограничений экономической деятельности — теми самыми, с которыми экономика должна считаться, чтобы избежать негативных эффектов, идущих вразрез с ее же собственными целями и интересами.

Подобно тому, как экономика учитывает внешние ограничения, создаваемые действиями отдельных индивидуумов, когда на основе их возникают некие нежелательные коллективные результаты, экология учитывает внешние ограничения, которые влечет за собой экономическая деятельность, вызывая негативные изменения окружающей среды, которые сводят на нет все рассуждения о прибыли и т.п.

Точно так же, как экономика относится к сфере деятельности, выходящей за рамки взаимного согласия и добровольного сотрудничества, так и экология обращается к сфере, лежащей за рамками экономической деятельности и расчетов, но исключая последние, однако это не дает оснований говорить, будто экология — дисциплина более рациональная, чем экономика, но относится к той же сфере. Рациональность экологии — явление иного порядка: она показывает нам, что эффективность экономической деятельности носит весьма ограниченный характер и что в основе ее лежат некие внеэкономические факторы. Она, в частности, позволяет нам понять, что стремление экономики преодолеть относительные сбои порождает — за некой определенной гранью — сбои абсолютные и непреодолимые. Доходы оборачиваются убытками, производство разрушает и губит больше ценностей, чем производит. Столь пагубные явления имеют место, когда экономическая деятельность нарушает хрупкий баланс основных экологических циклов и/или уничтожает природные ресурсы, не подлежащие восстановлению.

Сталкиваясь с ситуациями такого типа, экономическая система в прошлом неизменно реагировала на них дополнительным увеличением производства; таким наращиванием выпуска продукции она стремилась компенсировать временный перебой. При этом не учитывалось, что подобные действия неизбежно усугубляют ситуацию; что за некой гранью меры, направленные на увеличение потока автомобилей, повлекут за собой увеличение «пробок»; что увеличение приема лекарств ведет к росту заболеваемости, поскольку заменяет устранение причин болезни снятием ее симптомов; что повышение потребления энергии вызывает новые формы загрязнения среды, уже выходящие из-под контроля и влекущие за собой новый скачок потребления энергии, рост загрязнения и т.д., и т.п.

Чтобы осознать «непродуктивность» таких действий, необходимо поставить вопрос о рациональности самой экономики. Именно это и делает экология: она показывает нам, что средства преодоления всевозможных сбоев и болезней, кризисов и тупиков индустриальной цивилизации следует искать не в наращивании выпуска продукции, а наоборот, в ограничении и сокращении материального производства. Она наглядно демонстрирует, что куда эффективнее и «продуктивнее» сохранять природные ресурсы, чем варварски расходовать их, выгоднее подчиняться природным циклам, чем пытаться нарушить их.

И тем не менее у экологии тоже нет никакой этической составляющей. Одним из первых, кто понял это, был Иван Иллич. Альтернативы, которые он открыл для себя, с некоторым упрощением можно сформулировать следующим образом:

— либо мы согласимся наложить известные ограничения на развитие техники и индустриальное производство, чтобы сберечь природные ресурсы, сохранить экологический баланс, необходимый для жизни на нашей планете, и будем активнее содействовать развитию самостоятельности на уровне общин и отдельных индивидуумов (а это — главное условие выживания);

— либо все ограничения, необходимые для поддержания жизни, будут определены и спланированы на централизованном уровне инженерами-экологами, и оценка уровней производства, оптимальных с экологической точки зрения, будет поручена централизованным организациям и технологическим структурам (это — технофашистский вариант, путь, по которому мы уже почти начали двигаться).

Выбор и здесь тоже весьма прост: «выживание или технофашизм».

Старые левые не знали про экологию

Экология, будучи чисто научной дисциплиной, отнюдь не обязательно подразумевает неприятие авторитарных, технофашистских решений. Неприятие технофашизма является не следствием научно обоснованного понимания экологического баланса природы, а вытекает из выбора политической и культурной системы. Защитники окружающей среды используют экологию в качестве рычага для более активного продвижения радикальной критики нашей цивилизации и общества. Однако экологические аргументы могут также быть использованы для обоснования применения биологической инженерии применительно к человеческим системам.

Экология и изменение средств производства

Предпочтительность естественных, саморегулирующихся систем по сравнению с системами, основанными на разного рода внешних учреждениях и установлениях, вовсе не означает априорного обожествления природы. Нет ничего невозможного в том, чтобы искусственно созданные системы в некоторых отношениях были более эффективными, чем природные, естественные. Однако предпочтение, отдаваемое последним, желательно отстаивать как более рациональный выбор и с точки зрения политики, и с точки зрения этики, причем такое предпочтение обусловлено преимуществом децентрализованной саморегуляции по сравнению с централизованной гиперрегуляцией. Сфера «здоровой политики» предлагает нам особенно выразительный пример, способный послужить в качестве парадигмы.

Естественный отбор — это идеальный случай децентрализованной саморегуляции. Однако его удастся обмануть и обойти благодаря использованию все более сложных медицинских средств и техники, способных спасти жизнь младенцев, которые без таких средств умерли бы в первые же дни или месяцы своей жизни. Тем не менее такие люди, достигнув зрелого возраста, произведут на свет потомство, страдающее наследственными заболеваниями, и за счет этого доля людей, подверженных таким недугам будет постоянно увеличиваться. Возникающее в результате этого ухудшение генофонда уже побудило некоторых ведущих генетиков поддержать осуществление на государственном уровне политики направленной эвгеники, то есть регулирования свободы размножаться и производить потомство.

Таким образом, преодоление естественных средств саморегуляции вызывает необходимость применения внешних, административных регулирующих факторов. И, наконец, естественный отбор заменяется отбором социально мотивированным.

Однако последний в некоторых отношениях может быть признан более эффективным, чем первый; евгеника позволит предотвратить зачатие уродливых и нежизнеспособных особей, тогда как естественный отбор способен устранить их только после зачатия, а часто и после рождения. Но здесь есть одно весьма существенно отличие: естественный отбор происходит спонтанно, без всяких целенаправленных вмешательств. Евгеника же, напротив, допускает создание технбюрократии, которая и будет устанавливать административные нормы и критерии отбора. Естественная саморегуляция будет заменена регуляцией авторитарной.

Этот пример, который трудно назвать оптимистическим, должен продемонстрировать экологический принцип, заключающийся в том, что гораздо лучше предоставить природе действовать самой, чем искать способы исправления ее ошибок за счет все более широкого вмешательства в нее отдельных лиц или административных структур ради достижения доминирующего положения. Для эколога отрицание им системной инженерии объясняется не тем, что она искажает природу (которая отнюдь не является священной и неприкосновенной), а в том, что это вводит новые формы доминирования отдельных видов в уже существующие в природе процессы.

С политической точки зрения применение такого подхода совершенно очевидно: экологический подход абсолютно несовместим с понятием рационализма, свойственным капитализму. Кроме того, он также абсолютно несовместим с авторитарным социализмом, который (независимо от того, используется в нем централизованное экономическое управление или нет), является на сегодняшний день единственной системой внешней регуляции на государственном уровне. Позиция экологов не имеет ничего общего и с либертарианским или демократическим социализмом, и их не следует смешивать. Установка экологов сводится к тому, чтобы действовать на ином, более фундаментальном уровне: уровне материальных предпосылок экономической системы. В частности, она проявляет особый интерес к характеру преобладающих технологических систем, ибо технические структуры, являющиеся базой экономической системы, отнюдь не являются нейтральными. На самом деле они отражают и определяют отношение производителей к их продуктам, трудящихся — к средствам своего труда, индивидуумов — к группе

или обществу, и народа — к внешней среде. Технология — это матрица, в которой наглядно показано распределение сил, социальные отношения, обусловленные процессом производства, и иерархическое распределение видов труда.

Под маской выбора технических систем нам постоянно предлагается совершать выбор тех или иных социальных систем.

Выбор системы по чисто техническим критериям возможен очень редко, и при этом отбираются, как правило, не самые эффективные системы. Ибо капитализм развивает только те технологии, которые отвечают его логике и являются совместимыми с его стабильными доминантами. Однако он решительно отвергает такие технологии, которые не способствуют укреплению преобладающих социальных отношений, даже если они являются более рациональными с точки зрения конечного продукта. Капиталистические отношения производства и обмена уже четко прописаны в тех технологиях, которые капитализм настойчиво предлагает нам.

Борьба за иные технологии — это естественное средство борьбы за создание иного общества.

Все институты и структуры государства в большей мере обусловлены характером и ролью господствующих в нем технологий. Так, например, ядерная энергия, независимо от того, используют ли ее «капиталисты» или «социалисты», предполагает наличие централизованного иерархического общества с доминированием спецслужб.

Изменение средств производства — это основополагающее условие трансформации любого общества. Развитие добровольного сотрудничества, самоуправление и свобода общин и индивидуумов требует развития технологий и создания средств производства, которые:

- могут использоваться и контролироваться на уровне соседей или общины;
- способны генерировать более активную экономическую автономию для локальных и региональных сообществ;
- не наносят вреда окружающей среде;
- отвечают требованиям совместного контроля, предъявляемым производителями и потребителями к продуктам и процессам производства.

Разумеется, можно возразить, что невозможно изменить средства производства, не трансформировав при этом общество в целом, и что этого невозможно достичь, не взяв в свои руки власть в государстве. Такое возражение справедливо при условии, что оно не имеет в виду, что социальные изменения и установления новой структу-

ры власти должны предшествовать коренному преобразованию технологии. Ибо без изменения структуры технологии трансформация общества будет формальной и иллюзорной. Теоретические и практические определения альтернативных технологий, а также борьбы общин и индивидуумов (все равно — на коллективном или индивидуальном уровне) за право распоряжаться своей собственной судьбой должны постоянно находиться в центре внимания любых политических акций. Если же этого не происходит, то захват власти в государстве людьми, называющими себя социалистами, не сможет фундаментальным образом изменить ни доминирующую систему, ни сложившиеся отношения людей (полов) между собой и с природой. Социализм не обладает иммунитетом к технофашизму, наоборот, он в первую очередь готов пасть жертвой последнего. Как бы и когда бы он ни пытался упрочить верховную власть государства без одновременного развития и укрепления автономии гражданского общества.

Вот почему экологическая борьба в ее теперешнем виде представляет собой в первую очередь борьбу против капитализма. Эта борьба не может быть подчинена политическим целям социализма. И только там, где левые ратуют за полную децентрализацию и установление демократического социализма, такая система может послужить политическим оформлением требований экологов. Организованные левые силы во Франции и других европейских странах еще не достигли этого уровня; они пока что еще не включили экологические принципы ни в свою практику, ни в свои программы. Именно поэтому экологическое движение должно продолжать сохранять свою независимость и автономность.

Экологические требования носят фундаментальный характер; они не могут являться объектом компромисса или уступок. Социализм ничуть не лучше капитализма, если он прибегает к таким же средствам. Тотальное доминирование над природой неизбежно влечет за собой тотальное подчинение людей могуществу техники и власти. И если не существует других альтернатив, то желательно отдать предпочтение безъядерному капитализму, а не ядерному социализму, поскольку первый не представляет такой страшной угрозы для будущих поколений.

Франция под надзором

Экология и кризис капитализма

Всякое производство есть вместе с тем и разрушение. На этот факт можно было не обращать особого внимания до тех пор, пока производство не оказывало необратимого разрушительного воздействия на природные ресурсы. Еще бы: ресурсы ведь казались таким неисчерпаемыми. Они способны самостоятельно восстанавливаться: трава растет очень быстро, лес — медленнее, но тоже растет. Эффекты разрушения представлялись даже чем-то продуктивным. Более того, разрушение — это непереносимое условие производства. И так повторялось из века в век.

Увы, этот процесс необратим. Земля, по замыслу природы, — это не полигон для человеческого рода. Природа — это не сад, выращенный только для нас. Жизнь человека на земле весьма хрупка, и чтобы продлить ее, человеку приходится нарушать некоторые аспекты естественного баланса экосистемы. Первым широкомасштабным нарушением его явилось земледелие: оно изменило естественный баланс не только между разными видами растений, но и между растениями и животными. В частности, этот процесс включает в себя борьбу с различными вредителями и заболеваниями, или борьбу, которую можно вести как биологическими, так и химическими средствами, а это означает содействие выживанию определенных видов, считающихся «полезными», с тем чтобы помочь им одержать верх над другими, признанными «вредными». Именно таким образом земледелие буквально изменило облик поверхности нашей земли.

Однако природа не является чем-то неприкосновенным. «Прометеевский» проект «покорения», или «одомашнивания», природы отнюдь не является априорно неприемлемым с точки зрения окружающей среды. Любая культура (в обоих смыслах этого слова) вступает в конфликт с природой и изменяет баланс биосферы. Фундаментальные вопросы, затрагиваемые экологией, достаточно просты, но их необходимо знать каждому.

— Способны ли те изменения, которые деятельность человека приносит в природу, меняя и трансформируя ее, обеспечить сохранение и бережное отношение к запасам невозобновляемых ресурсов?

— Не могут ли разрушительные последствия производства превышать его позитивные стороны путем уничтожения возобновляемых ресурсов более быстро, чем те способны самостоятельно восстанавливаться?

В обоих случаях нет никаких сомнений в том, что экологические факторы играют решающую и все более важную роль в текущем экономическом кризисе. Это не означает, что такие факторы следует рассматривать в качестве основных причин кризиса: на самом деле мы столкнулись с кризисом капиталистического перенакопления, усугубляемого экологическим кризисом (и, как мы уже видели, социальным кризисом). Чтобы пояснить эту мысль, я хотел бы отдельно остановиться на различных уровнях этого кризиса:

а) *Кризис накопления.* Достигнув высокого уровня, развитие капитализма зиждется, в первую очередь, на замене рабочих машинами, живой рабочей силы – мертвыми средствами производства. Машина в свою очередь является собой воплощение некой концентрированной и неодушевленной потенции в инертной форме, способной самостоятельно работать без участия человека. Однако производство машин стоит дорого; инвестиции капитала в них могут оказаться прибыльными в том случае, если инвестор ожидает получить от них прибыль, превышающую затраты на их установку. И пока машины служат повышению производства, даже при посредстве рабочих, обслуживающих их, машины представляют собой капитал. А логика всякого капитала – это стремление к постоянному росту и развитию.

Расти или погибнуть – таков закон капитала. За исключением периодов длительной стагнации, когда фирмы, занимающие данный сектор экономики, заключают соглашение поделить между собою рынок и сбывать свою продукцию по одинаковым ценам (обычно такое соглашение называется картелью), различные компании активно конкурируют друг с другом. Они действуют следующим образом: каждая из них стремится окупить свои машины как можно быстрее, чтобы получить возможность установить новые, более производительные и эффективные машины, то есть машины, способные производить такой же продукт при участии меньшего числа персонала. Это явление принято называть повышением производительности.

Таким образом, по мере развития развитого капитализма создаются все более сложные и дорогие механизмы, обслуживаемые все меньшим и меньшим числом рабочих, от которых требуется предельно низкий уровень квалификации. Таким образом прямые расходы на

производство снижаются, а доля чистого капитала возрастает (или, другими словами, повышается уровень прибыли, который обеспечивают хозяевам новые машины). Если следовать марксистской терминологии, происходит процесс усиления «органического слияния капитала». Если сформулировать это же явление несколько иначе, можно сказать, что промышленность становится все более и более капиталоемкой, она использует все большие объемы капитала для производства того же количества предметов потребления. Таким образом, ей приходится тратить все большую и большую часть прибылей на замену и обновление машин, одновременно стремясь компенсировать затраты инвестиционного капитала (по большей части представляемого банками) под проценты, выгодные в первую очередь для кредиторов.

Маркс показал, что рано или поздно средний уровень прибылей должен значительно понизиться: чем более капитала используется для производства того же объема потребительских товаров, тем заметнее снижение доли прибылей, получаемых от реализации продукции, по отношению к массе привлеченного капитала. Другими словами, такая масса не может возрастать бесконечно и не должна превышать определенный предел.

Но с того момента, как уровень прибылей начинает снижаться, в системе происходит сбой: машины более невозможно производить по прежней цене, в результате снижается выпуск продукции, приносящей прежние прибыли, и, следовательно, такие машины становится невозможно заменять столь же часто, как прежде. В результате этого производство машин (как и всех прочих изделий) быстро идет на спад, что влечет за собой лавинообразное падение производства. Обращаясь опять к терминам марксизма, возникает «перенакопление»: доля капитала в производстве становится настолько большой (а его органическая структура настолько повышается), что его оборот при нормальных тарифных ставках становится невозможным. «Производительность» капитала быстро снижается. Цена же капитальных фондов, которые не могут быть привлечены к извлечению достаточной прибыли, снижается до нуля. Таким образом происходит самоуничтожение капитала: машины и конвейеры останавливаются, фабрики закрываются, рабочие теряют работу. Система переживает глубокий кризис.

Для того чтобы избежать кризисных явлений, лидеры капитала постоянно стремятся преодолеть тенденцию к снижению прибылей. В их распоряжении — два основных фактора:

- увеличение количества продаваемых товаров;
- повышение не объема продаж, а цены товаров, в частности, под предлогом того, что они становятся более качественными и сложными.

Совершенно очевидно, что оба эти подхода не являются взаимоисключающими. В частности, возможно увеличить объем продаж, выпуская товары меньшего срока службы и тем самым побуждая людей чаще покупать их; в то же время такие товары могут быть более дорогими, отличаться повышенной сложностью и технологичностью.

Такова природа потребления в богатых обществах; она предусматривает рост капитала, не сопровождающийся ни большим удовлетворением от товаров, ни расширением выпуска реально полезных товаров, которыми люди могут пользоваться в единицу времени. Напротив, она требует повышения качества товаров для достижения такого же уровня удовлетворения потребностей. Все увеличивающиеся объемы энергии, труда, сырья и капитала расходуются «на ветер», не принося людям ни пользы, ни хотя бы улучшения. Производство становится все более и более разрушительным и пагубным; в нем априорно заложены быстрый выход из строя или поломки изделий, то есть быстрая порча продукции задумана с самого начала.

Так, мы видели, что на смену жестяным консервным банкам пришли алюминиевые, энергозатраты на производство которых в пятнадцать раз выше; железнодорожный транспорт уступает место автомобильным перевозкам, влекущим за собой шести-семикратное повышение энергозатрат и основанным на использовании автомобилей и грузовиков, которые приходится менять гораздо чаще, чем поезда и вагоны; так практически исчезли узлы, скрепляющиеся при помощи болтов и винтов — на смену им пришли сварные или цельнолитые, которые не подлежат ремонту; рабочий ресурс духовок или холодильников снизился до шести-семи лет; изделия из натуральных волокон и кожи активно вытесняются синтетическими материалами, которые изнашиваются гораздо быстрее; растет многообразие упаковок разового пользования, производство которых требует таких же энергозатрат, как и производство стекла; все более широкое распространение получают салфетки, стаканчики и тарелки разового пользования; невиданного размаха достигло сооружение небоскребов из стекла и алюминия, на охлаждение и проветривание которых летом уходит столько же энергии, сколько на отопление зимой; и т.д. и т.п.

Нетрудно понять, что экономический рост такого рода — это, образно говоря, полет в один конец, не имеющий перспектив на будущее. Развитой капитализм стремится избежать потери прибылей и насыщает рынок всевозможной продукцией, обеспечивающей ускоренный оборот капитала, а также заранее планирует быстрое «моральное» устаревание потребительских товаров. Нетрудно заметить,

что тем самым он создает массу эффектов, противоречащих его первоначальным целям (тех самых, которые экономисты называют «побочными эффектами» или «шлаком»), порождая при этом целый ряд искусственных факторов дефицита, создавая новые трудности и новые формы бедности.

Этот полет в один конец, который может закончиться лишь одним — кульминацией экономического кризиса, похоже приближается к концу в результате так называемого нефтяного кризиса. Последний никак не связан с экономическим спадом, он лишь вскрыл и актуализировал негативные тенденции, нараставшие на протяжении многих лет. Помимо всего прочего, нефтяной кризис сделал очевидным тот факт, что капиталистическое развитие создавало и создает абсолютно непреодолимые трудности и проблемы: пытаясь преодолеть экономические препятствия на пути своего роста, развитие капитализма привело к возникновению реальных материальных препятствий.

б) Кризис воспроизводства. При капитализме абсолютный дефицит совершенно естественным образом выражается во взлете цен задолго до того, как возникнет реальный недостаток тех или иных товаров. Согласно догмам либеральной (или неоклассической) экономики, повышение цен на дефицитный товар влечет за собой увеличение выпуска данного товара, поскольку его производство становится более прибыльным. Такая система взглядов основана на том, что выпуск дефицитного товара всегда возможен и осуществим. Однако дефицит и перебои с товарами, которые начали возникать с середины 1960-х гг., являются принципиально иными, ибо относятся к товарам, производство которых невозможно. Интенсификация экономики не способна увеличить выпуск таких товаров: дефицит их обусловлен тем, что таких товаров в природе попросту очень мало.

Это относится и к наличию свободных земель в активно развитых в индустриальном отношении регионах; а также к воздуху, воде и естественному плодородию почв; к лесам, рыбным запасам и постоянно увеличивающимся видам сырья. Взрывной рост цен привел лишь к усугублению экономического кризиса и даже ускорил его приход, поскольку эта ситуация влияет на снижение уровня прибылей двумя путями.

— Когда воздух, вода и свободные земли в городе становятся дефицитом, просто физически невозможно увеличить их количество,

независимо от того, какую бы цену за них ни предлагали. Их можно только разделить между большим числом пользователей или перераспределить неким иным образом. Что касается земли, то это означает строительство громадных небоскребов, или активное освоение подземного пространства, или готовность платить все более и более высокие цены за сельскохозяйственные земли, на которых затем будут построены производственные предприятия, города и дороги. Что касается воздуха и воды, то дефицит означает многократную утилизацию имеющихся запасов. Такое многократное использование сделалось необходимым не только в Японии, но и в долине Рейна: химическая промышленность Германии была вынуждена отказаться от экстенсивных методов развития, поскольку инвестиции, необходимые для многократной утилизации атмосферных объектов, могли бы стать чрезмерно высокими.

Необходимость в такой повторной утилизации имеет исключительную экономическую важность: это означает, что отныне необходимо воспроизводить все то, что прежде имелось в изобилии и могло быть получено бесплатно. В частности, воздух и вода стали такими же средствами производства, как и все прочие: промышленные предприятия теперь вынуждены направлять часть своих инвестиций на строительство очистных сооружений, чтобы восстановить хотя бы некоторые из первоначальных свойств воздуха и воды. Последствием этой ситуации явится дальнейшее увеличение органической составляющей капитала (то есть доли капитала на единицу выпускаемых потребительских товаров). Однако все эти действия не влекут за собой повышения сбыта товаров; воздух и воду, подвергшихся циклической очистке и обеззараживанию на выходе из очистных систем предприятий химической индустрии, перепродать невозможно. Таким образом, падение прибылей становится неизбежным; продуктивность капитала сталкивается с материальными ограничениями. И ограничения, вызванные загрязнением окружающей среды, отнюдь не являются единственными в этом ряду.

— Истощение наиболее распространенных минеральных ресурсов, в частности таких, реализация которых как минимум окупает затраты на их добычу, представляет собой второе материальное ограничение уровня прибылей промышленного капитала и самой способности получать такие прибыли. Действительно, открытие и разработка новых месторождений сырьевых ресурсов невозможны без привлечения инвестиций, намного превышающих расходы на такие же цели в прошлом. И если средства для таких инвестиций все же будут выделены, это повлечет за собой повышение цены первичного

продукта; а более высокая цена на первичный продукт в свою очередь негативно скажется на доходах предприятий перерабатывающей индустрии, и это в то время, когда они и без того идут на спад, учитывая изложенные выше причины.

Более того, разведка и добыча минеральных ископаемых в будущем неизбежно потребует еще более крупных капиталовложений, чем сегодня. Перед лицом быстрого роста цен сырьевых ресурсов, добываемых по этим новым, более высоким ценам, предприятия перерабатывающей индустрии должны начать разработку новейших технологий, обеспечивающих более эффективное использование первичных продуктов, и в том числе энергии. А это также требует новых и новых инвестиций.

Это помогает объяснить весьма оригинальную и кажущуюся парадоксальной характерную особенность нынешнего кризиса: несмотря на нарастающее перепроизводство и избыток производственных мощностей, нарастающее падение прибылей и все признаки застоя, уровень инвестирования остается чрезвычайно высоким, а цены продолжают расти. Традиционные экономические модели не способны объяснить этот парадокс, осознать истинный смысл которого можно лишь в том случае, если понять материальные причины, лежащие в его основе.

В сложившихся условиях капитал будет неизбежно испытывать серьезные трудности в финансировании дальнейших инвестиций, то есть, другими словами, окажется неспособным обеспечить собственное воспроизводство. Восполнение индустриального капитала (этого, так сказать, *grosso modo*, материальной составляющей производства) не может более осуществляться посредством перемещения капитала: получается, что воспроизводство системы просто-напросто обходится дороже, чем она стоит. Другими словами, промышленность тратит больше средств на свои собственные нужды: она поставляет конечному потребителю значительно меньше товаров, чем прежде. Ее эффективность снижается, а материальные затраты растут. Так обстоит дело сегодня.

Цепь событий, приведших к возникновению нынешней ситуации, может быть разделена на две ключевых фазы.

На первом этапе производство становится все более вредным и бесполезным, то есть разрушительным, стремясь избежать кризиса перенакопления. Оно ускоренными темпами ведет к уничтожению невозобновляемых сырьевых ресурсов, от которых зависит само, а также наращивает потребление в принципе возобновляемых ресурсов (воздуха, воды, лесов, почвы и т.д.) такими темпами, что быстро вызывает их оскудение.

На втором этапе, столкнувшись с истощением сырьевых ресурсов, промышленность предпринимает безумную попытку преодолеть дефицит тех или иных товаров, наращивая их производство ради производства. Но продукты этого дополнительного «взрыва» производства никак не сказываются на конечном потреблении; они бесследно поглощаются самой промышленностью.

С точки зрения конечного потребителя, возникает впечатление, словно промышленность стремится производить больше и, следовательно, больше потреблять всевозможных видов сырья и ресурсов, чтобы любой ценой поддержать уровень потребления населения на прежнем уровне. Баланс между производством и потреблением смещается и нарушается за счет последнего. Общая эффективность системы идет на спад. Попытки изменения системы отношений в сфере собственности (например, путем национализации) не способны преодолеть это падение эффективности. Самое большое, на что они способны (да и то на весьма не-продолжительное время) — это обеспечить перевод ресурсов из сферы потребления в сферу инвестиций. Однако национализация сама по себе не способна положить начало новой фазе устойчивого роста материального потребления. Дело в том, что препятствия, возникающие при этом, становятся слишком серьезными.

Короче говоря, мы имеем дело с классическим примером кризиса перенакопления, усугубляемого кризисом воспроизводства, который, как показывают последние анализы, вызван нарастающим оскудением природных ресурсов. Решение этого кризиса можно найти не путем насильственного восстановления прежних темпов экономического роста, а только в радикальном изменении логики самого капитализма. Существующая логика неустанно требует достижения максимальных показателей: создания максимально большого числа всевозможных потребностей и поиска путей удовлетворения их за счет производства как можно более широкого спектра потребительских товаров и услуг, с тем чтобы извлечь максимальную прибыль из всего этого потока энергии и ресурсов. Однако не-

Андре Горц

посредственная зависимость между «больше» и «лучше» в наши дни нарушена. «Лучше» сегодня может означать «меньше»: мы имеем в виду создание минимального числа потребностей и удовлетворение их за счет минимального расхода материалов, энергии и труда, чтобы свести к минимуму бремя негативного воздействия человека на окружающую среду.

И это вполне может быть достигнуто без обнищания широких слоев или социальной несправедливости, а также без ущерба для качества жизни при условии, что мы действительно готовы начать борьбу с подлинным источником бедности. Подлинным ее источником является не недостаток товаров как таковых, а сама природа этих товаров, та модель потребления и распределения, которую пропагандируют капитализм и неравенство, лежащее в ее основе. В последующих двух разделах я хотел бы более подробно остановиться на этих темах.

Бедность богатства

Богатая жизнь не только вполне совместима с производством меньшего числа потребительских товаров, а напротив, требует этого. Не существует никаких аргументов, кроме, разумеется, логики капитализма, не позволяющих нам производить и делать доступными для всех одинаковое адекватное жилье, одежду, домашнюю обстановку и транспортные средства, которые являются энергосберегающими, долговечными и простыми в эксплуатации и ремонте, при одновременном увеличении количества свободного времени и расширении выпуска по-настоящему полезных товаров, доступных для населения.

Прямая связь между формулами «жить лучше» и «производить меньше», по всей видимости, стала понятной для огромной части населения. Так, во Франции, согласно данным одного из последних опросов, 53% населения готовы смириться со снижением роста производства и материального потребления при условии, что это будет сопровождаться адекватными изменениями образа жизни; 68% согласны отдать предпочтение более классической долговечной одежде, чем модному тряпью, рассчитанному на один сезон; 75% опрошенных считают выбрасывание оберток и упаковочных контейнеров непозволительной роскошью и тратой полезных ресурсов; 78% респондентов готовы один вечер в неделю вообще не включать телевизор, если

им будет предоставлена возможность полноценного общения с друзьями и близкими.

В промышленно развитых обществах люди ничуть не обеднеют от прекращения выпуска огромного количества ненужных потребительских товаров, что объясняется самой природой таких товаров и способами их производства. Чтобы бороться с бедностью, нам совершенно незачем продолжать выпуск массы совершенно одинаковых товаров, отличающихся только упаковкой или формой выпуска.

Упорное сохранение бедности в развитых промышленных странах нельзя объяснить теми же факторами, которыми принято объяснять существование бедности в так называемых слаборазвитых странах. В то время как последняя, согласно данным недавних анализов, может быть отнесена на счет материальных факторов, которые действительно можно преодолеть благодаря развитию (при наличии специфических условий) производственных сил, упорное сохранение бедности в богатых странах следует считать результатом самой социальной системы, порождающей бедность, точно так же, как она порождает безудержное обогащение богатых. Бедность создается и поддерживается, то есть, другими словами, производится и воспроизводится теми же темпами, которыми растет уровень совокупного потребления.

Прежде чем объяснить механизмы, лежащие в основе такого воспроизводства, важно помнить о том, что скудность природных ресурсов выражена не столь явно, как неравномерность и непропорциональность их распределения. Маршал Салинз убедительно продемонстрировал, что бедность и неравенство являются взаимосоисключающими факторами: физическая бедность, имеющая место, например, в так называемых примитивных обществах, способна повлечь за собой особую бережливость или крайнюю нищету, однако она не может явиться причиной «бедности», как только ресурсы, лежащие в ее основе, появятся в достаточном количестве и будут доступны каждому. Бедность по определению обозначает нечто иное: лишение человека неких товаров или ценностей, доступных для других, а именно — для богатых. Подобно тому, как если в мире не будет богатых, то не будет и бедных, так и если в нем не будет бедных, то не будет и богатых. Если же «богатыми» станут все, то это будет означать, что все станут и бедными. В отличие от нищеты, которая может рассматриваться как отсутствие самого необходимого для жизни, бедность по природе своей — явление относительное.

Исходя из этих определений, мы можем выделить три основные причины бедности в промышленно развитых странах.

1. Насильственно лишение (отчуждение).

Это наиболее очевидная причина бедности: богатые монополизируют ресурсы, которыми в противном случае могли бы пользоваться все и совершенно свободно. Типичный пример этого – отчуждение прав на землю и водные ресурсы там, где их хватило бы на всех. При этом распределение таких ресурсов на основе равенства открыто игнорируется. Монополизация этих ресурсов несколькими богачами не может восприниматься как результат мнимой скудости таких ресурсов, их дефицита. Все обстоит как раз наоборот: дефицит является или следствием такой монополизации, или доминированием одного класса или касты над другими.

2. Право исключительного пользования.

Мы говорим о праве исключительного пользования, когда господствующее меньшинство лишает все остальное население права пользоваться их же природными ресурсами, которые вследствие либо их скудости, либо неких иных причин не могут быть равномерно распределены между всеми и не могут служить объектом пользования каждого. Типичный пример этого – установление прав исключительного пользования некими природными зонами, привлекательность которых была бы мгновенно уничтожена, если бы в них был разрешен доступ всем желающим; или установление платы за пользование такими общечеловеческими природными дарами, как чистый воздух, солнечный свет или тишина, то есть факторами, которые невозможно сохранить в данном конкретном месте без ограничения доступа к нему.

Установление исключительных прав чаще всего достигается посредством коммерциализации права доступа: чтобы получить доступ на пляж, вам необходимо снять номер в гостинице, заказать ужин в ресторане прямо на пляже или приобрести виллу; для того чтобы наслаждаться солнечным светом или тишиной, вам может потребоваться купить уединенный домик в каком-нибудь тихом местечке, что обойдется вам достаточно дорого, хотя сами по себе и свет, и тишина являются бесплатными.

В такой ситуации исключительный доступ сам по себе не создает дефицита: дефицит вполне реален, и средств для преодоления его не существует. Таким образом, исключительный доступ не может рас-

смагиваться как непреодолимое препятствие на пути равного распределения; на самом деле он служит охранительной мерой, спасая нечто, что в случае свободного и равного распределения было бы полностью уничтожено и что в силу этого просто не подлежит равномерному распределению. Однако такое сохранение природных ресурсов в большинстве стран осуществляется исключительно в интересах ничтожного меньшинства, для которого такое право исключительного доступа составляет особый символ богатства и могущества.

Этот пример свободной доступности света и тишины демонстрирует возможность создания новых факторов неравенства и, таким образом, нового разделения на богатых и бедных посредством формирования искусственного дефицита ресурсов, имеющих в изобилии. Такое создание искусственного дефицита — один из основных механизмов, посредством которого постоянно воспроизводится бедность. Путем уничтожения — без всякой видимой необходимости и экономической целесообразности — многообразных ресурсов, имевшихся прежде в изобилии, и установления особых прав доступа к еще оставшимся на коммерческой основе, капитализм создает новую форму привилегий и бедности и тем самым препятствует устранению условий, рождающих бедность.

3. Выборочное потребление.

Мы используем этот термин применительно к потреблению товаров или услуг сомнительной практической ценности, которые тем не менее вследствие своей ограниченности или дорогой цены являются некоторым фактором престижа для тех, кто имеет к ним доступ. Выборочное потребление может иметь негативные последствия, однако это не является обязательным. Так, например, полет на сверхзвуковом самолете приводит к целому ряду негативных последствий и расходу ценных ресурсов. Так, «Конкорд» служит примером негативного использования огромного объема трудовых ресурсов, что, в принципе, само по себе является позитивным фактором для общества в целом; кроме того, каждый его полет связан с расходом громадного количества топлива, что влечет за собой дальнейшее оскудение мировых запасов нефти.

Кроме того, «Конкорд» является в то же время одним из источников поддержания бедности, независимо от использования социальных ресурсов, лежащих в основе его создания: он служит вызывающим при-

мером подчеркнутого неравенства желаний и возможностей. Желание летать со скоростью, вдвое превышающей скорость звука, чтобы сэкономить четыре часа на перелет из Парижа в Нью-Йорк, это, помимо всего прочего, желание чего-то особенного, исключительного, представляющегося необычайно важным и значительным для тех, кто имеет возможность и средства реализовать его. Люди, которые используют это транспортное средство, поступают так не ради удовольствия или тех преимуществ, которыми оно якобы обладает (на самом деле полет с дозвуковой скоростью куда более комфортабелен), но ради того, чтобы продемонстрировать свое исключительное право пользоваться чем-то таким, что по определению является исключительной привилегией богатых и сильных.

Выборочное потребление — это второй важнейший механизм репродукции бедности: как только некий товар становится общедоступным, настает время продвигать на рынок новый продукт. Этот продукт, являющийся поначалу дефицитным и дорогим в силу самой своей новизны, позволяет богатым, независимо от того, превосходит ли новый товар старый или нет, проявить себя именно в качестве богатых и еще раз подчеркнуть бедность бедных. Это — то самое явление, которое Иван Иллич называет «модернизацией бедности».

При постоянном наращивании производства бедность никогда не будет преодолена. Для решения этой проблемы требуется переориентация производства с учетом следующих критериев:

- социально значимые товары должны быть доступными для всех;
- их производство не должно сопровождаться уничтожением природных ресурсов;
- эти товары должны быть такими, что, став доступными для всех, они не повлекут за собой массового загрязнения или каких-либо экологических проблем, способных свести на нет пользу от их применения.

Но это еще не все. Переориентация производства в соответствии с этими критериями предполагает проведение «культурной революции»: бедность исчезнет лишь в том случае, если будет устранено неравенство прав и возможностей, лежащее в ее основе. В самом деле, различия в уровне потребления — это часто не более чем средства, в которых находит свое отражение иерархическая структура общества. В экстремальных случаях единственной целью выборочного потребления является возможность продемонстрировать другим, что они бедны и не могут приобрести нечто такое, что является априорно желанным для всех. Именно в этом, например, заключается основной смысл приобретения изделий из драгоценных камней или произведений высокой моды. Такие товары не

только служат выражением достатка, влияния и комфорта, они просто-напросто демонстрируют способность меньшинства приобретать товары, недоступные для других. И единственная функция таких товаров заключается в том, чтобы подчеркнуть такое неравенство.

Следовательно, равенство в потреблении может явиться лишь результатом, а не средством достижения социального равенства. Последнее зависит от устранения иерархической структуры. Если иерархия влияний и функций сохраняется, это очень скоро приведет к восстановлению неравенства материального и символического (что имеет место в авторитарных социалистических обществах). Если же последнее будет устранено, материальное неравенство вскоре потеряет всякую социальную значимость.

Равенство и различие

Материальное неравенство перестает быть главной заботой, как только оно перестает быть символом иерархического статуса: материальное благополучие не унижает и не ставит других на грань нищеты, если оно не сопровождается иерархией возможностей или правом распоряжаться жизнью других людей. Материальная бедность не является унижительной до тех пор, пока право довольствоваться меньшим числом товаров исходит от самих низов общества, а не навязывается им силой.

Нежелание многих современных марксистов признать эти факты демонстрирует, в какой мере их собственные культурные установки и системы ценностей искажаются под влиянием имущественных отношений; неравенство для них означает не только то, что люди являются «различными», но и что они могут занимать более «высокое» или «низкое» положение в зависимости от того, зарабатывают они «больше» или «меньше». Однако именно одномерный характер ценностей, жизненных укладов и индивидуальных целей и явился тем фактором, который способствовал распространению отношений собственности и наемного труда во всех сферах человеческой деятельности. Конкуренция, предприимчивость и страсть к стяжательству во имя равенства или «социальной справедливости» возможны лишь в социально однородном универсуме, все различия в котором носят чисто количественный и, следовательно, поддающийся измерению характер. Между тем

категории «больше» и «меньше» предполагают наличие социокультурного континуума, неравенство в котором возникает лишь вследствие экономических различий между априорно равными индивидами.

Фальшивое утверждение об априорном равенстве служит своего рода культуuroобразующим фундаментом капитализма: это именно то, что вызвало — или по крайней мере сделало возможной — чисто монетаристскую оценку любых различий между людьми и их выражения в неравенстве доходов. Отсюда все те свирепые репрессии, порожденные ростом и развитием буржуазии, которые были направлены против различных меньшинств и культурных девиаций, которые именно вследствие своей привязанности к собственной инакости и ориентации на другие ценности представляли угрозу одномерному характеру социокультурной системы, характеризующейся преобладанием товарно-денежных отношений. Именно поэтому идея о всеобщем обязательном образовании, с которой сегодня большинство, ведет к большому единообразию, естественно в пользу наиболее привилегированного большинства. Отсюда — нарастающее неприятие администрацией аргументов профессиональной этики, традиций профессиональной автономии, когда членов различных профессиональных группировок принуждают отказываться от унаследованных профессиональных навыков или скрывать их.

Таким образом, смысл и реальное содержание каждого вида деятельности выхолащивается и заменяется монетаристской «2компенсацией», то есть определенной суммой, служащей эквивалентом труду. Повышение такой компенсации, или прибыли, становится главной целью всей производственной деятельности общества. В результате этого труд утрачивает реальное содержание, сводится к определенной принудительной повинности, оцениваемой по его продолжительности, и приобретает работодателями у рабочих подобно любым другим товарам. В результате этого наш доход является критерием, определяющим нашу ценность, а не реальную деятельность, в отрыве от всяких высших целей. Отчуждение труда превращает деньги (символизирующие могущество) в конечную цель всех усилий индивидуума.

Итак, за демагогическим декларативным стремлением к всеобщему равенству кроется следующее: те, кто имеет определенный уровень доходов, стремятся сравняться с теми, кто стоит на шкале доходов на ступеньку выше их, а те в свою очередь — со стоящими на ступеньку выше их, и т.д. Но за определенной чертой повышение доходов представляет интерес уже не само по себе или благода-

ря возможности расширения потребления, которое оно обеспечивает. Теперь доходы эти выражают в первую очередь наши претензии на то, что общество обязано признать за нами те же права и тот же статус и право на социальную значимость, которыми пользуются другие. В обществе, основанном на неравенстве оплаты труда, равенство теряет реальный смысл, и поэтому требование равенства представляет собой скрытый источник постоянного наращивания потребительского спроса, неудовлетворенности и социального соперничества.

Таким образом, стабилизация уровня потребления останется невозможной до тех пор, пока:

- все социально значимые виды труда не будут получать равное социальное признание (и вознаграждаться достойной оплатой);
- каждому не будет предоставлена возможность в полной мере реализовать все многообразие своих способностей, желаний и индивидуальных вкусов через посредство неограниченного спектра форм индивидуальной и коллективной деятельности.

Снижение продолжительности социально необходимого труда и расширение возможности использования свободного времени более продуктивно и творчески — естественное и необходимое условие устранения товарно-денежных отношений и конкуренции. Различные стандарты уклада и образа жизни перестанут восприниматься как проявления неравенства, когда они будут являться результатом не неравенства уровней доходов, а различий в целях и устремлениях индивидуумов и общин, по-разному тратающих свое свободное время.

Социальное самоуправление и внешнее управление: гражданское общество и государство

Пропась между производством и потреблением, между работой и «приятным времяпрепровождением» является результатом поправки автономных творческих способностей человека ради капиталистического разделения труда. Эта пропасть позволяет процветать и постоянно расширяться сфере товарно-денежных отношений. Лишившись всякой возможности хоть как-то влиять на характер и конечную цель труда, трудящийся получает возможность реализовать свою свободу исключительно во вне рабочее время. Но так как в такое «свободное» время принято избегать любых видов творческой или

созидательной деятельности, то такое проявление свободы сводится к весьма скудному выбору — приобретению различных потребительских товаров и пассивному отдыху.

Такое поприще индивидуальных способностей трудящихся не является исключительно результатом разделения труда и обесценивания производственных навыков вследствие «научной организации труда». Простая критика сложившейся организации труда мало что даст. Дело в том, что поприще индивидуальных способностей, проявляющееся в процессе труда, начинается еще со школы.

Базовая программа обучения в школе претендует на роль компетентного авторитета по всем вопросам и знатока во всяком деле. Однако «всесторонне развитая» личность, которую Маркс называет цельной, поскольку ее потенциальные возможности достигли максимального раскрытия, никогда не сможет стать ничем, кроме универсального дилетанта или любителя. Школьное образование подавляет независимость и индивидуальные способности, отдавая предпочтение иерархической системе оценок «знаний», естественной характерной чертой которых является то, что они не приносят никакой практической пользы тем, кто их приобретает, ибо являются всего лишь условной обменной ценностью на рынке труда. Ничто из того, чему вы учились в школе, не имеет никакой практической пользы. Единственный способ использовать навыки, полученные в школе, — это обратиться к посредничеству третьего лица и попытаться предложить себя «на рынке труда».

Школы не способны научить нас владеть иностранными языками (и даже, по большому счету, своим родным), петь, танцевать или как следует владеть собственными руками и ногами, правильно есть, преодолевать всевозможные препятствия, создаваемые бюрократическими структурами, наконец, ухаживать за маленькими детьми или больными. Если люди перестают петь, но покупают миллионы аудиозаписей, на которых профессионалы поют за и для них, если они не имеют представления о том, как правильно питаться, но с готовностью платят врачам и фармацевтическим компаниям уйму денег за лечение симптомов и последствий неправильной диеты, если они не знают и знать не хотят, как воспитывать детей, заботясь только о том, чтобы возложить бремя их воспитания на плечи специалистов, имеющих дипломы «государственного образца», если они не могут починить радиоприемник или поменять прокладку в водопроводном кране, перевязать вывихнутую лодыжку или вылечить простуду без сильнодействующих лекарств, или работать в саду и огороде и т.д. и т.п., то это объясняется тем, что главной миссией школы является подготовка для производственной сферы,

коммерции специальных видов деятельности и, наконец, для государства трудящихся, потребителей, пациентов и клиентов, готовых принять и исполнять предназначенные им роли.

Таким образом, институциональная функция, возложенная на школу, состоит в том, чтобы увековечивать и укреплять — а не корректировать и нейтрализовывать — дезинтегрирующее, инфантилизирующее и антикультурное влияние общества и государства. Между тем в обществе, реально заботящемся об образовании, в обществе, в основе которого лежит живая культура, школа не имела бы такого негативного эффекта и не стала бы тем, чем она является сегодня. Это объясняется тем, что она является составной частью общего процесса, в котором реальные знания, культура и самостоятельность предельно отдалены от процесса труда, от реальной жизни и среды, в которой они работают, от настоящих отношений между человеком и природой, и все ради того, чтобы сосредоточиться на неких формальных функциях и специальных учреждениях, которые неизбежно порождают соответствующую специализацию.

Безработица, то есть неспособность заниматься продуктивной деятельностью помимо работы на кого-либо, являет собой финальную точку абсурдности системы, основанной на внешнем регулировании.

Таким образом, поправление всякой самостоятельности осознается как составная часть процесса, создаваемого отчасти преднамеренно, который ведет к усилению господства капитала — или государства, принимающего на себя его функции, — над трудящимся не только в роли работника, но и в роли потребителя. Лишая индивидуума вместе с его увеличивающейся семьей или общиной возможности самостоятельно производить что-либо из того, что они потребляют и без чего они не могут обойтись, капитализм (и государство) заставляет их удовлетворять все многообразие своих потребностей посредством приобретения товаров (в частности приобретения навязываемых им товаров и услуг), в то же самое время капитализм активно усиливает свой контроль над таким потреблением.

Такое поправление самостоятельности и культурной автономии, вытекающее из этого, неизбежно ассоциируется с уничтожением государством гражданского общества. Под термином «гражданское общество» я подразумеваю разветвленную сеть социальных отношений, возникающих между отдельными индивидуумами в контексте некой группы, общины или сообщества, существование которой не зависит от посреднической роли институционализирующего влияния государства. Она, эта сеть, включает в себя все виды свя-

зей и отношений, возникших добровольно и на основе взаимности, а не на основе закона или юридических обязательств.

Так, например, она включает в себя отношения кооперации и взаимной помощи, которые могут сложиться в общине между соседями или людьми, живущими в одном и том же здании; сплоченность и солидарность рабочего класса в прежние времена; добровольные ассоциации и кооперативы, создаваемые людьми ради реализации своих общих интересов; семейные отношения и отношения в больших патриархальных общинах — короче, все многообразие видов обмена и контактов, которые составляют или некогда составляли основу жизни общины или небольшого городка.

Такая разветвленная сеть саморегулирующихся и неинституционализированных социальных отношений заменяется разделением труда по социальному и территориальному признаку, которое неизбежно сопровождает индустриализацию. Отток населения из сельской местности влечет за собой распад сельских общин, ведет к безудержному разрастанию пригородов и вынуждает людей селиться в спальных районах городов, сама архитектура и устройство которых создают массу препятствий для контактов и общения между людьми. Увеличение протяженности пути до места работы ведет к постоянной усталости. А страшная перенаселенность городов, перегруженность улиц и транспортных систем превращает нас в некое «мы», некое анонимное человечество, которое самой своей громадной численностью создает препятствия для самореализации и простого передвижения каждого отдельного человека.

Работа воспринимается как наказание, а не как творчество; трудящиеся привыкают чувствовать себя придатками машин, вместо того чтобы те помогали им обрабатывать неодушевленное сырье. Труд притупляет их индивидуальные качества и ведет к атрофии творческих способностей.

Усталость, теснота, нехватка времени и отсутствие контактов с соседями — все это влечет за собой отказ от взаимной помощи: коммерческие структуры, такие, например, как всевозможные агентства, службы быта, сервисные центры и т.п. берут на себя те роли, которые ранее выполняли родители, родственники и соседи.

Упадок гражданского общества везде и всюду сопровождается усилением и расширением диапазона функций структур, созданных государством. Индивидуумы, лишённые всяких связей друг с другом, все чаще обращаются к государству, обвиняя его в том, что они лишились возможности помогать и защищать друг друга, заботиться друг о друге и совместными силами воспитывать детей. Расширение круга фун-

кций, которые берет на себя государство и институционализованные им структуры, влечет за собой дальнейшую специализацию, профессионализацию и конкретизацию всех этих видов деятельности, следствием чего является ускорение распада гражданского общества.

Такое замещение и вытеснение гражданского общества государством на политическом уровне соответствует замене самоуправления внешним управлением. В данной связи сохраняет свою силу все сказанное выше о естественном отборе. Внешнее управление действительно может оказаться значительно более эффективным, чем самоуправление: концентрация производства на крупных предприятиях, централизованное планирование (все равно корпоративным менеджментом или государственными структурами), разделение труда и возникающая в результате этого псевдомилитаризация рабочей силы способны, хотя бы на определенном этапе, существенно повысить эффективность производства. Однако концентрация производственных сил неизбежно влечет за собой и их географическую концентрацию, и специализацию их функций. В результате этого каждая географическая общность — соседская община, городок, мегаполис, регион — не может более функционировать, ориентируясь на свои собственные нужды, но выпускает продукцию, предназначенную для абстрактного и незнакомого потенциального потребителя. Люди перестают потреблять то, что они производят, и производить то, что потребляют. Производство на крупных специализированных предприятиях неизбежно регулируется извне «рынком» и/или государством, которые представляют другие крупные структуры (банки, брокерские конторы, торговые центры, административные агентства), специализирующиеся на осуществлении функций внешнего управления.

Повышение эффективности производства вступает в конфликт с разрастанием бюрократического аппарата, влекущего за собой рост цен, жесткие ограничения, запреты и замедление темпов роста; усиливает централизацию власти и унификацию индивидуумов, (за некой пороговой чертой) неизбежно ведет к огромным потерям и бессмысленным расходам энергии и ресурсов и, наконец, завершается снижением производительности труда. Подавление гражданского общества под эгидой государства тем самым включает в себя процесс подавления основных свобод и ведет к установлению более или менее милитаризованной системы, в которой государство управляет всем и вся. Такие общественные системы принято называть тоталитарными, поскольку в них государство полностью подменяет собой гражданское общество и превращается в абсолютное «тотальное» государство.

Сегодня мы фактически достигли этого этапа. Ни один из видов социальной или культурной деятельности, никакие позитивные изменения в обществе или процессах производства не могут быть приняты людьми, прямо заинтересованными в них, без неизбежного вмешательства, надзора или внесения корректив со стороны неких «компетентных органов». Никакая инициатива, исходящая снизу, не может быть реализована без назначения «ответственного» исполнителя — ответственного не перед гражданами, а перед законом. Никакая деятельность не может быть начата или осуществлена без предварительного разрешения, то есть до тех пор, пока ее характер и цель не будут одобрены формальным административным «работодателем». Никакая добровольная ассоциация граждан не может быть организована без подачи заявления на регистрацию, без обязательного предоставления устава, то есть попытки определить круг направлений ее деятельности и задач.

Перед лицом необходимости соответствовать требованиям целого ряда институтов, профессиональных структур, предписаний и правовых актов гражданам неизбежно предлагается исполнять определенный круг ролей, в первую очередь потребителя и клиента, которому на предусмотренной законом основе предоставляется целый ряд услуг и форм помощи. Граждане теперь потребляют не те товары и услуги, которые отвечают их индивидуальным запросам и нуждам, а те, которые соответствуют гетерономным потребностям, навязываемым им профессиональными экспертами или специализированными институтами.

Различия между соперничающими политическими партиями сегодня по большей части заключаются в характере и масштабе обработки населения для удовлетворения произвольно (институционально) устанавливаемых нужд. В политике граждане также рассматриваются в качестве потребителей политических акций, организованных и предлагаемых им «компетентными» структурами: им предоставляется выбор между политическими партиями на основе тех же критериев, по которым они выбирают те или иные чистящие средства. Если же тот или иной гражданин откажется отдать свой голос за кого бы то ни было, он рискует быть обвиненным в «безразличии». Лишенные возможности действовать самостоятельно и в своих интересах, не имеющие возможности войти в контакт с коллегами ради создания в соответствии со своими интересами и системами ценностей собственного образа производства, индивидуализированного вида жилища, вида трудовой деятельности, способа передвижения, характера потребления и образа жизни граждане испытывают нажим, побуждающий их

искать все новые и новые формы помощи «от вышестоящих инстанций», чтобы заполнить просвет между их трудовой практикой и собственной инициативой.

Ограниченное самоуправление муниципалитетов и производственных предприятий, идущее вразрез с этой господствующей тенденцией, абсолютно не способно противостоять постоянно усиливающейся гегемонии государства. Главное, что для этого требуется, чтобы масштаб, функции и организационная структура общин и новых институтов открывали новые возможности для свободы действий, а для этого самоуправление должно основываться на принципе «что делать», а не только на том — как.

Местное самоуправление административных единиц в рамках централизованного административного управления — это абсурд или, по крайней мере, мистификация. Такое самоуправление непременно институтируется системой или самим государством и, следовательно, утрачивает свою самостоятельность еще до того, как оно его обретет. Для него невозможно ни избежать, ни в сколько-нибудь существенной мере преодолеть ограничения, характерные для крупных систем, сами масштабы и сложность которых требуют координации и внешнего управления в отношении составляющих их единиц.

Самоуправление лишено всякого смысла в рамках концентрированной и специализированной экономики. Крупные города, специализирующиеся на производстве какого-то одного вида продукции, например, стали или шин, серьезно зависят от циклов динамики деловой активности и рыночных колебаний, лежащих вне сферы их влияния. Требования введения производственного самоуправления и/или привлечение самих рабочих к управлению производством остаются пустым звуком там, где крупные коммерческие корпорации, специализированные монополии являются единственным работодателем и главным налогоплательщиком.

Самоуправление неизбежно распространяется на социальные и экономические структуры, которые являются достаточно небольшими и разнохарактерными, чтобы предоставить всем членам данной общины возможность реализовать свои таланты и способности, обеспечивая широкую основу для человеческого общения и взаимобмена, а также возможность для внесения хотя бы частичных коррективов в производство с учетом местных нужд и приоритетов, обеспечивая тем самым гарантированный минимум стабильности.

Короче, самоуправление предполагает наличие средств и объектов самоуправления. Создание таких средств технически вполне возможно. Вопрос здесь состоит не в том, чтобы вернуться к временам

агроиндустриального общества или сельской экономики эпохи средневековья, а в том, чтобы подчинить индустриальные технологии широкой индивидуальной и коллективной самостоятельности, вместо того чтобы подчинять эту самостоятельность постоянному развитию индустриальных технологий. Говоря в терминах Иллича, «ценность системы средств производства зависит от ее способности сочетать продукты гетерономного производства со спонтанными желаниями и индивидуальными запросами людей».

Переоценка и перераспределение системы средств производства со всей очевидностью предполагает реструктурирование социальных институтов государства. Вопрос заключается не в том, чтобы достичь этого одним ударом, а в том, чтобы заменить их путем расширения функций гражданского общества.

Выступая против тенденций к централизации и тоталитаризму, характерных как для классических правых, так и для ортодоксальных левых, экология ориентируется на обновление гражданского общества и движение по его возрождению.

Заключительные тезисы

По результатам фрагментарного анализа, положенного в основу нашего эссе, можно сделать целый ряд выводов. Я хотел бы сформулировать их последовательно в форме тезисов, а затем попытаться проиллюстрировать их в качестве утопии, применительно к современному обществу.

1. Причинами нынешнего кризиса капитализма являются гипертрофированное развитие производственных мощностей и деструктивная роль технологий, на которых они основаны. Такое гипертрофированное развитие и деструктивный характер усугубляют существующие проблемы, создавая все новые и новые. Преодолеть этот кризис невозможно без обращения к новому способу производства, который, окончательно порвав с нынешним экономическим рационализмом, должен быть основан на бережной заботе о возобновляемых видах ресурсов и снижении потребления энергии и сырья.

2. Преодоление современного близорукého рационализма и сокращение расхода материалов могут быть достигнуты либо за счет технофашистского централизованного управления, либо путем жизнеспособного самоуправления. Наступление технофашизма невозможно

предотвратить никаким другим путем, кроме расширения функций гражданского общества, которое зависит в свою очередь от расширения диапазона средств производства и технологий, способствующих укреплению суверенитета как индивидуумов, так и общин.

3. Прямая связь между «больше» и «лучше» нарушена раз и навсегда. «Лучше» теперь может означать производство с меньшими затратами. Вполне возможно жить лучше, работая и потребляя меньше, при условии, что мы производим более долговечные товары и изделия, которые при этом не наносят вреда окружающей среде и не способствуют возникновению искусственного дефицита при пользовании ими. Статус социально значимого производства должен быть предоставлен товарам, которые являются полезными для всех, будучи доступными для каждого, и наоборот.

4. Бедность в богатых странах вызвана не недостаточным объемом производства, а видами производимых товаров, методами, применяемыми для их производства, и неравенством при их распределении. Бедность не удастся искоренить до тех пор, пока не будет положен конец социально бесполезному производству предметов роскоши, для которых используются редкие виды ресурсов, то есть ресурсов, которые существуют в природе в очень малых количествах. Статус социально значимого товара заслуживают лишь те виды продукции, которые не сопряжены ни с привилегиями, ни с ущемлением прав других.

5. Безработица в богатых странах представляет собой отражение снижения доли социально значимого рабочего времени. Она демонстрирует, что каждый из нас может работать меньше при условии, что работать будут все. Равное социальное признание и достойное вознаграждение за всякий социально значимый труд — это необходимые условия для преодоления бедности и справедливого распределения рабочих мест между всеми способными трудиться.

6. Поскольку социально значимый труд ограничен производством социально необходимых товаров, сокращение продолжительности рабочего дня может сопровождаться расширением сферы свободно избираемых видов деятельности. Когда все необходимое будет гарантировано социально значимым производством, люди получают возможность посвятить свое свободное время — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне — производству продуктов, которые представляются им наиболее значимыми. Таким образом, производство неограниченного многообразия товаров и услуг, осуществляемое мелкими кооперативами и производственными объединениями соседей, позволит расширить границы свободы и уменьшить роль то-

варно-денежных отношений, что повлечет за собой расширение функций гражданского общества и постепенное отмирание государства.

7. Однородность типов потребления и стилей жизни, которые характеризуют современное общество, исчезнет вместе с исчезновением социального неравенства. Жизненные стили индивидуумов и общин будут отличаться друг от друга и различаться между собой сильнее, чем это возможно даже представить сегодня. Эти различия, однако, будут следствием различного использования ими имеющихся в их распоряжении времени и ресурсов, а не различной возможности доступа к власти и социальным благам. Развитие автономных видов использования свободного времени, доступных для каждого, станет единственным источником различий и благосостояния.

Унабомбер

ОТРЫВКИ ИЗ МАНИФЕСТА

Введение

1. Промышленная революция и ее последствия стали настоящим бедствием для человеческого рода. Благодаря им уровень жизни в «развитых» странах значительно вырос, однако они дестабилизировали общество, уничтожили полноту жизни, унизили человеческое достоинство, привели к широкому распространению психологических страданий (в странах третьего мира также и к физическим страданиям) и создали серьезную угрозу биосфере. Дальнейшее развитие технологии только ухудшит ситуацию, еще больше унизит человеческое достоинство, вероятно, приведет к еще более значительным социальным взрывам и психологическому дискомфорту и может увеличить объем физических страданий даже в «развитых» странах¹

¹ Унабомбер придерживается популярного среди антибуржуазных критиков отрицания индустриализма. Индустриальная эпоха ассоциируется у них с неизбежно авторитарной организацией общества (фордизм-тейлоризм в США, сталинизм в СССР), громоздкими и античеловеческими пирамидальными структурами управления, упрощенным языком повсеместной пропаганды или рекламы и т.п. Постиндустриальное положение, чтобы оно ни означало, предполагает переход от неуклюжих обществ-пирамид к подвижным горизонтальным сетям коммуникации, к самоорганизации людей, их спонтанному творчеству и к множественности сообщающихся знаковых систем. Разница между реформистскими и революционными левыми проходит внутри этого мифа по вопросу о переходе от индустриализма к постиндустриализму. Умеренные считают это делом неизбежной социальной эволюции, радикалы же говорят о великом отказе и необходимом низвержении индустриального прошлого, ставшего на пути прогресса, о революции ради бесконечно откладываемой, но давно назревшей социальной альтернативы. – *Прим. ред.*

2. Индустриально-технологическая система может выжить, а может и развалиться. Если она выживет, это, возможно, позволит в конечном итоге достичь малого объема физических и душевных страданий, однако этому моменту будет предшествовать долгий и крайне болезненный период настройки этой машины. В этом случае цена благополучия окажется слишком велика. Люди и другие живые организмы будут сведены до состояния инженерных продуктов, шестеренок социального механизма. Более того, если система уцелеет, многие последствия, которые мы сейчас еще не можем предвидеть, станут неизбежностью. Не существует способа реформировать эту систему таким образом, чтобы устранить саму возможность унижения достоинства и посягательств на автономию человека.

3. Если система развалится, последствия все равно будут крайне болезненными. Но чем больше становится система, тем более разрушительными будут последствия ее кончины, так что если она обречена на гибель, то пусть лучше она погибнет раньше, чем позже.

4. Поэтому мы стоим за революцию в целях свержения индустриальной системы. В ходе этой революции насилие может быть применено, а может и не быть. Она может случиться внезапно, а может затянуться на несколько десятилетий. Мы не можем ничего знать заранее. Но мы можем и обязаны в общих чертах описать меры, которые должны быть приняты теми, кто ненавидит индустриальную систему, для того чтобы проложить путь широкому революционному движению против такой формы общественного устройства. Это не ПОЛИТИЧЕСКАЯ революция. Ее задача — пошатнуть и опрокинуть не правительства, а сам экономический и технологический фундамент современного общества.

5. В этом месте мы уделяем внимание лишь некоторым негативным явлениям, которые явились следствием индустриально-технологической системы. Другие подобные явления мы упомянем лишь кратко или вообще проигнорируем. Это не означает, что мы считаем эти прочие явления несущественными. Из практических соображений мы ограничим наши рассуждения теми областями, которым до сих пор уделялось слишком мало общественного внимания или о которых мы можем сказать нечто новое. Например, мы написали очень мало о загрязнении окружающей среды и об уничтожении дикой природы, так как существуют развитые экологические и природоохранные движения. Тем не менее мы считаем эту тему очень важной.

Психология современного левачества

6. Вряд ли кто станет отрицать, что мы живем в глубоко проблемном обществе. Одно из самых широко распространенных свидетельств безумия мира сего — это левачество, поэтому обсуждение психологии левачества может послужить введением в дискуссию о проблемах современного общества в целом.

7. Что такое левачество? На протяжении первой половины XX века левизну можно было полностью отождествить с социализмом. Сегодня левое движение расколото. Непонятно, кого можно сегодня назвать левком и не ошибиться притом. Говоря в этом параграфе о леваках, мы в основном имеем в виду социалистов, коллективистов, «политически корректных» типов, феминисток, борцов за права геев, инвалидов и животных и т. п. Но не каждый связанный с этими движениями — левак. Мы стараемся доказать, что левачество — это не столько движение или идеология, сколько психологический тип или, скорее, набор похожих типов. То, что мы называем «левачеством», станет более понятным в ходе нашего обсуждения левацкой психологии.

Унабомбер

8. Даже с учетом всего вышесказанного наша концепция левачества не настолько ясна даже для нас самих, насколько нам этого бы хотелось, однако средства против этого не предвидится. Все, что мы пытаемся сделать, — это грубо и приближенно очертить две психологические тенденции, которые, как мы верим, являются основными движущими силами современного левачества. Мы ни в коей мере не старались рассказать ВСЮ правду о левацкой психологии. Кроме того, наши тезисы могут быть применены только к современному левачеству. Мы оставляем открытым вопрос о той степени, в которой они могут применяться также к левакам XIX и начала XX в.

9. Современному левачеству присущи две психологические тенденции: «комплекс неполноценности» и «гиперсоциализация». Комплекс неполноценности характерен для всего современного левачества в целом, а гиперсоциализация свойственна только одному конкретному сегменту современного левачества, но этот сегмент крайне влиятелен.

Комплекс неполноценности

10. Под «комплексом собственной неполноценности» мы подразумеваем не только чувство неполноценности в строгом смысле, но весь спектр связанных с ним характерных черт: заниженную самооценку, ощущение бессилия, склонность к депрессии, пораженчество, ощущение вины, ненависть к самому себе и т.д. Мы утверждаем, что современное левачество имеет склонность к подобным чувствам (в более или менее скрываемой форме) и что эти чувства играют решающую роль в определении направления, которое принимает современное левачество.

11. Когда некто считает оскорбительным почти все, что говорится в его адрес или в адрес группы, к которой он себя относит, мы вправе предположить, что он наделен комплексом неполноценности или что его самооценка занижена. Эта тенденция в том или ином виде озвучивается борцами за права разнообразных меньшинств, независимо от того, принадлежат ли они сами к тем меньшинствам, которые защищают. Они крайне чувствительны к словам, используемым для обозначения этих меньшинств. Слова «негр», «желтый», «хромой» или «цыпочка», которыми называли африканцев, азиатов, инвалидов и женщин, изначально не обладали оскорбительной окраски. «Тётка» и «цыпочка» были всего лишь эквивалентами женского рода таких слов, как «парень», «чувак» и «малый». Отрицательный оттенок был приписан этим словам самими активистами. Некоторые «борцы» за права животных дошли до того, что отказываются от употребления слова «питомец» и настаивают на его замене выражением «животное-компаньон». Левацкие антропологи прибегают к невероятно длинным словосочетаниям только для того, чтобы не сказать о примитивных народах ничего такого, что могло бы быть умышленно проинтерпретировано в негативном ключе. Они хотят заменить слово «примитивный» выражением «неграмотный». Они проявляют почти

параноидальный страх перед любого рода указаниями на то, что какая бы то ни было примитивная культура ущербнее нашей собственной. (Мы не подразумеваем, что примитивные культуры **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** ущербнее наших. Мы просто указываем на сверхчувствительность левацких антропологов.)

12. Не черный обитатель гетто, иммигрант из Азии, оскорбленная женщина или инвалид настолько чувствительны к «политически некорректной терминологии», а жалкая кучка активистов, большинство которых даже не принадлежат ни к одной из «угнетаемых» групп, а происходят из привилегированных слоев общества. Политическая корректность находит свою опору в среде университетских профессоров с хорошим жалованьем и гарантиями занятости, большинство которых — гетеросексуальные белые мужчины из семей среднего класса.

13. Множество леваков не имеет прямого отношения к проблемам тех групп, которые кажутся слабыми (женщины), побежденными (американские индейцы), отпугивающими (гомосексуалисты) или ущемленными каким-либо другим способом. Только леваки думают, что эти группы ущербны. Они никогда не признаются себе в том, что их посещают такие мысли, но именно поэтому они связывают себя с их проблемами. (Мы не считаем, что женщины, индейцы и т.д. И **ВПРАВДУ** ущербны, мы просто описываем особенности левацкой психологии).

14. Феминистки отчаянно стараются доказать, что женщины столь же сильны и одарены, сколь и мужчины. Совершенно ясно, что их преследует страх перед тем, что женщины могут **НЕ** быть такими же сильными и одаренными, как мужчины.

15. Леваки склонны ненавидеть все, что выглядит сильным, добротным и преуспевающим. Они ненавидят Америку, они ненавидят западную цивилизацию, они ненавидят белых мужчин, они ненавидят рациональность. Причины, которые леваки приводят для оправдания своей ненависти к Западу и т.п., разумеется, не совпадают с их реальными мотивами. Они **ГОВОРЯТ**, что ненавидят Запад за его воинственность, империализм, сексизм, этноцентризм и так далее, но когда те же самые грешки обнаруживаются в социалистических странах или в примитивных культурах, левак находит для них оправдания, или, по крайней мере, **НЕДОВОЛЬНО** отмечает, что негативные явления встречаются и там, но стоит только «провиниться» западной

цивилизации, как левак с ЭНТУЗИАЗМОМ растрезвонит об этом всюду, сильно преувеличив «вину» общества. Отсюда ясно видно, что не «прегрешения» являются подлинным мотивом для ненависти к Америке и Западу. Левак ненавидит Америку и Запад, потому что они находятся на вершине своего могущества и успеха.

16. Такие слова, как «уверенность в себе», «самостоятельность», «инициативность», «предприимчивость», «оптимизм» и т.д., играют незначительную роль в либеральном и левацком лексиконе. Левак антииндивидуалистичен, насквозь пронизан коллективизмом. Он хочет, чтобы общество решало за каждого его проблемы, заботилось о нем. Он не из тех людей, которые чувствуют, что способны разобраться со своими проблемами самостоятельно и удовлетворить свои насущные потребности. Леваку глубоко чужда идея соревновательности, потому что в глубине души он чувствует, что уже проиграл.

17. Искусство, обращенное к современным левацким интеллектуалам, сосредоточивается на всем омерзительном, слабом и отчаянном или приобретает оргиастическое звучание. Рациональный контроль утрачивается, как будто бы нет никакой надежды на то, чтобы достичь чего-либо путем рациональных подсчетов. Если все зря, так окунемся в пучину сиюминутных ощущений — таково кредо этого искусства.

18. Современные левацкие философы склонны упускать из виду разум, науку, объективную реальность и настаивать на культурной относительности всего и вся. Бесспорно, что каждый может задать серьезный вопрос об основаниях научного знания и о возможности определения объективной реальности. Но очевидно, что современные левацкие философы — это не просто хладнокровные приверженцы логического анализа, систематически перепроверяющие основания научного знания. Прежде всего они глубоко увлечены эмоционально своими нападка на истину и реальность. Они нападают на эти концепты из собственной психологической потребности. Во-первых, эти атаки дают выход их враждебности, и, покуда они успешны, они помогают им укрепиться во власти. Вторая (и более важная) причина, по которой левак ненавидит науку и прочие типы рациональности, состоит в том, что они относят одни известные воззрения к истинным (то есть сильным, лучшим), а другие — к ложным (то есть слабым, ущербным). Комплекс неполноценности левака зашел так далеко, что он не может выдержать всякое деление вещей на лучшие и

худшие. Это, кроме прочего, объясняет, почему многие леваки отрицают концепцию психического заболевания и полезность Ай-Кью-тестов. Леваки протестуют против точки зрения генетиков на человеческие способности и поведение, потому что генетическое объяснение может привести к делению людей на более способных и менее способных (то есть «более ущербных», как думают леваки). Леваки предпочитают сваливать всю вину за наличие способностей у одних и отсутствие их у других на общество. Поэтому если кто-то «ущербен» — это не его вина, а вина общества, потому что этот кто-то не был правильно оценен в свое время и поэтому не был обеспечен необходимыми условиями.

19. Левак не принадлежит к тем людям, которых комплекс неполноценности заставляет хвастаться, задирать, становиться выскочками и жестокими соперниками.

Агрессия мобилизует

Такие люди все же не вполне потеряли веру в себя. Да, они испытывают дефицит чувства собственной силы и значимости, но все же еще способны убедить себя в том, что у них есть возможность стать сильными, и именно попытки обрести силу ведут к неприятному для окружающих поведению. Но левак ушел и от этого. Его комплекс неполноценности столь велик, что он даже не может представить себя сильной и значительной личностью. Отсюда весь коллективизм левака. Он может почувствовать себя сильным только в качестве члена крупной организации или массового движения, с которым он себя отождествляет.

20. Отметим и мазохистическую направленность левацкой тактики. Леваки протестуют, бросаясь под колеса транспортных средств, они намеренно провоцируют полицию или расистов, чтобы те избили их, и т.д. Такая тактика часто действительно может оказаться эффективной, но многие леваки прибегают к ней не как к средству для достижения цели, но просто потому, что им ПО ДУШЕ мазохистическая тактика. Ненависть к самому себе — характернейшая особенность левака.

21. Леваки могут заявлять о том, что их действия продиктованы состраданием или моральным принципом. Моральные принципы дей-

ствительно играют важную роль для левака гиперсоциализированного типа. Но сострадание и моральный принцип не могут являться основными мотивами для левацкой активности. Враждебность — слишком значительная составляющая левацкого поведения, как, впрочем, и жажда власти. Более того, подавляющая часть левацкого поведения вовсе не рассчитана на то, чтобы принести пользу тем людям, относительно которых заявляется о готовности помочь. Например, если даже принять на веру, что меры по укреплению позиций черного населения действительно нужны этому самому черному населению, имеет ли смысл требовать укрепления этих позиций в таком враждебном и догматическом тоне? Очевидно, что дипломатический, совещательный подход мог бы оказаться куда более продуктивным. Можно было бы предложить, по меньшей мере, варианты соглашений языкового и символического характера, приемлемые для тех белых, которые считают, что укрепительные меры дискриминируют их. Но левацкие активисты никогда не пойдут на это, потому что дипломатия не удовлетворяет их эмоциональных потребностей. Помощь черным не имеет ничего общего с их настоящей целью. Напротив, расовые проблемы служат оправданием их собственной враждебности и подавленного желания власти. Поступая подобным образом, они в действительности наносят вред черному населению, так как враждебное отношение левых активистов к белому большинству только разжигает расовый конфликт.

22. Если бы даже наше общество было совершенно лишено проблем, леваки ПРИДУМАЛИ бы проблемы для того, чтобы найти оправдание своей мышиною возне.

23. Мы еще раз подчеркиваем, что все вышесказанное не претендует на звание точного описания любого, кого можно назвать левачком. Это только грубый набросок генеральной линии левачества.

Гиперсоциализация

24. Психологи используют термин «социализация» для обозначения процесса, в ходе которого дети учатся мыслить и поступать в соответствии с требованиями общества. В том случае, когда некто верит в моральный кодекс своего общества, соблюдает его и хорошо укладывается в него в качестве действующей части общества, про него говорят, что он хорошо социализирован. Казалось бы, странно было бы гово-

рить о том, что многие леваки гиперсоциализированы, ведь левак воспринимается как бунтарь. Тем не менее эта позиция может быть доказана. Многие леваки не такие бунтари, какими кажутся.

25. Моральный кодекс нашего общества предъявляет настолько высокие требования, что никто не может думать и действовать в полном соответствии с моральными нормами. Например, мы не должны никого ненавидеть, тем не менее почти каждый ненавидит кого-либо в тот или иной момент своей жизни, признает он это сам или нет. Некоторые люди настолько сильно социализированы, что попытка думать, чувствовать и поступать согласно нравственным принципам для них тяжкий крест. Для того чтобы избежать чувства вины, они постоянно вводят себя в заблуждение относительно собственных мотивов и находят нравственным объяснения для поступков отнюдь не нравственного порядка. Для того чтобы описать таких людей, мы используем термин «гиперсоциализированные».

26. Гиперсоциализация может привести к заниженной самооценке, чувству бессилия, вины, пораженчеству и т.д. Один из самых важных способов, при помощи которого наше общество социализирует детей, заключается в том, чтобы заставить их устыдиться собственного поведения или слов, противоречащих тому, что ждет от них общество. Если этот метод применялся слишком часто или если какой-либо ребенок особенно подвержен таким чувствам, все заканчивается тем, что ребенок начинает стыдиться САМОГО СЕБЯ. Мышление и поведение гиперсоциализированных индивидов куда более завязано на социальных ожиданиях, чем у слабо социализированных людей. Большинство людей проявляют себя с весьма сомнительных сторон. Они лгут, совершают мелкие кражи, нарушают правила дорожного движения, халтурят на работе, кого-то ненавидят, говорят про своих ближних гадости или подсиживают. Гиперсоциализированная личность не может делать подобных вещей, а если она делает это, ее мучают чувства стыда и отвращения к самим себе. Гиперсоциализированная личность не может даже испытать без чувства вины те мысли и те чувства, которые идут вразрез с принятой моралью, она не может допускать «нечестивых» помыслов. При этом социализация не просто первична по отношению к моральному чувству: нас социализируют для того, чтобы мы соответствовали куда большему количеству норм поведения, чем этого требует сама общепринятая мораль в чистом виде. Гиперсоциализированная личность содержится на психологической привязи и всю

свою жизнь проводит на рельсах, которые общество услужливо подкладывает под нее. Для множества гиперсоциализированных людей результатом становится ощущение скованности и бессилия, что может стать серьезнейшим препятствием. Мы полагаем, что гиперсоциализация входит в число самых страшных мучений, которые люди причиняют друг другу.

27. Мы утверждаем, что очень важный и влиятельный сегмент современной левой мысли гиперсоциализирован и что эта гиперсоциализация играет огромную роль, задавая направление для всего современного левачества. Леваки гиперсоциализированного типа тяготеют к тому, чтобы становиться интеллектуалами или членами высшей прослойки среднего класса. Заметьте, что университетские интеллектуалы составляют наиболее социализированный сегмент нашего общества, и в то же время они — большинство в левом крыле.

28. Протестуя, левак гиперсоциализированного типа пытается оборвать психологическую привязь и утвердить собственную автономию. Но обычно ему не хватает силы, чтобы протестовать против основных ценностей общества. Можно сказать, что цели современного левака в основном НЕ конфликтуют с общепринятой моралью. Напротив, левак принимает распространенные моральные принципы как свои собственные, а затем обвиняет господствующее общество в нарушении этих принципов. Например, расовое равенство, равенство полов, помощь бедным, мир против войны, ненасилие, свобода самовыражения, забота о животных. Более фундаментально — долг индивида служить обществу и обязанность общества заботиться об индивиде. Все это — ценности, глубоко укоренившиеся в нашем обществе (или, по крайней мере, в его средних и высших классах) в течение длительного времени. Эти ценности явно или неявно присутствуют или предполагаются в большей части материала, предлагаемого нам подавляющей частью СМИ и образовательной системой. Леваки, особенно те, которые принадлежат к гиперсоциализированному типу, обычно не протестуют против этих принципов, а оправдывают свое враждебное отношение к обществу, заявляя (с некоторой долей истины), что общество не живет по этим принципам.

29. Вот один из примеров того, как гиперсоциализированный левак показывает свою действительную предрасположенность условностям нашего общества, прикрываясь протестом против него. Многие леваки настаивают на выдвижении черных на престижную работу, на улучшении образования в школах для черных и на улучшении их

финансирования. Тот образ жизни, который ведет черная беднота, ни рассматривают как позор для общества. Они хотят встроить черного человека в систему, сделать его руководящим работником, юристом, ученым, короче, уподобить его белому из верхней прослойки реднего класса. Конечно, сами леваки заявляют на это, что делать черного копией белого — это ужасно, напротив, они, мол, хотят сохранить афро-американскую культуру. Но каков предлагаемый механизм этого сохранения? В нем нет ничего, кроме негритянской ухни, «черной» музыки, одежды по негритянской моде, церкви или печети в негритянском стиле. Другими словами, афро-американской культуре предлагается сохранить себя в поверхностном виде. Во всех СУЩЕСТВЕННЫХ аспектах большая часть леваков гиперсоциализованного типа хотела бы уподобить черного белому идеалу. Они хотят обучить его техническим дисциплинам, сделать его начальником или ученым, заставить его всю жизнь карабкаться по статусной лестнице, чтобы доказать, что черный ничем не хуже белого. Они хотят сделать черных отцов «ответственными». Они хотят, чтобы негритянские банды перестали наводить ужас и т.п. Но все это — ценности именно индустриально-технологической системы. Системе до лампочки, какую музыку слушает человек, какую одежду он носит или какую религию исповедует, пока он продолжает учиться в школе, трудиться на престижной работе, карабкаться по статусной лестнице, пока он «ответственный» родитель, пока он не учиняет наси-

Презрение к частной собственности

лия и т.д. В итоге как бы гиперсоциализированный левак ни отрицал этого, на самом деле он хочет встроить черного человека в систему и заставить принять его системные ценности.

30. Конечно, мы не утверждаем, что леваки, пусть даже и гиперсоциализированного типа, НИКОГДА не протестуют против фундаментальных ценностей нашего общества. Понятно, что они иногда так поступают. Некоторые гиперсоциализированные леваки доходят даже до того, что, протестуя против какого-нибудь важного принципа современного общества, прибегают к насилию. По их собственному признанию, насилие для них — средство «освобождения». Другими словами, учиняя насилие, они ломают психологические барьеры, которые расставлены в их сознании. По причине их гиперсоциализированности эти барьеры для них ощутимей, чем для прочих, потому-то им и нужно их сломать. Но, как правило, они оправдывают свой протест в терминах господствующего общества. Когда они прибегают к насилию, они заявляют, что борются против расизма и т.п.

31. Мы осознаем, что по поводу всего сказанного может возникнуть масса возражений. Но эскиз и не может претендовать на полноту. Реальная ситуация очень сложна и запутанна. Ее полное описание заняло бы не один том, если даже представить, что мы обладаем всей полнотой информации. Мы лишь грубо обрисовали две самые важные тенденции в психологии современного левачества.

32. Проблемы левака отражают проблемы общества в целом. Заниженная самооценка, склонность к депрессии и пораженчество присущи не только левым. Хотя лучше всего они заметны именно среди них, они широко распространены в нашем обществе. И современное общество пытается социализировать нас в куда большей степени, чем любое предшествовавшее ему общество. Эксперты рассказывают нам о том, как нам есть, как делать зарядку, как заниматься любовью, как растить наших детей и так далее.

Властный процесс

33. Человеческое общество нуждается (возможно, на биологическом уровне) в том, что мы назовем «властным процессом». Этот про-

цесс тесно связан с волей к власти (которая есть везде), но это не совсем одно и то же. Властный процесс имеет четыре составляющих. Три наиболее очевидных — это цель, усилие и достижение цели. (Каждому нужно, чтобы у него была цель, достижение которой требует усилий, и каждому нужно, чтобы хотя бы некоторые из его целей были достигнуты.) Четвертый компонент определить сложнее, и нужен он не каждому. Мы назовем его автономией и обсудим позже (в параграфах 42 — 44).

34. Вообразите себе гипотетического человека, который может получить все, чего хочет, лишь пожелав этого. У такого человека будет безграничная власть, но он столкнется с серьезными психологическими проблемами. В первую очередь он захочет вовсе срывать цветы удовольствия, но чем дальше, тем сильнее он станет скучать. В конце концов он будет окончательно деморализован. Его замучает депрессия. История свидетельствует о том, что изнеженные аристократы имели тенденцию к вырождению. Это наблюдение не касается военной аристократии, которая была вынуждена сражаться, чтобы сохранить власть. Но изнеженные аристократы, пребывавшие в полной безопасности, которым не нужно вовсе напрягаться, обычно начинали скучать, превращались в гедонистов и полностью теряли лицо, даже если они обладали властью. Это показывает, что одной только власти недостаточно. Человеку необходимы цели, двигаясь к которым он мог бы использовать свою власть.

35. У каждого человека есть цели; ему необходимо хотя бы удовлетворять жизненные потребности в еде, воде, одежде и жилище, насколько последние две необходимости продиктованы климатом. Но обленившийся аристократ достигает этих целей без усилий. Отсюда его скука и деморализация.

36. Если жизненно важные цели не будут достигнуты, результатом станет смерть. Если недостижение цели не ведет к смерти, результатом будет фрустрация. Постоянно повторяющиеся неудачи, невозможность достичь цели на протяжении всей жизни ведет к пораженчеству, заниженной самооценке или депрессии.

37. Поэтому, для того чтобы избежать серьезных психологических проблем, человек выбирает цели, требующие усилий. Кроме того, для их достижения нужна изрядная доля удачи.

Суррогатная деятельность

38. Но не каждый праздный аристократ со временем начинает скучать и терять лицо. Например, император Хирохито вместо того, чтобы потонуть в декадентствующем гедонизме, посвятил себя биологии моря. В этой области он достиг выдающихся успехов. Когда человеку не приходится напрягаться для того, чтобы удовлетворять свои физические потребности, он часто ставит перед собой искусственную цель. Зачастую он стремится к этой цели с такой же энергией и эмоциональной увлеченностью, с какой он мог бы заниматься поиском пищи. Поэтому аристократы Римской империи соревновались на литературном поприще, многие европейские аристократы несколько столетий тому назад тратили уйму времени и сил на охоту, хотя, разумеется, они не нуждались в таком количестве мяса. Прочие аристократы состязались в богатстве, намеренно растрачивая целые состояния направо и налево. Отдельные аристократы вроде Хирохито обращались к науке.

39. Мы используем термин «суррогатная деятельность» для обозначения вида деятельности, направленной на достижение искусственной цели, которую человек ставит перед собой только для того, чтобы у него было над чем работать в ближайшем будущем, или, так сказать, для получения «удовлетворения» от достижения цели. Существует приближенный метод определения того, является ли та или иная деятельность суррогатной: встретившись с человеком, который тратит много времени и энергии для достижения цели X, спросите себя: «Если бы ему приходилось тратить большую часть своего времени и своей энергии на удовлетворение собственных биологических потребностей, если для этого пришлось бы всячески использовать свои физические и умственные способности, был бы он серьезно разочарован, не достигнув цели X? Если ответ отрицательный, значит, стремление этого человека к цели X составляет суррогатную деятельность. Исследования императора Хирохито в области биологии моря — пример суррогатной деятельности в чистом виде, ведь совершенно ясно, что если бы Хирохито был вынужден тратить свое время, работая над интересными ненаучными задачами ради хлеба насущного, он не был бы огорчен, так и не узнав всего про анатомию и жизненные циклы морских животных. С другой стороны, например, стремление к сексуальным и любовным переживаниям не является суррогатной деятельностью, потому что большинство людей, в слу-

чае если в остальном их существование вполне их устраивает, испытывают огорчение, если в их жизни ни разу не появится человек противоположного пола (однако стремление к большей сексуальной активности, чем это действительно необходимо, может составлять суррогатную деятельность).

40. Для того чтобы в современном индустриальном обществе удовлетворить свои физические потребности, человеку требуются минимальные усилия. Достаточно после краткого обучения, чтобы приобрести какой-нибудь простой технический навык, вовремя приходить на работу и немного постараться, чтобы оставаться на ней. Единственное требование — известное (не слишком большое) количество серого вещества и, что важнее всего, простое ПОСЛУШАНИЕ. Если у кого-то есть все это, общество позаботится о том, чтобы жизнь этого человека не оборвалась раньше времени. (Конечно, существует беднота, которая не в состоянии удовлетворить свои физические потребности, действуя, как описано выше, но мы здесь говорим о большинстве.) Поэтому неудивительно, что современное общество почти все время занимается суррогатной деятельностью. Под это определение подпадают научные исследования, спортивные достижения, гуманитарная работа, художественное и литературное творчество, карабканье по статусной лестнице, приобретение куда большего количества денег и материальных благ, чем это требуется даже для самых крайних степеней физического удовольствия, и, наконец, социальный активизм, когда он касается проблем, не являющихся таковыми для самого активиста, как это происходит в случае с белыми активистами, которые борются за права небелых меньшинств. Иногда это не просто суррогатная деятельность, так как многие люди могут иметь мотивацию, отличную от простой необходимости ставить перед собой какую-либо цель. Научная деятельность может быть частично мотивирована тягой к престижу, творчество — потребностью выразить чувство, воинствующий социальный активизм — личной ненавистью. Но для большинства людей, которые преследуют эти цели, деятельность по их достижению — суррогатная деятельность. Например, большинство ученых, возможно, согласится с тем, что «удовлетворение» от их работы гораздо важнее, чем получаемые за нее деньги и престиж.

41. Для множества, если не для большинства, людей суррогатная деятельность выглядит менее удовлетворяющей, чем процесс достижения реальных целей (то есть таких целей, которых люди хотели бы

достигнуть, даже если бы потребность во властном процессе уже была удовлетворена). Одним из указаний на это является тот факт, что люди, глубоко вовлеченные в суррогатную деятельность, никогда не бывают полностью удовлетворены, ни на минуту не останавливаются для отдыха. Потому тот, кто делает деньги, постоянно добивается все большего и большего богатства. Ученый, едва решив одну задачу, переходит к следующей. Бегун на длинную дистанцию заставляет себя бежать каждый раз все дальше и быстрее. Многие люди, занимающиеся суррогатной деятельностью, скажут, что они получают от нее куда больше удовлетворения, чем от «земных» дел по удовлетворению своих биологических потребностей, но так происходит лишь потому, что в нашем обществе усилия, необходимые для удовлетворения биологических потребностей, сведены к минимуму. Более важным является то обстоятельство, что в нашем обществе люди удовлетворяют свои биологические потребности не АВТОНОМНО, а функционируя в качестве частей колоссальной социальной машины. Занимаясь суррогатной деятельностью, люди, напротив, обладают большей степенью автономии.

Автономия

42. Автономия как составляющая властного процесса может и не быть необходимой для каждого. Но большинству людей нужна та или иная степень автономии для того, чтобы работать над поставленными задачами. Прилагаемые для этой работы усилия должны предприниматься по собственной инициативе человека, под его руководством и контролем. Тем не менее большинству людей не приходится осуществлять этот контроль и это руководство поодиночке. Обычно достаточно работать в качестве члена МАЛОЙ группы. Если шестеро человек обсуждают цель меж собой и прилагают совместные усилия по достижению этой цели, потребность этих людей во властном процессе будет удовлетворена. Но она не будет удовлетворена, если они будут работать из-под палки, подчиняясь строгим указаниям сверху, не оставляющим места их самостоятельным решениям и инициативам. То же самое справедливо в отношении решений, принимаемых на коллективной основе, если группа, принимающая эти решения, настолько велика, что роль отдельной личности в ней незначительна.

43. Правда, существуют и такие индивиды, потребность которых в автономии невелика. Либо их воля к власти ослаблена, либо они удов-

летворяются тем, что отождествляют себя с какой-нибудь могущественной организацией, к которой они принадлежат. И, наконец, существуют бездумные люди-растения, которым, по-видимому, хватает чисто физического ощущения силы (тот солдат хорош в бою, который, развивая боевые навыки, готов применить их, слепо повинаясь своим командирам).

44. Но для большинства людей необходимо, чтобы самооценка, уверенность в себе, чувство силы появлялись в ходе АВТОНОМНОЙ работы над поставленной задачей, в ходе свободного властного процесса. Если у человека отнять возможность адекватно осуществлять властный процесс, результатом станут (в зависимости от человека и способа, которым был нарушен властный процесс) скука, деморализация, заниженная самооценка, комплекс неполноценности, пораженческие настроения, депрессия, тревожность, чувство вины, фрустрация, враждебность, насилие над детьми или партнером по браку, ненасытный гедонизм, ненормальное сексуальное поведение, расстройства сна, пищеварения и т.д.

Источники социальных проблем

45. Все описанные симптомы могут иметь место в любом обществе, но в современном индустриальном обществе они встречаются повсеместно. Не мы первые заметили, что современный мир сходит с ума. Такое положение вещей не является нормальным для человеческого общества. Имеются все основания верить в то, что первобытный человек испытывал куда меньший стресс и фрустрацию и чувствовал большее удовлетворение от своей жизни, чем современный человек. Разумеется, не все обстояло легко и просто в первобытных обществах. Насилие над женщиной распространено среди аборигенов Австралии, транссексуальность была вполне заурядным явлением среди североамериканских индейцев. Но совершенно очевидно, что В ЦЕЛОМ те проблемы, которые мы перечислили в предыдущем параграфе, были куда меньше известны первобытным народам, чем современному обществу.

46. Мы считаем, что социальные и психологические проблемы современного общества вызваны тем, что оно заставляет людей жить в условиях, радикально отличающихся от тех, в которых вырос человеческий род, и вести себя в соответствии с образцами, противополож-

ными тем, которые главенствовали на первоначальном этапе его развития. Из того, что мы уже сказали, ясно, что мы считаем отсутствие возможности правильно осуществлять властный процесс важнейшим из ненормальных условий, на существование в которых общество обрекает людей. Но есть и другие. Перед тем как перейти к рассмотрению нарушений во властном процессе в качестве источника социальных проблем, мы обсудим некоторые другие источники.

47. Среди прочих ненормальных условий жизни современного индустриального общества отметим избыточную плотность населения, изоляцию человека от природы, чрезмерную скорость социальных изменений и разрушение естественных микросообществ, таких, как клан, деревня или племя.

48. Хорошо известно, что в толпе стресс и агрессивность индивида возрастают. Та скученность, которая является нормой сегодня, и изоляция человека от природы суть следствия технического прогресса. Все доиндустриальные общества были по преимуществу обществами сельского типа. Промышленная революция резко увеличила размер городов и долю населения, проживающего в них, а современная технология ведения сельского хозяйства позволяет Земле прокормить куда большее количество людей, чем это было возможно когда-либо. (Кроме того, технология усугубляет эффект скученности, вкладывая возросшую разрушительную силу в руки человека. Например, различные производящие шум устройства: газонокосилки, радио, мотоциклы. Если использование этих устройств ничем не ограничено, люди, стремящиеся к покою и тишине, становятся раздраженными из-за шума. Если их использование ограничено, люди, которые используют эти устройства, становятся раздраженными из-за ограничений... Но вот если бы эти машины никогда не были изобретены, никакого конфликта вообще бы не было, как и раздражительности, вызванной ими.)

49. Для примитивных обществ природный мир (который обычно меняется медленно) являлся устойчивой опорой, а значит, обеспечивал чувство защищенности. В современном мире уже само общество становится на место природы, а это общество, благодаря техническому прогрессу, меняется чрезвычайно быстро. Поэтому оно не является устойчивой опорой.

50. Консерваторы — полные тупицы: они оплакивают упадок традиционных ценностей, продолжая с энтузиазмом поддерживать тех-

нологический прогресс и экономический рост. До них никак не дойдет, что невозможно совершать быстрые, крутые повороты в технологии и экономике общества, не вызывая столь же быстрых изменений других аспектов общества, поэтому быстрые изменения с неизбежностью приведут к гибели традиционных ценностей.

51. От состояния традиционных ценностей до некоторой степени зависит целостность традиционных микросообществ. Исчезновение микросообществ часто бывает вызвано также тем фактом, что современные условия нередко заставляют или соблазняют человека переезжать на новое место, отрывая его, таким образом, от его микрогруппы. Помимо этого, для того чтобы эффективно функционировать, технологическое общество НЕПРЕМЕННО ДОЛЖНО ослаблять семейные связи и малые сообщества. В современном обществе от человека требуется прежде всего проявлять преданность системе и только во вторую очередь — микросообществу, потому что в противном случае микросообщества будут преследовать свои собственные цели в ущерб целям системы.

Видеть, но молчать

52. Представьте себе, что чиновник или глава корпорации назначает на какую-нибудь должность своего родственника, друга или единоверца вместо отличившегося на работе сотрудника. Он подменяет преданность системе личной симпатией, а это — «непотизм», «дискриминация», и то и другое — смертный грех в современном обществе. Те индустриальные общества, в которых задача подчинения личных симпатий целям системы решена плохо, обычно оказываются крайне неэффективными (так, например, обстоят дела в Латинской Америке). Поэтому развитое индустриальное общество может допустить существование только таких малых сообществ, которые кастрированы, приручены и превращены в инструмент влияния системы.

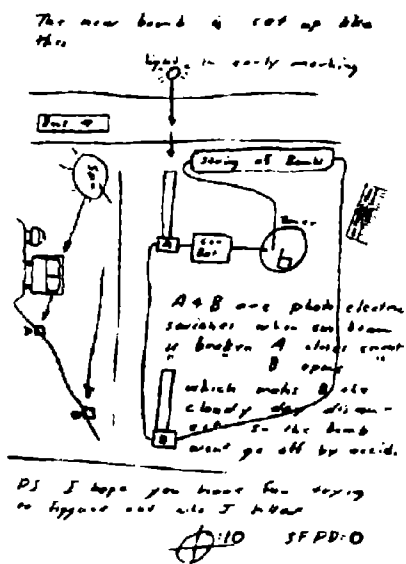
53. Скученность, быстрые изменения и разрушение общин могут быть названы источниками социальных проблем, но мы не верим, что

этих причин достаточно для того, чтобы объяснить происхождение того обилия проблем, которое мы можем наблюдать сегодня.

54. Некоторые доиндустриальные города были очень большими и плотно населенными, но их обитатели не страдали от психологических проблем в той мере, в которой от них страдает современный человек. И сегодня в Америке есть малонаселенные сельскохозяйственные

области, но мы встретим там те же проблемы, что и в городской зоне. Поэтому скученность не может быть названа определяющим фактором.

Записи Унабомбера

55. В девятнадцатом веке, когда граница американских поселенцев отодвигалась все дальше, мобильность населения была столь велика, что, вероятно, это приводило к такому же разрушению больших семей, как и сегодня. Фактически множество ячеек общества по своей воле жили в такой изоляции, не имея соседей на многие мили вокруг, что вообще не принадлежали ни к какой общине, однако от этого никому не было, как говорится, ни тепло ни холодно.

57. Мы утверждаем, что современный человек чувствует (не без оснований), что изменения ПРОИСХОДЯТ С НИМ, тогда как переселенец девятнадцатого века чувствовал (также не без оснований), что он изменяет мир сам, в соответствии со своим собственным выбором. Пионер Дикого Запада селился на участке земли, который сам выбирал, и своим трудом превращал его в цветущий сад. В те дни население целого округа могло не превышать две сотни обитателей, пребывающих в изоляции и автономии, немыслимой сегодня. Поэтому фермер создавал новое, упорядоченное общество в качестве члена относительно небольшой группы. Можно спросить себя, было ли создание такого общества благодеянием, однако в любом случае оно позволяло удовлетворить потребность пионера во властном процессе.

58. Можно привести и другие примеры обществ, в которых быстрые изменения и/или отсутствие тесной сплоченности не приводи-

ли тем не менее к массовым абберациям в поведении, которые наблюдаются в современном индустриальном обществе. Мы настаиваем на том, что основная причина социальных и психологических проблем в нашем обществе — тот факт, что у людей недостаточно возможностей осуществлять властный процесс нормальным способом. Мы не собираемся сказать, что современное общество — единственное общество, в котором властный процесс идет с нарушениями. Вероятно, большинство, если не все цивилизованные общества в той или иной степени отрицательно влияли на властный процесс. Однако в современном индустриальном обществе эта проблема встала особенно остро. Левачество, по крайней мере в его относительно современной форме (с середины по конец XX века), отчасти является симптомом расстройства властного процесса.

Нарушения властного процесса в современном обществе

59. Мы делим человеческие желания на три группы: (1) желания, которые могут быть удовлетворены при помощи минимальных усилий; (2) желания, которые могут быть удовлетворены только ценой серьезных усилий; (3) желания, которые не могут быть удовлетворены, какие бы усилия ни прилагались. Властный процесс — это процесс удовлетворения желаний второй группы. Чем больше желаний третьей группы, тем больше фрустрация, злоба, пораженчество, депрессия и т.д.

60. В современном индустриальном обществе естественные человеческие желания все больше распределяются по первой и третьей группам, в то время как вторая группа все больше заполняется искусственно созданными желаниями.

61. В примитивных обществах физические потребности в основном попадают во вторую группу: они могут быть удовлетворены, но только ценой серьезных усилий. Но в современном обществе удовлетворение физических потребностей гарантировано почти каждому в обмен на небольшие усилия, поэтому физические потребности сегодня отодвинуты в первую группу. (Нам могут возразить, допустимо ли считать каждодневную работу «минимальным усилием», но ведь обычно на низко- или среднеквалифицированной работе, кро-

ме послушания, почти ничего не требуется. Ты сидишь или стоишь там, где тебе сказали сидеть или стоять, делаешь то, что тебе сказали делать, тем способом, которым тебе сказали это делать. Изредка ты напрягаешься серьезно, но в любом случае ты лишен самостоятельности на своей работе, а потому жажда властного процесса не удовлетворяется как следует.)

62. Социальные потребности, такие, как секс, любовь и положение, в современном обществе часто остаются во второй группе. Конкретная ситуация зависит от конкретного человека. Но, за исключением тех людей, которые имеют особенно сильную тягу к высокому положению, объем усилий, затрачиваемый на достижение социальных целей, несравним с объемом усилий, необходимым для осуществления полноценного властного процесса.

63. Искусственно созданные потребности попадают во вторую группу. Развитые рекламные и маркетинговые технологии могут заставить любого почувствовать потребность в таких вещах, без которых вполне обходились наши бабушки и дедушки. Требуется приложить серьезные усилия, чтобы заработать столько денег, сколько необходимо для удовлетворения этих потребностей, поэтому они и попадают во вторую группу (впрочем, взгляните на параграфы 80 — 82). Современный человек может удовлетворять свою потребность во властном процессе, только преследуя цели, навязанные ему рекламной и маркетинговой индустрией, а также посредством суррогатной деятельности.

64. По-видимому, для множества людей, а может и для их большинства, этих искусственных форм властного процесса недостаточно. Тема, которая постоянно поднимается на страницах социально-критических работ второй половины XX века, звучит как «ощущение бессмысленности происходящего, возникающее у многих людей в современном обществе». (Эта бессмысленность часто называется по-другому, например, «бесцельность» или «вакуум среднего класса».) Мы полагаем, что так называемый «поиск идентичности» это, по сути, поиск чувства цели, зачастую поиск подходящей суррогатной деятельности. Возможно, что экзистенциализм в большой степени является ответной реакцией на бессмысленность современной жизни. Поиск «удовлетворенности» широко распространен в современном обществе. Но мы думаем, что для большинства людей деятельность, основная цель которой — чувство удовлетворенности (то

есть суррогатная деятельность), не приносит действительного удовлетворения. Другими словами, она не удовлетворяет потребности во властном процессе (см. параграф 41). Эта потребность может быть в полной мере удовлетворена только такой деятельностью, которая подразумевает некую внешнюю цель, такую, как физические потребности, секс, любовь, положение, месть и т.п.

65. Более того, там, где цели достигаются посредством зарабатывания денег, карабканья по статусной лестнице или функционирования в качестве составной части системы каким-либо иным способом, большинство людей не в состоянии достичь своих целей АВТОНОМНО. Большинство сотрудников чьи-то подчиненные, ибо, как мы отметили в параграфе 61, должны всю свою жизнь делать то, что им сказали, и так, как им сказали. Даже большинство тех, кто сам делает бизнес, имеют лишь ограниченную автономию. Представители малого бизнеса и частные предприниматели постоянно жалуются на то, что они связаны по рукам и ногам жесткими правительственными ограничениями. Некоторые из этих ограничений явно бесполезны, однако по большей части правительственные ограничения являются существенной и неотъемлемой частью нашего крайне сложного общества. Значительная доля малого бизнеса сегодня функционирует на основе франчайзинга. Несколько лет назад «Уолл-стрит джорнал» писал о том, что многие компании, осуществлявшие франчайзинг, требовали от кандидатов прохождения специального теста «на отсутствие творческого начала и инициативности», разработанного для того, чтобы ИСКЛЮЧИТЬ тех, кто обладал творческой жилкой и инициативой, потому что такие лица недостаточно послушны, для того чтобы долгое время исполнительно работать во франчайзинговой системе. Таким образом, из малого бизнеса были исключены массы людей, больше всего нуждавшихся в автономии.

66. Сегодня люди живут по большей части теми благами, которые система ДАЕТ ИМ, а не теми, которые они создают сами для себя. А то, что они делают сами для себя, все чаще и чаще производится на конвейерах системы. Возможности — это возможности, предоставляемые системой. Эти возможности должны использоваться в соответствии с правилами, предписаниями, и технология, предписанная экспертами, должна соблюдаться, иначе шансы на успех будут близки к нулю.

67. Итак, в нашем обществе властный процесс нарушен изъятием реальных целей и отнятием у человека автономии в достижении этих

целей. Но его нарушение, кроме того, вызвано теми желаниями человека, которые попадают в третью группу: желаниями, которые никогда не исполняются, не важно, сколько усилий на это потрачено. Пример тому — потребность в безопасности. Наши жизни зависят от решений, принимаемых другими. Мы не в силах контролировать эти решения, обычно мы даже не знаем людей, которые их принимают. («Мы живем в мире, в котором сравнительно небольшое количество людей — может быть, 500 или 1000 — принимают важные решения» — слова Филипа Б. Хеймана из Гарвардского юридического института в изложении Энтони Льюиса, «Нью-Йорк таймс», 21 апреля, 1995 г.) Наши жизни зависят от того, соблюдаются ли техника безопасности на АЭС, от того, сколько пестицидов выливаются на поля, сколько вредных веществ выделяется в воздух, от того, насколько умел (или некомпетентен) врач². Потеряем мы работу или нет, зависит от решений, принимаемых правительственными экономистами или руководителями корпораций, и так далее. Большинство отдельных людей не в состоянии как следует обезопасить себя от этих угроз. Поэтому поиск безопасности своими собственными силами обречен на неудачу, что ведет к чувству беспомощности.

68. На это могут заметить, что первобытный человек физически был в меньшей безопасности, чем современный человек, о чем красноречиво говорит краткий срок его жизни. Это так, однако психологически современный человек проигрывает первобытному. Его физическая безопасность никак не соотносится с безопасностью психологической. Мы ЧУВСТВУЕМ себя в безопасности не столько тогда, когда мы объективно защищены от опасностей, сколько тогда, когда мы чувствуем себя в силах позаботиться о себе. Первобытный человек, которому угрожали дикие звери и голод, мог сразиться, чтобы защитить себя, или отправиться на поиски еды. Он не был уверен в успехе, но он ни в коем случае не был беспомощен. Он мог противопоставить свои силы тем угрозам, которые обступили его, в то время как современному человеку угрожают такие вещи, с которыми он при всем желании не может ничего поделать: аварии на атомных объектах, канцерогенные вещества в пище, загрязнение окружающей среды, войны, растущие налоги, вторжение в частную жизнь со стороны крупных организаций, — все те социальные и экономические феномены национального масштаба, которые могут нарушить привычный ход жизни.

² Нельзя не добавить «или авиадиспетчер». — Прим. пер.

69. Это правда, что первобытный человек ничего не мог поделать с некоторыми опасностями, угрожавшими ему, например, с болезнями. Но он стоически принимал риск, связанный с возможностью заболевания. Такова природа вещей, в болезни нет ничьей вины, или виноват воображаемый, неперсонализированный демон. Но угрозы, которые таит в себе современный мир, почти всегда РУКОТВОРНЫ. Они не выбор судьбы, а выбор каких-то людей, на чьи решения одиночка влиять не может. В результате человек становится растерянным, оскорбленным и обозленным.

70. Тогда как безопасность первобытного человека по большей части находится в его собственных руках (как одиночки или члена МАЛОЙ группы), безопасность современного человека находится в руках лиц или организаций, слы-

Дом Унабомбера – будущая реликвия

шом отдаленных от него, чтобы он мог лично влиять на них. Таким образом, стремление к безопасности может быть отнесено и к первой и к третьей группе одновременно: некоторые аспекты (еда, крыша над головой и т.п.) выполняются ценой тривиальных усилий, тогда как в других аспектах человек НЕ МОЖЕТ чувствовать себя защищенным. (Все сказанное, конечно, сильно утрировано, но в целом наши выкладки приблизительно демонстрируют отличие условий, в которых живет современный человек, от условий, в которых находился человек первобытный.)

71. Сегодня мимолетные желания людей с неизбежностью оборачиваются тщетой — все они относятся к третьей группе. Многих разозлит то, что в современном обществе не разрешается драться, а во многих ситуациях и проявлять агрессию вербально. Кто-то может торопиться куда-то или, напротив, захотеть ехать медленно, но чаще всего и тому и другому придется плыть в общем потоке со средней скоростью уличного движения, подчиняясь сигналам светофоров и дорожным знакам. Кто-то может захотеть делать свою работу иначе, но обыкновенно приходится работать, соблюдая правила нанимателя. Во многих других ситуациях человек опутан сетью правил и огра-

ничений (явных и неявных), что и мешает осуществиться большинству его желаний и, следовательно, нарушает властный процесс. Большая часть этих ограничений не может быть устранена, так как ограничения необходимы для функционирования индустриального общества.

72. Современное общество во многих отношениях чрезвычайно снисходительно. В тех случаях, когда наши действия не имеют отношения к функционированию системы, мы можем делать все, что пожелаем. Мы можем верить в любых богов (до тех пор, пока эта вера не вдохновляет нас на поступки, опасные для системы). Мы можем лечь в постель с кем угодно (покуда мы практикуем «безопасный секс»). Мы можем делать все что угодно, пока это НЕ ИМЕЕТ НИКАКОГО ЗНАЧЕНИЯ. Но чем ЗНАЧИТЕЛЬНЕЕ наши действия, тем больше система регулирует их.

73. Поведение регулируется не только писаными правилами и не только правительством. Часто контроль осуществляется посредством косвенного внушения, посредством психологического давления или манипуляции неправительственными организациями, или даже системой в целом. Большинство крупных организаций использует некоторые формы пропаганды, для того чтобы манипулировать общественным мнением и поведением. Пропаганда не ограничивается «рекламой», иногда она даже сознательно не воспринимается так теми, кто создавал ее. Например, содержание развлекательных программ — мощная форма пропаганды. Другой пример непрямого внушения: нет такого закона, в котором говорилось бы, что мы должны ходить на работу каждый день и подчиняться указаниям начальников. Закон не запрещает нам вести жизнь первобытного человека или самому заняться бизнесом. Но на практике на Земле почти не осталось диких мест, а в экономике — ниш для частных предпринимателей. Поэтому большинство из нас должно добывать хлеб насущный, работая на кого-то.

74. Мы считаем, что увлечение современного человека проблемой долголетия наряду с желанием продлить физическую активность и сексуальную привлекательность до преклонного возраста — симптом, отражающий неудовлетворенность властным процессом. «Кризис среднего возраста» — симптом того же ряда. Сюда же относится потеря интереса к деторождению, столь обычная в современном обществе, но практически немыслимая в обществе первобытном.

75. В первобытном обществе жизнь — это ряд последовательных стадий. Когда цели и потребности одной стадии удовлетворены, нет никаких причин, мешающих перейти в следующую. Молодой человек реализует властный процесс, становясь охотником, охотясь не из спортивного интереса и не ради морального удовлетворения, а для того, чтобы добыть необходимое для питания мясо (в случае с молодой женщиной дело обстоит сложнее, с большим преобладанием общественного влияния; мы не будем его здесь обсуждать.) Когда молодой охотник проходит этот этап, он строит дом и обзаводится семьей, не уклоняясь от всей полноты ответственности. (Напротив, в наши дни иные «откладывают детей» на неопределенный срок, потому что они слишком заняты поиском некой непонятной «удовлетворенности». Мы полагаем, что удовлетворенность, которая им нужна, — это адекватный опыт властного процесса — с реальными целями вместо искусственных и реальной деятельностью вместо суррогатной.) И снова, успешно вырастив своих детей, пройдя новый виток властного процесса, удовлетворяя их физические потребности, первобытный человек (если он дожил до этого момента) начинает чувствовать, что его дело сделано и он готов принять старость и смерть, в то время как многие современные люди боятся смерти, о чем говорит обилие усилий, которые они прилагают, чтобы сохранить хорошую физическую форму, внешний вид и здоровье. Мы утверждаем, что это происходит от неудовлетворенности тем обстоятельством, что они никогда не использовали свою физическую силу, никогда всерьез не осуществляли властный процесс посредством своих тел.

Человек наших дней — это не первобытный человек, который ежедневно использовал собственное тело для практических целей. Современный человек использует свое тело, только когда идет от своей машины к своему дому. Это не тот человек, чья потребность во властном процессе удовлетворялась на протяжении всей жизни, не тот человек, который лучшим образом был подготовлен к концу своей жизни.

76. Отвечая на приведенные аргументы, кто-то может сказать: «Общество должно найти способ дать людям возможность пройти через властный процесс». Но для таких людей ценность этой возможности уничтожена самим фактом того, что общество дает ее им. В действительности они нуждаются в поиске возможностей своими силами. Пока система ДАЕТ им возможности, она держит их на привязи. Для того чтобы достичь автономии, они должны оборвать эту привязь.

Как все же выкручиваются некоторые люди

77. Не каждый в индустриально-технологическом обществе страдает от психологических проблем. Некоторые люди даже заявляют, что они достаточно удовлетворены обществом. Здесь мы обсудим некоторые причины, по которым люди сильно различаются в своей реакции на современное общество.

78. Во-первых, они, без всякого сомнения, различаются по силе, которую приобретает в них воля к власти. Лица со слабой волей к власти могут иметь относительно небольшую потребность в осуществлении властного процесса или, по крайней мере, относительно небольшую потребность в автономии властного процесса. Это покорные люди, которые были бы счастливы превратиться в негров с какой-нибудь плантации старого Юга. (Мы не издеваемся над неграми с плантаций старого Юга. К их чести, надо сказать, что они НЕ были довольны своим рабством. Мы издеваемся над теми, кто ДОВОЛЕН своим рабством.)

79. Некоторые люди могут иметь некое исключительное желание, удовлетворяя которое они удовлетворяют и потребность во властном процессе. Например, те лица, которые имеют необычно сильную тягу к социальному статусу, могут потратить всю свою жизнь на карабканье по социальной лестнице и ни на секунду не устают от этой игры.

80. Люди различаются и по степени влияния, которое оказывают на них рекламные и маркетинговые технологии. Некоторые люди настолько подвержены этому влиянию, что, даже имея много денег, они не могут удовлетворить жажду приобретения все новых блестящих игрушек, которыми маркетинговая индустрия размахивает перед их глазами. Они постоянно на нуле, даже если их доходы велики, между тем их потребительская жажда не ослабевает.

81. Некоторые люди, напротив, слабо подвержены рекламным и маркетинговым технологиям. Это сорт людей, которые не заинтересованы в деньгах. Материальное обогащение не служит их потребности во властном процессе.

82. Люди, умеренно подверженные рекламным и маркетинговым технологиям, способны заработать достаточно денег для того, чтобы удовлетворить свою жажду товаров и услуг, но только ценой серьезных усилий (работая сверхурочно, на второй работе, активно продвигаясь по службе и т.д.). В этом случае материальное обогащение служит удовлетворению их потребности во властном процессе. Но отсюда необязательно следует, что эта потребность удовлетворяется совершенно. Они могут испытывать нехватку автономии (их работа может заключаться в исполнении указаний), а некоторые стремления могут оказаться напрасными (например, стремление к безопасности или к проявлению агрессии). (Мы извиняемся за невероятное утрирование ситуации в параграфах 80 – 82, где мы признали, что желание к приобретению материальных благ целиком продиктовано рекламными и маркетинговыми технологиями. Разумеется, все не так просто.)

83. Некоторые люди частично удовлетворяют потребность во власти, идентифицируя себя с могущественной организацией или массовым движением. Человек, у которого нет целей или власти, присоединяется к движению и организации, принимает ее цели как свои собственные, а затем работает над достижением этих целей. Когда некоторые из этих целей достигнуты, этот человек, даже если его личные усилия играли в этом процессе лишь незначительную роль, чувствует себя (благодаря отождествлению с движением или организацией) так, как если бы он сам осуществлял властный процесс. Этот феномен был использован фашистами, нацистами и коммунистами. В нашем обществе он тоже находит применение, пусть и не столь грубое. Пример: Мануэль Норьега был бельмом на глазу у США (цель: наказать Норьегу). США вторгаются в Панаму (усилие) и наказывают Норьегу (достижение цели). США осуществляют властный процесс, и многие американцы благодаря своей идентификации с США таким образом компенсируют свою личную потребность во властном процессе. Отсюда широко распространенное общественное одобрение панамской операции, ведь она дала людям чувство силы. Мы можем обнаружить тот же феномен в армиях, корпорациях, политических партиях, гуманитарных организациях, религиозных или идеологических движениях. Левые движения, в частности, привлекают людей, стремящихся удовлетворить свою жажду власти. Но для большинства людей идентификация с крупной организацией или массовым движением не вполне удовлетворяет потребность во власти.

84. Еще один способ, которым люди удовлетворяют свою потребность во властном процессе, — это суррогатная деятельность. Как мы объяснили в параграфах 38 — 40, суррогатная деятельность — это такая деятельность, которая направлена на достижение искусственных целей, преследуемых индивидом ради «удовлетворения», которое он получает от этого процесса, а не потому, что ему действительно необходимо достичь цели. Например, нет никакого практического мотива, побуждающего людей накачивать груды мускулов, загонять маленький шарик в лунку или собирать целые серии почтовых марок. Некоторые люди более «разносторонни», чем остальные, и с большей готовностью отрицают важность суррогатной деятельности просто потому, что прочие люди вокруг них считают ее важной, или потому, что общество внушает им идею ее важности. Именно поэтому, в то время как одни люди крайне серьезно относятся к таким несерьезным занятиям, как спорт, бридж, шахматы и прочим вещам «не для непосвященных», другие, более светлые головы, всегда смотрят на эти вещи как на суррогатную деятельность, каковой те и являются, и в результате никогда не уделяют им достаточно внимания, не считая, что они как-то могут помочь им осуществить властный процесс. Остается лишь заметить, что во многих случаях тот способ, которым человек зарабатывает себе на жизнь, также является суррогатной деятельностью³. Пусть это — суррогатная активность НЕ В ЧИСТОМ ВИДЕ, раз мотивы этой активности частично состоят в том, чтобы удовлетворить физические потребности и (для некоторых людей) потребность в социальном статусе и предметах роскоши, желать которых их заставляет реклама. Но многие люди вкладывают в свою работу гораздо больше сил, чем это необходимо для получения каких угодно денег и какого угодно положения. Именно эти избыточные силы вкладываются в суррогатную часть их деятельности. Эти дополнительные усилия наряду с эмоциональной увлеченностью, сопровождающей их, развивают и совершенствуют систему, оставляя все

³ Г. К. Честертон предвосхитил Унабомбера: «Бедные придерживаются определенных взглядов на работу и игру. Я не хочу сказать, что они работают и играют лучше нас. Играют они средне, а работают исхитряются как можно меньше, что и я бы делал в их шкуре. Но они правы теоретически, философски. Они отличаются от нас или аристократов (простите за это «или») тем, что их работа — работа, а игра — игра. Работать — значит для них «делать то, что не хочешь», играть — «делать то, что хочешь». Суть работы — закон, суть игры — благодать. Казалось бы, довольно просто; но образованные никак не могут в этом разобраться. Не могут разобраться и те, кто ведает просвещением. Весь английский обеспеченный класс стоит на такой ошибке. Джентльмен приучен смотреть на свою работу (дипломатия, парламент, финансы) как на игру, а на свою игру (спорт, коневодство) — как на работу. Он приучен играть в политику и работать на крокетном поле». Честертон Г.К. «Томми и традиции». — *Прим. пер.*

меньше места для личной свободы (см. параграф 131). Отдельно надо сказать об ученых и инженерах. Для тех из них, кто творчески подходит к своей работе, последняя чаще всего становится суррогатной деятельностью. Этот пункт настолько важен, что заслуживает отдельного рассмотрения, которое мы не замедлим произвести в параграфах 87 — 92.

85. В этом разделе мы объяснили, как многие люди в современном обществе в той или иной мере удовлетворяют потребность во властном процессе. Но мы думаем, что потребность большинства людей во властном процессе удовлетворяется не полностью. Во-первых, и те, чья жажда статуса неутолима, и те, кто крепко «посажен» на суррогатную деятельность, и те, кто в значительной степени отождествляет себя с движением или организацией для того, чтобы удовлетворить свою волю к власти таким способом, — все они представляют собой исключения. Другие не могут найти полного удовлетворения в суррогатной деятельности или отождествляя себя с организацией (см. параграфы 41, 64). Во-вторых, система осуществляет жесткий контроль посредством социализации, что ведет к дефициту автономии и к фрустрации из-за невозможности достичь известных целей и необходимости сдерживать многие импульсы.

86. Но даже если бы большинство людей в индустриально-технологическом обществе было удовлетворено, мы все равно остались бы в оппозиции к такой форме общества, потому что (помимо прочего) мы считаем унижительным осуществлять властный процесс посредством суррогатной деятельности или путем отождествления с организацией, вместо того чтобы делать это, достигая реальных целей.

Мотивы ученых

87. Наука и технология являются наиболее важными примерами суррогатной деятельности. Некоторые ученые заявляют, будто их влечет «любопытство», что звучит совершенно абсурдно. Большинство ученых работают над крайне узкими проблемами, ни одна из которых не может быть предметом нормального любопытства. Например, разве астроном, математик или энтомолог заинтересован в свойствах изопропилтриметилметана? Конечно, нет. Только химику интересны такие вещи, он проявляет любопытство к ним только потому, что химия яв-

ляется его суррогатной деятельностью. Заинтересован ли химик в правильной классификации новых видов жуков? Нет. Этот вопрос относится к сфере интересов одного только энтомолога, и он интересуется этим лишь потому, что энтомология — его суррогатная деятельность. Если бы химику и энтомологу пришлось когда-нибудь серьезно напрячься для того, чтобы удовлетворить элементарные физические потребности, если бы эти усилия мобилизовали их способности на интересное дело, но только не на научные исследования, тогда бы они ни черта бы не понимали ни в изопропилтриметилметане, ни в классификации жуков. Нехватка средств для обучения в аспирантуре приводит к тому, что химик становится не химиком, а страховым агентом. В таком случае он будет очень заинтересован в материях, в которых положено разбираться страховому агенту, но ничего не узнает про изопропилтриметилметан. В любом случае это ненормально — тратить на удовлетворение простого любопытства столько времени и усилий, сколько ученые тратят на свою работу. «Любопытство», которым ученые объясняют свои действия, не выдерживает никакой критики.

88. Ученые часто говорят, что хотят «принести пользу человечеству». Это объяснение не удовлетворит нас тем паче. Некоторые отрасли науки не имеют никакой мыслимой связи с процветанием человеческого рода, например, большая часть археологии и сравнительная лингвистика. А некоторые другие области науки и вовсе заключают в себе опасные возможности. И тем не менее ученые, занятые подобного рода работой, проявляют такой же энтузиазм, как те, которые трудятся над созданием вакцин или изучают загрязнение атмосферы. Возьмем, например, случай Эдварда Теллера, который проявлял большой интерес к насаждению атомных электростанций. Неужто это его увлечение произрастало из желания послужить человечеству? Если даже это и так, то почему тогда Теллер не был так же заинтересован в других «гуманных» исследованиях? А если предположить, что он и был таким «гуманистом», тогда почему он участвовал в создании водородной бомбы? Как и в случае со многими другими научными достижениями, вопрос о том, действительно ли АЭС принесли пользу человечеству, остается открытым. Разве грошовая электроэнергия перевешивает накапливающиеся отходы и риск возможной катастрофы? Доктор Теллер видел только одну сторону медали. Совершенно ясно, что его увлеченность атомными электростанциями произрастала не из желания «облагодетельствовать человечество», а из того, чисто личного, удовлетворения, которое он получал от своей работы и от созерцания ее практических результатов.

89. То же самое справедливо и в отношении ученых вообще. За возможными редкими исключениями, ни любопытство, ни желание принести пользу человечеству не являются их истинными мотивами. Все они просто хотят осуществить властный процесс: поставить цель (найти научную проблему, требующую решения), приложить усилие (исследования) и достичь цели (решение проблемы). Наука — суррогатная деятельность постольку, поскольку ученые работают в основном ради удовлетворения, которое они получают от самой работы.

90. Разумеется, все это не так просто. Прочие мотивы также имеют значение для многих ученых: к примеру, деньги и положение. Некоторые ученые могут быть людьми того типа, представители которого испытывают неукротимую потребность в завоевании высокого положения (см. параграф 79), и это также может служить одним из мотивов их работы. Без сомнения, большинство ученых, как и большинство населения в целом, более или менее подвержены рекламным и маркетинговым технологиям, поэтому для того, чтобы утолить жажду товаров и услуг, им необходимы деньги. Поэтому наука не является ЧИСТО суррогатной деятельностью. Но по большей части это именно суррогатная деятельность.

91. Кроме прочего, наука и технология составляют массовое движение, наделенное властью, и многие ученые удовлетворяют свою потребность во власти посредством отождествления с этим массовым движением (см. параграф 83).

92. Наука, таким образом, движется вслепую, в отрыве от реальных потребностей человеческого рода или любого абстрактного стандарта, подчиняясь лишь психологическим нуждам самих ученых, правительственных чиновников и глав корпораций, которые обеспечивают финансирование научных исследований.

Природа свободы

93. Мы переходим к утверждению той точки зрения, что индустриально-технологическое общество не может быть реформировано таким образом, чтобы избежать прогрессирующего вмешательства в сферу человеческой свободы. Но поскольку слово «свобода» может

быть проинтерпретировано по-разному, мы должны сначала прояснить, какого рода свободу мы имеем в виду.

94. Словом «свобода» мы называем возможность самостоятельно осуществлять властный процесс, достигая реальных (а не искусственных) целей в ходе действительной (а не суррогатной) деятельности, а кроме того, без всякого вмешательства, манипуляции, присмотра со стороны кого бы то ни было (особенно это касается крупных организаций). Свобода означает возможность держать в своих руках (своих лично или в качестве члена МАЛОЙ группы) все жизненно важные вопросы собственного бытия — самому заботиться о пропитании, одежде, убежище и защите от всех возможных опасностей внешнего мира. Быть свободным значит иметь власть — не над кем-то еще, а над обстоятельствами собственной жизни. Человек лишен свободы, если кто-то еще (особенно крупная организация) имеет власть над ним, не важно, насколько благосклонна, терпима и снисходительна к нему та власть. Важно не смешивать свободу с дозволениями любого рода (см. параграф 72).

95. Считается, что мы живем в свободном обществе, так как обеспечены известным количеством гарантированных конституцией прав. Но это не столь важно, как может показаться. Степень личной свободы, существующая в обществе, в гораздо большей мере определяется экономической и технологической структурой этого общества, чем принятыми законами и существующей формой правления. Индейские племена Новой Англии по большей части представляли собой монархии, многие итальянские города эпохи Возрождения управлялись диктаторами. Но когда читаешь про эти общества, складывается такое впечатление, что в них было куда больше личной свободы, чем может дать наше общество. Отчасти так было потому, что в прошлом не доставало эффективных механизмов подчинения людей воле правителя. Не было ни современных, хорошо организованных внутренних войск, ни быстрых средств связи на дальние дистанции, ни вездесущих видеокамер, ни досье на простых граждан. Поэтому было сравнительно легко избежать контроля.

96. Теперь что касается наших конституционных прав. Возьмем, к примеру, свободу прессы. Мы вовсе не намерены отрицать это право: оно предоставляет очень важный инструмент для ограниченной концентрации политической власти и позволяет, в свою очередь, держать в узде тех, кто обладает политической властью, вскрывая

факты их злоупотреблений. Но свобода прессы очень слабо используется средним гражданином. СМИ находятся под почти полным контролем крупных организаций, интегрированных в систему. Конечно, каждый за небольшие деньги может опубликовать или распространить в Интернете что угодно, но все, что он хотел сказать, будет поглощено огромным объемом материала, выкладываемого самими СМИ, а потому его слова не возымеют практического эффекта. Поэтому для большинства частных лиц или небольших групп почти невозможно произвести впечатление на общество одними словами. Возьмем, к примеру, нас. Если бы мы никогда не совершили никакого насилия и отдали бы этот труд издателям, он, вероятно, не был бы принят. Если бы даже его приняли и опубликовали, он, скорее всего, не привлек бы много читателей. Даже если бы этот текст прочли тысячи людей, большинство из них вскоре бы о нем забыли, так как сознание этих воображаемых читателей было бы затоплено массой материала, выложенного перед ними СМИ. Поэтому для того, чтобы наша весть дошла до публики и имела некоторый шанс произвести глубокое впечатление, нам приходится убивать людей.

97. Конституционные права хороши на своем месте, но они не могут гарантировать ничего, кроме того, что может быть названо буржуазной концепцией свободы. В соответствии с буржуазной концепцией «свободный» человек, по существу, элемент социальной машины и имеет только известный набор предписанных и ограниченных свобод. Эти свободы разработаны для нужд социальной машины в большей мере, чем для нужд индивида. Поэтому человек, «свободный» в буржуазном смысле, обладает экономической свободой, потому что она обеспечивает рост и прогресс системы в целом. У него есть свобода прессы, потому что публичная критика сдерживает злоупотребления политических лидеров. У него есть право на справедливый суд, потому что заключение человека в тюрьму по прихоти более сильного плохо скажется на системе. Точно так же на эти вещи смотрел Симон Боливар. Для него люди могли заслужить свободу, только если они использовали ее для целей прогресса (прогресса в его буржуазном понимании). Прочие буржуазные мыслители сходным образом смотрели на свободу как на средство для достижения коллективных целей. Честер К. Тан в своей работе «Политическая мысль в Китае. Век XX» на странице 202 так определяет философию лидера Гоминьдана Ху Ханмина: «Права предоставляются индивиду на том основании, что он является

членом общества и его жизнь в общине требует таких прав. Под общиной Ху имеет в виду нацию в целом». Кроме того, на странице 259 Тан пишет, что согласно Карсуму Чаню (Чань Чунмэю, главе Государственной социалистической партии Китая) свобода должна быть использована в интересах государства и народа как целого. Но о какой свободе идет речь, если ее можно использовать так, как это предписал делать кто-то? Наша концепция свободы не имеет ничего общего с идеями Боливара, Ху, Чаня и прочих буржуазных теоретиков. Беда этих теоретиков в том, что они сделали развитие и применение социальных теорий своей суррогатной деятельностью. В результате мы имеем теории, которые разработаны так, чтобы служить потребностям самих теоретиков, а не потребностям людей, которые, вероятно, сделались бы несчастны, оказавшись в обществе, где эти теории получили бы свое воплощение.

98. Еще одно замечание, которое мы хотим сделать в конце этой главы: если кто-то просто ГОВОРИТ, что он достаточно свободен, это не означает автоматически, что он действительно свободен. Свобода частично ограничена психологическим контролем, который люди не осознают. Часто их идея свободы отражает общественную договоренность, а не их реальные потребности. Например, многие леваки гиперсоциализированного типа заявили бы, что большинство людей, включая их самих, социализировано скорее меньше, чем это необходимо. Между тем гиперсоциализированный левак и так платит тяжелую психологическую цену за высокий уровень социализации.

Некоторые принципы истории

99. Представьте, что история — это сумма двух факторов: случайного фактора (сюда относятся непредсказуемые события, которые не ложатся ни в какие рамки) и регулярного фактора (сюда относятся долговременные исторические направления). Здесь пойдет речь о последних.

100. ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП. Если существовавшее длительное время историческое направление было подвергнуто МАЛЫМ изменениям, эффект от этих изменений почти всегда будет обратимым — река истории вскоре снова повернет в старое русло. (Пример: реформа, призванная покончить с политической коррупцией в обществе,

редко приводит к чему-то, кроме кратковременного эффекта; раньше или позже реформаторы теряют бдительность, и коррупция вползает обратно через те же щели. Уровень политической коррупции в обществе остается постоянным или медленно меняется в ходе эволюции всего общества. Политическая «уборка» только тогда приведет к постоянному эффекту, когда будет сопровождаться широкими общественными переменами; МАЛЫХ изменений в обществе будет недостаточно). Если малые изменения в ходе истории и привели к постоянному эффекту, то это лишь потому, что реформа совпадала с этим ходом, так что реформа не изменила его, а только продвинула на шаг вперед.

101. Первый принцип — это почти тавтология. Если долговременное историческое направление окажется неустойчивым к небольшим изменениям, то события будут развиваться скорее в случайном направлении, чем в определенном; другими словами, окажется, что это историческое направление никакое не долговременное.

102. ВТОРОЙ ПРИНЦИП. Если изменения достаточно сильны, чтобы навсегда изменить историческое направление, значит, они приведут к изменению общества в целом. Другими словами, общество — это система взаимосвязанных частей, и вы не сможете изменить какую-нибудь важную часть без того, чтобы изменить и остальные части также.

103. ТРЕТИЙ ПРИНЦИП. Если изменения достаточно сильны, чтобы привести к переменам внутри господствующего исторического направления, то последствия для общества как целого окажутся непредсказуемыми. (Несмотря на это можно с долей уверенности предсказать, что общество, приближающееся к той стадии, которую уже прошло другое общество, пройдя ее, окажется в таком же положении).

104. ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИНЦИП. Новый тип общества не может быть разработан на бумаге. Это значит, что нельзя спланировать новое общество, построить его и заставить функционировать так, как это было описано в плане.

105. Третий и четвертый принципы вытекают из сложности человеческих обществ. Изменения в человеческом поведении повлияют на экономику общества; экономика на окружающую среду, а изменения в экономике и окружающей среде повлияют на человеческое

поведение, причем сложным, непредсказуемым образом; и так далее. Сеть причин и следствий настолько сложна, что ее невозможно распутать и постичь.

106. ПЯТЫЙ ПРИНЦИП. Люди не выбирают сознательно и разумно форму своего общества. Общества развиваются в ходе эволюционных процессов, которые неподвластны рациональному человеческому контролю.

107. Пятый принцип — следствие из первых четырех.

108. Итого: согласно первому принципу, попытка реформировать общество либо приводит к временному эффекту, либо направление реформы и так совпадает с ходом исторического процесса (таким образом, реформа лишь приближает события, которые произошли бы в любом случае). Для того чтобы произвести глубокие изменения в направлении, в котором развивается любой из важных аспектов общества, реформы недостаточно — требуется революция. (Революция необязательно подразумевает вооруженное восстание или свержение правительства.) Согласно второму принципу, революция никогда не меняет один-единственный аспект общества; и в соответствии с третьим принципом изменения происходят не в том направлении, которого ожидали или желали революционеры. В результате, согласно четвертому принципу, когда революционеры или утописты основывают общество нового типа, оно никогда не функционирует так, как это было запланировано.

109. Американская революция не представляет исключения. Американская революция была не революцией в привычном понимании этого слова, а войной за независимость, последовавшей за достаточно глубокой политической реформой. Отцы-основатели не меняли направления, в котором развивалось американское общество, они и не собирались этого делать. Они просто освободили развитие американского общества от тормозящего воздействия британского управления. Их политическая реформа не изменила ни одной основной политической тенденции, а только продвинула американскую политическую культуру в ее естественном направлении развития. Британское общество, ответвлением которого было общество американское, на протяжении длительного времени двигалось по пути представительной демократии. И незадолго до войны за независимость американцы уже в значительной мере практиковали представительную демократию в ко-

лониальных законодательных органах. Политическая система, учрежденная конституцией, была основана на британской модели и на институте колониальных законодательных органов. Без сомнения, отцы-основатели предприняли очень важный шаг. Но это был шаг на том пути, по которому уже шел англоязычный мир. Великобритания и все ее колонии, населенные преимущественно выходцами с Британских островов, в итоге пришли к системе репрезентативной демократии, по существу сходной с американской.

Если бы отцы-основатели сдались и отказались подписать Декларацию независимости, наш образ жизни сегодня не отличался бы разительно от того, который мы имеем. Может, мы имели бы более тесную связь с Великобританией, парламент и премьер-министра вместо конгресса и президента. Невелика разница. Поэтому Американская революция не противоречит нашим принципам, а хорошо их иллюстрирует.

Революция проще реформы

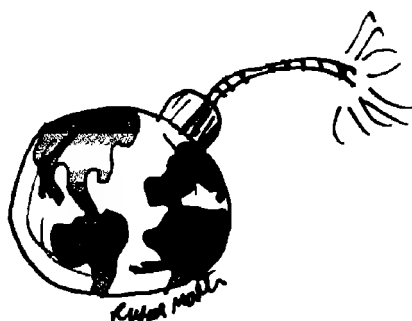
140. Мы надеемся, что убедили читателя в том, что система не может быть реформирована таким образом, чтобы свобода была в мире с технологией. Единственный выход из этой ситуации — целиком отказаться от индустриально-технологической системы. Это подразумевает революцию, необязательно восстание с оружием в руках, но, безусловно, радикальные и фундаментальные перемены в природе общества.

141. Люди склонны считать, что раз революция влечет за собой более глубокие перемены, чем реформа, то она и сложнее в осуществлении. В действительности в известных обстоятельствах революция гораздо проще реформы. Дело в том, что революция может развить в людях убежденность такой силы, на которую не может вдохновить даже самая смелая реформа. Реформаторское движение занято решением всего лишь одной конкретной социальной проблемы. Революционное движение предлагает решить все проблемы одним махом и создать целый новый мир; оно внушает людям идеал, ради которого они идут на великий риск и которому приносят огромные жертвы. По этим причинам гораздо проще опрокинуть технологическую систему в целом, чем каждый раз находить эффективные долгосрочные ограничители развития все новых сегментов технологии, таких, как геновая инженерия. Однако при известных обстоятель-

ствах большое число людей может возложить свою жизнь на алтарь революции против индустриально-технологической системы. Как мы отметили в параграфе 132, реформаторы, ищущие способ ограничить некоторые аспекты технологии, работают всего лишь над тем, как избежать негативных последствий. Но революционеры работают в целях возмездия, в целях осуществления своих революционных видений, поэтому они будут работать упорнее, чем это делают реформаторы.

142. Реформа всегда сдерживается страхом перед болезненностью последствий, которые могут наступить, если изменения зайдут слишком далеко. Но когда общество заражено революционной лихорадкой, люди желают преодолеть бесконечные сложности во имя своей революции. Это ясно видно на примере французской и русской революций. В таких случаях лишь меньшинство населения действительно участвует в революции, но это меньшинство все же достаточно велико и влиятельно для того, чтобы стать доминирующей силой в обществе.

Субкоманданте Маркос

ЧЕТВЕРТАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Опубликовано 23 октября 2001 г.

Следующий текст – это фрагмент выступления субкоманданте Маркоса перед Международной гражданской комиссией обозревателей по соблюдению прав человека в Ла Реалидад, Чьяпас, 20 ноября 1999 г.

Изменение в структуре войны

Согласно нашей концепции, так называемые мировые войны, будь то Первая, Вторая или же те, которые мы называем Третьей и Четвертой, обладают многими постоянными характеристиками.

Одна из них — это завоевание территорий и их реорганизация. Если вы посмотрите на карту мира, то увидите, что после окончания любой из мировых войн в мире происходили перемены, и не только в территориальном отношении, но и в смысле обустройства этих территорий. После Первой мировой войны возникла одна карта мира, после Второй — другая.

В результате окончания того, что мы решаемся назвать «Третьей мировой войной» и что другие называют «холодной войной», тоже состоялось завоевание и последующая реорганизация территорий. Это произошло в конце восьмидесятых и совпало с распадом социалистического лагеря, возглавлявшегося Советским Союзом. И с началом девяностых начало вырисовываться то, что мы называем Четвертой мировой войной.

Другая отличительная черта — это уничтожение противника. В случае Второй мировой войны это был нацизм, и в Третьей — все, что было известно как СССР и социалистический лагерь, противостоявшие капиталистическому миру.

Третья отличительная черта — это управление завоеванным. В момент, когда территории завоеваны, необходимо начать управлять ими так, чтобы это было выгодно победившей силе. Мы часто используем термин «завоевание», потому что мы в этом деле являемся экспертами. Государства, которые раньше назывались национальными, всегда стремились к завоеванию коренных народов. Несмотря на эти постоянные черты, существует ряд переменных, изменяющихся от одной войны к другой — стратегия, участники, т.е. стороны, применяемое ими вооружение, и, наконец, тактика. Несмотря на постоянное изменение тактики, она всегда проявляется и может изучаться для понимания сути той или иной войны.

Третья мировая, или «холодная война», продолжалась с 1946 г. (или, если угодно, с бомбы, сброшенной на Хиросиму в 1945 г.) до 1985 — 1990 гг. Это большая мировая война, состоявшая из множества войн локальных. И, как и во всех остальных, она закончилась завоеванием территорий и уничтожением противника. Следующий шаг — переход к управлению завоеванным и реорганизация территорий. В этой войне были следующие участники: во-первых, две сверхдержавы, — Соединенные Штаты и Советский Союз со своими сателлитами; во-вторых, большинство европейских государств; и, в-третьих — Латинская Америка, Африка и часть Азии и Океании. Страны периферии были вовлечены в орбиты США или СССР, согласно тому, что их больше устраивало. За сверхдержавами и странами периферии находились зрители и жертвы, т.е. остальной мир. Борьба между сверхдержавами не всегда происходила напрямую. Часто это осуществлялось посредством других стран. Тем временем как крупные промышленно развитые государства присоединялись к тому или другому блоку, остальные страны и их население выступали в качестве зрителей или жертв. Основными характеристиками этой войны были: первое — гонка вооружений и второе — локальные войны. Обладая ядерным оружием, две сверхдержавы соревновались между собой в том, сколько раз они могут уничтожить мир. Формой давления на противника была демонстрация превосходящей его силы. И в то же время в разных местах планеты развязывались локальные войны, за которыми стояли сверхдержавы.

Как всем нам известно, результатом оказались поражение и распад СССР и победа США, вокруг которых объединено сегодня подавляющее большинство стран. Именно в этот момент начинается то, что мы называем Четвертой мировой войной. И здесь возникает одна проблема. Результатом предыдущей войны должен был стать однополярный мир — одна страна, доминирующая над всеми остальными.

ми, в мире, в котором у нее нет противников, но для того, чтобы это стало реальностью, этот однополярный мир должен осуществить то, что известно как «глобализация». Представьте себе мир как большую завоеванную территорию, где противник уничтожен. Этим новым миром необходимо управлять, а потому он должен быть глобализован. Поэтому обращаются к информатике, которая в истории развития человечества столь же важна, как когда-то изобретение паровой машины. Информатика позволяет находиться в нескольких местах одновременно, больше нет границ и ни временных, ни территориальных преград. Благодаря информатике начинается процесс глобализации. Стираются разделения, различия, национальные государства, и мир превращается в то, что довольно точно называют мировой деревней.

Концепцию, которая дает основания для глобализации, мы называем «неолиберализмом», это новая религия, которая позволит, чтобы этот процесс был доведен до конца. В этой Четвертой мировой войне опять завоевываются территории, уничтожается противник, и управляются уже захваченные земли.

Вопрос состоит в том, какие территории необходимо завоевывать и кто является противником. Поскольку прежнего противника уже нет, мы утверждаем, что нынешним противником является все человечество. Четвертая мировая война уничтожает человечество по мере того, как глобализация универсализует рынок, и все человеческое, что возникает на пути рыночной логики, объявляется враждебным и подлежит уничтожению. В этом смысле все мы являемся противником, который должен быть побежден, — индейцы, не индейцы, правозащитники, учителя, интеллектуалы, люди творчества. Любой, считающий себя свободным и таковым не являющийся.

В этой Четвертой мировой войне применяется то, что мы называем «разрушением». Территории разрушаются и освобождаются от людей. Во время ведения войны территорию противника необходимо разрушить, превратить в пустыню. Но не просто из страсти к разрушению, а для того чтобы, потом восстановить и заново упорядочить. В чем состоит основная проблема глобализации этого однополярного мира? В национальных государствах, сопротивлениях, культурах, формах взаимоотношений внутри каждого из народов, во всем том, что их делает разными. Разве может эта деревня стать мировой и весь мир одинаковым, если все такие разные? Когда мы говорим о необходимости разрушить и опустошить национальные государства, это не обязательно означает физическое уничтожение людей, но обязательно — уничтожение различных

форм человеческих взаимоотношений. После разрушения необходимо восстанавливать. Восстанавливать территории и отвести этим людям в них место. Место, которое определяют законы рынка. Именно к этому ведет глобализация.

Первое препятствие — это национальные государства; необходимо напасть на них и их разрушить. Нужно уничтожить все, что делает государство «национальным»: язык, культуру, экономику, политическую структуру и социальную ткань. Национальные языки больше не нужны, необходимо их ликвидировать и утвердить новый язык. Этот язык — не английский, как могут подумать, этот язык — информатика. Надо свести к одному все языки, перевести их на язык информатики, даже если этот язык — английский. Все культурные аспекты, делающие француза французом, итальянца — итальянцем, датчанина — датчанином, мексиканца — мексиканцем, должны быть разрушены, потому что это барьеры, мешающие доступу к глобализованному рынку. Вопрос уже не состоит в том, как создать один рынок для французов, а другой — для англичан или для итальянцев. Нужно создать один-единственный рынок, где один и тот же человек сможет потреблять один и тот же продукт в любой части мира, и где этот человек будет вести себя как гражданин мира, а не как гражданин национального государства.

Это значит, что история культур, история традиций сталкивается с этим процессом и является в Четвертой мировой войне противником. Особенно серьезно это для Европы, где проживают народы с очень давними традициями. Французская, итальянская, английская, немецкая, испанская и прочие культурные логики — все, что не может быть переведено на терминологию информатики и рынка — являются для этой глобализации препятствиями. Товары будут теперь циркулировать по каналам информатики, и все остальное должно быть или убрано, или отложено в сторону. Национальные государства обладали своей собственной экономической структурой и тем, что называлось «национальной буржуазией», капиталистами, проживавшими в своей стране и там же получавшими прибыль. Это продолжаться больше не может — если вопросы экономики решаются на мировом уровне, экономическая политика любого из национальных государств, которое попытается защитить интересы своих национальных капиталов, будет объявлена врагом в этой войне. Договор о свободной торговле и то, что привело их к Европейскому Союзу и евро — все это симптомы глобализации экономики, хотя, как это происходит с Европой, речь вначале заходит лишь о глобализации региональной. Национальные государства пытаются выстраивать

свои политические взаимоотношения, но сейчас политические взаимоотношения уже не годятся. Я не называю их плохими или хорошими; проблема в том, что эти политические взаимоотношения являются препятствием для действия рыночных законов. Национальный политический класс уже стар и должен быть заменен. Напрягите вашу память и попытайтесь припомнить имя хотя бы одного сегодняшнего крупного европейского государственного деятеля. Скорее всего, вам это не удастся. Самые главные персонажи Европы эпохи евро — это такие личности, как банкир, Президент Бундесбанка. То, что он скажет, предопределяет политику президентов и премьер-министров разных стран Европы.

И если социальная ткань сейчас разорвана, бывшие отношения взаимопомощи, делавшие возможным сосуществование внутри национальных государств, сегодня тоже рвутся. И это питает различные кампании, направленные против гомосексуалистов и лесбиянок, против мигрантов, различные кампании ксенофобии. Все, что раньше находилось в определенном равновесии, разлетается вдребезги в момент, когда эта война атакует национальное государство и превращает его в нечто совершенно другое.

Речь идет о сведении всех к общему знаменателю, о превращении всех нас в существа совершенно одинаковые и об утверждении в мире только одного образа жизни. Главным развлечением при этом должна стать информатика, работой должна стать информатика, главной человеческой ценностью должно стать количество кредитных карточек, а также покупательная и производительная способности. В случае с преподавателями это очень просто. Уже не важно, у кого больше знаний и опыта, сейчас главное — кто проводит больше исследований: от этого зависят зарплаты, социальная защита и место в университете.

Все это тесно связано с североамериканской моделью. Тем не менее, эта Четвертая мировая война приводит к противоположному эффекту, называемому нами «расщеплением». Парадоксальным образом мир не превращается в одно целое, а наоборот, раскалывается на множество осколков. Несмотря на то, что как предполагается, граждане мира должны становиться между собой все более похожими, из существующих ныне различий возникают все новые и новые — гомосексуалисты и лесбиянки, молодежь, мигранты. Национальные государства действуют как одно большое государство-земля-акционерное-общество, дробящее нас на множество осколков.

Если вы посмотрите на карту мира этого периода — окончания Третьей мировой войны — и проанализируете историю последних

восьми лет, вы увидите, что произошло значительное переустройство мира, особенно в Европе. Где раньше была одна страна — сейчас их стало много; карта мира продолжает дробиться. Таков парадоксальный результат Четвертой мировой войны. Вместо глобализации мир раскалывается, и вместо того, чтобы под действием этого механизма все жители мира становились все более похожи и подчинены ему, между ними возникает все больше и больше различий. Глобализация

Зовущий в будущее взгляд субкоманданте

и неолиберализм превращают мир в архипелаг. И этому необходимо навязать рыночную логику, подвести все под общий знаменатель. Это мы называем «финансовой бомбой».

Одновременно с возникновением людей, отличных от других, различия умножаются. У каждого молодого человека — своя любимая группа, свои понятия о жизни, например, панки и бритоголовые есть в каждой стране.

Сейчас отличные не только отличны, но и множат свои различия и ищут собственную идентичность. Очевидно, что Четвертая мировая война не предлагает им зеркало, где они могут увидеть себя в том, что объединяет их с остальным человечеством, напротив, им предлагается разбитое зеркало. И каждый выбирает доставшийся ему осколок и с ним — свое поведение в жизни. Пока власть чувствует, что в ее руках — контроль над архипелагом, над людьми, над территориями, она за себя спокойна.

Мир разлетается на множество осколков, больших и маленьких. Уже не существует континентов, в том смысле, что кто-то чувствует себя европейцем, африканцем или американцем. То, что предлагает глобализация неолиберализма — это сеть, сплетенная финансовым капиталом, или, если угодно, финансовой властью. Если в этом ее узле кризис, его эффект будет амортизирован остальной ее частью. Если в одной из стран существует определенный уровень благополучия, его эффект не распространится на остальные страны. Таким образом, эта сеть — недействительна, все то, что нам об этом говорили, — ложь мирового масштаба, столько раз повторенная лидерами Латинской Америки, будь то Менем, Фухимори, Седильо или другие руководители соответствующих моральных качеств. В действительности оказывается, что сеть эта сделала национальные государства гораздо

более уязвимыми. Сейчас она заканчивает их уничтожение, и на этот раз — за счет внутренних эффектов. И любые усилия любой из стран по достижению внутреннего равновесия и поиск собственного пути для ее народа оказываются тщетными. Все зависит от того, что произойдет в одном из японских банков, от того, как поведет себя русская мафия или спекулянт в Сиднее. Так или иначе, национальные государства спастись не могут, их приговор окончателен и обжалованию не подлежит. Когда национальное государство соглашается на вступление в эту сеть, потому что нет другого выхода, его к этому вынуждают, хочет оно того или нет, оно подписывает собственный смертный приговор.

В результате мировой рынок стремится к одному — к превращению всех этих островов не в страны, а в свои торговые центры. Можно попасть из одной страны в другую и увидеть везде одни и те же продукты, уже нет никакой разницы. В Париже и в Сан-Кристобале-де-Лас-Касас можно потреблять одно и то же; находясь в Сан-Кристобале-де-Лас-Касас, можно в то же время быть и в Париже и получать одни и те же новости. Это — конец национальных государств. И не только их — это конец людей, из которых состоят эти государства. Единственное, что важно, — это закон рынка, и именно он определяет, что если ты производишь столько-то, то стоишь столько-то, и если потребляешь столько-то, то стоишь столько-то. Достоинство, сопротивление, солидарность — помехи. Все, что мешает превращению человека в машину по производству и покупке товаров, — это враг, который должен быть уничтожен. Поэтому мы говорим, что противником в этой Четвертой мировой войне является весь род человеческий. Не уничтожая его физически, она уничтожает в нем все человеческое.

Но как это ни парадоксально, с разрушением национальных государств достоинство, сопротивление и солидарность вновь возникают и вновь. И нет уз более сильных и прочных, чем те, что существуют между группами отличных от других — между гомосексуалистами, лесбиянками, молодежью и мигрантами. А потому эта война заключается и в нападении на тех, кто отличается. Именно в этом — причины мощных расистских кампаний в Европе и Соединенных Штатах против тех, у кого смуглая кожа, тех, кто говорит на другом языке или принадлежит к другой культуре. В том, что остается от национальных государств, ксенофобия культивируется в виде угроз типа: «эти турецкие мигранты хотят отобрать у тебя работу», «эти мексиканские мигранты приехали к нам, чтобы насиловать, воровать и распространять среди нас свои дурные привычки». Национальные госу-

дарства, или то небольшое, что от них остается, поручают новым гражданам мира миссию избавления от мигрантов. И поэтому процветают такие группы, как Ку-Клукс-Клан, и к власти приходят такие «бессребреники», как Берлускони. Все они приносят свой вклад в кампанию по ксенофобии. Ненависть к другим, преследования всех, отличных от остальных, становятся мировым явлением. Перед лицом этой агрессии различия множатся и укрепляются. Хорошо это или плохо, не мне судить, но сегодня это так.

✽

Война ведется не только оружием

В чисто военном отношении у Третьей мировой войны была своя логика. В первую очередь эта война была конвенциональной, строившейся на том, что я выставляю моих солдат, ты выставляешь своих, мы сражаемся, и выживший побеждает. Это происходило на одной специально отведенной для этого территории, которой в случае сил Организации Североатлантического альянса, НАТО и сил Варшавского договора являлась Европа. С началом этой конвенциональной, т.е. ведущейся между армиями, войны была начата и гонка вооружений.

Рассмотрим некоторые детали. Это (показывает винтовку.) — полуавтоматическое оружие, и называется оно AP-15, автоматическая винтовка. Ее создали для войны во Вьетнаме и разобрать ее можно очень быстро (Разбирает ее.), и готово. Когда ее сделали, североамериканцы думали о сценарии конвенциональной войны, т.е. о столкновении крупных воинских контингентов — мол, отправим много солдат, бросим их в бой, и кто-нибудь да останется. В то же время, Варшавский договор разрабатывал автоматическую винтовку Калашникова, больше известную, как АК-47, оружие с большой огневой мощностью на коротких дистанциях, до 400 метров. Советская концепция подразумевала волновые атаки войск, сначала выдвигалась и открывала огонь первая линия, и если она гибла, в бой вступали вторая и третья. Побеждал тот, у кого больше солдат. Тогда североамериканцы пришли к выводу, что «старая винтовка «Гаранд» времен Второй мировой войны нам уже не годится. Теперь нам нужно оружие с большой огневой мощностью для коротких дистанций». Так они разработали AP-15 и испытали ее во Вьетнаме. Но она себя не оправдала. Когда их атаковал Вьетконг, затвор не закрывался, и винтовка делала осечку. Но это был не фотоаппарат, а оружие. Потом они попытались решить

эту проблему при помощи модели M-16A1. Здесь загвоздка заключалась в том, что в этой винтовке используются два вида патронов. Один, гражданский, сечением в 2,223 дюйма — их можно купить в любом магазине Соединенных Штатов. И другой — 5,56-миллиметровый, находящийся, исключительно в пользовании сил НАТО. Эта пуля очень эффективна и у нее есть одна хитрость. Целью войны является нанесение противнику потерь, а не убийство его солдат, потому что потерей в армии считается просто вывод солдата из строя, когда он уже не может воевать. Женевская конвенция — договор с целью гуманизации войны — запрещает разрывные пули, потому что когда они попадают в цель, они гораздо более разрушительны и смертельны, чем обычные пули с твердым сердечником.

«Поскольку цель в повышении числа раненых и понижении убитых, — сказали в Женеве — запретим разрывные пули». Попадание пули с твердым сердечником выводит тебя из строя, ты являешься потерей, но оно, если только пуля не поражает жизненно важный центр, тебя не убивает. Для выполнения Женевской конвенции и осуществления своей хитрости североамериканцы создали пулю с мягким сердечником, которая, входя в человеческое тело, надламывается и начинает вращаться. Входное отверстие одного размера, а выходное — намного больше. Эта пуля намного хуже разрывной и не нарушает договоров. Тем не менее, если она попадает тебе в руку — ты остаешься без руки. Пуля 162 может пробив тебя насквозь, разорвать на куски, а не только ранить. И как бы случайно мексиканское правительство только что купило 16 тысяч этих пуль.

То есть для каждого конкретного сценария создавалось соответствующее оружие. Предположим, что ядерное оружие использовать не хотели. Что же использовали? Большие количества солдат против больших количеств солдат. И так были созданы доктрины конвенциональной войны НАТО и Варшавского договора.

Второй возможностью была ограниченная ядерная война, война с использованием ядерного оружия, но только в некоторых определенных местах. Между двумя сверхдержавами существовала договоренность не атаковать друг друга на собственных территориях, а вести войну исключительно на территории нейтральной. Излишне говорить, что этой территорией была Европа. Именно в ней должны были падать бомбы, а там уж было бы видно, кто останется в живых в Европе Западной и в той, которая называлась Восточной.

И последней возможностью Третьей мировой войны была всеобщая ядерная война, оказавшаяся большим бизнесом, бизнесом века.

Логика ядерной войны заключалась в том, что в ней не могло быть победителя, неважно, кто начинал и как бы ни начинал, другой обязательно успел бы ответить. Взаимное разрушение было гарантировано, и с самого начала стороны просто отказались от такой возможности. И этот вариант превратился в то, что в терминах военной дипломатии стало называться «политикой сдерживания».

Для того чтобы Советы не использовали против них свое ядерное

оружие, американцы создали множество собственного ядерного оружия, и чтобы американцы не использовали его, Советы создали еще больше ядерного оружия, и так по нарастающей. Называлось это оружие межконтинентальным баллистическим, и были это ракеты, способные долететь из России до Соединенных Штатов и из Соединенных Штатов в Россию. Стоили они бешеных денег, и сейчас они уже ни на что не годны. Существовали и другие виды ядерного оружия для местного использования, которые должны были быть применены в Европе в случае локальной ядерной войны.

В самом начале этой фазы, в 1945 г., такая война имела определенный смысл, потому что Европа была разделена на две части. Военная стратегия (а говорим мы сейчас об аспектах чисто военных) заключалась в следующем: некоторые продвинутые посты непосредственно перед позициями противника, за ними — постоянная стратегическая линия, и уже за ней — тылы, в данном случае Соединенные Штаты или Советский Союз. Со стратегической линии производи-

лось снабжение продвинутых постов. В воздухе 24 часа в сутки находились огромные «летающие крепости» Б-52, несущие на себе ядерные бомбы и благодаря дозаправке в воздухе не нуждавшиеся в посадке. И существовали пакты: пакт НАТО, Варшавский договор и СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии), что-то наподобие НАТО азиатских стран. Эта схема вводила в действие локальные войны. Все это имело свою логику, и было логично воевать во Вьетнаме, который был одним из согласованных сценариев. В роли продвинутых постов выступали местные армии или повстанцы, фун-

Батько Сапата — легенда современных партизан

кцию стратегических линий выполняли линии подпольной или легальной поставки оружия, и в роли тыла выступали две сверхдержавы. Была еще договоренность о зонах, которым отводилась роль зрителей. Наиболее очевидные примеры этих локальных войн — латиноамериканские диктатуры, азиатские конфликты, в частности Вьетнам, и войны в Африке. Казалось, что это не имело абсолютно никакой логики, потому что в большинстве случаев было совершенно непонятно, что происходит, но все происходившие события были частью этой схемы конвенциональной войны.

Именно в это время — и это важно — разрабатывается новая концепция «тотальной войны»: в военную доктрину включаются элементы, которые не являются военными. Например, во Вьетнаме, начиная с наступления в Тете (1968 г.) и заканчивая взятием Сайгона (1975 г.), средства информации превращаются в новый очень важный фронт боевых действий. Так, среди военных развивается идея о том, что только одной военной мощи недостаточно — необходимо включить в войну и другие элементы, такие, как средства информации. И что противника можно атаковать и средствами экономическими, и политическими и даже дипломатическими, особая роль в которых отводится Организации Объединенных Наций и международным организациям. Некоторые страны организовали акты саботажа, чтобы добиться осуждения и обвинений в адрес других, что было названо «дипломатической войной».

Все эти войны следовали логике домино. Как это несерьезно ни звучит, но казалось, что два соперника играли в домино с остальным населением мира. Один из противников клал свою фишку, и другой старался ответить своей, чтобы осложнить сопернику продолжение игры. Это — логика просвещенного деятеля по имени Киссинджер, государственного секретаря США времен войны во Вьетнаме, говорившего: «Мы не можем уйти из Вьетнама, потому что это значило бы сдать другим партию домино в Юго-Восточной Азии». И поэтому они сделали во Вьетнаме то, что сделали.

Кроме этого, предпринимались попытки возродить логику Второй мировой войны. Для большинства населения ее логика была окрашена героизмом. В ней — образ морской пехоты, освобождающей Францию от диктатуры, освобождающей Италию от дуче, освобождающей Германию от гитлеровцев, со всех сторон наступающей Красной Армии. Разумеется, смыслом Второй мировой было уничтожение врага, угрожавшего всему человечеству — национал-социализма. Поэтому в той или иной форме локальные войны попытались возродить идею того, что «мы защищаем свободный мир», но на этот раз роль национал-социализма

отводилась Москве. И Москва в свою очередь делала то же самое — обе сверхдержавы старались использовать как аргумент «демократию» и «свободный мир», согласно своим собственным понятиям.

Потом наступает Четвертая мировая война, аннулирующая все предыдущее, потому что мир уже стал другим и ту же самую стратегию применить невозможно. Концепция «тотальной войны» развивается все больше — теперь это уже не только война на всех фронтах, но и война, которая может вестись в любом месте, тотальная война, при которой в игру включен весь мир. «Тотальная война» — значит в любой момент, в любом месте и при любых обстоятельствах. Уже не существует идеи боя за какое-то конкретное место, бой может быть дан в любой момент; больше нет логики эскалации конфликта и обмена угрозами, захвата позиций и попыток продвинуться. Конфликт может возникнуть в любой момент и при любых обстоятельствах. Он может быть вызван какой-нибудь внутренней проблемой, каким-нибудь диктатором и всем тем, чем были вызваны войны последних пяти лет — от Косово до войны в Персидском заливе. Таким образом, отменяется вся военная рутина «холодной войны».

В рамках Четвертой мировой невозможно вести войну, исходя из критериев Третьей, потому что сейчас мне уже необходимо воевать в любом месте, я не знаю, ни куда попаду, ни когда это случится, я должен действовать быстро, про обстоятельства, ждущие меня в этой

Другая Мексика

войне, мне тоже ничего не известно. Чтобы решить эту проблему, военные разработали сначала стратегию «быстрого развертывания». Примером ее может служить война в Персидском заливе, потребовавшая большого накопления военной силы в короткий промежуток времени, крупномасштабных боевых действий в течение короткого времени, завоевания территорий и отхода. Вторжение в Панаму — это другой пример действия этих сил «быстрого развертывания». Кстати, в НАТО тоже есть контингент войск, именуемый «силами быстрого реагирования». Быстрое развертывание заключается в том, что мощь колоссальной военной машины обрушивается на врага и не делает различия между детской больницей и заводом по производству химического оружия. Это происходило в Ираке — умные бомбы оказались достаточно глупы. И на этом они остановились, потому что поняли, что обходится им это очень дорого и толку от этого мало. В Ираке они осуществили развертывание, но завоевания территорий не было. Возникли проблемы с местными протестами, появились международные наблюдатели за соблюдением прав человека.

И американцы вынуждены были отступить. Вьетнам их уже научил тому, что настаивать в этих случаях неразумно. «Нет, мы уже не можем этого делать», — сказали они. Тогда они перешли к стратегии «проекции силы». «Вместо продвинутых позиций на североамериканских базах по всему миру сконцентрируем лучше все в одну большую континентальную силу, которая в считанные дни и часы сможет перебросить наши боевые соединения в любую точку мира». И действительно, за четыре дня они могли доставить в самое отдаленное место планеты дивизию из четырех или пяти тысяч солдат, и больше, с каждым разом все больше.

Но если проекция силы опирается на своих, т.е. североамериканских солдат, возникает проблема. Американцы считают, что если конфликт не будет разрешен быстро, и начнут приходить body bags, убитые, как во Вьетнаме — это сможет вызвать множество внутренних протестов, как в Соединенных Штатах, так и за их пределами. Для того чтобы избежать этих проблем, они отказались от идеи проекции силы, следуя при этом, насколько мы понимаем, чисто меркантилистским расчетам. Они подсчитывали не масштабы уничтожения живой силы или природы, а степень ущерба для своего рекламного имиджа. Таким образом, идея войны-проекции была отложена в сторону, и они перешли к разработке новой военной модели с участием местных солдат плюс международная поддержка плюс еще одна наднациональная инстанция. Уже не нужно никуда отправлять солдат, потому что воевать можно будет за счет солдат чужих, местных,

оказывать им поддержку, согласно требованиям, возникающим в ходе конфликта, и не использовать схему, при которой войну объявляет одна страна — необходимо прибегнуть к инстанции международной, такой, как ООН или НАТО. Тем самым делающими грязную работу оказываются солдаты местные, а в новостях появляются американцы и получаемая ими международная поддержка. Такая вот модель.

Маркос на фоне граффити

Протестовать уже бесполезно — эти войны не ведет правительство Соединенных Штатов, это война НАТО, и, кроме того, единственное, что делает НАТО — это оказывает услуги и помощь ООН.

Реорганизация армий во всем мире проводится для того, чтобы они смогли, пользуясь международной поддержкой, под национальным прикрытием и под видом войны гуманитар-

ной, принять участие в локальном конфликте. Речь сейчас идет о спасении населения от геноцида путем его уничтожения. Именно это произошло в Косово. Милошевич начал войну против человечества — «если мы воюем с Милошевичем, значит, мы защищаем человечество». Это был аргумент, использованный генералами НАТО и принесший столько проблем европейским левым — выступить против бомбардировок НАТО значило для них поддержать Милошевича, и поэтому они предпочли поддержать бомбардировки НАТО. И, как вам известно, — Милошевича вооружили Соединенные Штаты. В действующей сегодня военной концепции весь мир, будь то Шри Ланка или любая самая отдаленная страна планеты есть задний двор, потому что процесс глобализации вызывает эффект одновременности. И здесь-то и зарыта собака — в этом глобализованном мире все, что бы ни произошло в любом его месте, затрагивает интересы нового международного порядка. Мир уже перестал быть миром, он — деревня, и все очень близко. Поэтому главные полицейские мира, и, в частности, Соединенные Штаты, имеют право на вмешательство в любой момент, в любом месте и при любых обстоятельствах. Все что угодно они могут воспринять как угрозу своей внутренней безопасности — например, они могут решить, что восстание индейцев в Чьяпас или тамилы на Шри-Ланке или что угодно другое таит для них непосредственную угрозу. Любое дви-

жение в любом месте планеты, причем совершенно необязательно вооруженное, может быть воспринято ими как угроза их внутренней безопасности.

Что же случилось? Почему исчезли старые военные стратегии и концепции? Рассмотрим это подробнее.

«Театр военных действий» — это термин, указывающий на место, где ведется война. В Третьей мировой войне театром военных действий была Европа. Сейчас уже неизвестно, где может вспыхнуть конфликт, это может произойти в любом месте и не обязательно в Европе. Поэтому военная доктрина переходит от того, что называлось «системой», к тому, что они называют «гибкостью». «Я должен быть готов действовать, как угодно и в любой момент. Одной схемы мне уже недостаточно, мне необходимо множество схем, причем не только чтобы выстроить ответ на определенные события, а для того, чтобы выстроить множество военных ответов на определенные события». И здесь открывается широкое поле деятельности для информатики. Эта перемена вызывает переход от систематического, квадратного и жесткого к гибкому, к тому, что может измениться в любой момент. И это определит всю новую военную доктрину армий, воинских корпусов и солдат. В этом заключается один из основных элементов Четвертой мировой войны. Другой ее элемент — это переход от «стратегии сдерживания» к стратегии «расширения» или «распространения»; речь идет уже не только о завоевании территорий и сдерживании противника, сейчас важно суметь распространить конфликт на то, что они называют «невоенными акциями». В случае с Чьяпас это выражено в постоянном снятии и назначении губернаторов и муниципальных председателей, с изменением тактики в отношении прав человека, средств информации и т.д.

В новую военную концепцию включена интенсификация завоевания территорий. Это значит, что уже недостаточно покончить только с САНО и ее военными силами, нужно заняться еще и церковью, неправительственными организациями, международными обозревателями, прессой, гражданскими и т.д. Уже нет гражданских и нейтральных. Весь мир — участник конфликта.

Это подразумевает то, что национальные армии уже не годятся, потому что им уже не надо защищать национальные государства. Если национальных государств больше нет, что им защищать? Согласно новой доктрине, национальным армиям отводится роль местной полиции. В случае Мексики это хорошо видно — мексиканская армия каждый раз все больше занята чисто полицейской деятельностью, такой, как борьба с наркобизнесом, или же возникает новый орган по борьбе с организованной преступностью, ко-

торый называется Федеральной полицией по предупреждению преступности и состоит из военных. Речь, стало быть, о превращении национальных армий в полицию, в стиле североамериканского комикса о Суперполицейском. Когда будет проведена реорганизация армии в бывшей Югославии, она превратится в местную полицию и НАТО станет ее Суперполицейским, говоря в политических терминах, ее старшим партнером. Звездой в этих случаях является наднациональная инстанция — НАТО или армия США, местные армии — это часть массовки.

Но национальные армии были созданы, исходя из доктрины «национальной безопасности». Если имелся враг или угроза безопасности страны, их работа заключалась в поддержании этой безопасности, иногда перед лицом внешнего противника, а иногда перед внутренним врагом, дестабилизирующим страну изнутри. В этом заключалась доктрина Третьей мировой войны или войны «холодной». Учитывая этот момент, в рядах национальных армий был развит определенный уровень национального сознания, затрудняющий их превращение сегодня в полицейских друзей Суперполицейского. Поэтому доктрину национальной безопасности необходимо превратить в доктрину «национальной стабильности». Дело уже не в защите страны. Поскольку главным врагом национальной стабильности является наркобизнес и явление это мировое, национальные армии, действующие в рамках доктрины национальной стабильности, готовы к получению международной помощи и к международному вмешательству в других странах.

Во всем мире существует проблема реорганизации национальных армий. Рассмотрим ее на примере Латинской Америки. Процесс этот в общих чертах тот же, что и в Европе в случае войны НАТО в Косово. В Латинской Америке существует Организация Американских государств (ОАГ), обладающая Системой Защиты Полушария. Согласно идее бывшего аргентинского президента Менема, все латиноамериканские страны находятся под угрозой, и нам необходимо объединиться, лишить наши армии национального сознания и под знаменем доктрины системы защиты полушария и под предлогом борьбы с наркобизнесом создать одну большую армию. Учитывая при этом, что речь идет о гибкости, т.е. о готовности начать войну в любой момент, в любом месте и при любых обстоятельствах, начинаются маневры. Эта система защиты полушария должна покончить с немногими до сих пор существующими бастионами национальной обороны. В Европе это было Косово, в случае Латинской Америки

это Колумбия и Чьяпас. Как создать эту систему защиты полушария? Есть два пути. В Колумбии¹, где существует угроза наркобизнеса, правительство обращается ко всем с просьбой о помощи: «необходимо вмешаться, потому что наркобизнес — это угроза не только для Колумбии, но и для всего континента». В случае с Чьяпас применяется формула тотальной войны. В ней участвуют все, нейтральных нет, или ты союзник, или ты противник.

Новое завоевание

В процессе дробления, превращая мир в архипелаг, финансовая власть стремится к созданию нового торгового центра в Чьяпас, Белизе и Гватемале, который будет развивать туризм и контролировать природные богатства.

В этих местах много нефти и урана, а еще здесь — вот беда! — много индейцев. И индейцы мало того, что не говорят по-испански, не хотят иметь кредитных карточек, ничего не производят, заняты выращиванием маиса, фасоли, перца и кофе, и, кроме того, у них хватает наглости танцевать маримбу и не пользоваться при этом компьютером. Они не потребители и не производители. Они лишние, а все лишнее должно быть уничтожено. Но они не хотят ни уходить, ни переставать быть индейцами. Более того, их борьба — не за власть. Они борются за то, чтобы их признали как индейские народы, чтобы признали их право на существование, не заставляя их превращаться в других. Но все дело в том, что здесь, на этой территории, пребывающей в состоянии войны, на сапатистской территории, находятся основные индейские культуры, их языки — и богатейшие нефтяные месторождения. В САНО участвуют семь индейских народов — цельталь, цоциль, тохолабаль, чоль, соке, мам, — и метисы. Это карта Чьяпас — общины с индейским населением, нефтью, ураном и ценными породами дерева.

¹ Вот уже более сорока лет на территории Колумбии существует партизанский район Маркеталия, то сжимающийся до отдельных труднодоступных очагов, то расширяющийся до размеров среднего европейского государства. Повстанческая автономия контролируется так называемой «Армией Народа» — партизанскими отрядами, ориентированными на идеи председателя Мао и местные традиции индейского сопротивления. США регулярно предлагают свои услуги по наведению порядка официальным колумбийским властям, используя «кокаиновый бизнес», как главный аргумент против партизан. В последнее время колумбийский автономный район пытаются связать с «международной террористической осью», т.к. в рядах лесных братьев замечены добровольцы из незаконных вооруженных формирований других стран, например, ольстерских ИРА. — Прим. ред.

И индейцев этих надо убрать отсюда, потому что они не воспринимают землю так, как это понимает неолиберализм. Для неолиберализма все является товаром, все продаваемо и эксплуатируемо. И эти индейцы смеют говорить «нет», потому что земля — это мать, что она хранит их культуру, что в ней живет их история, и что в ней живут их мертвые. Сплошной абсурд, который не вмещается ни в один из компьютеров и не котируется ни на одной из бирж. И совершенно невозможно убедить их в том, чтобы они вернулись к благоразумию, научить их думать правильно — не хотят и все тут. И даже восстали с оружием в руках. Именно поэтому, считаем мы, мексиканское правительство не хочет мира, а хочет оно — покончить с этим противником, опустошить эту территорию, а потом вновь организовать ее и превратить в большой торговый центр, в Супермаркет юго-востока Мексики. САНО поддерживает индейские народы, поэтому она тоже враг, но не главный. Договориться с САНО было бы недостаточно, тем более что договориться с САНО значило бы отказаться от захвата территории, богатой нефтью, ураном и ценными породами дерева. Поэтому они этого не допустили и не допустят.

Субкоманданте Маркос

ПРИВЕТСТВИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОМАНДОВАНИЯ САНО НА ОТКРЫТИИ ПЕРВОЙ МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ВСТРЕЧИ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ПРОТИВ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

27 июля 1996 г.

«Агуаскальетес II»¹, Овентик, Сан Андреи
Сакамчен де лос Побрес, Чьяпас, Мексика

Братья и сестры из Азии, Африки, Океании, Европы и Америки!
Добро пожаловать в горы юго-востока Мексики.

Мы хотим представиться.

Мы — *Сапатистская армия национального освобождения*.

Десять лет мы жили в этих горах, готовясь к нашей войне.

В этих горах мы создали армию.

Внизу, в городах и асьендах, нас не существовало.

Наши жизни стоили меньше, чем машины и животные.

Мы были как камни, как растения на дорогах.

У нас не было слова.

У нас не было лица.

У нас не было имени.

У нас не было завтра.

Нас не существовало.

Для власти, той, которая стоит сегодня во всем мире за словом «неолиберализм», мы не существовали, поскольку не производили, не покупали и не продавали.

Мы были мертвы для планов крупного капитала.

Тогда мы ушли в горы, чтобы отыскать себя и попробовать утолить нашу боль среди забытых камней и растений.

¹ Название культурных центров, построенных сапатистами в чьяпасской сельве для встреч с представителями гражданского общества и прочих, подобных этой, целей. — Прим. пер.

Здесь, в горах юго-востока Мексики, живут наши мертвые. Многие известно нашим мертвым, живущим в этих горах.

С нами говорила их смерть, и мы слушали.

Мы услышали другую историю, ту, которая возникает из вчера и стремится в завтра.

Горы обратились к нам, *масеуалоб*, людям простым и обычным.

Мы простые люди, как говорят о нас власть имущие.

Победить или умереть!

Все дни и тянущиеся за ними ночи хочет власть имущий танцевать перед нами *х-толь* и продолжать свое беспощадное шествие.

Кас-гсуль, ложный человек, правит нашими землями и владеет машинами войны, которые как *бооб*, что наполовину пума и наполовину конь, распределяют между нами боль и смерть.

Нами правит плохое правительство, *алуксоб*, лжецы, которые обманывают и дарят забвение нашим людям.

Поэтому мы стали солдатами.

Поэтому мы остаемся солдатами.

Потому что не хотим больше для наших близких смерти и обмана, потому что не хотим забвения.

Горы велели нам взять в руки оружие, чтобы обрести голос.

Горы велели нам укрыться маской, чтобы обрести лицо.

Горы велели нам забыть наше имя, чтобы обрести настоящее имя.

Горы велели нам похоронить наше прошлое, чтобы обрести будущее.

В горах живут мертвые, наши мертвые.

С ними живут *Вотан* и *Ик'аль*, свет и мрак, влага и сухость, земля и ветер, дождь и огонь.

Горы — это дом *Алач уиник*, настоящего человека, высокого вождя.

Здесь мы научились помнить о том, что мы есть те, кто мы есть, настоящие мужчины и женщины.

И теперь с голосом, вооружившим наши руки, с вновь обретенным лицом и переменив наше имя, наше вчера вошло в центр четырех точек *Чан Санта-Крус* в *Балам на*, и родилась звезда, которая определяет человека и напоминает о том, что мир создан из пяти частей.

Во времена, когда проскакали на своих конях *чаакоб*, несущие дождь, мы еще раз спустились, чтобы говорить с близкими и подготовить грозу, которая укажет время посева.

Мы родились в войне с белым годом и начали этот путь, приведший нас к вашему сердцу, и сегодня он привел вас к сердцу нашему.

Мы — это *Сапатистская армия национального освобождения*.

Голос, который вооружился, чтобы быть услышанным.

Лицо, которое скрылось, чтобы быть увиденным.

Имя, которое умолкло, чтобы быть названным.

Красной звездой, зовущей человека и мир слушать, видеть, называть.

Завтрашним днем, который пожинается во вчерашнем.

За нашим черным лицом.

За нашим воинственным голосом.

За нашим неназываемым именем.

За нами, которых вы видите.

Находитесь вы.

Те же обыкновенные и простые мужчины и женщины, которые повторяются во всех расах, отражают все цвета, говорят на всех языках и живут повсюду.

Те же забытые мужчины и женщины.

Те же отверженные.

Те же нетерпимые.

Те же преследуемые.

Мы — это те же вы.

За нами находитесь вы.

За нашими масками — лицо всех отверженных женщин.

Всех забытых коренных народов.

Всех преследуемых гомосексуалистов.

Всей презираемой молодежи.

Всех избиваемых мигрантов.

Всех, томящихся в тюрьмах за свои слова и мысли.

Всех униженных трудящихся.

Всех мертвых от забвения.

Всех простых и обычных мужчин и женщин, которые не учтены, не видимы, не названы, которые лишены завтрашнего дня.

Братья и сестры!

Возможен ли сапатизм на Луне?

Мы пригласили вас на эту встречу, чтобы найти вас и встретиться с собой и с другими.

Всем вам мы раскрываем наши сердца, чтобы вы увидели, что в нас нет ничего особенного.

Вы должны увидеть, что мы — простые и обычные мужчины и женщины.

Вы должны увидеть, что мы — восставшее зеркало, которое хочет стать прозрачным стеклом и разбиться.

Вы должны увидеть, что мы являемся теми, кто мы есть, чтобы перестать быть теми, кто мы есть, и чтобы стать теми, кем являетесь вы.

Мы — сапатисты.

Мы приглашаем всех вас вместе слушать и вместе говорить.

Чтобы увидеть нас всех такими, какие мы есть.

Братья и сестры!

В горах мы слышали старые истории, которые помнят всю нашу боль и все наши восстания.

Сны, в которых мы живем, не закончатся.

Наше знамя не погибнет.

Вечно будет жить наша смерть.

Так сказали горы, говорящие с нами.

Так говорит звезда, которая сияет в *Чан Санта-Крус*.

Так, она говорит нам, что *крусоб*, восставшие, не будут побеждены и продолжат свой путь вместе со всеми, кто идет под этой человеческой звездой.

Так, она говорит нам, что вновь и вновь придут красные люди, *чачак-мак*, красная звезда, которая поможет миру стать свободным.

Так нам говорит звезда, которая — горы.

Что народ — это пять народов.

Что народ — это звезда всех народов.

Что народ — это человек и все народы мира.

Придет на помощь в борьбе мирам, становящимися людьми.

Для того чтобы настоящие мужчина и женщина жили без боли и чтобы камни стали мягче.

Все вы — *чачак-мак*, вы — народ, идущий на помощь человеку, который во всем мире, во всех народах, во всех людях — из пяти частей.

Все вы — красная звезда, и мы — ее зеркало.

Мы сможем продолжить наш правильный путь, если вы, которые мы, пойдем вместе.

Братья и сестры!

В наших народах самые древние мудрецы отметили крест, ставший звездой, из которой рождается и дает жизнь вода.

Этой звездой отмечается в горах начало жизни.

Так рождаются ручьи, которые спускаются с гор и несут в себе голос говорящей звезды, нашей *Чан Санта-Крус*.

Уже сказал свое слово голос гор, сказал он, что будут жить свободными настоящие мужчины и женщины, когда все станут тем, что обещает пятиконечная звезда.

Когда пять народов станут в звезде одним.

Когда пять частей человека, который мир, встретятся между собой и встретят другого.

Когда все, которых пять, найдут свое место и место другого.

Сегодня тысячи разных дорог, ведущих с пяти континентов, встречаются здесь, в горах юго-востока Мексики, чтобы объединить свои шаги.

Сегодня тысячи слов пяти континентов замолкают здесь, в горах юго-востока Мексики, чтобы слушать друг друга и слышать себя.

Сегодня тысячи разных историй борьбы пяти континентов борются здесь, в горах юго-востока Мексики, за жизнь и против смерти.

Сегодня тысячи цветов пяти континентов отражаются здесь, в горах юго-востока Мексики, чтобы провозгласить завтрашний день всеобщей включенности и терпимости.

Сегодня тысячи сердец пяти континентов бьются здесь, в горах юго-востока Мексики, за человечество и против неолиберализма.

Сегодня тысячи людей с пяти континентов говорят свое «хватит!» здесь, в горах юго-востока Мексики. Говорят «хватит!» конформизму, бездействию, цинизму, эгоизму, ставшему богом сегодняшнего дня.

Сегодня тысячи маленьких миров пяти континентов репетируют здесь, в горах юго-востока Мексики, начало строительства нового и лучшего мира, иными словами, мира, который вместит все миры.

Сегодня тысячи мужчин и женщин с пяти континентов начинают здесь, в горах юго-востока Мексики, первую межконтинентальную встречу за человечество и против неолиберализма.

Мы приделали курок к вашей

Братья и сестры со всего мира!

Добро пожаловать в горы юго-востока Мексики.

Добро пожаловать в этот уголок мира, где все мы равны, потому что все мы разные.

Добро пожаловать на поиски жизни и в борьбу против смерти.

Добро пожаловать на эту Первую межконтинентальную встречу за человечество и против неолиберализма.

Демократия!

Свобода!

Справедливость!

Из гор юго-востока Мексики.

Подпольный индейский революционный комитет Генеральное командование Сапатистской армии национального освобождения.

Планета Земля,

июль 1996 г.

Субкоманданте Маркос

КОГДА РУЧЬИ СПУСКАЮТСЯ С ГОР

28 мая 1994 г.

...

Мы полностью окружены, «героически» сопротивляясь урагану реакций, последовавших в результате событий 15 мая¹. К «па-сущим» нас самолетам теперь добавляются вертолеты. Повара жалуются, что им не хватит кастрюль, если все эти пташки упадут одновременно. Суперинтендант сообщает, что на одно хорошее асадо² дров хватит, и почему бы нам не пригласить какого-нибудь аргентинского журналиста; аргентинцы — доки по части асадо. Я на момент задумываюсь и понимаю, что это бесполезно: лучшие аргентинцы — партизаны (например, Че), или поэты (например, Хуан Хельман), или писатели (например, Борхес), или художники в мировом смысле (например, Марадона), или хронопы (конечно, Кортасар), но нет аргентинцев — специалистов по жарке дюралюминия. Кто-то наивный предлагает подождать маловероятных гамбургеров от Европейского экономического сообщества. Вчера мы съели пульт и два микрофона, на вкус прогорклые, как будто испорченные. Санитары вместо обезболивающего раздают листки с анекдотами, говорят, что смех тоже лечит. Вчера я застал Тачо и Мой рыдающими... от смеха. Я их спросил: «Чему смеетесь?» Они не смогли мне ответить — от хохота им не хватало воздуха. Одна санитарка с грустью объяснила: «Дело в том, что у них сильно болит голова». 136-й день окружения... (Вздых)...

¹ 15 мая сапатистскую казарму посетил кандидат от Революционно-демократической партии Мексики Куаутемок Карденас. — Прим. пер.

² Южноамериканское блюдо: мясо, жаренное на решетке. — Прим. пер.

И вдобавок ко всему Тоньита просит рассказать сказку. Я рассказываю ей сказку, которую рассказал мне старик Антонио, отец другого Антонио, о ветре, который поднимается в Чьяпас:

«Когда мир спал и не хотел просыпаться, великие боги собрались на совет и решили создать мир и в нем – мужчин и женщин. И захотели боги, чтобы люди, которых они создадут, были

ник без лица

очень красивыми и жили долго, и создали они первых людей из золота. Довольны остались боги, потому что люди, которых они создали, все сверкали и были сильными. Но потом боги увидели, что люди из золота не двигались, никогда никуда не ходили и не работали, потому что люди из золота были очень тяжелы. И тогда вновь собрались боги, думали-гадали, как тут быть, и решили они создать других людей и сделали их из дерева, и люди эти были цвета дерева. И люди эти были цвета дерева и работали много, и ходили много. И снова обрадовались боги, потому что человек уже ходил и работал, и уже было собрались они идти это отпраздновать, как

вдруг заметили, что люди из золота заставляли людей из дерева носить их на себе и работать на них.

И увидели боги, что это нехорошо, и опять собрались искать выход, и на этот раз решили они создать людей из маиса, людей хороших, настоящих мужчин и женщин. Создали они их и ушли спать. И пришлось людям из маиса, настоящим мужчинам и женщинам, учиться самим решать все вопросы, потому что боги отправились спать. И заговорили люди из маиса на настоящем языке, чтобы договориться между собой, и ушли они в горы, чтобы искать хороший путь для всех людей».

Старик Антонио рассказал мне, что люди из золота были богатые, их кожа была белого цвета, а люди из дерева – бедные, со смуглой кожей, что всегда они работали на людей из золота и носили их на себе, и что люди из золота и люди из дерева ждут прихода людей из маиса,

первые — со страхом, а вторые — с надеждой. Я спросил старика Антонио, какого цвета кожа у людей из маиса, и он показал мне много сортов маиса, у которого много разных цветов. И сказал он, что кожа может быть любого цвета, никто этого точно не знает, потому что у людей из маиса, настоящих мужчин и женщин, нет лиц...

Умер старик Антонио. Я познакомился с ним 10 лет назад в одной дальней общине, находящейся в глубине сельвы. Курил он как паровоз, и когда у него заканчивались сигареты, он просил у меня табачку и вертел самокрутки. Он с любопытством посматривал на мою трубку, но когда однажды я попытался предложить ему ее, он показал мне свою самокрутку, давая понять, что предпочитает курить по старинке. Пару лет назад, в 1992 году, когда мы обходили общины, проводя собрания, чтобы решить, начинать эту войну или нет, я попал в селение старика Антонио. В дороге меня догнал его сын, и мы вместе долго шли через пастбища и плантации кофе. Пока община спорила о войне, старик Антонио взял меня за руку и повел к реке, метрах в ста южнее центра селения. Стоял май, и река с полупересохшим руслом была зеленой. Старик Антонио молча сел на бревно. Через несколько минут он заговорил: «Ты видишь? Все спокойно и тихо. Кажется, ничего не происходит...». «Ммм», — сказал я, зная, что он не ждет от меня ни «да», ни «нет». Потом он указал мне на вершину ближайшей горы. Там собирались густые серые тучи, и молнии разрывали туманную синеву холмов. Это была настоящая буря, но она казалась такой далекой и безобидной, что старик Антонио начал сворачивать самокрутку и искать зажигалку, которой у него не было, просто чтобы дать мне время протянуть ему свою. «Когда внизу все спокойно, в горах начинается гроза, ручьи набирают силу и спускаются в долину», — сказал он после глубокой затяжки. В сезон дождей эта река превращается в чудовище, в коричневую плеть, в землетрясение, в могучую силу. Ее мощь — не из капель дождя, падающих на берега, ее питают ручьи, спускающиеся с гор. Разрушая все на своем пути, река воссоздает землю, ее воды станут маисом, фасолью и хлебом на равнинах сельвы.

«Так и наша борьба, — говорит старик Антонио мне и себе. — Сила рождается в горах, но пока она не спустится вниз, ее не видно». И, отвечая на мой вопрос, считает ли он, что пришло уже время начинать, добавляет: «Наступило время, чтобы цвет реки изменился...» Старик Антонио замолкает и встает, опираясь на мое плечо. Возвращаемся медленно. Он говорит мне: «Вы — ручьи, мы — река... Теперь вам пора спускаться...» Наступает тишина, и в укрытие мы возвращаемся уже в сумерках. Вскоре приходит сын Антонио с резолюцией собрания, гласящей примерно следующее:

«Мужчины, женщины и дети собрались в школе общины, чтобы заглянуть себе в душу и увидеть, пришло ли время начинать войну за свободу, и разделились все на три группы, то есть на группы мужчин, женщин и детей, чтобы обсудить это, и потом мы опять собрались в школе, и большинство думает, что война должна уже начинаться, потому что Мексика продана иностранцам, и кругом голод, но это неправда, потому что мы все еще не мексиканцы, и к этому согласию пришли 12 мужчин, 23 женщины и 8 детей, потому что правильны их мысли, и подписали его те, кто умеет, а кто не умеет — тот приложил свой палец».

На следующее утро я покинул это селение. Старика Антонио не было: еще раньше он ушел к реке.

В следующий раз я встретил старика Антонио два месяца назад. Увидев меня, он не произнес ни слова, а я присел возле него и начал ковыряться в кукурузных початках. Через какое-то время он сказал мне: «Выросла река». «Да», — ответил я. Я объяснил сыну Антонио вопрос с консультацией и передал ему документы с нашими требованиями и ответом правительства. Мы поговорили о том, как он выбрался из Окосинго, и опять рано утром я отправился назад. За одним из поворотов старой дороги меня ждал старик Антонио, я остановился возле него и снял рюкзак, чтобы угостить его табаком. «Сейчас — нет», — сказал он мне, отводя мою протянутую руку с кисетом, и увел меня к подножию сейбы. «Ты помнишь, что я говорил тебе о горных ручьях и реке?» — шепотом спросил он. «Да», — тоже прошептал я в ответ. «Я не все тебе сказал», — добавляет он, глядя на пальцы своих босых ног. Я молчу. «Ручьи...» — он начинает говорить, но останавливается из-за приступа кашля, который овладевает им, потом немного восстанавливает дыхание и пытается продолжить: «Ручьи... когда спускаются...». Новый приступ кашля заставляет меня позвать из колонны санитаря, но старик отказывается от помощи товарища с красным крестом на плече; санитар смотрит на меня, и я жестом прошу его удалиться. Старик Антонио ждет исчезновения вдалеке рюкзака с лекарствами и в полумраке продолжает: «Ручьи... когда спускаются... уже не могут вернуться... разве что под землю». Он быстро обнимает меня и быстро уходит. Я остаюсь, глядя, как удаляется его тень, закуриваю трубку и надеваю рюкзак. Уже сидя на лошади, я вспоминаю эту сцену. Не знаю, почему (было очень темно), но старик Антонио... мне показалось, что он плакал...

Только что мне пришло письмо от сына старика Антонио с резолюцией деревенской общины в ответ на правительственные предложения. Сын Антонио пишет, что его отцу неожиданно стало плохо, он не захотел, чтобы мне об этом сообщали, и этой же ночью умер. Сын Антонио пишет, что когда ему советовали связаться со мной, старик Антонио ответил: «Нет, я ему уже сказал все, что должен был сказать... Теперь оставьте его, сейчас у него много работы...»

Когда я закончил сказку, шестилетняя Тоньита с источенными кариесом зубками, торжественно сообщила мне, что любит меня, но больше не будет со мной целоваться, потому что «очень колется». Роландо говорит, что, когда ее ведут к доктору, она всегда спрашивает, будет ли там Суп³. И если ей отвечают, что будет, она отказывается идти в наш лазарет. «Потому что Суп хочет только целоваться и очень колется», — заявляет по эту сторону окружения неумолимая шестилетняя логика по имени Тоньита с источенными кариесом зубками.

Природа начинает намекать на приближение первых дождей. Какое облегчение! Мы уж думали, что для того чтобы получить воду, придется ждать машин для разгона демонстраций.

Ана Мария говорит, что дождь — от туч, которые дерутся высоко в горах. Они поступают так, чтобы люди не были свидетелями этой брани. Свой бой тучи начинают на вершинах тем, что мы называем громом и молниями. Во всеоружии неисчислимые силы, тучи дерутся за право умереть в дожде, чтобы напоить землю. Так и мы, без лица, как тучи, как они безымянные, безо всякого расчета для себя... как и они, мы боремся за право стать семенем в земле...

Ладно. Здоровья и хорошей клеенки (для дождей и демонстраций).

С гор юго-востока Мексики,
Субкоманданте Маркос

Перекур

³ Одно из прозвищ Маркоса, происходящее от «субкоманданте». — Прим. пер.

Р.С. БОЛЬШИНСТВО, ПРИТВОРЯЮЩЕЕСЯ НЕТЕРПИМЫМ МЕНЬШИНСТВОМ.

Насчет всего того типа гомосексуалист ли Маркос: Маркос — гей в Сан-Франциско, негр в Южной Африке, азиат в Европе, чикано в Сан-Исидоро, анархист в Испании, палестинец в Израиле, индеец на улицах Сан-Кристобаля, беспризорник в Несе, рокер в деревне, еврей в Германии, омбудсман в Седене, феминист в политических партиях, коммунист после «холодной войны», заключенный в Син-талапе, пацифист в Боснии, мапуче в Андах, учитель из профсоюза, художник без галереи и мольберта, домохозяйка в субботу вечером в любом округе любого города любой Мексики, партизан в Мексике конца XX века, бастующий на любом предприятии, репортер, пишущий для заполнения лишнего пространства, machist в феминистском движении, одинокая женщина в метро в 10 вечера, пенсионер на лестнице Сокало, безземельный крестьянин, маргинальный издатель, безработный рабочий, врач без кабинета, несогласный студент, диссидент в неолиберализме, писатель без книг и читателей и, конечно, — сапатист на юго-востоке Мексики. В конце концов, Маркос — любой человек в любом из мест этого мира. Маркос — это все нетерпимые, подавляемые, эксплуатируемые, сопротивля-

Лесные братья

ющиеся меньшинства, заявляющие свое «хватит!». Все меньшинства в момент слова и большинства во время своего молчания и терпения. Все нетерпимые в поисках слова, нашего слова, которое вернет нам, вечным разобщенным, способность стать большинством. Маркос — это все то, что неудобно для власти и для «благомыслия».

Не за что, господа из Генеральной прокуратуры, всегда готов служить вам... свинцом.

P.P.S. Для Революционно-демократической партии. Насчет логики мертвых. Товарищи прочитали, что «у нас больше потерь, чем у САНО», и сразу же занялись подсчетами. Вот уже больше десяти лет, как они блуждают в ночи по старым и новым тропам, разыгрывая между собой засады «на бандитов», носят на себе тяжесть наших четырех букв и складывают и умножают. Товарищи говорят, что в деле подсчета мертвых им нет равных. «Как раз в этом мы натренированы очень даже хорошо», — говорит Габино. Обостряется спор между «тенденциями» САНО: наиболее радикальные предлагают вести отсчет от времени, когда испанцы начали, как зверей, загонять их в леса и горы, более умеренные и осторожные предлагают начать с момента создания САНО. Некоторые спрашивают, включать ли в счет погибших в результате 136 дней и ночей окружения, спрашивают, учитывать ли Амалию, двадцати пяти лет от роду, мать семерых детей, которой стало «нехорошо» в 6 часов вечера сто двадцать пятого дня окружения, у нее начался озноб, понос, рвота и кровотечение между ног, и в 12 ночи нам сообщили об этом и попросили вызвать скорую помощь, и на скорой помощи нам сказали, что они не могут, и в четыре утра мы достали бензин и повезли ее на разваливающемся на ходу трехтонном грузовике в наш лазарет, и всего 100 метров не доехав до лейтенанта Элены, она сказала: «Я умру» — и сдержала свое слово, и в 98 метрах от смуглого лица Элены она умерла, кровь, и жизнь вышла из нее между ног, и я спросил, точно ли, что она мертва, и Елена мне сказала, что да, что она умерла «сразу», и утром сто двадцать шестого дня окружения вторая дочь Амалии увидела смерть на носилках из веток и тростника и сказала своему папе, что пойдет попросить немножко посоля⁴ в одном из домов, потому что «мама больше не сможет». Спрашивают, в счет ли девочка из Ибарры, которая умерла «просто от кашля». Все заняты подсчетами, кто-то пользу-

⁴ Мексиканский напиток из кукурузной муки, какао, сахара и воды. — Прим. пер.

ется калькулятором, захваченным в муниципальном дворце Окосинго. Все только этим и заняты, когда Хуана просит учесть старика Антонио, «который умер от печали». Потом Лоренсо начинает требовать, чтобы не забыли его сына, «который умер от ночи». По радио перечисляют имена умерших — умерших «сразу». Потом вдруг все застывают с калькулятором-ручкой-карандашом-мелом-палочкой-ногтем и в недоумении смотрят друг на друга, запутавшись, не зная, складывать... или вычитать...

О верховных или возвысившихся. Чудесно, самокритика всегда своевременна.

И наконец — нас могут обвинять в неуместности, в недооценке корреляции сил, в политической неповоротливости, в неимении спутника, чтобы следить за дебатами в прямой трансляции, в том, что у нас нет подписки на основные газеты и журналы, чтобы узнавать о последебатных оценках, в нелюбезности, в невежливости, в страдании «горной болезнью», в нераспознавании возможных союзников, в сектантстве, в неуступчивости, в ворчливости. Можно обвинять нас во всем, кроме непоследовательности...

Ладно, помните, что единственное, что мы смогли — это приделывать курок к надежде.

Привет, и оставьте обиды праздным карлика.

Обнимаем вас с этой стороны окружения.

Неуместный и навязчивый Суп,
готовясь чихнуть

Субкоманданте Маркос

**ПИСЬМО СУБКОМАНДАНТЕ
МАРКОСА АНХЕЛЮ ЛУИСУ
ЛАРЕ, ИСПАНСКОМУ
РОК-МУЗЫКАНТУ
В ЧЕСТЬ ОТКРЫТИЯ
В МАДРИДЕ «АГУАСКАЛЬЕНТЕС»**

12 октября 2002 г.

САПАТИСТСКАЯ АРМИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ.
МЕКСИКА

Анхелю Луису Ларе,
по прозвищу Русский.
От Супа Маркоса.

Русский! Брат! Во-первых, мы обнимаем тебя. Во-вторых, прими наш дружеский совет: мне кажется, было бы неплохо, если бы ты немедленно сменил свой псевдоним, потому что если, не дай бог, чеченцы тебя с кем-то спутают — прощай, «Агуаскальентес», и прощай один из лучших рокеров современности.

Этот день (12 октября), когда я начинаю писать тебе эти строки, не случаен (ничто не случайно у сапатистов), как не случаен и этот абсурдный мост, что я пытаюсь протянуть к вам сейчас туда, где вы работаете, готовя открытие «Агуаскальентес» в Мадриде.

Я уверен, что все у вас пройдет хорошо и что отсутствие этого недоумка Аснара (которому, как следует из его имени, единственное,

чего не хватает, — это реветь по-ослиному¹) и скупого королька Хуана Карлоса пройдет незамеченным даже для журнала «Ола»²

Но передай всем, тебя сопровождающим в этом славном проекте, пусть не грустят. Вот-вот должен выйти журнал «Соппротивление», в котором наверняка будут страницы светской хроники, куда вы сможете добавить вкладыши, позволяющие поместить фотографии бракосочетания инфанты в раздел «Детские праздники».

А ты за кого?

Что же касается остального, то вышеуказанный журнал «Соппротивление» наверняка будет последователен, и его первым сопротивлением окажется сопротивление правилам орфографии, так что постарайтесь не вкладывать особо в платную вставку. Конечно, если там будут фотографии, он будет стоить дороже (но пусть тогда они будут хотя бы порно), и еще я вынужден предупредить тебя, что цена его будет не в евро, а в марках³, так как предпочтение все же отдается твердой валюте.

Так что в случае отсутствия на открытии «Агуаскальентес» представителей королевского двора, — просьба сдержать рыдания. И думаю, что там будет множество мужчин, женщин, детей и стариков со всего Иберийского полуострова, и не только оттуда. И если все они там будут — мероприятие наверняка пройдет успешно. Хотя я вынужден предупредить тебя еще и о том, что в случае любого успеха у тех, кто внизу, всегда и неизбежно появляется полиция. Потому что тем, кто внизу, как гласит не помню точно какой декрет, опубликованный короной не помню точно когда, положены только слезы и смирение, и в ритме, который бодро зададут дубинки гражданской гвардии, все будут направлены со своими Агуаскальентес кто в тюрьму, а кто на кладбище — места, подготовленные испанской «демократией» для тех иберийцев, кто сопротивляется.

Я прекрасно знаю, что на празднике сопротивления, именуемом «Агуаскальентес», будут не только жители Испанского государства, однако они, несомненно, будут большинством.

¹ Поскольку фамилия председателя правительства Испании Аснар (Aznar), здесь игра слов построена на том, что осел по-испански *azno*, а реветь по ослиному — *rebuznar*.

² Модный испанский журнал светской хроники.

³ Тоже игра слов: марки по-испански пишутся и произносятся как «маркос» (*marcos*).

Прим. пер.

Трансатлантические каяки

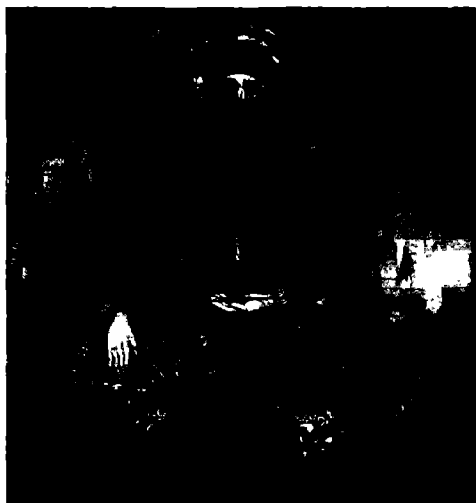
Мы присутствовать не сможем, потому что мы планируем в ближайшие числа вторжение в Европу, и как ты можешь себе представить, здесь у всех уже полностью собран багаж (если, конечно, багажем можно назвать две сумки с лепешками, порцию прогорклой фасоли, две бутылки посоля и ко всему этому — умеренную дозу перца), тем не менее ни у кого из присутствующих нет под рукой спасательного круга. Наиболее предусмотрительные запасаются таблетками от качки и наивно спрашивают, будут ли «остановки для санитарных нужд».

Но дело даже не в этом, моя проблема состоит в том, что я не могу убедить их, что на каяках (лодках, сделанных из выдолбленных вручную стволов деревьев) нам далеко не уплыть.

И кроме того, нельзя не учесть, что Чьяпас не имеет выхода к Атлантическому океану, и из-за того, что у нас нет денег для оплаты пошлины за пользование Панамским каналом, нам придется плыть в обход через Тихий океан, мимо берегов Филиппин, Индии, Африки и сделать первый перевал на Канарских островах.

А добираться до вас по суше было бы дурным тоном. Нам бы пришлось пересечь Монголию, развалины СССР — где следовало бы хорошо знать, кому можно, а кому нельзя говорить, что мы направляемся в гости к Русскому, — Восточную Европу, заглянуть во Францию, чтобы запастись «Шато Неф дю Пап, урожая 69» (начинаю уже каламбурить даже с марками вин), забрести за макаронами в Италию и потом карабкаться через Пиренеи. И не то чтобы нам не нравилась идея подобной прогулки, просто такие длительные блуждания приводят к износу военной формы.

Но пока в среде будущего экипажа царит энтузиазм, и он почти столь же интенсивен, как и рвота (действительно, я вижу одного товарища, которого рвет, и спрашиваю его почему, ведь мы еще не отчалили. «Это я тренируюсь», — отвечает мне он с этой безукориз-

Субкоманданте Будда

ненной логикой, характерной для гор юго-востока Мексики).

О чем это я говорил? Ах да, о том, что мы не сможем приехать на открытие «Агуаскальентес». Потому что мы сейчас, как сказал этот товарищ, «тренируемся» к экспедиции. Но о наших планах вторжения на полуостров Иберия ты, конечно, никому не рассказывай (сначала, разумеется, мы посетим Лансароте, чтобы испить кофейку с Сарاماго⁴ и Пилар), ты же знаешь, каковы нравы монархии — время от времени она начинает нервничать и выдумывает себе разные каникулы в сопровождении всяческих инфант и шутов (я имею в виду Фелипику Гонсалеса и Пепика Аснара⁵, который, повторяю, даже в своем имени несет печать чьего-то проклятия).

Хотя неучтивые слова о монархии и могут тебе стоить как минимум изгнания из зала, потому что, как это вам пришло в голову делать «Агуаскальентес» в месте «окупас»⁶, ведь место проведения мероприятия должно принадлежать людям достойным, но — и пусть ни у кого в этом не будет сомнений — благородства куда больше в любом доме «окупас», чем во дворце Эскориал⁷.

Пам! Опять я связался с монархией. Не буду больше этого делать, по той же причине, по которой если влезешь в мусорный ящик, потом от тебя обязательно будет много вони, и от нее невозможно избавиться даже при помощи фальшивых духов, продающихся в «Корте-Инглес»⁸.

Ладно, скажем наше «да» пиратству и наше «нет» — разбреданию мыслей, так что, возвращаясь к нити этого монолога, у которого большой плюс и он в том, что ты не можешь ни слова возразить мне, как если бы ты находился перед славной гражданской гвардией, которая, если позволишь, не является ни гвардией, ни гражданской, но уже и так известно, что мир власти полон противоречий.

Что? Что я опять ушел от ответа? Ты прав, просто сама перспектива лишиться этой моей порции галисийского бульона, который, вновь разогрев, начинают распределять, потому что ни у кого не осталось ни гроша на что-то еще, меня вводит в состояние, скажем, беспокойства.

⁴ Жозе Сарاماго, известный португальский писатель, лауреат Нобелевской премии 1998 года по литературе, симпатизирующий сапатистам.

⁵ Уничжительно-уменьшительное обращение с именами бывшего председателя правительства Испании Фелипе Гонсалеса и нынешнего — Хосе Мария Аснара.

⁶ Леворадикальное движение бездомных и иностранных иммигрантов в Европе, занимающих пустующие дома и поселяющихся в них.

⁷ Мадридский королевский дворец.

⁸ Название сети торговых центров в Испании, которое в дословном переводе значит «английский королевский двор». — *Прим. пер.*

Конкистадоры и неолибералы

Я говорил тебе, что дата этого письма не случайна и что если я начал это письмо-приветствие открытию проекта «Агуаскальентес» 12 октября, на то есть причины.

Некоторые группы общественности ошибочно считают, что виновницей нынешней ситуации индейских народов Мексики является испанская конкиста. И дело даже не в том, что Эрнан Кортес и другие подонки меча и креста, его сопроводившие, явились нашими благодетелями, нет, конечно, но просто в сравнении с нынешними неолиберальными правителями все они — почти что сестры милосердия.

От честных мужчин и женщин Испании мы знаем только слово братства, только солидарность безо всяких предварительных условий, только готовность слышать, всегда протянутые к нам руки для помощи, приветствия, объятия.

Так что, да простит меня отец Идальго⁹, мы, сапатисты, говорим: «Долой неолибералов! Да здравствуют гачупины¹⁰!»

Представляю, что к вам придет та каталонская группа, которая ужасно играет ранчеру¹¹, хотя, конечно, в исполнении чамбы ей нет равных... И будет еще множество других — из Галисии, из Астурии, из Кантабрии, из Андалусии, из Мурсии, из Экстремадуры, из Валенсии, из Арагона, из Ла-Риохи, из Кастилии-и-Леона, из Кастилии-Ла-Манчи, из Наварры, с Балеарских островов, с Канарских островов и из Мадрида. Всем им передай наш огромный привет. Потому что благодаря стольким и таким прекрасным нашим братьям и сестрам, и ото всей бесконечной нежности, что чувствуем по отношению к ним, мы становимся сильнее и лучше.

Что? Что я не включил в этот список Страну Басков? Нет, я хочу попросить тебя, чтобы этим братьям и сестрам ты передал наше особое обращение.

Мне хорошо известно, что этот придворный шут, называющий себя судьей Гарсоном, действуя рука об руку с испанским политическим классом (который так же смешон, как и королевский двор, но только без этого скромного очарования — Как ваше здоровье графиня? — Хорошо, граф, я совершенно не скучаю по шуту Фелипику, потому что этот Пепик ничуть не хуже. Кстати, граф, вам следовало бы застегнуть ширинку, чтобы, не приведи господь, вы не поймали простуду, един-

⁹ Мексиканский священник, один из героев борьбы за независимость от Испании.

¹⁰ Так в Мексике называют испанцев и потомков иммигрантов из Испании.

¹¹ Одна из разновидностей мексиканской фольклорной музыки.

ственное, что вы можете здесь при дворе поиметь, — и т.д.), осуществляет политику настоящего государственного терроризма, что не может оставить равнодушным ни одного честного человека.

Да, клоун Гарсон объявил нелегальной политическую борьбу в Стране Басков. После всего этого кривляния в шоу для дураков об аресте Пиночета (единственное, что он сделал, — это устроил Пиночету отпуск за счет государства), теперь он демонстрирует свою настоящую фашистскую сущность, лишив баскский народ права на политическую борьбу за свои законные права.

Дурито пишет
и стреляет

И я не говорю это все просто так. Здесь мы познакомились со многими баскскими братьями и сестрами. Они были в наших лагерях мира. Они не приехали сюда, чтобы говорить нам, что нам делать, ни для того, чтобы учить нас делать бомбы или готовить покушения.

Потому что здесь наши единственные бомбы — это чьяпаски¹², которые, в отличие от юкатанок, никогда и ни с чем не рифмуются.

Потому что Оливио¹³ заходит и говорит мне, что, если я дам ему шоколадки с орехом, которые мне передали, потому что, по слухам, я оооо-чень тяжело болен, он мне продекламирует бомбу. «Давай» — говорю я ему, видя что шоколадки уже целые. И Оливио с чувством начинает: «Бомба, бомба: у меня во дворе зацветает апельсин, а сестра твоя — красавица».

Я обижаюсь, не столько за свою сестру, сколько за полное отсутствие рифмы и ритма, но шоколадки Оливио все же даю...

Кроме того, единственные покушения здесь — это покушения на музыкальный вкус, когда я беру гитару и запеваю своим несравненным баритоном «всегда, когда лишку выпью, выходит со мной все не так, тебя одну лишь ищущу я, но лезу в чужой гамак». Если Ману Чао¹⁴ это когда-нибудь услышит — он наверняка немедленно подпишет со мной контракт. Конечно, он готов на все что угодно, только бы не платить нам за те две струны, что он порвал, когда пытался исполнить вместе с сапатистами «Шизофреническую корову». Или это была «Беше-

¹² Народные куплеты типа частушек, в Чьяпасе они называются «чьяпасками», а на Юкатане «юкатанками».

¹³ Один из детей сапатистского селения Ла-Реалидад, персонаж многих текстов Маркоса.

¹⁴ Популярный испано-французский левый музыкант и автор текстов, симпатизирующий сапатистам. — Прим. пер.

ная корова»? Хорошо, если он там будет, — привет Ману и скажи ему, что мы простим ему эти струны при нашей ближайшей встрече на следующей остановке, которая, как известно, называется «Надежда».

И если Ману не захочет подписывать со мной контракт, я уйду в группу Ампаро. Хотя, наверное, придется поменять ее название, и вместо «Ампароной» ее назовут «Ампарофобией», из-за того что мои критики тоже глобализируются.

И наконец, чтобы быть террористами, единственное, чего нам не хватает, — это призывания, а не средств.

И вот, здесь были у нас братья из Страны Басков, и все они вели себя достойно, как и подобает баскам...

Не знаю, будет ли там у вас Фермин Мугуруса, я помню, как один раз, когда он был здесь, его спросили, откуда он, и он сказал «баск», и когда его спросили, «баск из Испании или баск из Франции», Фермин, не колеблясь ни минуты, ответил: «Баск из Страны Басков».

Я искал что-нибудь на баскском языке, чтобы отправить это как привет братьям и сестрам из Страны Басков, но почти ничего не нашел, не знаю, может быть, проблема в моем словаре, но я искал слово «достоинство» по-баскски и в сапатистском словаре нашел «Эускал Эрриа». Так что спроси их, на правильном ли я пути, или мне лучше вернуться.

И наконец-то, чего не знает ни Гарсон, ни его шефы, это то, что иногда достоинство превращается в ежа и ай! — что ждет того, кто попытается растоптать его.

Праздник сопротивления

Итак, как я раньше говорил, «Агуаскальентес» должен стать праздником сопротивления — идея, которая совершенно не нравится политическим партиям...

— Все они — мошенники! — перебивает меня Дурито¹⁵

— Но... подожди, Дурито, я не говорю о мексиканских политических партиях.

— Я не об этих мошенниках говорю тебе, а о страницах порно в Интернете.

— Но, Дурито, у нас в сельве нет Интернета.

— У нас нет... Звучит похоже на заявления Европейского союза. А у меня есть. Немного изобретательности, и кое-что еще превратили один из моих усиков-антенн в мощный спутниковый модем.

— И могу я знать, постмодерный странствующий рыцарь, почему страницы порно в Интернете — мошенничество?

— Потому что нет ни одной с жучихами, уже не говоря даже о полностью обнаженных, даже в этом белье типа «зубной нити», как его называют.

— Белье... — повторяю я, пытаюсь избежать неизбежного, то есть вмешательства Дурито в то, что я пишу, для чего у него более чем достаточно лапок и упрямства.

— Посмотрим..... ммммм.... мммм..... — начинает свое мычание Дурито, уже сядя у меня на плече.

— Русский? Ты пишешь Путину? Я бы тебе не советовал, а вдруг он применит против тебя эти газы, которые еще даже хуже, чем те, что испускаешь ты, когда объедаешься фасоли.

Я протестую:

— Слушай, Дурито, давай не разглашать интимных подробностей, потому что у меня здесь есть письмо, которое отправил тебе Пентагон с просьбой о формуле для создания супертоксичных газов.

— Да, но я отказался. Потому что мой газ — это как моя любовь, он не продается и не покупается, я дарю его кому хочу, потому что я бескорыстен и отдаю вещи, не задумываясь о том, заслуживают ли их другие, — говорит Дурито с сильным андалусским акцентом.

После небольшой паузы он добавляет:

— И какова тема твоего писания?

— Ну, это... о сопротивлении и «Агуаскальентес», который откроют в Мадриде, — отвечаю я, зараженный ритмом фламенко, который задает дождь над нашим навесом.

— В Мадриде? В каком из Мадридов? В Мадриде Аснара и гражданской гвардии? Или в Мадриде несогласном?

— В несогласном, конечно. Хотя не удивлюсь, если Аснар захочет сунуть туда свои копыта.

— Прекрасно! — Дурито начинает аплодировать и танцевать, да так, что Федерико Гарсиа Лорка воскресает и пишет неизвестную и никем не опубликованную Песню Эпилептического Жука.¹⁵

Закончив танец, Дурито командует:

— Пиши! Сейчас я тебе продиктую мое выступление.

— Но, Дурито, тебя нет в программе. И даже в числе приглашенных тоже.

¹⁵ Жук из Лакандонской сельвы, один из ближайших друзей и собеседников Маркоса. — Прим. пер.

— Конечно, потому что русские меня не любят. Но это неважно. Давай пиши. Заглавие: «Соппротивление и стулья».

— «Стулья»? Дурито, опять ты собираешься...

— Молчать! Идея основана на одном материале, который мы с Сарамаго написали в конце прошлого века, и называется он «Стул».

— Сарамаго? Ты имеешь в виду Жозе Сарамаго, писателя? — спрашиваю я в смятении.

— Конечно, или ты знаешь какого-то другого Сарамаго? Вот, в тот день мы с ним выпили столько, что в конце концов свалились оба с вышеупомянутого стула, и уже на полу, со всей этой перспективой и трезвостью тех, кто внизу, я говорю ему: «Пепе, это вино лягается больше, чем мул Аснара», — но он ничего не ответил, потому что искал свои очки. И тогда я сказал ему: «У меня рождается идея, поторопись, Жозе, идеи — они как фасоль с сосиской, если не успеешь, придет другой и пообедает ими». Наконец Сарамаго нашел свои очки, и мы вместе сели и придали форму этому рассказу, и если я не ошибаюсь, случилось все это в начале восьмидесятых. Конечно, под текстом можно найти только его имя; дело в том, что мы, жуки, принципиально не согласны с концепцией авторских прав.

Я пытаюсь сократить рассуждения Дурито и тороплю его:

— Заглавие готово. Что дальше?

Автомат — друг индейца

— Итак, речь идет о том, что позиция, которую занимает личность по отношению к стульям, это как раз та, что определяет его в плане политическом. Революционер (именно так, с большой буквы) презирует стулья обычные и говорит себе и другим: «Мне некогда расслаивать, тяжелая миссия Истории (именно так, с большой буквы), доверенная мне, не позволяет мне отвлекаться на разные глупости». И так он проводит жизнь, пока не доберется до стула Власти, собьет выстрелом сидевшего там до него и потом, насупив, как при запоре, брови, сядет на этот стул и скажет себе и другим: «История (именно так, с большой буквы) закончилась. Во всем без исключения появляется смысл. Я на Стуле (именно так, с большой буквы), и я — кульминация всех времен». И так продолжается, пока не появится следующий Революционер (именно так, с большой буквы), не собьет его со стула и история (именно так, с маленькой буквы) не повторится.

В отличие от него, сопротивляющийся (именно так, с маленькой буквы), когда смотрит на обычный стул, внимательно его разглядывает, потом уходит и возвращается с другим стулом, после этого он приносит еще множество стульев, и вскоре все это становится уже похоже на вечеринку, потому что пришли многие сопротивляющиеся, и они начинают обмениваться кофе, табаком и словом, и тогда, именно в момент, когда все начинают чувствовать себя удобно, среди них возникает какое-то беспокойство, как будто они наткнулись на червей в цветной капусте, и неизвестно, от чего это — от кофе, табака или слова, но все вдруг поднимаются со стульев и продолжают свой путь. Пока не найдут следующий обычный стул и та же история снова не повторится.

И есть только одно различие — когда сопротивляющийся наткнется на Стул Власти (именно так, с большой буквы), он внимательно его рассматривает, изучает, но вместо того, чтобы усесться на него, уходит и возвращается с пилкой для ногтей и с завидным терпением начинает подпиливать его ножки, пока они не станут такими тонкими, чтобы сломаться, когда кто-то сядет на этот стул, что и происходит почти сразу же. Там-там...

— Там-там? Но, Дурито...

— Ничего, ничего. Я знаю, что все это пока сыровато и что теория должна быть отшлифована. Но в моем случае — это метатеория. Может быть, меня обвинят в анархизме, но пусть тогда мой доклад станет скромным посвящением старым испанским анархистам, тем, кто всегда молчит о своем героизме и который от этого ничуть не меньше.

Дурито заканчивает, хотя я уверен, что он предпочел бы кончить.

Но отставим каламбуры. На чем мы остановились, когда эта чешуекрылая назойливость меня перебила?

Ах да! На том, что «Агуаскальентес» — это праздник сопротивления.

В этом случае, дорогой мой чеченец, нам с тобой необходимо определить, что такое сопротивление.

Может быть, достаточно, чтобы ты просто посмотрел на всех этих мужчин и женщин, которые взялись за строительство этого «Агуаскальентес», и на тех, кто будет участвовать в его открытии (в закрытии нет, потому что эту часть работы наверняка возьмет на себя полиция), чтобы у тебя появилось его определение, но поскольку это все-таки письмо, я должен попытаться определить это словами, которые, какими бы выразительными ни оказались, никогда не смогут быть так убедительны, как взгляды.

И в поисках текста, который пригодился бы мне для этого, я нашел книгу, которую одолжил мне когда-то Хавьер Элорриага¹⁶

Книжка называется «Новая Эфиопия», и автор ее — баскский поэт по имени Бернардо Атскага. И есть там поэма под названием «Регтей бабочек», где речь о бабочках, летящих в открытое море, у которых не будет места, куда сесть, потому что в этом море нет ни скал, ни островов.

Ладно, пусть простит меня дон Бернардо, если мой синтез не так удачен, как его регтей, но он достаточен для того, что я хочу сказать тебе:

Сопротивление — это как бабочка, летящая в сторону моря без скал и островов. Она знает, что ей некуда будет сесть, и все-таки ее полет прям и уверен.

И нет, ни бабочка, ни сопротивление не безумны и не самоубийственны, дело в том, что они знают, что найдут, где сесть, что есть там, впереди, островок, не обнаруженный ни одним из спутников.

И островок этот — братское сопротивление, которое наверняка всплывет именно в момент, когда бабочка, то есть летающее сопротивление, начнет терять силы.

И тогда летающее сопротивление, то есть морская бабочка, станет частью этого всплывшего островка и превратится, таким образом, в опору для другой бабочки, которая, победив последние сомнения, уже направляет свой полет к морю.

И это не выходило бы за рамки любопытной статьи в книгах по биологии, если бы не то, что, как сказал не помню точно кто, — что обычно из взмахов крыльев бабочки рождаются большие ураганы.

¹⁶ Руководитель Сапатистского фронта национального освобождения — мексиканского гражданского движения, цель которого в обеспечении мирной поддержки со стороны мексиканского общества Сапатистской армии национального освобождения. — Прим. пер.

Своим полетом летающее сопротивление, то есть бабочка, говорит «НЕТ»!

Нет логике.

Нет осторожности.

Нет бездействию.

Нет конформизму.

И ничто, абсолютно ничто в мире не может быть прекраснее, чем

Будущее в руках

сама возможность увидеть отвагу этого полета, понять, какой вызов им брошен, почувствовать начало этого ветра и увидеть, как начинают дрожать под этим небом не листья на деревьях, а ноги власть имущих, которые до этого момента наивно думали, что бабочки улетают в море, чтобы умереть.

Вот так, дорогой мой москвич, и еще известно, что бабочки, как и сопротивление, заразительны.

И бабочки, как и сопротивления, бывают разных цветов.

Есть синие, которые выбрали этот цвет, чтобы небо и море поспорили между собой.

Есть желтые, мечтающие об объятии солнца.

Есть красные, окрашенные в цвет непокорной крови.

Есть коричневые, несущие на своих крыльях цвет земли.

Есть зеленые, потому что в этот цвет привыкла окрашиваться надежда.

И все они — жизнь, жизнь, которая сияет совершенно независимо от того цвета, в который окрашена.

И есть полеты всех цветов.

И порой бабочки отовсюду собираются вместе, и возникает радуга.

И работа бабочек, как это написано в любой уважающей себя энциклопедии, заключается в том, чтобы опустить радугу как можно ниже, чтобы дети могли научиться летать.

И, говоря о бабочках и о сопротивлениях, я думаю, что когда вы все окажетесь в цирке, то есть в суде, перед шутком Гарсоном, и вас спросят, что вы делали в «Агуаскальентес», ответьте, что летали.

И даже если тебя отправят в депортационный полет в Чечню, смех, который за этим последует, будет слышен до самых гор юго-востока Мексики.

И за улыбку, брат, как и за музыку, нужно быть благодарным.

И, говоря о музыке, насколько мне известно, среди правительств Мексики, Испании, Италии и Франции вошел в моду танец рака, что заключается, грубо говоря, в движении бедер и плеч против направления хода часовой стрелки.

И еще — если увидишь Мануэля Васкеса Монтальбана¹⁷ — пожми ему руку от нашего имени.

Скажи ему, что мне стало известно, что недавно Фокс спросил его, не знает ли он, почему Маркос и сапатисты молчат, и что он ему ответил: «Они не молчат, дело в том, что вы не слышите».

Заодно скажи ему, что копченые колбасы сильно отличаются от алмазов, в том смысле, что они не вечны и те, что он нам прислал, уже давно закончились, и что если он не расщедрится, скажем, на каких-нибудь 5 килограммов, то мы его и Пепе Карвальо¹⁸ захватим в заложники.

Или лучше нет. Потому что нас тогда назовут террористами, и Буш вместе с ООН развяжут новую «гуманитарную» войну. Лучше пусть просто отправит нам колбасу, а я пришлю ему за это рецепт «Марко'с Спешл», который неоднократно и бесполезно просил у меня шеф-повар Его Величества.

Все, буду прощаться. Не забудь сообщить мне, в какую тюрьму вас отправят. Для того чтобы, когда мы доберемся до Испании...

Нет, не думай, что адрес тюрьмы мне нужен для того, чтобы освободить вас, наоборот, мы придем проверить, надежно ли вы заперты, потому что все вы — безумцы. Подумать только, открыть «Агуаскальентес» в Мадриде... Не хватало только, чтобы вы додумались до создания в тюрьме автономного муниципалитета.

И еще — сигареты мы передать вам не сможем. Но лепешки и посолье — без проблем.

Ладно. Привет, и если речь о царствовании — пусть царит сопротивление.

Из гор юго-востока Мексики,

Субкоманданте Маркос
Мексика, октябрь 2002 г.

P.S. Эва спрашивает, есть ли в Испанском Государстве (представь себе, так и сказала) видеоманитофоны, потому что она хочет взять с собой свою коллекцию фильмов о Педро Инфанте. Я сказал ей, что

¹⁷ Мануэль Васкес Монтальбана — известный испанский писатель, поэт и журналист, симпатизирующий сапатистам, автор книги интервью с Маркосом «Субкоманданте Маркос — рыцарь зеркал».

¹⁸ Литературный персонаж из ряда романов Мануэля Васкеса Монтальбана, выдающийся сыщик и повар (сам Васкес Монтальбан тоже является автором нескольких книг кулинарных рецептов). — *Прим. пер.*

есть, но там — другая система. Она удивлена: «А разве там не неолиберальное правительство?». Я не ответил ей, но спрашиваю себя: «Команданта Эва: как мне быть?»

P.P.S.

Не думай, что я не знаю, что в «Агуаскальентес» прибудут сопротивляющиеся из Италии, Франции, Греции, Швейцарии, Германии, Дании, Швеции, Англии, Ирландии, Португалии, Бельгии, Голландии и т.д. Передай им всем привет и скажи, что если они будут плохо себя вести, мы их тоже... тоже вторгнемся. Будем глобализировать цветную лепешку и прогорклый посоль. И посмотрим, как в географической прогрессии начнет расти число глобалофобов.

Еще раз привет.

Супа, который тренируется перед плаванием,
рвет цветным ореховым шоколадом,
брошенным Оливио

Тони Негри

НАСТУПАЕТ ЛИ КОНЧИНА ГОСУДАРСТВА-НАЦИИ. «ИМПЕРИЯ» КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА

Опубликовано в газете
«Mond Diplomatique»

Две базовые идеи лежат в основании книги «Империя», которую я написал совместно с Майклом Хардом в промежуток времени между войнами в Персидском заливе и в Косово. Первая заключается в том, что не может быть глобального рынка (того, о котором говорят после падения Берлинской стены, то есть выступающего не только в качестве примера для подражания в области макроэкономики, но и в качестве политической категории) без соответствующей формы юридического правопорядка и что таковой правовой порядок не может существовать без власти, которая гарантировала бы его дееспособность, действенность, эффективность. Вторая мысль заключается в том, что правовой порядок глобального рынка (который мы называем «имперским») обозначает не просто новое лицо верховной власти, на построение которой он направлен: он отмечает также появление новых жизнеспособных сил неподчинения в производственной сфере и в области классовой борьбы.

Надо быть сумасшедшим, чтобы отрицать существование в настоящий момент глобального рынка. Достаточно пройтись по сайтам Интернета, чтобы убедиться в наличии глобального измерения рынка, каковое являет собою не только единичный опыт, порожденный экономическим сознанием, или же горизонт, открывшийся после долгих блужданий воображения (как поведал нам Фернанд Бродель по поводу окончания эпохи Возрождения), а вполне реально ныне существующую организацию. Более того, новый порядок.

С политической точки зрения всемирный рынок объединяется вокруг того, что во все времена представлялось в виде признаков суверенитета: полномочий в военной области, в сфере кредитно-финансовой, информационной, культурной и даже языковой политики. Полномочия в военной области обеспечиваются обладанием одной-единственной властью всего арсенала вооружений, вплоть до ядерного; полномочия в сфере кредитно-финансовой политики обеспечиваются существовани-

Чучело глобализации

ем одной господствующей денежной единицы, которой подчинен весь мир финансов во всём его разнообразии; полномочия в информационно-культурной сфере выражаются через победное шествие единообразной модели культуры и даже, со временем, единого всеобщего языка. Эта конструкция наднациональна, всемирна, тотальна. Мы назвали её «Империей».

Здесь необходимо ещё установить различие между описываемой нами «имперской» формой правления и тем, что веками называлось «империализмом». Под этим термином мы понимаем экспансию того или иного государства-нации за пределами своих границ, создание колониальных отношений (зачастую скрываемых за ширмой модернизации) в ущерб народам, прежде чуждым евроцентристским процессам капиталистической цивилизации. Мы также понимаем под этим агрессивность, проявляемую сильными нациями в отношении наций бедных в государственной, военной, экономической, культурной и даже расовой областях.

На нынешней же фазе «имперского» развития мира империализма в выше описанном понимании больше нет. Если он ещё и сохраняется, то лишь в виде явления, в рамках которого его ценности и полномочия переходят на уровень «Империи». Точно так же нет более и государства-нации: от него ускользают три существеннейших характерных признака суверенитета — полномочия в области обороны, политики и культуры, каковые поглощаются и заменяются центральной властью «Империи». Почему мы называем «Империей» (настаивая на новизне юридической формулировки, которую предполагает этот термин) то, что можно было бы просто рассматривать как американский империализм в эпоху, последовавшую за падением Берлинской стены? На данный вопрос наш ответ ясен: вопреки утверждениям некоторых приверженцев национализма, «Империя» эта не американская. Кстати, за всю свою историю США были в значитель-

но меньшей степени империалистами, нежели англичане, французы, русские или же голландцы. Нет, «Империя» это просто капиталистическая: это порядок «коллективного капитала», то есть той силы, которая победила в гражданской войне XX века.

Бороться с «Империей» во имя государства-нации — значит проявлять полнейшее непонимание реалий наднационального управления, его имперского облика и классовой природы: такая борьба относится к области мистификации. В «Империи», созданной «коллективным капиталом», участвуют как представители американского капитала, так и их европейские коллеги, а также те, кто сколачивает своё состояние на коррупции в России, наряду с капиталистами арабского мира, Азии или Африки, которые могут позволить себе направить своих детей на учёбу в Гарвард и помещать деньги на Уолл-стрит.

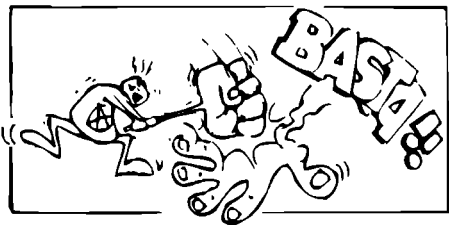
Конечно же, руководство Соединенных Штатов не отказалось бы взять на себя ответственность за имперское правление. Тем не менее мы с Майклом Хардом полагаем, что такое суждение нуждается в уточнении. Отныне образование элиты американского общества само уже в широкой степени зависит от многонациональной структуры власти. «Монархическая» власть американского президентского строя подвержена влиянию «аристократической» власти крупных финансовых и производственных транснациональных корпораций. Одновременно она должна учитывать давление, оказываемое бедными нациями и организациями трудящихся с их ораторскими функциями, то есть считаться с «демократической» властью представителей эксплуатируемых слоев населения и лишенцев.

В результате снова становится актуальной определение имперской власти «по Полибию»¹, которое обеспечит экспансию конституции США, позволяющую ей развить во всемирном масштабе многообразие управленческих функций и вовлечь в свою собственную динамику процесс построения всемирного общественного пространства. Знаменитый «конец истории» как раз и состоит в достижении этого равновесия между королевскими, аристократическими и демократическими полномочиями, установленными в конституции США и имперски распространенными на всемирный рынок.

В действительности добрая доля претензий на господство со стороны «Империи» полностью иллюзорна. Тем не менее это не мешает ее

¹ Родившийся в промежутке между 210 и 202 гг. до н. э., Полибий, находясь в изгнании после крушения империи Александра Македонского, стал основным историком, описавшим победу Рима над Карфагеном и римскую экспансию на Восток. Будучи прагматиком, он пытался объяснить причины исторических событий, свидетелем которых он становился. Скончался примерно в 126 г. до Р. Х. — *Прим. пер.*

правовому, политическому и суверенному порядку быть, возможно, куда более эффективным и, конечно же, более тоталитарным по сравнению со всеми предшествовавшими формами правления. Так как он постепенно укореняется во всех регионах мира, используя экономико-финансовую унификацию мира в качестве властного инструмента имперского строя. Более того: он усиливает свой контроль за всеми сторонами жизни. И поэтому мы настаиваем на новом, «био-

Не сдавайся!

политическом» качестве имперской власти, появившемся вместе с характеризующим его явлением, а именно с переходом от организации труда «по Форду» к постфордистской организации, переходом от промышленного способа производства к более обширным формам создания прибавочной стоимости (и эксплуатации): формам

социальным и нематериальным, формам, охватывающим жизнь в ее интеллектуальных и эмоциональных проявлениях, во времени воспроизводства, миграционных потоках обездоленных, кочующих по континентам планеты... «Империя» строит биополитический порядок, так как сам процесс производства стал биополитическим.

Иными словами, в то время как государство-нация пользуется дисциплинарным инструментарием для организации осуществления своих властных полномочий и обеспечения процессов нахождения согласия, строя, таким образом, соответствующие социально-производственную и гражданскую модели общества, «Империя» развивает инструменты контроля, пронизывающие все стороны жизни и перестраивающие их в соответствии с производственными и гражданскими схемами, соответствующими тоталитарным способам воздействия на человеческую деятельность, на окружающую среду, социальные отношения, область культуры и так далее...

И если отрыв производства от той или иной конкретной территории побуждает общество к большей мобильности и гибкости, то одновременно это явление усиливает пирамидальное построение власти и глобального характера контроля за деятельностью общества, затрагиваемого данным процессом. Таковой представляется отныне необратимым вне зависимости от того, идет ли речь о переходе наций в «Империю», о перемещении создания богатства от предприятий к обществу и от труда к обладанию информацией или же об эволюции способов правления от дисциплинарных к контрольным.

Каковы причины такого перехода? С нашей точки зрения, они являются результатом борьбы рабочего класса, пролетариев стран третьего мира и освободительных движений, которые прошли по бывшему миру реального социализма. Таков Марксов подход: борьба порождает развитие, пролетарское движение творит историю.

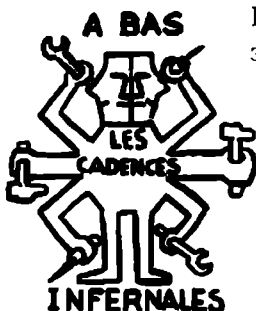
Так, борьба трудящихся против тейлоризма ускорила научно-техническую революцию, приведшую в дальнейшем к социализации и информатизации производства. Точно таким же образом неодолимый напор рабочей силы в постколониальных странах Азии и Африки породил одновременно резкий скачок производительности и рост народных движений, пошатнувших жесткость национальных рамок рынков труда. И наконец, в так называемых социалистических странах тяга к свободе со стороны новой технической и прочей интеллигенции разбила обветшавшую социалистическую дисциплину и уничтожила, таким образом, искусственный сталинский перекося всемирного рынка.

Построение «Империи» представляет собою реакцию капитализма на кризис старых систем, дисциплинировавших рабочую силу во всемирном масштабе. Оно открывает этим новый этап борьбы эксплуатируемых против власти капитала. Государство-нация, сковывавшее классовую борьбу, агонизирует точно так же, как до него канули в Лету государство колониальное и государство империалистическое. Приписывать рабоче-пролетарскому классовому движению такое изменение парадигмы власти капиталистов — это все равно что утверждать, будто бы люди приближаются к своему освобождению от капиталистического способа производства. И дистанцироваться от тех, кто льет крокодиловы слезы над кончиной корпоративных соглашений между социализмом и национальным профсоюзным движением, как и от тех, кто оплакивает старое, доброе, но уже прошедшее время, ностальгически тоскуя по социальному реформизму, проникнутому озлоблением эксплуатируемых и ревностью, зачастую тлеющей под утопией. Нет, мы все находимся внутри всемирного рынка. И мы пытаемся стать выразителями разума, которое мечтало о том, чтобы когда-нибудь объединить эксплуатируемые классы в коммунистический Интернационал. Так как мы видим в этом рождение новых сил.

Может ли такая борьба стать достаточно массовой и действенной, чтобы дестабилизировать или даже изменить структуру сложной организации «Империи»? Такое предположение вызывает у разношерстных «реалистов» иронию: система же так сильна! Но, с точки зрения критической теории, в разумной утопии нет ничего необыч-

ного. Кроме того, нет другого рода альтернативы, так как все мы являемся объектами эксплуатации и управления в рамках именно этой «Империи», а не где бы то ни было ещё. Последняя представляет нынешнюю организацию капитализма в самый разгар его перестройки после века пролетарской борьбы, не имеющей аналогов в истории человечества. Таким образом, наша книга предполагает наличие определенной тяги к коммунизму.

Многорукий бог работы

Центральная тема, возникающая в результате всего этого анализа, сводится в действительности к одному-единственному вопросу: каким образом может вспыхнуть в «Империи» гражданская война масс против капитала? Первый опыт борьбы, ведущейся как явно, так и подпольно на этом новом поле власти, дает нам три ценных указания. Кроме гарантированной зарплаты, в ходе такой борьбы выдвигается требование обеспечить новые формы выражения демократии в контроле над политическими условиями воспроизводства жизни. В этой борьбе развиваются движения населения, выходящие за национальные рамки, стремящиеся к отмене границ и установлению универсального гражданства. Она мобилизует отдельные личности и коллективные образования, которые пытаются вернуть в свою собственность богатства, произведенные с помощью средств производства, ставших под воздействием постоянной научно-технической революции собственностью субъектов, более того, настоящими протезами их мозга.

Большинство этих идей зародилось во время демонстраций в Париже в 1995 г., в «Парижской коммуне под снегом», боровшейся за нечто значительно более важное, чем просто сохранение общественного транспорта, а именно за ниспровергающее самосознание граждан больших городов. Несколько лет отделяет нас от этого эксперимента. Тем не менее повсюду, где шла борьба с «Империей», она везде высвечивала то, появлению чего она же в значительной степени и способствовала: новому осознанию того, что общее благо имеет решающее значение как в обычной жизни, так и на производстве, во всяком случае, значительно большее, чем «частное», или «национальное» начало, если использовать устаревшую терминологию. Лишь «всеобщее»² начало восстает против «Империи».

² «Всеобщее» начало – концепция, над которой работает в настоящий момент Тони Негри. Речь идет не об «общем благе», а об «общем» начале, со ссылкой на Спинозу. – Прим. ред.

Исраэль Шамир

СКОТНЫЙ ДВОР-2

Вступление издателя

Недавно, разбирая архивы Джорджа Оруэлла, я нашел глинное письмо, видимо, написанное одним из друзей покойного писателя. Письмо представляет собой отчет о событиях, происходивших на Скотном Дворе (Animal Farm, «Скотский Хутор», или «Ферма животных» — именно это последнее название использует неизвестный автор) уже после описанной Оруэллом революции, и оно заинтересует всех исследователей этого уникального эксперимента по самоуправлению животных.

Исраэль Шамир, издатель

Дорогой Джордж!

Так случилось, что мои исследования привели меня на ту самую Ферму в ***шире, которую ты так красочно изобразил в «Ферме животных», и, таким образом, я стал невольным свидетелем ее последнего расцвета и мучительного конца.

Меня всегда интересовал этот великий эксперимент, и поэтому я был польщен и заинтригован, когда Фонд Рокфеллера предоставил мне стипендию для изучения этой единственной фермы в мире, где Животные не были подвластны Людям, но сами распоряжались своими делами. Я помнил твои рассказы о том, как после освобождения от Людского ига Животные попали под новое, еще более жестокое иго Свиной и их свирепых Псов. Поэтому я с немалым страхом приближался

к прочной ограде из колючей проволоки, отделяющей Царство Людей от Царства Животных, и вспоминал страшные истории о Людях и Зверях, сгинувших в казематах Фермы. У ворот меня встретили старый Пес в форме и симпатичная Свинка. Пес облаял меня и проверил документы (приглашение местного университета), а Свинка предложила послужить мне гидом и показать Ферму: «Подлинную, не туристскую Ферму», — пообещала она. Я принял ее услуги, и вскоре мы помчались на тройке гнедых Коней по широким проспектам Фермы.

Тем временем Свинка (ее звали Линда) взахлеб рассказывала мне о новых и не столь уж новых событиях в Республике Животных.

Она рассмеялась, когда я шепотом спросил о свирепых Псах и их несчетных жертвах. Оказывается, ужасы той послереволюционной эпохи давно канули в Лету вслед за ужасами Робеспьерова террора или казнями Ивана Грозного, и на Ферму пришли либеральные, но патриархальные порядки. Это был тихий сельский уголок, буколический край, так не похожий на шумные, многолюдные и оснащенные современной техникой фермы, города и веси Страны Людей. Время тут остановилось: ни рекламы кока-колы, ни призывов любить машинное масло «Шелл» на стенах, ни финансовых экспресс-новостей о курсе акций на бирже. Все у них было свое, непривычное: свои напитки, свои машины, свои лозунги, призывавшие не покупать, а работать лучше. Гости извне редко бывали здесь, видимо, многие опасались, что тут их подкараулят описанные тобой, Джордж, страшные Псы.

Несмотря на лозунги, производительность труда на Ферме была одной из самых низких в округе, но Животные хорошо и сытно ели и жили в аккуратных, хоть и не роскошных постройках. Мечта о полном равенстве рухнула сразу после революции, когда был провозглашен знаменитый лозунг «Все Животные равны, но некоторые равнее других», однако подавляющее большинство Животных жили практически в состоянии равенства. Небольшая группа специально выращенных Свиной именовала себя Номенклатурой и правила Фермой, но даже их «улучшенные условия жизни» не так уж резко отличались от средних — побольше жратвы, пошире хлев и доступ к принадлежащей Ферме упряжке Коней были максимумом льгот.

Но Животные не были довольны и не радовались своему благополучию. Особенно изумило меня то, что правители были еще менее довольны, чем управляемые. Чем ближе был Скот к вершине власти, тем более он был недовольным.

Мой маленький гид Линда мечтала оказаться в Мире Людей. Она не сомневалась, что ее ждет великая карьера звезды популярной телепрограммы «Маппет Шоу». И она была не одинока в этой тяге к

Людям, что я узнал тем же вечером, когда Линда привела в мой номер в Человеческом Отеле своих друзей, в основном Лис и Свиной.

Замечу, что иностранец вроде меня обычно встречался только с двумя видами Животных: с правящими Свиньями и с интеллигентными Лисами. Рабочие Лошади и крестьянские Коровы не умели говорить по-человечески и не приобрели, в отличие от Лис и Свиной, человеческих цивилизованных привычек.

Друзья Линды вели себя совсем как люди: они навалились на мое виски, расхватали мои сигареты и стали наперебой рассказывать о своих поездках в Мир Людей.

Своей жизнью на Ферме они были недовольны, да и саму Ферму презирали. Свиньи сравнивали свои свинарники с вилами техасских нефтяных королей, знакомыми им по телесериалу «Даллас», и сравнение было не в пользу первых.

Среди друзей Линды был один влиятельный Боров по прозвищу Душок, которому в дальнейшем было суждено сыграть роковую роль в судьбе Фермы. Он был директором Спецбань для особо влиятельных Свиной, а значит, принадлежал к элите местного общества. В его распоряжении было все, что только могла дать Ферма: неограниченная жратва, послушные самки, отменный индивидуальный хлев, дача и возможность часто посещать Париж и Лондон по делам Фермы. «Уж вы-то должны быть довольны», — сказал я ему. «Нет, я несчастное существо, — проверял он, — когда я еду в Париж или Нью-Йорк, я должен на всем экономить и жить в наших собственных служебных квартирах. Не для меня развлечения Лазурного берега, не для меня трудятся ювелиры Картье, не для меня маленькие изысканные магазины Фобур Сент-Оноре».

«Но у вас есть свои курорты, свои ювелиры», — возразил я. «Они с вашими не сравниваются, — твердо ответил он. — Директор моего ранга в мире Людей получает, может быть, пять миллионов долларов в год, как Якокке. А мне дают только на семечки!»

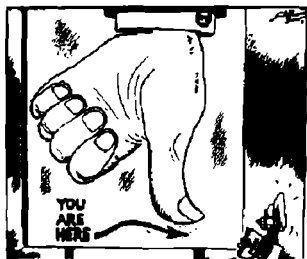
Лисы были еще менее довольны своим уделом. «Мы вынуждены жить в тех же домах, что и Лошади, — сказал мне Лис, — мы, с нашим образованием, и эти грубые твари, мы живем в одинаковых квартирах, и наши дети учатся в тех же школах». Еноты гордились своим североамериканским происхождением, и ничто местное не было им мило. Один Енот вынул из кармана и показал мне ксерокопию статьи в Британской Энциклопедии, подтверждавшей этот факт. «Вот видите, — сказал он, —

Воспрянем с Интернационалом

мы могли бы жить в Беверли Хиллс, а не в несчастных трущобах Фермы, где все нам так чуждо, так немило!» Он перешел на полусшепот «Знаете, моя тетушка уехала в Америку и попала в гардероб самой Нэнси Рейган!»

Как я узнал потом, Еноты занимали высокое положение в закрытом мире Фермы, где они считались на основании статьи в Британской Энциклопедии почти что иностранцами и вообще «тонкими штучками».

Невидимая рука власти

Поэтому и Лисы, и Свиньи, желая блеснуть нездешним лоском, попросту подражали Енотам «Семьдесят лет назад Отцы-Основатели Фермы порвали все связи с Миром Людей, — сказала Линда, — и с тех пор мы влачим жалкое существование. А как прекрасна жизнь в Большом Мире! Однажды меня послали на Выставку Свиной в Монреале (ведь знаете, мой отец знатный Боров), и как это было не похоже на нашу серую унылую жизнь!

Мы жили в позолоченных хлевах, нас купали в огромных ваннах как актрис Голливуда, и давали настоящую жареную картошку от Макдоналдса. Люди нас фотографировали, давали нам сласти, медали, подарки», — и Линда показала мне номер «Лайфа», где под надписью «Свиньи из-за колючей проволоки» можно было увидеть ее фотографию. — А когда я вернулась на Ферму, у меня все отобрали и запретили рассказывать о моей поездке в Канаду. Наши боссы не хотят, чтобы Животные поняли, как на самом деле можно жить, они талдычат с утра до ночи, что Люди нас съедят, пошлют на бойню, и прочие страшные сказки, которыми впору детей пугать. Конечно Люди ездят верхом и доят Коров, но и мы это делаем. Никто из нас не верит в эти страшилки. Да что там, посмотрите вокруг — разве можно так жить без кока-колы, без пиццы, без Диора, без всего того, что прекрасно в жизни?»

«Так жить нельзя!» — хором воскликнули Животные и навалились на мое виски. Научите нас, о Человек, как отделаться от Правящих Свиной и присоединиться к Человечеству, зажечь единым Человечьим общежитием?

Я оказался в трудном положении. Их энтузиазм и стремление к людям заражали и восхищали, но и удивляли безудержным оптимизмом. Я пробурчал что-то о свиных шницелях.

Линда глянула на меня с презрением:

— Я могла бы догадаться и раньше — если вас пригласили на Ферму, значит, вы обещали поддерживать пропаганду председателя Тух

ла! (Боров — престарелый руководитель Фермы, носил титул Председателя, как и все руководители со времен Основателей.) Вы не похожи на м-ра Джонсона!

— Кто такой м-р Джонсон? — спросил я.

— Это я м-р Джонсон, — ответил мне высокий, светловолосый аккуратно постриженный человек в элегантном сером костюме, который вошел не без стука. Линда и другие представительницы женского пола бросились обнимать его.

— Милый м-р Джонсон! — заверещали они. — Вы вернулись! Вы не забыли обещанные подарки?

— Нет, не забыл! Вот тебе «Мальборо», Линда, вот «Кристиан Диор» для вас, Душок, Ив Сен-Лоран для тебя, Макс, джинсы для тебя, Роза...

Так я впервые увидел м-ра Джонсона-младшего, наследника огромного Ранчо Джонсонов, которое находилось к западу от Фермы. В то время Ранчо управлял отец моего гостя, м-р Джеймисон Джонсон III, а юный м-р Джонсон регулярно наезжал на Ферму, где он покупал излишки их сельскохозяйственной продукции и привозил взамен предметы роскоши из Мира Людей. Хотя Ферма обеспечивала себя по всем основным статьям, она не могла произвести те излишества, которые столь украшают жизнь и которые так высоко ценят привилегированные классы.

Доходы Фермы от торговли были невелики: со времен Основателей повелось, что Животные могут есть сколько хотят (то есть много) и работать сколько хотят (то есть мало), поэтому Ферма производила мало излишков, а их с трудом хватало на приличный уровень жизни для председателя Тухла и его помощников.

Энергичной молодежи вроде Линды и ее друзей приходилось рассчитывать только на подарки м-ра Джонсона, чтобы удовлетворить свою тягу к иноземному товару.

На другой день м-р Джонсон рассказал мне за обедом, что его отец всегда мечтал взять земли своего восточного соседа — Фермы — в свой удел. Ферма могла бы приносить хороший доход, если ее модернизировать и отказаться от благоглупостей, учрежденных Отцами-Основателями: держать телят отдельно от коров, продавать больше молока, заставить Животных работать, как всюду, производить мясо и шкуры на экспорт, короче, если превратить это сонное и отсталое Царство Зверей в передовую Ферму.

Но идея освобождения Фермы от правления Животных и ее возврата в Мир Людей овладела умом старшего Джонсона и вне зависимости от деловых соображений. «На Ферме Животные управляют

сами собой, а это кощунство и богохульство, — говорил он, — и дурной пример моим коровам и лошадям». И действительно, на отдаленных хуторах Джонсонова ранчо, где жестокое обращение с Животными было нормой, среди несчастных Зверей — Лошадей и Коров — распространился Культ Фермы Животных.

Поэтому м-р Джонсон не щадил затрат в своей борьбе за умы и сердца обитателей Фермы. Он напечатал за свой счет и распространил повсеместно лихо иллюстрированную историю революции на Ферме, он охотно помогал потравщикам и браконьерам делать набеги на Ферму, а в последние годы он даже оборудовал маленькую телестанцию и начал теле вещание на Ферму, показывая роскошную жизнь элитных лошадей и коров у себя на Ранчо и сообщения о лишениях и бедствиях на Ферме Животных. Любое животное, которому удалось удрать из-за колючей проволоки Фермы, устаивалось замечательного приема и отборного овса у Джонсона.

Замечу, что Животные Фермы плохо знали Мир Людей. Отцы-Основатели были учениками Платона и моделировали свою Республику Животных по греческому идеалу Утопии: никто из жителей Утопии не мог никуда выехать, разве что на Олимпиаду. Позднее на Ферме было просто мало денег, и ездить могли только «более равные животные» вроде Душка. Окрестные фермеры охотно прибирали к рукам бесплатных отборных Животных с Фермы, и поэтому многие Животные, посланные на ярмарки и выставки, оставались «на племя» у Джонсона или на другой человеческой ферме. Телевидение Джонсона продолжало славить счастливую жизнь за высоким забором Фермы, счастливую жизнь для всех Животных и Людей. Итак, забор, который построили Основатели, чтобы защитить Животных от Людей, стал их погубелью: Животные не знали Мира Людей, кроме как по фильмам, коротким туристским поездкам и подаркам изда- лека, они перестали верить рассказам о наших методах обращения с Животными и поверили, что они могут жить, как актеры Голливуда или нефтяные шейхи. Своими злейшими врагами они считали правящих Свиной, а Людей — благодетелями. А поскольку и Людям, и Животным свойственно верить, что они живут в юдоли слез, а рай находится в другом месте, привилегированные Животные Фермы верили, что они живут в Аду, а Рай находится рядом, за забором, и в этом Раю все наоборот, как в зеркале.

Своеобразным подтверждением зеркальности мира была религия. С нашей, людской стороны забора обездоленные животные в лабораториях и загонах боен верили в избавление — как на Ферме. А с той стороны привилегированные скоты приняли для себя культ Карго —

веру в посылки из-за границы. И тут они оказались не глупее людей — культы Ящика возникли в отдаленных районах Новой Гвинеи и Борнео в годы Второй мировой войны, среди туземцев, находивших сброшенные с парашютом ящики с едой и питьем — для английских и американских солдат в джунглях. Не знавшие о войне туземцы верили, что эти ящики — дар богов, и молились парашютам и банкам с тушенкой.

Так и Лисы и Свины Фермы, не знавшие о планах м-ра Джонсона, молились на посылки, попадавшие из-за забора. Душок уже тогда был верховным жрецом этого странного культа: его приверженцы собирались украдкой, надевали джинсы, курили «Мальборо» и молились Большому Ящику с яркими этикетками. Душок присоединился к нам с м-ром Джонсоном-младшим после обеда.

— Мы пытались уговорить председателя Тухла продать нам лута на краю ваших угодий и рядом с нашими, — сказал м-р Джонсон, — но старик не соглашается. Поэтому нам придется урезать поставки жевательной резинки и прочих замечательных вещей, дорогой Душок.

— Возмутительно! — воскликнул Душок. — Ну и жила наш старпер! Он не верит, что Ферма Животных — для Животных! Все только для него и для его жирных дружков! Зачем нам нужны эти лута? У нас лугов предостаточно. Вот жевательной резинки нам не хватает. На будущей неделе я приеду к вам на ранчо, и мы обсудим наши планы.

Душок и Джонсон ушли, а я остался в обществе друзей Линды: самки спорили, как лучше всего найти себе жениха с Фермы Джонсона, а самцы уговаривали меня продать им мои часы или брюки.

Я даже не понял, что на моих глазах творилась история Фермы: так началась революция, изменившая не только Ферму, но и все отношения Животных и Людей. Через несколько дней, когда я у себя в номере включил телевизор, я увидел вместо обычной программы о Лошадях — передовиках производства фильм о поездке Душка на Ранчо Джонсона.

Великий Жрец Кльта Ящика удостоился воистину королевского приема: красные ковровые дорожки, несчетные журналисты и охрана, торжественные речи. Ни один представитель Фермы не был так принят за Забором. В одночасье Душок стал самым знаменитым Боровом в мире, и даже Животные, знавшие его много лет, увидели его в новом свете: Боров, которого Люди считают лучшим, наверное, и впрямь примечательное существо.

Сразу после возвращения с Ранчо Душок был избран председателем вместо Престарелого Тухла. Он, впрочем, был единственным Животным моложе ста лет от роду в правящей Номенклатуре и был в

свое время — совсем поросенок, по ее понятиям — допущен до членства во Внутреннем Правлении за особые услуги, оказанные престарелому Тухлу в Спецбанях.

— Отныне мы будем жить так же замечательно, как у Джонсона, — сказал Душок в своей первой речи по восшествии на престол. (Он отказался от традиционного титула главы Фермы («председатель») и стал называться просто Боссом). — Наш новый лозунг: «Ферма Животных — на благо Животных, во имя единства Людей и Животных». Луга были проданы Джонсону, и моя знакомая свинка Линда и ее друзья буквально купались в импортных сладостях.

Общество равных возможностей

Вплоть до этого времени жизнь на Ферме была очень скучной, но очень легкой. Каждому животному была гарантирована кормежка — не первого сорта, но сносная, простая и сытная, и надобности тяжело трудиться у них не было. Миновали дни Отцов-Основателей, когда животные надрывались во имя светлого будущего. Пайки тогда раздавались в соответствии с положением, и талоны на корм — местный эквивалент денег — не казались особенно важ-

ными: все равно Конь не мог получить паек Свины за тот же самый талон. Но с победой Душка этому было суждено измениться.

Лис Макс, важный Лис и хороший друг многих влиятельных Свиной (в частности, и самого Душка), получил от Джонсонов в подарок ранее неведомую штуку: видеомэгнитофон, блестящий, японский, замечательный, позволяющий убить скучный вечер с помощью фильмов Джонсона. Отныне его друзья могли наслаждаться зрелищем эротических объятий на голубом экране вместо скучных реалистических изображений своей скучной настоящей жизни. Вскоре Боров, заведовавший машинкой, печатавшей талоны на сено, выменял видео на тьмутьмущую талонов. Свины смеялись над Максом — они этих бумажек могли напечатать сколько угодно. Но Макс знал, что делал: на свои бесполезные талоны он взял огромное количество сена — с помощью Душка — и отвез его к Джонсону. Там он получил взамен сена двадцать новеньких видеомэгнитофонов. Сейчас даже Лошади смогли скинуться и собрать все свои резервы совершенно ненужных талонов на приобретение желанного видака. Макс увез с собой полутодовой запас сена на ранчо Джонсона и вернулся с подарками для Свиной и Лис.

Его успех произвел огромное впечатление на Животных. Сейчас всем стало ясно, что такое хорошая жизнь: надо было не пахать в поле

и не ткать пряжу, но продавать видео и экспортировать сено. Душок, поклонник человеческого образа жизни, лично приветствовал инициативу Макса.

Тихая жизнь на Ферме пришла к концу. Лисы и Свиньи бросились экспортировать сено и привозить человеческие продукты — японские телевизоры, французские духи и тряпки. Сено стало редким продуктом, и Лошади и Коровы проводили все свои дни в очередях за сеном со своими несчастными талонами в зубах. Они перестали работать, потому что очереди отнимали все время, да и к тому же в моду вошло презрение к работающим животным.

Когда сена стало мало, Лисы заметили, что можно прекрасно зарабатывать просто продажей сена за большее число талонов. Итак, все были довольны: большая часть сена уходила «за бутор», принося предметы роскоши Лисам и Свиньям, но и остатки приносили еще больше власти и талонов Свиньям и Лисам. Лошади и Коровы довольны не были, но их язык все равно никто не понимал, и они не могли так красноречиво оплакать свои печали, как представители правящих классов.

Душку и его друзьям противостояла лишь слабая оппозиция, состоявшая из отсталых Свиней, которые считали, что Животных нужно кормить даже за счет видаков и духов для Лис (им было наплевать на Лис, этим старорежимным Свиньям). Их поддерживал эзотерический Союз Коней — небольшая группа интеллигентных Лошадей, которые пытались напомнить своим собратьям, что за пределами Фермы есть не только выставки, но и бойни. Но они не могли остановить Душка: он становился сильнее и сильнее. Ведь за ним стояли финансовая мощь Джеймисона Джонсона III и энтузиазм Лис и Свиней.

Вскоре Душку представился случай отделаться от Псов. Хотя эти Звери зажирили от бездействия, их острые зубы могли в решающий момент изменить течение конфликта. На отдаленном участке Фермы взбесился Бык и успел ранить несколько Коров и Лошадей, когда на него напали Псы и загрызли. Телевидение Джонсона сообщило об этом инциденте, не жалея красок: кровожадные Псы набросились на Быков, Коров и Телят и затравили и растерзали десятки Животных. Тело мертвого Быка не сходило с экранов, лучшие Лисы-поэты сочиняли элегии и полные гнева и мести песни об убиенных телятах. Голова Быка была доставлена на главную усадьбу Фермы и стала объектом массового поклонения.

Склонные к искусству Звери пробудились к жизни: до этого им приходилось лишь описывать трудовые подвиги Лошадей, но сейчас наступило время бороться пером и кистью за собственное дело. Енот

Генри поставил пьесу «Сердце Пса»: ее герой Пес был кровожаден (грыз Котов) и требовал у Лис поделиться с ним жильем и жратвой. Спектакль имел бешеный успех у Лис и Свиной, которые и раньше недолюбливали сторонников дележки и равенства. С тех пор на все разговоры о неравенстве Свиной и Лисы отвечали говорившему: «У тебя сердце Пса!» — и тот смолкал.

А чтобы Лошади и Коровы и вовсе рта не раскрывали, Макс нанял известного Лиса Станислава, и тот немедленно снял фильм о бесконечных очередях за сеном и о горькой судьбе простых скотов. Но все эти беды показывались под рефрен известных слов Отцов-Основателей: «Каждая корова может и должна научиться править Фермой». Коровы и Лошади традиционно входили в Правление Фермы, где их роль сводилась к одобрению решений Совета Свиной. Неважно, что с революции и по сию пору Коровы и Лошади никогда не правили Фермой, сейчас на них возложили вину за все неурядицы и отсутствие сена. «Мы живем так ужасно именно потому, что уже семьдесят лет нами правят Коровы, — провозгласил Лис Станислав. — Дело Коров — давать молоко, а не управлять фермой. Фермой могут управлять только специально подготовленные Люди или на худой конец Лисы». Фильм Станислава так повлиял на слабые умы Скотов, что все Коровы и Лошади были выведены из Правления. Псы были удалены оттуда еще после истории с бешеным Быком, или «страшной резни телят», как ее называли Лисы.

В это время старый Джонсон объявил Конкурс Гласности: на лучшее произведение искусства или журналистики, разоблачающее прошлое и настоящее Фермы и утверждающее божественное право Людей распоряжаться Животными. Среди призов были десятки видеомагнитофонов и импортное сено в элегантной упаковке. Душок лично благословил Конкурс. За пару недель все белые и черные пятна в истории Фермы были вскрыты и описаны подробнейшим образом.

Разоблачения следовали одно за другим: народ узнал, что Ферма продавала шкуры павших животных «за бугор», узнал об экспорте енотов — и был возмущен. Еще более популярными были разоблачения и описания роскошной жизни правящих Свиной, их жратвы, свинарников, карет и домов отдыха и наслаждений. Правда, к этому времени тесная когорта друзей Душка — Лис и Свиной — жила в сто раз лучше, чем старая Номенклатура, но глупые Скоты не видели этого. У Лис было, впрочем, готовое объяснение: они сами добились своего благосостояния в конкурентной борьбе за экспорт, и «этого может добиться каждый».

Разоблачения не могли касаться лишь происходящего в Стране Людей: оттуда шли бесконечные картины выставок, праздников, породистых лошадей, тучных коров, быков-производителей, дрессированных собак, красивых и умных Лис и откормленных Свиней.

В это время Душок дал Животным возможность почти свободно (за небольшую взятку) покидать Ферму. Ежедневно к воротам фермы приходили покупатели — окрестные фермеры — и выбирали для своих ферм самых лучших Животных. В это время Ферма Жи-

вотных лишилась всей колонии Енотов: в

наши места прибыл скупщик пушни-

ны из американской компании

«Манто» и услышал от зверей

рассказ о североамериканском

происхождении Енотов. Он ре-

шил сыграть на этом и открыл

бюро по трудоустройству Енотов

в Беверли-Хиллс. Стены бюро ук-

рашали постеры из январского

номера «Плейбоя» (Мисс Январь

в енотовой шубке) и портрет Нэн-

си Рейган, где ее украшал Енот с

Фермы Животных (совсем как живой). На всякий случай скупщик на-

нял несколько безработных Псов, и те организовали Фронт Освобо-

ждения Фермы от Енотов. Еноты кинулись к скупщику пушнины и были

переправлены специальным чартером прямо на завод компании.

Ферма стала унылым и жалким местом. Сено на экспорт кончи-

лось, а на еду Животным остались только талоны на сено. Животные

не работали, лишь перепродавали остатки сена друг другу. Один и

тот же клочок сена переходил от Скота к Скоту, множась в цене, но

не в объеме. Душка возненавидели. Правда, его по-прежнему хоро-

шо принимал его главный деловой партнер м-р Джеймисон Джонсон,

он считался надежным поставщиком сена, а его кампания за гласность

сделала его доктором *honoris causa* Саламанки и Оксфорда. Но на Фер-

ме он не смел показаться.

— Душок обречен, его наверняка свергнут, и старорежимные Сви-

ньи станут править как раньше, а мы потеряем наши заработанные в

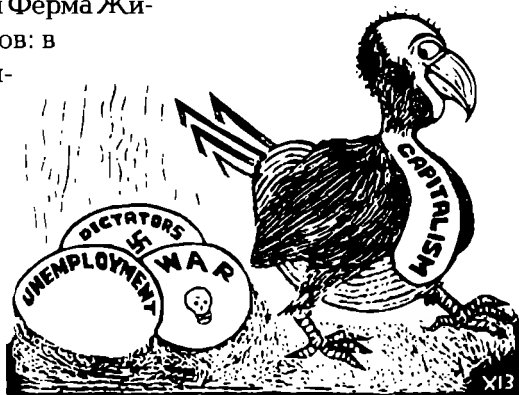
поте лица миллионы и виллы, — сказал Лис Макс своим друзьям. —

Надо действовать.

Он вспомнил Борова Крута, который когда-то заведовал филиа-

лом Фермы, но был смещен правящими Свиньями из-за спора о съе-

денных трюфелях. Крут был известным поклонником Человеческо-

Райская птица капитализма

го образа жизни, а именно личных самолетов и моря разлитого виски. Его двумя важнейшими достижениями в прежние времена были строительство самого высокого свинарника и сооружение самого роскошного туалета.

Макс нашел Крута в его хлеву тоскующим над пустой бутылкой и предложил ему шанс, который выпадает раз в жизни. Тот с благодарностью принял предложение.

Затем Макс пошел к Душку и предупредил его об опасности:

— Тебя свергнут, если ты не будешь защищаться. Ты должен призвать на помощь Псов! — сказал он.

— Как я, доктор философии Саламанки и Оксфорда, могу кликнуть Псов, будто я — один из кровавых Основателей? — верещал Душок, но наконец согласился, чтобы Псы были украдкой введены в усадьбу.

Макс выбрал старых беззубых Псов и расставил их вокруг Дворца Зверей, официальной резиденции Душка. Давненько Животные не видали Сторожевых Псов посреди главной усадьбы, и это зрелище их не обрадовало.

И тут появился Боров Крут со своими отборными Лисами.

— Рвите меня, грызьте, если посмеете, — воскликнул он, — но вы не сможете остановить стремление Животных к Человеческому образу жизни.

Эти благородные слова немедленно были подхвачены и переданы повсеместно Телевидением Джонсона и вызвали немало прочувствованных слез и аплодисментов среди зрителей. «Долой Псов и Правящих Свиней!» — воскликнул мужественный Крут. Лисы бросились ко дворцу, а старые Псы не могли даже понять, что от них требуется. Душок попытался утверждать, что Псы держали его в заключении во дворце, но это не произвело впечатления на боевиков Крута: он был с позором изгнан.

Лошади и Коровы все равно терпеть не могли Душка. День Великой Победы над Псами был провозглашен всеобщим праздником, а на главной площади Фермы воздвигли статую Крута, душася огромную Собаку Баскервилей. «Правление Свиней окончилось!» — провозгласил Боров Крут. Свиньи — сторонники Крута были переименованы в Хряков и Хрюшек.

Дворец Зверей был переименован в Белый Дом.

Лисы ликовали. Остатки сена увезли к Джонсону, а обратно привезли много отменного виски для Крута. Сена больше не было. Но м-р

Анархокот
не жди пока тебе да-
дут свободу, бери ее
сам

Джонсон не забыл старых друзей: товары продолжали поступать, и даже немного сена было привезено обратно на Ферму. Культ Карго стал официальной религией, а верховным жрецом и распределителем человеческих даров стал Макс.

Все больше и больше лугов и полей переходило от Фермы к хозяину Ранчо и к другим фермерам округи — в уплату за Безвозмездную Помощь.

Торговля была объявлена главным занятием, и только она не облагалась новыми налогами. Любое другое занятие немедленно каралось налогами. Крут снес забор вокруг Фермы и предоставил Животным возможность свободно ехать куда угодно. Голодные Кони и Коровы попытались воспользоваться новой свободой и кинулись пастись на полях м-ра Джонсона. Но они быстро были задержаны за потраву, а м-р Джонсон соорудил высокий забор со своей стороны, чтобы уберечь свои посевы. Только Лисы и Хряки — экспортеры — могли выезжать за новый забор.

Но что они экспортировали? Ведь на Ферме уже не оставалось ни сена, ни молока. Но экспорт шел. Крут и его дружки толстели изо дня в день. Однажды, прогуливаясь у реки, я увидел большие закрытые черные грузовики с позолоченными буквами на бортах «Мясник Смит и Ко», подъехавшие к краю Фермы.

Лис Макс, король экспортеров, лично следил за погрузкой в машины довольно тощих Коров. Он лучезарно улыбнулся мне.

— Мы нашли новый замечательный экспортный товар, — сказал он, — глупо быть единственной фермой в мире, не конкурирующей на рынках говядины. Сейчас, с новообретенной свободой торговли, без старых барьеров мы, наконец, на пути к процветанию. И учтите: меньше Коров — меньше голодных ртов!

Я не был единственным свидетелем этой сцены. Несколько коней наблюдали за погрузкой и разнесли весть по Ферме. Вскоре на главной площади собралась большая толпа: там были не только Лошади и Коровы, но и некоторые Свиньи, не ставшие Хряками, интеллектуалы из Союза Коней и даже некоторые Лисы, разочаровавшиеся в Человеческом образе жизни.

— Ферма Животных — для Животных, — скандировали они. — Не продавайте нас на бойни!

Тут ворота Белого Дома распахнулись, и оттуда выступила свора полицейских Догов. Животные свистели и мычали: со времени Великой победы Крута над Псами они не боялись Собак. Это было ошибкой: на этот раз не старые беззубые кабысдохи, но сильные и злобные Звери бросились на толпу.

Крут снова победил, но недовольство росло. Даже моя старая знакомая Линда усомнилась в правильности выбора, когда ее друзья исчезли в черных грузовиках, а ей самой пришлось стоять дни напролет за Безвозмездной Помощью.

В этот трудный момент Лис Макс снова нашел выход: он поехал к старому Джеймисону Джонсону и вернулся с договором: «Отныне Ферма Животных будет принадлежать м-ру Джонсону и будет именоваться «Новая Ферма». М-р Джонсон обеспечит Животных сеном. Он сможет брать Животных по своему выбору и для своих целей. М-р Крут остается Боссом и управляющим Фермой».

Договор был подписан, и, таким образом, бурная история Фермы Животных подошла к концу. Новые Человеческие хозяева были вынуждены послать многих Коров и Лошадей на бойню, потому что они все равно не умели работать, а такого количества торговцев сеном на Ферме не требовалось. Некоторые Животные были перевезены на Центральную Усадьбу Ранчо и удостоились завидной участи племенных производителей. Отборные Псы были брошены на подавление восстаний животных в разных местах фермы. Вскоре м-р Джонсон сделал Ферму еще более продуктивной: он закрыл дальние филиалы и пустил всех грамотных Свиней на отбивные. Лисы были приобретены оптом компанией «Манто», а Телевидение Джонсона закрылось, чтобы не сеяло у Скотов ложных иллюзий.

С омерзением я покинул проклятое место. В поезде в вагоне-ресторане я встретил Лиса Макса и Борова Крута: они ехали во Флориду.

Исраэль Шамир

ВТОРЖЕНИЕ

Пасхальная война Шарона — это конец главы, но не книги.

В эти дни мы испили до дна чашу отчаяния и бессилия. Наши протесты и петиции, электронные письма и демонстрации оказались так же действенны, как заклинания и проклятия против танков. Политически корректные или безудержные, остроумные или грубые, друзья равенства в Палестине столкнулись с превосходящими силами противника.

Президент США провозгласил «право Израиля на самозащиту», ВВС и CNN изобрели выражение «в ответ на», и войска Шарона вторглись в палестинские города. Они успешно уничтожили палестинское самоуправление и начали облавы, массовые аресты и хладнокровные расстрелы. В Вифлееме мирная демонстрация европейских пацифистов была обстреляна захватчиками из пулеметов. Церковь Рождества осаждена, трупы лежат на площади Яслей Христовых. Местные жители говорят о десятках убитых палестинцев, застреленных в упор. Израиль и США, которыми давно уже правит одна и та же команда, препятствуют действиям ООН и международных организаций, подготавливая в то же время вторую часть операции — вторжение в Газу.

Это тяжелые времена, но не такие безнадежные, как хотелось бы думать нашим врагам. Подкупленная западная пресса лжесвидетельствует о «схватках палестинцев с израильтянами», но на самом деле израильские солдаты не встречают серьезного сопротивления. Почему известные своей отвагой палестинские боевики не сражаются с еврейскими захватчиками?

Один ответ очевиден, как заметил израильский журналист и мирный активист Ури Авнери. Неравенство сил слишком велико, чтобы плохо вооруженные палестинцы могли противостоять одной из сильнейших армий мира, за чьей спиной их ручная Джаггернаут¹ — США. Но есть еще одна причина. Палестинская национальная автономия (ПНА) не стала национальным символом, за который палестинцам стоит умирать. Жизнь в ПНА осталась жизнью под властью евреев.

Сейчас неподходящее время останавливаться на прегрешениях Палестинской администрации (ПА), хорошо описанных Робертом Фиском и многими другими. Напомню лишь слова Муны Хамзе из лагеря беженцев Дехейше, возле Вифлеема: «С тех пор, как в декабре 1995 года Арафат и его команда получили контроль над зоной А в Вифлееме, они использовали деньги, предназначенные для Вифлеема, для постройки нового полицейского участка с новой тюрьмой, новой штаб-квартиры для его контрразведки, новой штаб-квартиры для разведки, новой резиденции для Арафата и его высоких гостей, а также персональной вертолетной посадочной площадки на Джабал Антон, небольшом холме над Дехейше — единственном незастроенном месте рядом с лагерем. Лучше бы он построил там игровую площадку для наших детей. Вот что он сделал в Вифлееме» (Муна Хамзе. Возвращение в холокост. — 12 марта 2002 г.).

Муна Хамзе несколько преувеличивает: Вифлеем подновили, дороги замостили, площадь Яслей отреставрировали, были открыты новые отели, и качество жизни повысилось за годы административного управления ПА. Однако она выражает глубинные чувства многих своих соотечественников, от профессора Саида до беженцев в Дехейше, глубоко разочарованных ПА. Кому бы ПА ни пыталась угодить — своему верховному повелителю Израилю или зажатому в тиски населению, — она не получила популярности. Израиль изобрел Палестинскую администрацию, чтобы управлять палестинцами не для того, чтобы тем жилось лучше. Сомневаюсь, чтобы ПА могла сделать больше.

В продолжающемся палестинском холокосте ПА вынуждена играть двусмысленную, хуже того, неисполнимую роль Юденрата (еврейского самоуправления), который организовали фашисты в гетто оккупированной Европы. У немцев тоже не было особого желания лично подавлять их «низшую расу». Они предпочитали дать им ограниченное самоуправление во внутренних делах. Некоторые просвещенные нацисты были готовы основать отдельное еврейское госу-

¹ Воинственное индийское божество.

дарство внутри Третьего рейха, что-то в духе представлений Шарона о палестинском государстве. Этот план был реализован на короткое время в окрестностях Люблина, в части Польши с большим количеством евреев. Еврейский район назывался по-разному: Люблинланд, Джуишланд, Юденланд, Еврейская резервация и Еврейский Автономный Округ. После войны о Юденрате было написано много книг и пьес. Евреи были им недовольны, они считали его «продавшимся», «готовым служить врагу», «правительством коллаборационистов», «коррупцированным», как ПА в наши дни. Но Юденрат не мог сделать больше. Не может и ПА.

Палестинцы были и остаются крепостными еврейского государства апартеида, в ПА или за ее пределами. Вторжение Шарона навеки похоронило идиотское изобретение — палестинское самоуправление (независимость) на крошечном кусочке Палестины. Это был план нацистского Люблинланда, перенесенный в Палестину псевдолевыми евреями. На первый план выходит задача демократии для всей Палестины (включая территорию Израиля), уничтожения апартеида. Не оглядывайтесь с ностальгией на дни ПА, смотрите с надеждой на завтрашнюю свободную и демократическую Палестину/Израиль от Средиземного моря до Иордана.

Муна Хамзе назвала свое эссе «Возвращение в холокост». Тот же образ упомянул португальский писатель Жозе Сарамаго, нобелевский лауреат, сравнивший осажденную Рамаллу с варшавским гетто. Сарамаго, кого еще недавно хвалили еврейские СМИ за нетрадиционный образ Иисуса в его романе, стал мишенью ведущих израильских псевдолевых: Ари Шавита и Тома Сегева.

Том Сегев поставил свое перо на службу еврейскому государству. «Сарамаго заявил, что действия Израиля на территориях сравнимы с тем, что происходило в Освенциме и Бухенвальде. Это больше похоже на сортирную надпись, чем на его книги. То, что он сказал, вредит делу, которому он хотел помочь, и он выглядит идиотом».

Мне уже надоело слушать это истрепанное заклинание «вредит делу» от еврейских «левых» советчиков палестинцам, от Тома Фридмана (журналиста «Нью-Йорк таймс») до Тома Сегева. Я не верю, что лично они желают успеха этому делу. И сейчас различие между еврейскими «умеренно левыми» и «крайне правыми» становится чисто внешним. Ари Шавит — «левый», но то же могла бы написать Барбара Амиель, жена Конрада Блэка (газетного магната) и друга Шарона

POINT-BLANK !

Средство общения

и Пиночета: «То, что сказал Сарاماго в Рамалле, — не ясная критика оккупации. Это — гнусное антисемитское подстрекательство. Это не просто глупость, не просто беспочвенное утверждение. Если Рамалла — Аушвиц (как сказал Сарاماго), значит Израиль — Третий рейх. Он заслуживает уничтожения. Может быть, не все его жители должны быть убиты, но его государственность должна быть разрушена. И если Рамалла — Аушвиц, тогда Тель-Авив — Дрезден. Сжечь его — не военное преступление».

Профессор Алан Столероф хорошо ответил на это: «Еще одна попытка «левых» израильтян покрыть военные преступления и преступления против человечества, творимые израильской оккупацией. Если бы Сарاماго или я, европейский еврей, сравнили бы окружение и блокаду с варшавским гетто, вы бы ответили то же самое? Разве не в израильских газетах было напечатано, что израильский генерал призывал изучать опыт нацистов в Варшаве, чтобы применить его против интифады? Не писали ли израильские солдаты номера на руках арестованных палестинцев? Разве 40% израильских евреев не отвечают «да» на вопрос: «Следует ли выселить арабов с территорий?» И ковровая бомбежка Дрездена БЫЛА военным преступлением!»

Если Шавит настаивает, я готов признать: нынешний Израиль, еврейское государство апартеида, должен быть демонтирован. Его государственные учреждения должны быть распущены. И его сторонники повсюду в мире стали соучастниками военных преступлений и должны нести за это ответственность. Они не смогут заявлять о своем нейтралитете.

Не по религиозному или национальному признаку отделяем мы овнов от козлиц. Это доказывает Джерри Левин из Алабамы, бывший руководитель отделения CNN в Бейруте. Он побывал в заложниках у Хезболлы в 1984/85-м, а сейчас работает с Христианскими Миротворцами (см. «Две Анны») и защищает беззащитных палестинских детей, женщин и мужчин от еврейских поселенцев. Он напомнил об Адаме Шапиро, еврее, члене движения Международная солидарность, который работает в Рамалле (Шапиро — американец, его родителям и брату неоднократно угрожали смертью. Родителям пришлось скрываться. Следует упомянуть достойную восхищения Дженнифер Левенштейн, чьи репортажи из Газы печатаются сейчас в палестинских изданиях, и других защитников равенства. Все эти люди разных убеждений вместе со своими друзьями бросают вызов «право-левому» блоку еврейских расистов.

Крис Ней

ДЕМОКРАТИЯ НА УЛИЦАХ СИЭТЛА

Впервые я понял, к чему могут привести демонстрации без применения насилия в Чили, в 1998 году, когда был международным наблюдателем во время референдума, который положил конец диктатуре Аугусто Пиночета. Второй раз мне довелось это видеть в Сиэтле, в ходе беспорядков, учиненных противниками конференции Всемирной торговой организации (ВТО).

Беспорядки в Сиэтле опирались на силу прекрасно организованной группы людей, а не на силу государственного аппарата. 30 ноября и в последующие дни децентрализованное прямое ненасильственное действие одержало победу, изменив облик города и мировое сознание, разрушив планы одного из самых мощных из когда-либо созданных финансовых бюрократических институтов.

Простые цели.

Сложный замысел

Цели плана прямого действия были также просты, как сложны были его замысел и материально-техническое обеспечение. План был таков: блокировать места проведения встреч ВТО, лишить делегатов возможности войти в здание и тем самым сорвать конференцию. В 7 часов утра манифестанты собрались по обеим сторонам конференц-центра, где ВТО планировала провести свое мероприятие. Под холодным проливным дождем моя колонна промаршировала от рынка

Пайк-Плейс на набережной до центра города. Мы проходили по улицам, заваленным отходами, мусорными баками и желтыми пластиковыми лентами, похожими на те, которыми полицейские ограждают место преступления, только на этих была надпись: «Невидимые преступления». Группы единомышленников снимали с себя верхнюю одежду, чтобы было легче строить высокотехнологичные и технические несложные баррикады на перекрестках в центре города. Высоко-

Анархия нон-стоп!

технологичные баррикады были двух видов: треноги и т.н. сейфы. Треноги представляли собой высокие сооружения на трех опорах с сидящим наверху человеком, которые невозможно было ликвидировать, не покалечив одушевленную часть конструкции. А «сейфы» были ничем иным, как трубами, сделанными из пластика или стали, в которые манифестанты вставляли руки, делая тем самым невозможным для полиции разделить людей, стоящих в ряд. Моя колонна промаршировала до театра Парамант, где глава американской миссии в ВТО Шарлен Баршевски должна была провести первую пресс-конференцию ВТО в 9.30 утра. Здесь мы увидели ряд автобусов, блокирующих почти всю улицу; небольшой проход охранялся сиэтлскими полицейскими, доволь-

но скудно экипированными средствами борьбы с уличными беспорядками. Не придумывая ничего сверхъестественного, используя только свои тела, мы взялись за руки и выстроились в единственном просвете в ряду автобусов, прямо перед полицейскими, полные решимости не покидать свои позиции целый день. С высоты холма, с которого открывался чудесный вид, мы смотрели на город, омываемый дождем; дождь начал стихать. Шерифы округа Кинг, охранявшие близлежащий автобусный парк, были дружелюбными и разговорчивыми, в отличие от сиэтлских полицейских. Они в шутку говорили, что выполняют самую легкую работу, а мы сокрушались по поводу нашей общей беды: невозможности отлучиться в уборную с боевых постов.

Когда один из делегатов, доведенный до крайней степени отчаяния, всем своим видом выразил готовность силой прорваться сквозь блокаду, шерифы моментально подготовились к защите манифестантов.

Ровно в 8 утра нашему тактическому координатору передали по радиации, что выстроена блокада, надежно окружающая места проведения переговоров и лишившая делегатов возможности войти в здание. В 9.30 Баршевски отменила пресс-конференцию, т.к. никто не мог войти в театр Парاماунт. Первые пленарные заседания были также отменены. Мы, люди, остановили ВТО!

Газ, аэрозоли и пули

Никто не мог поверить, что полиция не арестовывает митингующих. Но около 10.30 мы почувствовали запах и признаки применения слезоточивого газа или перцового аэрозоля. Ткань, смоченная в содовом растворе, помогла мне избавиться от слабых, но достаточно неприятных ощущений в носу и легких. Позже мы узнали, что в дополнение к слезоточивому газу и перцовым аэрозолям полиция применила и резиновые пули; планировалось также глушить переговоры тактической команды по радиации повторяющимися непристойностями на сексуальную тему. С течением времени мы все больше ощущали присутствие химических веществ. Мы подошли к другой стороне конференц-центра, где студенты двух университетов стояли, спрятав руки в «сейфы». Они сказали, что копы целый день были настроены по отношению к ним вполне дружелюбно, «кроме утра, когда они опрыскивали нас из перцовых аэрозолей и поливали слезоточивым газом!» Химические вещества причиняли серьезные неудобства, но баррикады держались. Вернувшись на свои боевые посты возле театра Парاماунт около 2 часов дня, мы увидели приближающиеся отряды полиции по охране общественного порядка со щитами, в специальной униформе и бронежилетах. В этот же день нам суждено было увидеть еще больше щитов и конной полиции, прорывающейся сквозь баррикады из людей, чтобы проводить делегатов внутрь здания, но у первой группы полицейских со щитами были другие задачи. Я попытался пробраться ближе, чтобы узнать, что они делали. Они нервничали, целиком погруженные в работу, которая, как мы узнали позднее, состояла в наблюдении за группой молодых людей-анархистов. Молодые люди появились через десять минут после полиции. Они подошли к нам, затем повернули налево; полицейские со щитами скрылись вместе с ними. Потом я все думал, как же это было возможно, чтобы в два часа дня полиция могла до того эффективно следить за перемещением этой

группы молодых людей, что они появились на десять минут раньше анархистов, хотя лишь несколько часов спустя не могла удержать их, когда они начали бить витрины и поджигать все вокруг. На самом ли деле полиция хотела, чтобы произошли беспорядки?

Колыбель активизма

Сеть прямого действия (СПД), которая планировала блокады и другие акции протеста, представляет собой свободное объединение групп прямого действия с западного побережья Северной Америки. СПД руководила действиями из старого склада, превращенного в танцклуб, известного сейчас как Конвердженс-центр (Convergence Center), в жилом районе по соседству с Капитолийским холмом. В течение двух недель, предшествовавших протестам против ВТО, танцклуб стал колыбелью акций протеста.

27 ноября, когда я приехал туда, я увидел комнату, в которой ни много, ни мало 100 человек изучали теорию ненасильственных действий путем обсуждения и ролевых игр. В другой комнате, используя те же методы, активисты разрабатывали стратегию действий. В пе-

Подписываюсь против ВТО

реулке рядом со зданием учили, как создавать блокады и строить треноги. В дальнем углу самой большой комнаты художники и активисты денно и нощно трудились над созданием реквизита: эмблем, знамен и кукол. Медики лечили больных, распространяли бесплатные презервативы, рассказывали о болезнях, передающихся половым путем, и о том, что делать в случае атаки слезоточивым газом и перцовым аэрозолем. Добровольцы готовили питательную вегетарианскую еду и кормили ежедневно около тысячи людей. В столовой большими буквами было написано: «На стенах живут клопы, в телефонах у нас жучки, нам не нужны насекомые еще и в пище. Пожалуйста, мойте руки перед едой». Стол информации был довольно оживленным местом: там собирались подписи, можно было получить ответы на интересующие вас вопросы, взять брошюры о прямом действии, сделать пожертвование, записаться добровольцем, получить футболку. Организаторы поддерживали порядок; одна из комнат была заперта: там хранили багаж.

Мы с представительницей Лиги противников войны американского отделения Международной организации противников войны, Вивьен Шарплес участвовали в тренинге по сооружению высокотехнологичных и технически несложных баррикад: от людских цепей до «сейфов» с использованием стальных труб. В ходе другой тре-

Животворный экстаз восстания

нировки мы узнали, что надо делать в случае ареста и заключения под стражу. Были объяснены четкие принципы поведения в ситуациях такого рода: не носите удостоверений личности, не называйте своего имени; не давайте разделить вашу группу; требуйте равных условий для всех; требуйте, чтобы всем арестованным были выданы повестки о вызове в суд, а не предъявлены обвинения в уголовном преступлении или судебно-наказуемом проступке. Активистам

Хотите купить?

советовали в ответ на все обвинения заявлять о своей невиновности и требовать адвоката, назначенного судом, и суда присяжных, если другие условия не выполняются.

Вся деятельность, казалось, происходила сама собой. А ведь это была не фирма с персоналом, финансовыми средствами и директором. СПД наняла Конвердженс-центр за 4000 долларов, но польза от обучения всех этих молодых активистов просто бесценна. Это был анархизм в его высшем проявлении, децентрализованные действия, произошедшие прямо под пристальными взглядами других, более многочисленных, групп манифестантов и полиции, не смотря на то, что пресс-центр СПД довольно умело и больше обычного привлекал

внимание прессы к приготовлениям. Накануне событий «Сиэтл Таймс» опубликовала список намеченных мероприятий, в числе которых были: «создание блокад с целью срыва конференции ВТО» и организация занятий, которые можно пройти в штаб-квартире СПД. Две из самых популярных газет Сиэтла советовали своим читателям пройти занятия по организации ненасильственных демонстраций, если они хотят принять участие в акциях гражданского неповиновения.

Конвердженс-центр и СПД явили собой великолепный пример объединения усилий таких движений, как, например, Общество «Рукус» (оно провело ряд специальных занятий для подготовки протестов против ВТО), Сеть по сохранению тропических дождевых лесов, Глобальный обмен, Центр организации студенчества, Лига противников войны, которые в течение многих лет работали

над этими вопросами. СПД также много выиграла от недавних компаний против предприятий с потогонной системой, и акций в университетах. Акции были направлены на защиту животных и окружающей среды.

Честно говоря

В большинстве из последовавших за событиями публикаций утверждалось, что манифестанты якобы мало что знали о ВТО. Очевидно, журналисты, писавшие подобные статьи, не слышали таких разговоров, как, например, этот, свидетелем которого я стал. Участниками его были демонстрант и делегат Евросоюза, который утверждал, что хочет войти в конференц-центр, чтобы «убедить ваше [американское] правительство согласиться на протекционистские меры для европейских фермеров».

Демонстрант спросил, почему ВТО выиграет, подорвав трудовые и экологические стандарты. Пока делегат пытался объяснить, как, по его мнению, можно было реформировать ВТО, демонстрант задал ему вопрос об одном из противоречивых решений ВТО, которое нарушило законы всех государств, требующие наличия у креветочных траулеров оборудования для защиты дельфинов от траулерных сетей.

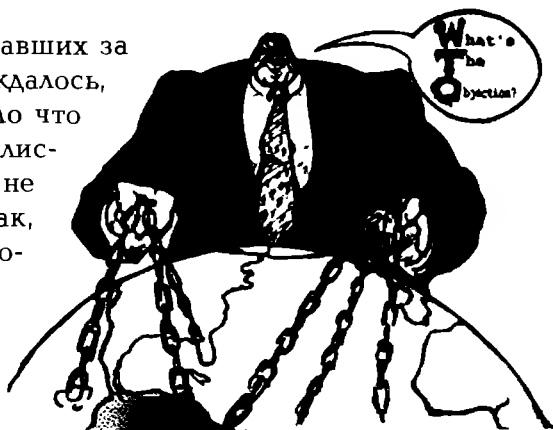
— Может быть, подобное оборудование не по карману рыболовецкой отрасли, — ответил делегат.

— А вы знаете, сколько стоит такое приспособление? — поинтересовался демонстрант.

Делегат признал свою полную неосведомленность в этом вопросе.

— Пятьдесят долларов, — ответил демонстрант.

В ходе разговора, длившегося полчаса, демонстрант приводил хорошо обоснованные, говорившие о знании предмета аргументы, основанные на статистических данных и анализе. И это только один из сотен разговоров, произошедших в тот день, когда делегатов, лишенных возможности войти в конференц-зал, митингующие прямо-таки забрасывали вопросами и комментариями. Эта блокада дала возмож-

Свобода капиталов это рабство людей

ность митингующим использовать подход, за который корпорациям и лоббистам платят тысячи долларов; это был лучший пример лоббизма не в мраморных институтах власти, но на улицах, которые походили на карнавал.

Возьмем «освобожденную зону». Там были танцоры, куклы, клоуны, уличный театр, радикальные группы поддержки, люди на ходулях и множество музыки. Еще там был молодой человек в униформе скаута, утверждавший, что некоторые из его знаков отличия получены за гражданское неповиновение и участие в создании блокад.

Быть может, это единственный раз, когда я так близко видел всеобщую забастовку, и я увидел ее в единственном городе США, в котором когда-либо происходила всеобщая забастовка. Вечером, когда мы, усталые, но довольные, шли по центральным улицам Сиэтла, все еще заполненным смрадом перцовых аэрозолей и слезоточивого газа, мы снова и снова скандировали слова, которые как нельзя лучше отражали дух этого дня: «Вот как выглядит демократия!»

Джим Кэмпбелл¹, Филипп Дюамель²,
Скотт Вайнштейн³, Боб Уолтер⁴

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К СИЭТЛСКИМ ПОГРОМЩИКАМ, ОБЪЕДИНЕНИЯМ, МИРНЫМ ДЕМОНСТРАНТАМ И СТОРОННИКАМ НЕПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ

В этом интервью не будут критиковаться, с точки зрения морали или этики, действия ни мирных демонстрантов, ни тех, кто нанес ущерб частной собственности. До сих пор критика вандализма и реабилитирующие статьи (интервью с «Черным блоком» и статья Уорда Черчилля «Активисты поддерживают анархистов» и др.) были политическими по своей природе. В этом интервью речь пойдет о тактике, стратегии и последствиях. Оно написано старшими ветеранами движения, которые предостерегают нас от повторения прошлых ошибок.

Во многих отношениях этот карнавал противостояния ВТО одержал поразительную и исторически важную победу. Во-первых, тысячи людей были мобилизованы для участия в прямом действии и маршах протеста, не смотря на всю пропаганду СМИ за свободную торговлю. Молодежь заставила нас ею гордиться и сделала формальное предупреждение правящему классу. Во-вторых, мы стали свидетелями объединения огромного спектра сил: от коренных народов

¹ Джим Кэмпбелл – издатель «Бульдозер» (*The Bulldozer*) и ныне не существующей Службы новостей заключенных (*Prisoner New Service*), бывший член Комитета в поддержку Ванкуверской пятерки.

² Филипп Дюамель – активист и инструктор по гражданскому неповиновению. Он объединился для противостояния глобализации с Операцией САЛАМИ, организацией прямого действия, созданной для бойкотирования Многостороннего соглашения по инвестициям.

³ Скотт Вайнштейн – бывший член организации заключенных «Анархистский черный дракон», Комитета в поддержку Ванкуверской пятерки и Комитета солидарности с народом Сальвадора.

⁴ Боб Уолтер – активист.

Филиппин до «Канадских потребителей товаров для здоровья», любителей здоровой еды, французских фермеров, защитников окружающей среды, Американской федерации труда/Конгресса производственных профсоюзов до Объединения портовых рабочих, панков, бабушек, студентов и т.д. С исторической точки зрения, это сплочение профсоюзов и разнородного прогрессивного движения в США — вынужденное отступление от традиции недавнего реакционного

Место встречи изменить нельзя

юнионизма холодной войны. В-третьих, мы все отчетливее понимаем, что такое капитализм, глобализм и свободная торговля, предлагая в то же время альтернативы в виде гражданского общества, в котором ценится глобальная солидарность, экологическая стабильность и справедливость. Многие из встреч, предшествовавших сизтлской, и контр-саммит в Сизтле отличались хорошей организацией и высокой посещаемостью. В-чет-

вертых, дни протеста в Сизтле доказали, что победа возможна при наличии инициативных и воодушевленных людей и что мы способны продолжать прямое действие даже под угрозой государственных репрессий.

Однако главным камнем преткновения оказались действия некоторых вандалов и реакция большинства демонстрантов. Странно то, что совсем никто не говорит о многочисленных свидетельствах активистов прямого действия, и почти никто не говорит о разработке стратегии нашего продвижения.

Совершали ли вандалы насилие?

Насилие — это действие против живого существа или земли. А разрушение и вандализм, направленные против корпораций, — это просто разрушение и вандализм. Бедность — это тоже насилие, т.к. в этом случае жертвами становятся люди; но корпорации — это ведь не живые существа.

Насилие в основном исходило от государства, которое послало полицейских, чтобы те атаковали нас слезоточивым газом, перцовым аэрозолем, фугасными гранатами и резиновыми пулями; все это по-

будило обычных манифестантов и мирных горожан бросать в полицейских бутылки, поджигать мусор и разбивать витрины.

Можно ли сказать, что вандалы пробуждали сознание людей?

Наверяд ли. Скорее некоторые из их действий убили всякую надежду на пробуждение сознания. Если трезво оценивать значение разрушений и ущерба, нанесенного филиалам таких мировых компаний, как *Gap*, *Nike* или *Starbucks*, необходимо принять во внимание, что именно эти действия разубедили людей в главном: в том, что настоящими вандалами и нарушителями являются сами эти корпорации.

Кроме того, сама идея этих действий была сильно подорвана тем фактом, что люди, одетые в одежду *Nike*, наносили ущерб компании *Nike*; СМИ неоднократно подчеркивали этот факт. Другие действия как, например, провокационные художественные шоу или театральные представления вместе с призывами к бойкотированию, могли бы более решительно настроить людей по отношению к преступлениям, совершенным этими корпорациями.

Справедливо ли будет отметить, что нанесение ущерба частной собственности вывело протест против ВТО на новый уровень?

Может быть, но в небольшой степени. Массированные и успешные уличные блокады, марши профсоюзов, наряду с жесткой реакцией полиции привели к тому, что протесты приобрели другой характер, отличный от того, что был на начальной стадии. Беспорядки позволили СМИ сместить акцент своих репортажей: они уделяли большее внимание махровому вандализму, а не массовой мобилизации сил.

Увеличились ли расходы компаний, ведущих свободную торговлю, в результате ущерба, нанесенного частной собственности?

Не так, как из-за их страха перед многотысячной толпой обычных людей, объединенных в сильную и сплоченную оппозицию.

Лицемерят ли объединения и мирные демонстранты, жалуясь на погромщиков?

Некоторые лидеры объединений и мирные демонстранты не смогли отличить систематические и тяжкие преступления корпораций и государств от нанесения ущерба компаниям на улицах. Насилие, как его понимает правящая элита (а именно: любое покушение на ее привилегии и собственность), можно подвергнуть сомнению. Это в лучшем случае наивно, а в худшем — лицемерно публично обвинять нескольких человек в том, что они разбили какие-то там витрины, и закрывать глаза на настоящие смерть и ущерб, которые несут нашим братьям, сестрам, всем живым существам планеты компании, имеющие в центре Сиэтла филиалы, и соседствующие с ними сторонники войны в «Боинге» и «Макдональдсе». Надо еще разобраться, что считать вандализмом.

Демонстрировали ли хулиганы храбрость перед лицом насилия со стороны полиции?

Нет. На передовой были в основном те, кто блокировали улицы, и это на них пришелся основной удар полиции. Они держали блокады и сорвали конференцию ВТО в первый день, число их сторонников увеличивалось в десятки раз. Их действия напоминают о смелом протесте Студенческого ненасильственного координационного комитета против смертной казни во времена защиты гражданских прав. Это вызвало поддержку широкой общественности.

Разрушители частной собственности воспользовались тем, что полиция была поглощена срывом мероприятий ВТО активистами прямого действия. Они полностью изменили свою повестку дня, пойдя в разрез с условленной тактикой и целями, в хорошо организованный день противостояния. Это было сделано без совета и одобрения организаторов. Если бы погромщики были действительно смелыми, они могли бы приступить к своей деятельности в любое время после проведения акций.

Способствовали ли делу революции те, кто наносил ущерб частной собственности?

Напротив. Если они будут подчеркивать, что выступают против корпоративного капитализма, то чего там стоит пара-другая разби-

тых стекол? Это явилось символическим действием, в то время, когда символические действия только показывают нашу слабость. Блокады и марши протеста подтвердили, что мы можем действовать как мощное массовое движение. Так что давайте воспринимать себя серьезно.

У погромщиков не было никакой возможности возглавить эту мощную систему. Революционное изменение может наступить только в результате массового объединения людей.

Стратегия погромщиков отрицала тактическое сотрудничество с организациями и демонстрантами. Это грубая бездумная стратегическая ошибка — злить и отпугивать потенциальных союзников из объединений, которые становятся главными источниками социальных изменений; еще глупее отпугивать естественных сторонников народного движения.

Все успешные революционные движения опираются на объединенные стратегические усилия, притом что тактика может отличаться. Различные элементы структуры ответственны друг перед другом и в то же время перед диалектическими потребностями. Мелкий элемент системы, который саботирует борьбу, с точки зрения большинства, саботирует прогресс.

Нервно-паралитическая цивилизация

Являются ли погромщики агентами полиции, призванными расколоть и дискредитировать движение?

Утверждения членов различных объединений и ветеранов-организаторов о том, что погромщики являются агентами полиции, — не что иное, как беспочвенные обвинения. Хотя не нужно сбрасывать со счетов тот факт, что внедрение провокаторов — один из методов работы полиции (тому можно найти множество примеров из истории, включая программы последних десятилетий типа COINTELPRO⁵, направленные против различных движений), но нет никаких доказательств того, что действия-

⁵ Секретная программа ФБР, направленная на нейтрализацию черных лидеров - активистов, а также некоторых экстремистов правого крыла. — Прим. пер.

ми кого-либо из погромщиков руководила полиция. Но, принимая во внимание их действия, которые многих сбивали с толку и раздражали — привлечение к себе львиной доли внимания СМИ, саботирование планов организаторов на день протестов — в поведении погромщиков можно усмотреть цели, созвучные целям внедренных провокаторов. Нужно мыслить и организовывать свою работу таким образом, чтобы быть неуязвимыми для тайных замыслов, избегая при этом всяких проявлений

К переделу собственности готовы!

«охоты на ведьм» и подозрений, которые могут быть фатальны для наших организаций и мобилизации сил.

Цель правящих кругов — расколоть и ослабить нас, отпугнуть наших сторонников. Государство относилось к организациям довольно лояльно. Полиция не использовала прекрасную возможность арестовать погромщиков во время показанных в прямом эфире атак слезоточивым газом и вечерних беспорядков. Существует мнение, что полицейские

намеренно провоцировали и продлевали беспорядки, применяли слезоточивый газ, чтобы СМИ имели возможность показать, какую опасность представляли собой демонстранты. Потом они попытались исполнить свою главную угрозу: в последующие два дня арестовали более пятисот мирных демонстрантов.

Заключение

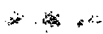
Мы понимаем гнев и крушение надежд, которые привели к беспорядкам. Мы убеждены, что стратегия должна заключать в себе нечто большее, чем просто выход наружу сдерживаемых эмоций. Это политическое средство, а не символизм и потребность в катарсисе. Уверенность в правоте своего дела и сторонников неприменения насилия, и разрушителей частной собственности осложняет дело. Важно критично относиться к своим и чужим действиям. Нужно понять, какая тактика и стратегия мобилизует людей, а какая разделяет.

В Сизтлской битве организация беспорядков была тактической ошибкой. Как и попытка лидеров организаций отделить своих людей от активистов прямого действия, блокировавших улицы. К счастью, красота и сила движения победила вопреки всем грубым ошибкам. Для того, чтобы работать вместе, нужно уважать друг друга. Стремитесь к победе.

Борис Кагарлицкий

УРОКИ ПРАГИ

1999

События сентября 2000 года в Праге были переломными. Планируя свою ежегодную встречу в Чешской республике, Мировой Банк и Международный Валютный Фонд надеялись на спокойное мероприятие в единственной восточноевропейской стране, где ненависть к неолиберализму еще не стала массовой. В итоге международным банкирам пришлось бежать из города, на улицах которого развернулись сражения между полицией и тысячами демонстрантов, собравшихся со всей Европы. Банкиры даже не решились провести итоговую пресс-конференцию. И все же далеко не все участники движения против капиталистической глобализации оценили произошедшее как победу. Многие были шокированы насилием на улицах, а еще больше — дружной атакой прессы против движения.

Короче, необходимо подвести итоги произошедшему и сделать выводы. После Праги движение явно вступает в новую фазу. И дело не только в том, что среди протестующих начались разногласия. Международные финансовые институты тоже не стоят на месте. Прага оказалась для них тяжелым поражением, в известном смысле даже большим, чем «восстание в Сизтле». Но именно поэтому «исполнительный комитет правящего класса» неизбежно сделает выводы из произошедшего и скорректирует свои подходы.

Итак, в чем значение Праги для левых? Прежде всего именно в Праге движение против корпоративной глобализации стало по-настоящему интернациональным, глобальным. В Сизтле оно было прежде всего проявлением протеста нового поколения американской мо-

лодежи, в значительной мере повторяющей путь радикализации 60-х годов, хотя и в новых исторических условиях. Благодаря Праге движение сформировалось в Европе. Более того, впервые со времени интернациональных бригад в Испании в 1937-39 годах представители разных стран вместе противостояли общему врагу, противостояли физически. Солидарность превратилась из лозунга, символа, в

практическое поведение. В Праге шли вместе турки и курды, греки и турки, немцы и поляки, испанцы и баски. Причем противостоять приходилось не только полиции, но и неонацистам.

«Антиглобалистское» движение одновременно является интернационалистским и антинационалистическим. В то же время «защитники глобализации» для того, чтобы остановить движение, прибегли именно к мощи национального государства.

Не только тогда, когда использовали чешскую полицию против демонстрантов, но и тогда, когда незаконно пытались остановить людей на границах республики, высылали людей за пределы Чехии и т.д. После бегства МВФ и Мирового Банка полиция отыгралась именно на чешских участниках событий, подвергшихся массовым репрессиям. Наглядно было продемонстрировано, что глобализация означает не «бессилие государства», а отказ государства от своих социальных функций в пользу репрессивных, безответственность правительств и ликвидацию демократических свобод.

Распространившись на Европу, движение во многом изменилось. Если в Сизтле преобладал антикапиталистический дух, настроение, то в Праге можно говорить про гораздо более внятно сформулированные антикапиталистические лозунги. Здесь сказывается различие политических культур — Европа имеет гораздо более сильную социалистическую традицию. К тому же в Праге заметную роль сыграли и организации крайне левых, собравшиеся со всего континента. И здесь перед нами открываются новые перспективы, но одновременно новые проблемы.

В принципе большая идеологическая внятность, артикулированность собственных принципов — это шаг вперед. В то же время многие признавали, что красные знамена и революционная риторика отпугивали не только пражских обывателей, но порой и более

Такого тут не было с 68-ого

умеренных участников движения. Ультралевые группы неожиданно показали, что они способны объединяться и сотрудничать в масштабах Европы, преодолевая свои сектантские привычки. Они доказали также, что сегодня в их ряды снова вливается масса молодежи. Но в то же время преобладание наиболее идеологизированных и радикальных групп может затормозить рост движения.

На мой взгляд, решение проблемы не в культивировании «умеренности», что было бы равнозначно признанию собственного бессилия, а в углублении собственной позиции. Настало время не только ругать глобализацию, но и сформулировать собственные требования: *меньше социалистической риторики, больше социалистической программы.*

Необходимость позитивной программы возрастает и потому, что после Праги международные финансовые институты несомненно выступают с собственными реформистскими инициативами. До сих пор критики финансовой олигархии отвергали все реформистские заявления представителей МВФ и Мирового Банка как пустую риторику. Однако сейчас ситуация меняется, и если мы не осознаем этого, то уступим инициативу противнику.

Реформа финансовых институтов назрела не только с точки зрения левых, но и с точки зрения самого глобального правящего класса. С одной стороны, массовые протесты заставляют относиться к оппозиции всерьез — элиты понимают, что одними репрессиями проблему не решить, нужны реальные уступки «умеренным», раскалывающие движение. С другой стороны, глобальная финансовая система сама находится в столь плачевном состоянии, что реформы настоятельно требуют не только левые, но и такие представители капиталистической олигархии, как Джордж Сорос.

Реформа будет проведена всерьез, другой вопрос — насколько она будет успешна. И в любом случае это будет не та реформа, которую бы мы хотели.

Вполне возможно, что международные финансовые институты в принципе неререформируемы и попытка их преобразовать приведет систему к краху, как перестройка привела к развалу СССР. Однако это выяснится позднее, а пока финансовая олигархия пытается восстановить управляемость в системе и вновь овладеть инициативой.

В такой ситуации собственная позитивная программа жизненно необходима движению. В то же время, учитывая, что движение крайне неоднородно, любая попытка сформулировать единую общую программу может привести к сужению массовой базы протеста и даже к расколу в наших рядах. Движение должно по-прежнему расти вширь, но оно нуждается в том, чтобы расти и «вглубь».

В подобной ситуации единую общую программу может заменить комплекс предложений, своего рода творческая лаборатория идей, не обязательных для каждого активиста, но в целом отражающих формирующееся направление. Некоторые идеи можно сформулировать уже сейчас:

- не только списать долги развивающихся и бывших «коммунистических» стран, но и выработать новые правила международного кредита, в частности запрещающие финансовым институтам выдвигать «кондиции», ограничивающие суверенитет (в том числе и в таком вопросе, как право народа самому выбирать свою экономическую систему и хозяйственную политику);

- заменить МВФ и Мировой Банк системой региональных банков, построенных на демократической основе, подотчетных всем странам — участникам в равной степени;

- поскольку на самом деле международные финансовые институты являются не частными, а общественными (public) агентствами, необходимо разделить общественный интерес (public interest) и частные прибыли (private profit) — иными словами, ни цента, ни пенни, ни копейки общественных денег частному сектору.

Последний тезис нуждается в развитии. До сих пор крупный транснациональный капитал заставляет нас жить по законам рынка, сам же от негативных последствий рынка страхуется всевозможными государственными гарантиями. Надо изменить ситуацию с точностью до наоборот.

Они хотят рынка — пусть сами и живут по его законам. Общественные деньги (неважно — на национальном или транснациональном уровне) не должны идти никуда, кроме непосредственно общественных, социализированных проектов. Необходимо создать сеть региональных и транснациональных агентств развития (development agencies), которые осуществляли бы под демократическим контролем и в условиях полной открытости крупные проекты в интересах большинства.

Аргументом приватизаторов в 90-е годы было то, что национальные банковские, транспортные, телефонные и т.п. компании слишком малы для глобального рынка. Правда, после приватизации большинство из этих компаний крупнее не стали. Но аргумент в принципе верен. Для того чтобы общественный сектор работал в новых условиях, он должен быть интегрирован транснационально. И это должно стать нашим ключевым требованием, дополняющим привычные для левых, но далеко не потерявшие актуальности лозунги национализации.

Программная дискуссия в движении может породить новые идеи и подходы. Чем больше их будет, тем лучше. В любом случае мы должны создать у общества и в собственной среде более четкое представление о том, куда хотим идти и к чему стремимся. Ясно, что чем более внятными будут наши позитивные требования, тем более очевидно будет несоответствие им реальных реформ и тем труднее будет для глобальной финансовой бюрократии работа с «умеренными» в нашем движении.

Между тем именно ориентация на «умеренных» сейчас является ключевым моментом в политике МВФ и Мирового Банка. Их тактика по отношению к протестующим уже определилась. Публикации в большой прессе после Праги в этом смысле очень показательны.

Часть критики признается конструктивной и отмечается, что сами лидеры МВФ и Мирового Банка настроены на реформу. Одновременно начинается массированная атака на «экстремистов», чьи действия ассоциируются с «насилием», а уличные протесты — с футбольным хулиганством.

«Серьезным» критикам финансовых институтов фактически предлагается выбор — либо косвенно поддержать реформу сверху, либо присоединиться к «хулиганам» и тем самым дискредитировать себя.

Такая политика дает возможность расколоть движение. До сих пор попытки внести раскол в ряды противников корпоративной глобали-

Медитация против глобализации

зации не удавались. Мировой Банк и транснациональные корпорации затратили огромные средства на то, чтобы кооптировать НГО, превратив их в своего рода псевдооппозицию, главная задача которой — выпустить пар из котла и создать видимость дискуссии.

Однако этот подход, весьма эффективный в середине 90-х, стал давать сбои к 1999-2000 годам. Сизтл показал, что даже умеренным НГО выгодно присоединяться к протестному движению, ибо это усиливает их позиции. К тому же, выступая против набирающего силу движения, они могли дискредитировать себя и остаться в изоляции.

На сей раз ситуация меняется. Поводом для смены ориентиров формально оказывается не стремление сговориться с МВФ, а несогласие с насилием. Другое дело, что у тех, кто отмежуеться от движения и порвет с «экстремистами», никакого иного варианта кроме сговора с финансовыми институтами просто не останется.

Поскольку именно «насилие» является главной темой противников движения, мы сами должны определиться в этом вопросе.

Часть деятелей NGOs, представленных в Праге, особенно представители американской либеральной академической интеллигенции, на следующий же день после событий 26 сентября оценили произошедшее как «поражение», ссылаясь на то, что своими насильственными действиями демонстранты дискредитировали идеи, ради которых вышли на улицы.

Показательно, что в точно таком же духе дружно выступила и большая часть центральной прессы. Между тем подобные претензии задним числом были абсолютно лицемерными как со стороны критиков «насилия», так и со стороны журналистов.

Прежде всего, изначально целью протеста было не только выражение несогласия с МВФ. Организаторы акции не скрывали, что собираются сорвать мероприятия Фонда и банка в Праге, заблокировать конгресс-центр. Подобная тактика — результат многолетнего опыта, показавшего, что на традиционные формы протеста — демонстрации, пикеты, выступления в прессе и т.п. — международные финансовые элиты просто не реагируют.

Между тем срыв мероприятия, блокада зданий уже изначально НЕИЗБЕЖНО предполагают определенный элемент насилия. Вопрос, конечно, в масштабах насилия. Но то, что происходило в Праге в сентябре 2000 года, отнюдь не было чем-то чрезвычайным даже по западноевропейским меркам. К тому же с самого начала вся тактика полиции и вся система ее подготовки была организована таким образом, чтобы исключить малейший шанс на успех ненасильственных действий. Невозможно пройти через полицейские заграждения, не

вступая в конфронтацию с полицейскими. Сам тот факт, что первый камень был брошен в полицейских из толпы, бесспорно заслуживает сожаления. В свое время Герберт Маркузе совершенно справедливо говорил, что революция должна экономить насилие.

Демонстранты не должны провоцировать полицию. Хотя, с другой стороны, в толпе было множество полицейских провокаторов. Столкновение было абсолютно неизбежным, обе стороны к нему готовились и не скрывали этого. При подобном раскладе сторонники «ненасилия» вообще не должны были бы ехать в Прагу или во всяком случае должны были бы честно заявить о своем несогласии до начала событий (как, например, сделали большевики Каменев и Зиновьев, отмежевываясь от Ленина перед Октябрьским переворотом). Напротив, крики о насилии раздались задним числом, когда правая пресса начала агрессивную кампанию против движения, а сотни чешских активистов, по большей части в уличных схватках не участвовавших, были брошены за решетку. В такой ситуации жалобы «умеренных» на насилие со стороны демонстрантов объективно оказываются выражением солидарности с полицейским насилием и репрессиями.

Ссылки на гандизм и «индийский опыт ненасилия» не выдерживают исторической критики. Прежде всего Ганди имел в виду отказ от вооруженного насилия: вооруженное восстание — это все же не то же самое, что драка с полицией на улице. Во-вторых, гандистское ненасилие в Индии сопровождалось такими «эксцессами», как, например, сожжение полицейских участков вместе с полицейскими. Ясное дело, Ганди осуждал такие эксцессы и сдерживал насилие, но он никогда не утверждал, будто такие события в принципе можно предотвратить. Как раз наоборот: «эксцессы» радикалов были важным элементом гандистской стратегии, ибо усиливали позиции самого Ганди и других «умеренных», по отношению к британским властям. В принципе, подобное «разделение труда» возможно и в современных антиолигархических движениях. Но моральным принципом, объединяющим «радикалов» и «умеренных», должна быть все же солидарность в противостоянии репрессивным структурам власти. Напротив, в Праге часть «умеренных» представителей NGOs фактически солидаризировалась с полицией и большой прессой в атаке на сторонников «насилия».

Расширение движения, вовлечение в него представителей третьего мира, соединение требований, направленных против международных финансовых институтов с протестом против антидемократической практики власти, коррупции и эксплуатации в рамках собственного

национального государства — все это ведет к тому, что совокупное количество насилия, сопровождающего массовые выступления — на глобальном уровне — будет не уменьшаться, а напротив, возрастать. Это объективная реальность, от которой невозможно отмахнуться или заслониться цитатами из Махатмы Ганди. Если мы хотим минимализировать насилие, надо научиться им управлять.

На самом деле в Праге мы имели дело как раз с исключительно грамотным использованием тактического насилия (tactical violence) со стороны организаторов акции. И если бы этого не было, если бы неизбежность насилия не была изначально учтена при планировании демонстраций, столкновения все равно произошли бы, но были бы во много раз хуже.

Добавим к этому, что нападение демонстрантов на закованных в броню полицейских и разгром «Макдональдса», владельцы которого заранее знали о предстоящем нападении, вообще не идут ни в какое сравнение с повседневной репрессивной практикой капитализма и являются, быть может, не самым разумным, но все же закономерным ответом на эту практику.

Показательно отношение прессы к насилию в Праге и в Белграде. И те и другие события произошли в течение одного месяца. И в том, и в другом случае к насилию прибегла радикально настроенная молодежь, вступившая в конфронтацию с полицией. Но в Праге демонстрантов оценили как «хулиганов», не знающих чего они хотят, а в Белграде это было названо народным восстанием. Ясное дело, в Белграде пресса осуждала диктатора Милошевича, а в Праге превозносила демократа Гавела. Между тем и поведение полиции в Праге было таким же точно, как и в Белграде, а с юридической точки зрения действия властей в Чехии были как минимум сомнительны (незаконные запреты на въезд в страну иностранцев, имеющих право на безвизовый въезд, запрет мирных шествий по улицам города и т.д.). Незаконные действия власти традиционно — со времен американской революции — являются оправданием для гражданского насилия. Добавим к этому, что в Белграде число раненых было на порядок больше, два человека скончались в толпе, имели место грабежи — в Праге не было ничего подобного.

Короче, пресса реагировала не на насилие как таковое, а на собственные политические установки, предопределявшие то, под каким углом будет представлено и прокомментировано насилие. Со стороны умеренных по меньшей мере странно выступать против буржуазного порядка и одновременно требовать любви к себе буржуазной прессы. Как минимум было бы естественно предполагать, что значи-

тельная часть прессы будет враждебна по отношению к протестующим, что бы они ни делали.

Большинство журналистских команд, прибывших в Прагу, с первого дня не скрывало, что единственное шоу, представляющее для них интерес, — это физическая конфронтация демонстрантов с полицией. Задним числом многие газеты писали, что стычки на улицах «отвлекли внимание» от содержательной дискуссии по проблемам глобализации.

Позволю себе утверждать, что это было совершенно не так. Дискуссии продолжались на протяжении целой недели при полном отсутствии интереса со стороны чешской или международной прессы. Тревор Мануэль, министр финансов Южной Африки говорил прессе, что не понимает, чего хотят протестующие. Перед этим в Пражском Граде Уолден Белло и другие идеологи движения битый час объясняли ему свои позиции, причем, в от-

Насилие как результат отчуждения

личие от Мануэля, Джеймс Вулфенсон по крайней мере был достаточно честен, чтобы признать, что понимает, о чем идет речь.

«Инициатива против экономической глобализации» (INPEG), привлекая к себе всеобщее внимание организацией протеста 26 сентября, 22-24 сентября провела контрсаммит с участием ведущих критиков Международного Валютного Фонда. За все время контрсаммита я обнаружил там всего одну телекамеру, которая принадлежала... чешской еженедельной программе, посвященной рок-музыке!

Более умеренная группа *Bankwatch* также провела большое число встреч, полностью проигнорированных прессой. Что касается уличных акций 22-25 сентября, проходивших вполне мирно, то репортажи о них на две трети состояли из рассуждений о предстоящем насилии. Стремясь привлечь внимание прессы, активисты INPEG пытались устраивать на улицах карнавалы, делали кукол, организовали театрализованные представления, которые сами по себе могли бы стать темой хорошего репортажа, но все равно ожидание предстоящего насилия доминировало.

Показательно, что многие красочные картинки первых дней попали в эфир и в газеты лишь задним числом вместе с комментариями типа: «то, что начиналось как карнавал, завершилось уличными драками». То же самое можно сказать о ряде высказываний активистов

и гостей INPEG, которые цитировались лишь задним числом, после того как пресса получила то, чего с таким нетерпением ждала.

Во время марша с первых же минут журналисты обсуждали только одну тему — «Где же беспорядки?» То, чего все ждали, рано или поздно неизбежно должно было случиться.

Естественно, радикалы обвиняют прессу в идеологической предвзятости, но это лишь часть проблемы, причем не самая главная. Существенно большая проблема в том, что СМИ, а особенно телевидение, вообще разучились мыслить содержательно. Идеи скучны, а насилие зрелищно. Телевидение требует действия, а не дискуссий. Им нужна «картинка», а не слово. Идеи сложны. Действие — просто. Таковы законы жанра. Разгромленный «Макдональдс» представляет собой заявление, которое читается на телеэкране, в то время как споры о том, кто виноват в разорении России или бедности стран третьего мира, остаются как бы «за скобками».

Все сводится к форме, имиджу, спектаклю. Что в свою очередь предполагает господство стереотипов, торжество банальности и отсутствие смысла. Клиповое сознание телевизионных журналистов не требует ни анализа, ни попыток разобраться в причинах и следствиях события. Лишь задним числом, когда выясняется, что простой демонстрации «картинки» все же недостаточно, возникает возможность дискуссии. Именно зрелище насилия на улицах Сиэтла и позднее Праги заставило часть прессы уделить внимание нарастающей критике глобализации.

Можно сказать, что насилие — это паблисити для бедных. Если у вас есть деньги и власть, внимание СМИ вам так или иначе обеспечено, даже если вы рассказываете о фасоне своего пиджака или сорте кофе, который употребляете на завтрак. Для тех, у кого нет ни денег, ни власти, протест оказывается порой единственным способом привлечь к себе внимание. Польские и немецкие подростки, разгромившие «Макдональдс» на Вацлавской площади Праги, просто не имели другого способа высказаться.

Отсюда вовсе не следует, что бить витрины хорошо. Вне зависимости от того, как мы относимся к общепиту а ля Макдональдс, цивилизация выработала гораздо более осмысленные и содержательные способы протеста. Проблема, однако, в том, что пресса полностью снимает с себя ответственность за развитие демократического диалога. Осуждая эксцессы демонстрантов и полиции, она полностью отказывается признать хотя бы долю вины за собой и делает вид, будто господствующий подход к информации никак не влияет на происходящее. Увы, это не так. Спрос рождает предложение.

Разумеется, в Праге пресса присутствовала на встрече Дж. Вульфенсона с представителями неправительственных организаций точно так же, как и на дискуссии критиков корпоративной глобализации с международными финансовыми лидерами, которая под патронажем президента Гавела была проведена в Пражском замке. Но в том-то и дело, что участие в этих встречах принимали люди влиятельные и знаменитые — пусть даже и со стороны протестующих. Рядовые участники протестов не были на подобные встречи допущены, а сама дискуссия напоминала спектакль, поставленный специально для телекамер.

Демократия состоит не только в возможности высказать разные точки зрения (что отчасти было продемонстрировано на дискуссии в Замке), но и в возможности высказаться для всех.

Дело не только в политике. В основе проблемы — безразличие средств информации, прежде всего телевидения, к любой попытке «скучного» теоретизирования, господство банальности и отказ прислушаться к мнению тех, кто оказался за пределом узкого круга производителей новостей (официальных или альтернативных — в конечном случае не важно).

Стремление средств информации показать самое «выразительное» и «драматичное» ведет к преувеличению масштабов насилия и конфликта в телевизионной версии событий. Например, «в Праге не осталось ни одной целой витрины», хотя было разбито только несколько «Макдональдсов» и *Centucky Fried Chicken*.

Это тоже далеко не безобидно, ибо пресса задает стереотипы поведения. Возможно, кто-то считает, что таким образом можно оттолкнуть людей от насильственных действий, но скорее всего будет достигнуто обратное. Среди участников выступлений протеста складывается ощущение, что «СМИ замечают только насилие». Соответственно, у телезрителей формируются собственные стереотипы, далеко не всегда предсказуемые и безобидные. Так, часть молодежи, политически идентифицирующей себя с протестом, начинает вырабатывать позитивный стереотип относительно насилия.

Один из восточноевропейских анархистов вечером 26 сентября назвал произошедшие столкновения «европейским ритуально-карнавальным насилием», добавив при этом, что в других частях света все было бы гораздо хуже. Смысл этого высказывания предельно ясен: очень многое делалось напоказ, специально для теле- и фотокамер. И это тоже реальная проблема для движения: ставка на насилие, пусть и карнавальное, как главный метод пропаганды так же нелепа и опасна, как и догматически понимаемое «ненасилие».

Ясно, что ставка на насилие сама по себе неизбежно приведет движение к краху, если ключевым моментом для нас не станет борьба за реализацию наших позитивных принципов. Мы должны не произносить общие слова о «ненасилии», а сформулировать четкую стратегию движения, которая позволила бы реалистически свести насильственные эксцессы к минимуму. Чем более организованными и осмысленными будут наши действия, тем больше шансов, что это удастся.

Прага действительно стала переломным моментом.

Чувства сделали свое дело.

Теперь очередь за разумом.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ГРУПП, СОГЛАСНО ОФИЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКЕ ФБР

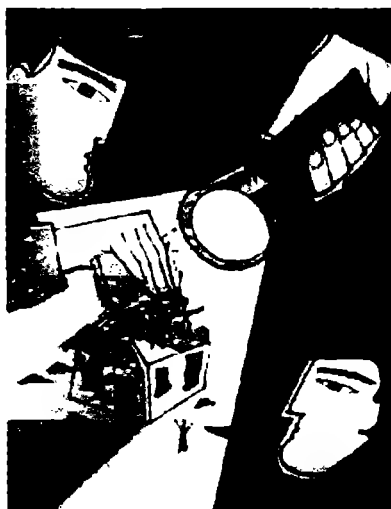
ФБР считает внутренним терроризмом незаконное применение или угрозу применения насилия лицом или группой лиц, базирующихся и действующих исключительно внутри Соединенных Штатов Америки или их территорий без управления из-за границы и преданных идее, направленной против людей или собственности, с намерением запутать или принудить к выполнению ряда мер правительство или население для достижения политических или социальных целей.

Вторая категория внутренних террористов — левые группы, обычно исповедующие революционную социалистическую доктрину и видящие себя защитниками людей от «обесчеловечивающей собственности», капитализма и империализма. Их цель добиться изменений государственного строя Соединенных Штатов посредством революции, а не общепринятого политического процесса.

Анархисты и экстремистские социалистические группы — многие из которых, такие, как партия «Рабочий мир» (*Workers' World Party*), группа «Завладейте улицами» (*Reclaim the Streets*), и «Карнавал против капитализма» (*Carnival Against Capitalism*), имеют международное представительство и временами также представляют потенциальную угрозу Соединенным Штатам. Например, анархисты, действующие индивидуально и группами, стали причиной большинства беспорядков во время встречи Всемирной торговой организации на уровне министров в 1999 году в Сिएтле.

Узкоспециализированный терроризм отличается от традиционного левого и правого терроризма тем, что цель экстремистских группировок этого толка — решить специфические проблемы. Узкоспециализированные экстремисты продолжают проводить насильственные действия, мотивированные тем, чтобы заставить общественные группы, включая обычное население, изменить отношение к тем или иным вопросам. Эти группы входят в крайние течения политических и общественных движений защиты прав животных, запрета аборт, защиты окружающей среды, ядерного разоружения, и других.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Цветков
**Левые радикалы:
флирт с анархизмом**

5

Франц Фанон
**Отрывки из книги «весь мир
голодных и рабов»**

15

Перевод Т. Давыдовой

Хьюи Ньютон
**О правильном
подходе к революции**

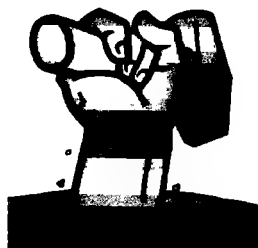
79

Перевод Д. Жутаева

Хьюи Ньютон
**О движении
в защиту мира**

85

Перевод Д. Жутаева

Хьюи Ньютон
**Движение
за освобождение женщин
и гомосексуалистов**

89

Перевод Д. Жутаева

Хьюи Ньютон
**Отрывки из книги
«революционное самоубийство»**

93

Перевод Т. Давыдовой

Политическая
платформа
«черных пантер»

113

Перевод С. Кормильцева

Мумия Абу Джамал
**Неизвестные
истоки войны**

117

Перевод Лефт.ру

Мумия Абу Джамал
**Секретные
войны**

119

Перевод Лефт.ру

Стюарт Хоум
**Голандские прово, «Коммуна1»,
«Мазерфакеры», йиппи
и «Белые пантеры»**

123

Перевод Д. Жутаева

Эбби Хоффман
Свобода слова

129

Перевод Н. Сосновского

Проспект
журнала «Прово»

157

Перевод С. Кормильцева

Свободное оранжевое государство

171

Перевод С. Кормильцева

Белые
Пантеры

179

Перевод С. Кормильцева

Йиппи!

Перевод С. Кормильцева

183

Андре Горц
Экология
и свобода

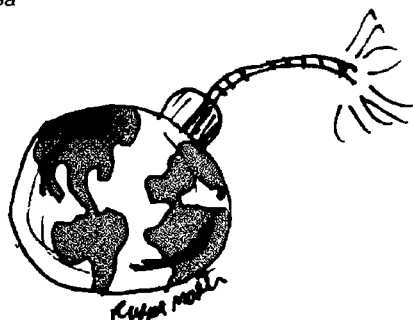
193

Перевод А. Голова

Унабомбер
Отрывки из
манифеста

229

Перевод С. Кормильцева

Субкоманданте Маркос
Четвертая мировая война

269

Перевод О. Ясинского

Субкоманданте Маркос
Приветствие генерального
командования сано на открытии
первой межконтинентальной
встречи за человечество
и против неолиберализма

287

Перевод О. Ясинского

Субкоманданте Маркос
Когда ручьи
спускаются с гор

293

Перевод О. Ясинского

Субкоманданте Маркос
Письмо Субкоманданте Маркоса
Анхелю Луису Ларе, испанскому
рок-музыканту, в честь открытия
в Мадриде «Агуаскальетес»

301

Перевод О. Ясинского

Тони Негри

**Наступает ли кончина государства-нации.
«империя» как высшая стадия империализма**

315

Перевод Монд Дипломатик

Исраэль Шамир

Скотный двор-2

321

Перевод Л. Волгиной

Исраэль Шамир

Вторжение

Перевод Л. Волгиной

335

Крис Ней

**Демократия
на улицах сизтла**

339

Перевод Е. Лазаревой

Джим Кэмпбелл,
Филипп Дюамель,
Скотт Вайнштейн,
Боб Уолтер

**Открытое письмо к сизтлским
погромщикам, объединениям,
мирным демонстрантам
и сторонникам неприменения насилия**

347

Перевод Е. Лазаревой

Борис Кагарлицкий

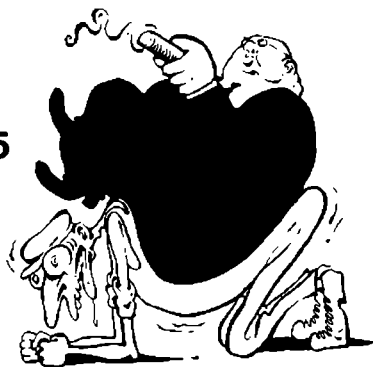
Уроки праги

353

**Определение внутренних
террористических групп,
согласно официальной
аналитике ФБР**

365

Перевод Лефт.ру

Антология современного анархизма и левого радикализма

Том 2

Флирт с анархизмом. Левые радикалы

Ответственный редактор И. Кормильцев
Корректор М. Исаева
Компьютерная верстка К. Прокофьев, В. Милич
Художники К. Прокофьев, А. Касьяненко

Подписано в печать 18.03.2003. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 30,55.
Тираж 10 000 экз. (1-й з-д: 1—3000 экз.)
Заказ № 237

Издательство «Ультра.Культура»
www.ultraculture.ru
115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 7/11, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

Лидия
Ланч

ХОТИТЕ ПОСКОРЕЕ
ПОЛУЧИТЬ НАСЛЕДСТВО?
ПОДАРИТЕ ЭТУ КНИГУ
ВАШЕЙ БАБУШКЕ

ПАРЕДОКСИЯ

ДНЕВНИК ХИЩНИЦЫ

www.ult-ecult.ru

VERDRIV

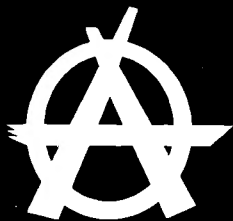
Уильям
Верроуз

ХОТИТЕ ЗНАТЬ, ЧЕМ
БОЛЕЕ ВАШ ДРУГ?
ПРОЧТИТЕ ЭТУ КНИГУ

ГОРОДА КРАСНОЙ НОЧИ

www.ultraculture.ru

Многие из авторов этого тома дорого заплатили за свой выбор, но не отказались от него. Это те, кого в последние полвека называли «левыми экстремистами», «бациллами брожения» и «врагами общества». Новые Левые и Черные Пантеры, Красные Бригады и сапатисты, антииндустриалисты и критики корпоративной глобализации. Им есть что сказать вам, пока вы не сделали свой окончательный вывод. Заодно вы узнаете, что о них думает ФБР.

Капиталистическому лагерю не удастся разобщить прогрессивные силы, которым предназначено привести человечество к счастью, хотя он и пытается, выставляя третий мир как страшную опасность, нависшую над европейскими странами. Третий мир не собирается организовывать великий крестовый поход, чтобы принести голод всей Европе. От тех, кого веками держали в рабстве, ожидают, что они помогут роду людскому стать лучше и сделают человека победителем везде – раз и навсегда.

Так говорит звезда, которая сияет в Чан Санта-Крус.

Так, она говорит нам, что крусоб, восставшие, не будут побеждены и продолжат свой путь вместе со всеми, кто идет под этой человеческой звездой.

Так, она говорит нам, что вновь и вновь придут красные люди, чачакмак, красная звезда, которая поможет миру стать свободным.

В настоящий момент народ ищет руководства, которое помогло бы ему расширить сопротивление и сделать его более действенным. И авангардная партия должна стать воплощением тех свойств, которые делают ее достойной роли лидера.